И 307/292

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ

1877-1878 гг.

Б
А
II шк. 64/1/9 п

24110/Р

И 307/292

926

ВОСПОМИНАНІЯ

ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

О

ВОЙНѢ 1877-1878 ГГ.

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

А. Пузыревскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. А. Полетики (Литейная, № 42.)
1879.

(Изъ «Военнаго Сборника» 1879 года).

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

21171-45

2014104363

ВОСПОМИНАНІЯ

ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

О ВОЙНѢ 1877 — 1878 гг.

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

(Съ планами и чертежами).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время мобилизаціи гвардіи, въ 1877 году, я былъ прикомандированъ къ штабу гвардейскаго корпуса, съ которымъ и выступилъ въ походъ 14-го августа. При этомъ редакція «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника» предложила мнѣ присылать съ театра войны кореспонденціи въ газету; предложеніе это было мною принято и шестнадцать моихъ писемъ напечатаны на страницахъ «Русскаго Инвалида» 1877 и 1878 гг. Письма эти полностью войдутъ въ текстъ настоящихъ «Воспоминаній». Но это далеко не единственный матеріалъ,

которымъ я воспользуюсь въ данномъ случаѣ. Служебныя обязанности во время войны, множество внѣшнихъ причинъ, которыхъ не зачѣмъ и перечислять, бивачная обстановка и пр. не позволяли мнѣ съ достаточной подробностью описывать тѣ факты, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть.

Кромѣ того, разъясненіе нѣкоторыхъ событій не могло имѣть мѣста во время хода военныхъ дѣйствій: въ этомъ отношеніи я могу указать, напримѣръ, главу: «Проектъ Забалканскаго похода западнаго отряда». Иныя письма, впопыхахъ, по причинѣ окончательнаго недосуга для сколько нибудь сносной ихъ литературной обработки, были исключительно достояніемъ частнаго лица, къ которому я ихъ адресовалъ, и не предназначались даже для печати.

Наконецъ, послѣ кампаніи, у меня собралось нѣсколько офиціальныхъ документовъ, которыми я не могъ воспользоваться для своихъ кореспонденцій. Всѣ перечисленные источники обильно пополняютъ мои письма и расширяютъ ихъ объемъ и содержаніе. По всему этому я считаю себя вправѣ являющіяся теперь въ печати мои «Воспоминанія» назвать трудомъ вполнѣ самостоятельнымъ.

Еще нѣсколько словъ, относительно характера предлежащихъ записокъ. Я описываю лишь то, что самъ видѣлъ, испыталъ, перечувствовалъ. О событіяхъ, совершавшихся внѣ сферы моего личнаго наблюденія, я говорю лишь по крайней необходимости и притомъ въ общихъ чертахъ. Литературная форма труда мало меня заботитъ, а всякаго рода вымыслы и игривыя произведенія фантазіи я считаю не только неприличными въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ очеркъ событій великой, пережитой нами драмы, но и крайне недобросовѣстными, въ виду главной моей цѣли, а именно: чтобы настоящія страницы послужили матеріаломъ для будущаго историка послѣдней нашей войны. Поэтому, читатель, ищущій увеселительнаго чтенія, можетъ спокойно оставить неразрѣзанными мои статьи.

Съ самаго начала кампаніи я состоялъ при штабѣ гвардейскаго корпуса; затѣмъ, начиная съ боя по Горнимъ Дубнякомъ, почти все время находился въ командировкахъ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба или начальника штаба при различныхъ отрядахъ.

Это обстоятельство указываетъ, что мое положеніе давало мнѣ возможность знать подробно и достовѣрно многія событія изъ дѣйствій гвардіи.

Событія, сколько нибудь справедливая оцѣнка которыхъ еще преждевременна, вслѣдствіе ли того, что дѣятели войны пока почти всѣ на

лицо, или потому, что слишкомъ мало имѣется для этого данныхъ, или, наконецъ, по какимъ либо другимъ уважительнымъ и независящимъ отъ меня причинамъ,—исключены изъ моихъ записокъ вовсе или о нихъ упоминается только для общей связи разсказа. Частные же промахи и невольныя ошибки, смѣю надѣяться, будутъ разъяснены участниками кампаніи.

I.

Петербургъ.—Горній-Студень.

Мобилизація гвардейскаго корпуса. — Инструкція для боевыхъ дѣйствій. — Отъѣздъ.—Путевыя впечатлѣнія по Россіи.—Румынія.—Яссы.—Бухарестъ.— Зимница.—Горній-Студень.—Мидхатъ-паша.—Первые шаги въ Болгаріи.—Царевица.

Тяжелыя минуты переживалъ русскій народъ въ достопамятные іюльскіе дни 1877 года. Первый ударъ народной гордости былъ нанесенъ событіями на Кавказѣ.

Впрочемъ, всѣ хорошо сознавали, что тамъ сосредоточены лишь второстепенные наши интересы. Крымская война ясно показала, что блистательный конецъ кампаніи на Кавказѣ мало могъ помочь неудачамъ на главномъ театрѣ дѣйствій. Всѣ взоры, поэтому, привлечены были къ событіямъ въ Болгаріи, гдѣ готовились противнику рѣшительные удары.

Блестящій переходъ нашей арміи черезъ Дунай и орлиный перелетъ «Передоваго отряда» черезъ Балканы, служили для очень и очень многихъ указателемъ той быстроты и легкости, съ какою должно было рухнуть гнилое зданіе Турецкой Имперіи.

Первая неудача подъ Плевной острымъ ножомъ вонзилась въ народное сердце. Вѣсть объ этомъ, въ сущности незначительномъ, дѣлѣ произвела потрясающее впечатлѣніе. Языкъ прилипалъ къ гортани при чтеніи лаконической депеши главнокомандующаго. Присутствующіе при этомъ какъ-то неловко себя чувствовали, конфузились глядѣть другъ на друга, произносились отрывочныя успокоительныя фразы, а на сердцѣ, между тѣмъ—лютая скорбь. Черезъ 10 дней—вторая, болѣе серьезная неудача подъ той же Плевной.... Тогда уже въ публикѣ распространилась, можно сказать, тревога. Человѣкъ, продолжавшій вѣровать въ русскія силы, въ русскую мощь, казался легкомысленнымъ, шовинистомъ, многіе не рѣшались открыто заявлять свои надежды и хоръ малодушныхъ мудрецовъ, свободно, на просторѣ, съ полнымъ апломбомъ гудѣлъ: «Я говорилъ!» «Я предвидѣлъ!» и т. п....... И все это въ самомъ началѣ войны, когда былъ отбитъ (замѣтьте—отбитъ, а не разбитъ) одинъ только корпусъ, наткнувшійся на превосходнаго противника въ укрѣпленной позиціи!

Тяжело было каждому изъ насъ, военныхъ, оставаться въ Петербургѣ. Хотѣлось броситься въ это дѣло, отдаться ему всецѣло и побѣдить

или погибнуть! Гвардія дѣйствительно рвалась въ походъ. Вѣсть о мобилизаціи гвардейскаго корпуса принята была съ восторгомъ. Командиръ гвардейскаго корпуса, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, какъ извѣстно, начальствовалъ Рущукскимъ отрядомъ и не могъ вернуться къ своему корпусу. Начальникъ же штаба гвардейскаго корпуса графъ Воронцовъ-Дашковъ, состоявшій при Его Высочествѣ, немедленно вернулся (вмѣстѣ съ генеральнаго штаба полковникомъ Гудимъ-Левковичемъ) изъ Болгаріи въ Петербургъ.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля получено было приказаніе о приведеніи на военное положеніе гвардейскаго корпуса, и всѣ части возвратились къ мѣстамъ своего постояннаго квартированія. Начались энергическія приготовленія къ походу. Офицеры съ утра до вечера разъѣзжали по петербугскимъ магазинамъ, стараясь запастись всѣмъ «практичнымъ» и «необходимымъ». Магазины гутаперчевыхъ и кожаныхъ издѣлій едва успѣвали удовлетворять требованія. Всякій пріѣзжій съ театра войны былъ осыпаемъ вопросами, касавшимися необходимаго походнаго снаряженія. Разумѣется, набрано было неопытной молодежью множество излишняго, въ родѣ фильтровъ для воды и т. п., и мало кто взялъ крайне полезный, напримѣръ, въ походѣ «неприкосновенный запасъ» соли, нѣсколько кусковъ фланели для заворачиванія ногъ въ холодное время, полушубокъ, нѣсколько лоскутьевъ сукна для починокъ, веревокъ и т. п.

Походныя аптечки ходко шли въ продажѣ, не смотря на то, что употребленіе наибольшей части заключавшихся въ нихъ медикаментовъ не было извѣстно ихъ владѣльцамъ — и они остались нетронутыми; а въ такихъ полезныхъ вещахъ, какъ хининъ, капли Иноземцова, ревенный корень, и въ нѣкоторыхъ другихъ, скоро ощущался недостатокъ.

Между тѣмъ, укомплектованія стали быстро прибывать и иной разъ накоплялось въ Михайловскомъ манежѣ до 2,000 человѣкъ, которыхъ нужно было распредѣлять по различнымъ частямъ. Завѣдывавшіе сборнымъ гвардейскимъ пунктомъ: генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій и лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона полковникъ Тишинъ, выбивались изъ силъ въ своей трудной работѣ. А тутъ еще масса просьбъ, заявленій рѣшительно неисполнимыхъ. Каждому изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ желательно было, конечно, попасть преимущественно въ свою часть, но это далеко не всегда оказывалось возможнымъ. Особенно огорчены были нижніе чины, попавшіе въ парки, и гвардейскіе кавалеристы, которыхъ назначали въ обозъ

въ пѣхоту. Мобилизація, между тѣмъ, шла на столько быстро, что въ половинѣ августа уже могли двинуться первые эшелоны гвардіи.

Передъ выступленіемъ въ походъ графъ Воронцовъ-Дашковъ пожелалъ освѣжить въ памяти гвардейцевъ общія основанія боевой дѣятельности войскъ и поручилъ намъ, офицерамъ генеральнаго штаба, состоявшимъ при штабѣ гвардейскаго корпуса, составить подъ общей редакціей и при дѣятельномъ участіи полковника Гудима-Левковича «Инструкцію для войскъ гвардейскаго корпуса», которая и была утверждена Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, затѣмъ напечатана и разослана въ значительномъ количествѣ экземпляровъ во всѣ части.

«Инструкція» эта начиналась краткимъ топографическимъ очеркомъ Придунайской Болгаріи, а затѣмъ заключала въ себѣ слѣдующія главы:

I. Расположеніе войскъ на отдыхѣ; мѣры охраненія и развѣдыванія.

II. Походныя движенія; мѣры охраненія и развѣдыванія.

III. Бой.

IV. Преслѣдованіе.

V. Отступленіе.

Я позволю себѣ остановиться на самой важной главѣ «Инструкціи», а именно на III, трактующей о боѣ и представляющей наибольшій интересъ.

«Характерныя особенности непріятеля — говорилось въ «Инструкціи» — на сколько можно судить по опыту, слѣдующія:

«Турецкія войска пользуются мѣстностью, стойки въ оборонѣ, особенно противъ фронтальной атаки, за то скоро сдаютъ при обходахъ ихъ позицій; въ наступленіи выказываютъ мало энергіи, что происходитъ преимущественно отъ недостатка навыка въ маневрированіи — самаго существеннаго недостатка турецкихъ войскъ. Въ развѣдочной службѣ и партизанскихъ дѣйствіяхъ у турокъ замѣтенъ также недостатокъ предпріимчивости, хотя они, при посредствѣ мѣстныхъ жителей, по большей части имѣютъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о расположеніи и силахъ нашихъ войскъ. Особенно полную пассивность непріятельскія войска выказываютъ въ ночное время. Этимъ качествомъ иногда можно пользоваться съ громаднымъ успѣхомъ, хотя, съ другой стороны, и намъ не слѣдуетъ предаваться безпечности, а напротивъ, бдительно охранять себя, чтобы не подвергаться малѣйшему риску. Турецкая *пѣхота* хорошо вооружена и снаряжена, хотя ея вооруженіе крайне разнообразно. Къ особенности дѣйствій въ бою пѣхоты слѣдуетъ отнести большую *невыдержанность огня*.

«Пѣхота открываетъ огонь на очень значительныхъ разстояніяхъ, хотя

ея стрѣльба даже и на близкихъ разстояніяхъ не отличается большою мѣткостью. Имѣя значительный запасъ патроновъ, она поддерживаетъ долго частый огонь. Но, не смотря на это, старая истина: «*только рѣдкая стрѣльба мѣтка*» остается въ своей силѣ, и мы не должны подражать этой вредной привычкѣ. Благодаря нашему искусству въ стрѣльбѣ и твердой дисциплинѣ огня, наша пѣхота будетъ беречь свои патроны ко времени сближенія съ противникомъ и сдѣлаетъ тогда свой огонь неодолимымъ. Поэтому, умѣніе держать въ рукахъ огонь своей части есть труднѣйшая обязанность и вмѣстѣ съ тѣмъ самое существенное отличіе хорошаго начальника.

«Открывая запальчиво частый огонь, турецкая пѣхота неохотно выдерживаетъ дружный натискъ, предпринятый съ небольшаго разстоянія.

«Турецкая *артилерія* имѣетъ превосходныя орудія, не уступающія въ мѣткости нашимъ, за то наша артилерія далеко превосходитъ непріятельскую въ искусствѣ маневрированія. Хотя турецкая артилерія пристрѣливается очень скоро и стрѣляетъ вообще мѣтко, но, подобно пѣхотѣ, отличается невыдержанностью огня. Обыкновенно, она открываетъ огонь на разстояніяхъ до 4,000 шаговъ и далѣе и, нужно сказать, что и на такихъ дистанціяхъ снаряды ея ложатся очень близко около цѣли; но понятно, что дѣйствительность такой стрѣльбы всегда ничтожна. Войска на большихъ разстояніяхъ представляютъ такую малую цѣль, что достаточно самаго незначительнаго передвиженія, чтобы всѣ выстрѣлы были безвредны (1).

«Сверхъ того, нужно прибавить, что непріятель имѣетъ вообще очень мало орудій, а потому и вынужденъ ими дорожить, изъ опасенія ихъ потерять. Турецкая артилерія очень скоро снимается съ позицій. Это слѣдуетъ имѣть въ виду, и наши стрѣлки, какъ только представится случай, должны усиленно осыпать близкимъ огнемъ непріятельскія батареи.

«Что касается до турецкой *кавалеріи*, то, вообще говоря, этотъ родъ оружія, въ особенности иррегулярная кавалерія, и по числу и по качеству, представляетъ самую слабую сторону непріятельской арміи, и нашей блестящей кавалеріи предстоитъ обширное поприще для славныхъ подвиговъ. Регулярная турецкая кавалерія почти не показывается на театрѣ войны, такъ скромны ея дѣйствія. Что касается до черкесовъ, то они обладаютъ многими особенностями хорошей иррегулярной конницы. Вооруженіе ихъ очень хорошее (изъ огнестрѣльнаго, въ большинствѣ магазинное ружье). Но этимъ оружіемъ они часто злоупотребляютъ, стараясь болѣе всего о производствѣ сильнаго огня съ лошади. Главное же оружіе кавалериста— добрый конь и атака холоднымъ оружіемъ—имъ неприсущи. Всѣ они сидятъ на маленькихъ, хотя и выносливыхъ лошадяхъ и неохотно по этому бросаются въ шашки. Въ дѣйствіяхъ малой войны вся турецкая

(1) Этимъ и объясняется ничтожность потерь у насъ отъ артилерійскихъ снарядовъ.

кавалерія, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, показывала полное отсутствіе предпріимчивости.

«Изъ сказаннаго видно, что, имѣя дѣло съ такимъ противникомъ, необходимо дѣйствовать только *наступательно*. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда самая задача, выпадающая отряду, или громадное численное превосходство непріятеля потребуютъ прибѣгнуть къ *оборонѣ*, то и тогда помыслы всѣхъ участвующихъ въ бою, отъ начальника до послѣдняго рядоваго, должны быть направлены къ тому, чтобы и самую оборону вести не иначе, какъ *нападая*. Нигдѣ доблесть войскъ и искусство военачальника не выказываются въ такомъ яркомъ свѣтѣ, какъ при такой оборонѣ. Нужно помнить, что выгоды, сопряженныя съ пасивною обороною, въ конечномъ результатѣ далеко покрываются ея невыгодами. Поэтому, мы будемъ вести только наступательный образъ войны—онъ намъ присущъ уже давно.

«Но есть другая сторона дѣла, въ которой можно упрекнуть почти всѣ войска, отличающіяся храбростью, а слѣдовательно и наши—это излишняя *запальчивость*.

«Какъ бы ни былъ слабъ противникъ, но этого слѣдуетъ избѣгать. Запальчивость вообще можетъ выразиться: а) со стороны *начальниковъ*—въ недостаточной оцѣнкѣ силъ и искусства непріятеля, а потому является стремленіе вступить въ бой съ тѣмъ, что имѣется подъ рукою. Стремленіе, конечно, похвальное, но часто приводящее къ излишнимъ жертвамъ; б) со стороны *исполнителей* — въ полномъ пренебреженіи подготовкою успѣха атаки *огнемъ* и порывъ сойтись скорѣе грудь съ грудью съ непріятелемъ. Опять—чувство похвальное, но также точно ведущее за собою совершенно лишнія потери. Всѣ начальники должны помнить, что даже въ неумѣлыхъ рукахъ современное оружіе производитъ сильное опустошеніе въ рядахъ противника, что, поэтому, благородный духъ отваги, до сближенія съ непріятелемъ на дистанцію атаки, долженъ быть обращенъ на надлежащее веденіе стрѣлковаго боя. Заканчиваніе его атакою—дѣло нѣсколькихъ минутъ, и чѣмъ тщательнѣе будетъ веденъ огнестрѣльный періодъ боя, тѣмъ легче и дешевле достигнемъ благопріятнаго успѣха.

«Итакъ, *наступательный* образъ дѣйствій, *энергія* и *предпріимчивость* въ бою, но безъ излишней запальчивости, полное уваженіе къ тщательной стрѣльбѣ и своевременный переходъ къ *окончательному* удару.

«Въ большинствѣ случаевъ артилерія завязываетъ бой. Поэтому, подходя къ сферѣ артилерійскаго огня, начальникъ артилеріи выѣзжаетъ съ батарейными командирами на избранную позицію и опредѣляетъ въ подробности: сколько орудій можетъ быть выдвинуто на позицію и по какой цѣли нужно открыть огонь.

«Вѣрный *выборъ* наиболѣе важной цѣли (въ началѣ боя артилерію непріятеля, а для подготовки атаки—пѣхоту), *быстрая пристрѣлка* и

сосредоточенный огонь—суть азбука артилерійскаго боя. Затѣмъ артилерійскій начальникъ долженъ:

«1) Поддерживать постоянную связь съ старшимъ ничальникомъ отряда, чтобы всегда имѣть точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ послѣдняго; также постоянно сообщаться съ сосѣдними пѣхотными частями, указывать имъ разстоянія до непріятельской цѣли, предупреждать ихъ о времени и мѣстѣ своихъ выѣздовъ и т. д.

«2) Возможно полнѣе ознакомиться съ впереди лежащею мѣстностью для того, чтобы, въ случаѣ необходимости двинуться впередъ, заранѣе опредѣлить, какую позицію выгоднѣе всего занять и какимъ образомъ удобнѣе всего совершить самый переѣздъ.

«3) Поддерживать связь со 2-мъ эшелономъ зарядныхъ ящиковъ.

«4) Постоянно вести учетъ израсходованнымъ снарядамъ.

«Наша артилерія достаточно сознала, что, при современной системѣ орудій, частые и короткіе переѣзды положительно вредны. Поэтому, она будетъ дѣлать переѣзды только на большія разстоянія, чтобы получить дѣйствительную выгоду въ мѣткости. Но, съ другой стороны, это не помѣшаетъ пренебречь однимъ изъ крайне одностороннихъ предразсудковъ—будто бы безполезности подъѣзжать къ непріятелю на очень близкія разстоянія (800—1000 шаговъ).

«Съ точки зрѣнія исключительно мѣткости — это вѣрно, но невѣрно въ смыслѣ священнаго закона «выручки своихъ». Въ подобныхъ случаяхъ не мѣткость стрѣльбы, а близость артилеріи иногда помогаетъ пѣхотѣ переносить тяжелыя минуты—сферу близкаго ружейнаго огня. Вотъ почему наша артилерія не задумается подскакивать и на близкое разстояніе къ противнику, лишь бы поддержать нашу пѣхоту.

«Въ своей исторіи артилеристы найдутъ много примѣровъ молодецкихъ выѣздовъ на позицію, имѣвшихъ только эту высокую цѣль.

«Воздержится наша артилерія и отъ другаго предразсудка: излишняго опасенія потерять орудія, который часто заставляетъ артилерію сниматься съ позиціи ранѣе той минуты, когда она можетъ принести наибольшую пользу.

«Потеря орудія не безчестье для артилеріи, а напротивъ, слава, если только оно успѣло сдѣлать послѣдній выстрѣлъ въ упоръ.

«Поэтому, мысль: «самый лучшій выстрѣлъ послѣдній», т. е. въ упоръ, долженъ быть для артилеріи *заповѣдью*.

«Съ открытіемъ артилерійскаго огня пѣхота, назначенная въ боевыя линіи, размыкается по-баталіонно, чтобы занять опредѣленное имъ направленіе. При этомъ не слѣдуетъ торопиться съ переходомъ въ строй поротно. Иначе трудно будетъ сохранять возможно полный порядокъ при дальнѣйшемъ маневрированіи; къ тому же это и безполезно, въ смыслѣ сбереженія части отъ потерь, ибо на 3 — 4 тысячи шаговъ баталіонный строй представляетъ совершенно ничтожную цѣль.

«Наконецъ, если бы баталіону пришлось случайно двигаться по открытой мѣстности, а непріятельскіе снаряды ложатся вблизи баталіона, то баталіонъ можетъ перейти въ строй по-ротно на сближенныхъ дистанціяхъ и интервалахъ.

«*Примѣчаніе.* Конечно, все движеніе должно быть прикрыто сильною цѣпью патрулей, а при дальнѣйшемъ сближеніи—слабою цѣпью стрѣлковъ. Временемъ движенія баталіоновъ въ этомъ порядкѣ начальники частей, до баталіонныхъ командировъ включительно, должны воспользоваться, чтобы осмотрѣть въ подробности впереди лежащую мѣстность, соотвѣтственные участки, какъ своей, такъ и непріятельской позиціи и, наконецъ, выяснить себѣ, въ возможной полноти, предстоящій имъ способъ дѣйствій.

«*Примѣчаніе.* Баталіонные командиры должны все это сдѣлать до перехода ихъ баталіоновъ въ строй по-ротно.

«Когда осмотръ будетъ конченъ и баталіонные командиры могутъ отдать себѣ ясный отчетъ въ предстоящихъ дѣйствіяхъ баталіона, тогда они передаютъ приказанія своимъ ротнымъ командирамъ, опредѣляя каждому изъ нихъ совершенно точно его *роль*.

«Совѣтуется дѣлать это возможно обдуманнѣе и указать ротнымъ командирамъ *что́ имъ дѣлать,* а не *какъ сдѣлать* или, другими словами, указать имъ *цѣль*, не касаясь *средствъ* для исполненія.

«Задачи, поставляемыя ротнымъ командирамъ, должны быть такъ объяснены, чтобы послѣдніе могли быть совершенными хозяевами своихъ ротъ и, въ случаяхъ непредвидѣнныхъ, брать на себя самостоятельныя рѣшенія, ведущія къ общему благу.

«Въ теченіе всего боя, баталіонный командиръ долженъ быть на высотѣ своего назначенія, не принимая на себя чуждую ему роль командира каждой роты. Онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ дѣйствія его ротъ строго отвѣчали общей задачѣ, поставленной баталіону. Только явно ошибочныя распоряженія, которыя или не отвѣчаютъ общей цѣли, или же ведутъ за собою излишнія потери въ людяхъ и во времени, должны вызвать прямое вмѣшательство баталіоннаго командира.

«Ротный командиръ, получивъ приказаніе, долженъ:

«1) Обдумать въ возможной полнотѣ наивыгоднѣйшій способъ дѣйствій. При этомъ выяснить: какую часть назначить въ цѣпь, какое дать направленіе ея фронту и опредѣлить степень густоты по участку позиціи; въ какомъ направленіи вести цѣпь и ея резервъ, какія мѣры принять къ поддержанію связи съ сосѣдними ротами, для охраненія фланговъ, прикрытія сосѣдникъ батарей и проч.

«2) Въ извѣстной мѣрѣ ознакомить офицеровъ и нижнихъ чиновъ роты съ принятымъ имъ рѣшеніемъ.

«3) Заранѣе опредѣлить и назначить замѣстителей на случай *убыли* старшихъ чиновъ роты.

«Какъ распредѣлить роту на цѣпь и резервъ будетъ зависѣть:

«1) *Отъ близости къ противнику.* Вдали отъ него лучше имѣть меньше людей въ цѣпи, и наоборотъ.

«*Примѣчаніе.* При оборонѣ можно сразу разсыпать густую цѣпь.

«2) *Отъ мѣстности.* На открытыхъ мѣстахъ, сильно подверженныхъ огню, лучше имѣть цѣпь рѣже; напротивъ, если мѣстность представляетъ хорошія закрытія, цѣпь можно доводить до послѣдней степени густоты. Это показываетъ, что цѣпь, высланная даже отъ одной роты, не будетъ одинаково густа по фронту. Считается полезнымъ указать, что для уменьшенія перемѣшиванія въ цѣпи людей, слѣдуетъ, разсыпая какую нибудь часть въ цѣпь, не гоняться за тѣмъ, чтобы стрѣлки прикрывали непремѣнно весь фронтъ резерва. Лучше оставлять промежутки, которые заполняются потомъ разсыпаніемъ свѣжихъ частей. Такимъ образомъ, усиленіе цѣпи дѣлать по возможности удлинненіемъ ея.

«*Огонь въ цѣпи.* Дисциплина огня имѣетъ самое существенное вліяніе на ходъ боя. Нижніе чины должны знать, что только трусы заглушаютъ свой страхъ безтолковой трескотней. Нужно имѣть въ виду, что въ части могутъ найтись такіе негодные солдаты. Ихъ слѣдуетъ имѣть подъ особымъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ и старшихъ въ звеньяхъ. Часто одинъ глупый выстрѣлъ можетъ повести за собою безполезную пальбу всей цѣпи. По этому: всѣмъ нижнимъ чинамъ почаще напоминать, что по уставу огонь въ цѣпи открывается не иначе, какъ по приказанію взводнаго командира.

«Кромѣ того принять за правило:

«1) Если взводный командиръ подастъ команду «одиночный огонь», то стрѣляютъ только тѣ, которымъ поименно скомандуетъ унтеръ-офицеръ или, за его отсутствіемъ, старшій въ звенѣ; прочимъ отнюдь не стрѣлять.

«Если взводный командиръ скомандуетъ «*общій огонь*», то стрѣляютъ всѣ люди звена, но опять не иначе, какъ по именному вызову старшаго въ звенѣ. Наконецъ, если взводный командиръ пожелаетъ открыть частый огонь, то предварительно долженъ указать число патроновъ, командуя напримѣръ: «*по три патрона, частый огонь*». Всѣ начальники въ цѣпи обязаны слѣдить строго за тѣмъ, чтобы эта команда была исполнена буквально.

«2) Во время перебѣжекъ цѣпи людямъ при движеніи отнюдь не стрѣлять, иначе неизбѣжна пустая трата патроновъ. Въ подобномъ случаѣ допускать огонь только при дѣйствіи противъ кавалеріи.

«3) При наступленіи цѣпи звеньямъ, выбѣжавшимъ впередъ и занявшимъ позицію, открывать учащенный огонь, а при отступленіи такой огонь поддерживать звеньямъ, оставшимся еще на прежнихъ позиціяхъ.

«4) Цѣлью для огня выбирать: на большихъ разстояніяхъ или массы непріятельской пѣхоты, если онѣ видны, или же непріятельскую батарею. На близкихъ разстояніяхъ стрѣлять въ групы и, въ особенности, въ непріятельскихъ офицеровъ и вообще начальниковъ.

«5) Въ одиночныхъ нижнихъ чиновъ на разстояніяхъ, превышающихъ

300 шаговъ, или на рѣдкій дымокъ, лучше не стрѣлять, дозволяя это развѣ лучшимъ стрѣлкамъ.

«6) Не переставать внушать людямъ, что безтолковая стрѣльба, какъ бы скора она ни была, не принесетъ ни малѣйшей пользы. Къ тому же турки имѣютъ при себѣ не меньше патроновъ, а слѣдовательно нужно брать верхъ мѣткостью: одинъ мѣткій выстрѣлъ стоитъ больше тысячи пущенныхъ на вѣтеръ. Лучшимъ средствомъ противодѣйствовать этому будетъ самый неослабный надзоръ со стороны всѣхъ начальниковъ въ цѣпи за правильною установкою прицѣла и за тщательнымъ прицѣливаніемъ при каждомъ выстрѣлѣ.

«*Примѣчаніе*. Съ этими пріемами слѣдуетъ знакомить людей, пользуясь всякимъ свободнымъ временемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ знакомить людей со всѣми случайностями стрѣлковаго боя, напримѣръ, въ какомъ бы положеніи ни очутилась отдѣльная часть, звено, отдѣленіе и пр., оставшіяся безъ начальниковъ, то первою ихъ заботою должно быть найти старшаго и имѣть его за начальника и постараться примкнуть въ команду ближайшихъ офицеровъ, хотя бы чужой части. На случай отдѣльнаго положенія одиночныхъ людей, внушать имъ, что изъ этого положенія всегда найдется выходъ, лишь бы не падать духомъ. Лучшее чтò можно посовѣтовать въ такомъ случаѣ, это—думать не объ оборонѣ, а о смѣломъ нападеніи. Бывали примѣры, что въ подобныхъ случаяхъ смѣлое и рѣшительное «ура» спасало отъ вѣрной гибели.

«*Движеніе и дѣйствіе разсыпнаго строя*. Не выпускать часть изъ рукъ, какъ бы тяжело и опасно ни было ея положеніе—первый долгъ начальника. Понятно, что въ разсыпномъ строѣ это самая трудная задача, какая выпадаетъ въ бою начальнику.

«Достигнуть этого можно только раціональнымъ обученіемъ въ мирное время; теперь же предстоитъ проба, на сколько дѣльно было это обученіе.

«Особенно трудна эта задача при движеніи разсыпнаго строя подъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ противника.

«Поэтому, начальникъ долженъ умѣть быстро оцѣнивать мѣстность и вѣрно опредѣлять, какой способъ перебѣжки примѣнять въ данномъ случаѣ: выгоднѣе ли поднять всю цѣпь сразу, или сдѣлать это по участкамъ, назначать короткія или длинныя перебѣжки и т. д.

«Вообще говоря, при совершенно одинаковомъ характерѣ мѣстности по всему протяженію, выгоднѣе перебѣгать всею цѣпью и притомъ на возможно большое разстояніе. Но если приведеннаго условія не существуетъ, то придется дѣлать перебѣжки по участкамъ. При этомъ нужно помнить указанія устава: начинать перебѣжку тѣмъ участкамъ, противъ которыхъ имѣются хорошія позиціи, или тѣмъ, у которыхъ прежнія позиціи неудобны; къ этому можно посовѣтывать, чтобы фланговыя звенья выбѣгали впередъ. При наступленіи цѣпи начальники должны непремѣнно пользоваться всякимъ удобнымъ закрытіемъ, достаточнаго протяженія, чтобы *собирать людей*—

это наилучшимъ образомъ позволитъ *держать цѣпь въ рукахъ*. При послѣдующемъ наступленіи люди снова разсыпаются, чтобы опять собраться за удобнымъ прикрытіемъ и т. д. При наступленіи цѣпи не слѣдуетъ торопиться частымъ подыманіемъ стрѣлковъ. Это дозволяется на значительныхъ разстояніяхъ отъ непріятеля, такъ какъ здѣсь движеніе съ такимъ примѣненіемъ къ мѣстности предпринимается лишь съ цѣлью уменьшить собственныя потери и не дать непріятелю вѣрно пристрѣляться къ цѣпи. На близкихъ же разстояніяхъ необходимо на каждой позиціи дать людямъ успокоиться, пристрѣляться и мѣткою стрѣльбою нанести существенный вредъ противнику; для чего уже потребуется достаточное время.

«Въ упражненіяхъ мирнаго времени это часто упускалось изъ виду.

«Относительно передвиженія резерва должно быть обращено еще большее вниманіе, ибо потери, которыя несетъ сомкнутая часть, гораздо значительнѣе.

«Нужно умѣть пользоваться наивыгоднѣйшимъ образомъ мѣстностью и примѣнять къ ней строй. Подъ близкимъ огнемъ и на открытой мѣстности резервы вести въ разомкнутомъ или даже въ разсыпномъ строю. Но понятно, что въ послѣднемъ случаѣ все должно быть дѣлаемо не иначе, какъ по командѣ, совершенно такъ, какъ въ сомкнутомъ строю. Затѣмъ, серьезный вопросъ для ротнаго командира—это расходованіе резерва. Что резервъ нужно беречь—это само собою понятно, но, съ другой стороны, не слѣдуетъ впадать и въ крайность и чрезмѣрною бережливостью резерва не довести дѣла до того, что его придется уже употребить только для прикрытія отступленія.

«Все дѣло сводится къ тому, чтобы внимательно слѣдить, какой участокъ позиціи, по своей важности или по крайнему истощенію, нуждается въ освѣженіи. Нужно и то имѣть въ виду, чтобы въ сферу самаго близкаго ружейнаго огня (150—200 шаговъ) войти съ крайне густою цѣпью.

«Можно полагать, что если у ротнаго командира къ этому времени останется $^1/_4$ часть роты, то этого будетъ достаточно для поднятія всей цѣпи въ атаку.

«*Примѣчаніе*. Само собою понятно, что при современномъ ружьѣ совершенно безполезно пускать часть для атаки въ сомкнутомъ строю. Этотъ строй неумѣстенъ теперь въ боевой линіи (за исключеніемъ, разумѣется, нечаянныхъ нападеній, ночныхъ стычекъ и т. п.).

«Если убыль людей въ цѣпи потребуетъ преждевременнаго израсходованія резерва, то роты 2-й линіи принимаютъ на себя обязанность резервовъ и до минуты атаки должны усиливать цѣпь. Усиленіе цѣпи рекомендуется дѣлать, главнѣйшимъ образомъ, черезъ удлинненіе. Это даетъ и ту выгоду, что помогаетъ охватить непріятеля. Къ самой атакѣ приступать тогда, когда, или огонь въ непріятельской цѣпи начинаетъ замѣтно сти-

хать, или когда участки цѣпи, назначенные для обхода противника, успѣютъ окрылить его.

«Напоминается правило: атаку начинать съ разстояній 150—200 шаг. быстрымъ бѣгомъ, сбираясь на бѣгу къ унтеръ-офицерамъ и офицерамъ; «ура» подавать на самомъ близкомъ разстояніи. Преслѣдованіе непріятеля производить учащеннымъ огнемъ изъ цѣпи. Въ лѣсахъ и селеніяхъ не останавливать атаки, пока не займется противоположная опушка или ограда. Овладѣвъ позиціею, начальники частей должны себѣ поставить неотложною заботою привести часть въ порядокъ, сдѣлать ей разсчетъ и пополнить, если можно, патроны. Не смотря на успѣхъ, это одна изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ въ бою, если только на помощь возбужденнаго состоянія солдатъ не явится спокойный и полный обладанія начальникъ.

«Дѣйствія *при оборонѣ* сводятся къ слѣдующему: сильное занятіе оборонительной линіи густою цѣпью. Особенно сгущать цѣпь на выгодныхъ пунктахъ. Сосредоточивать подкрѣпленія цѣпи преимущественно за флангами для противодѣйствія обходамъ. Атаку останавливать учащеннымъ огнемъ, и если непріятель стоекъ и приблизится на очень близкое разстояніе, то цѣпь выскакиваетъ изъ-за закрытій и бросается въ штыки на встрѣчу атакующему. Предварительно цѣпь усиливается до крайняго предѣла и удлинняется для охвата непріятеля.

«По характеру мѣстности роль *кавалеріи* въ самомъ бою будетъ ограничена до крайности.

«Ея бдительности будетъ ввѣрено охраненіе фланговъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ она будетъ призвана къ производству атакъ.

«За то ей предстоитъ болѣе дѣятельное участіе при преслѣдованіи».

Изъ этого подробнаго извлеченія читатель можетъ видѣть, на сколько результаты пережитаго опыта согласовались или противорѣчили основнымъ положеніямъ «Инструкціи», долженствовавшей служить боевымъ напутствіемъ гвардіи.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы дня нашего отправленія изъ Петербурга. 13-го августа выступилъ штабъ гвардейскаго корпуса; большинство же офицеровъ его состава отправились по отдѣльнымъ предложеніямъ. 14-го августа, съ тяжелымъ чувствомъ личнаго горя, я бросился въ темный, непривѣтливый вагонъ Николаевской желѣзной дороги и незамѣтно оставилъ за собою «многошумную столицу».

Едва ли возможно въ точности на практикѣ указать предѣлы театра войны, или по крайней мѣрѣ ту сферу, за которой уже прекращаются *внѣшніе* признаки колосальнаго явленія. Еще въ петербургскомъ вокзалѣ отряды сестеръ милосердія, съ дорожными сумками черезъ плечо, офицеры, поспѣшающіе къ своимъ частямъ, команды и пр., всѣ эти предвѣстники войны, постепенно подготовляютъ къ будущей обстановкѣ и отрываютъ умъ и чувства отъ круга обычныхъ, мирныхъ идей

и ощущеній. Впрочемъ, до границы Херсонской и Бессарабской губерній военно-путевыя картины ограничивались лишь массами мчавшихся или ожидавшихъ поѣздовъ съ войсками, обозами, артилеріей о пр.; кое-гдѣ виднѣлись биваки высадившихся временно войскъ.

Пѣсни, смѣхъ, говоръ всегда служатъ признакомъ встрѣчи съ войсками. Наша національная страсть къ пѣснѣ, то болѣзненно-унылой, то беззавѣтно-ухарской, особенно рѣзко проявляется въ войскахъ. Усталые, скученные въ вагонахъ, при палящихъ лучахъ солнца, въ духотѣ и пыли—солдатики наши хоромъ гудятъ свои любимыя пѣсни. Эта черта въ суровыхъ сынахъ сѣвера особенно поражаетъ иностранцевъ.

Въ Бессарабіи признаки войны постепенно становились разнообразнѣе и многочисленнѣе. Вотъ вблизи станціи виднѣются большія, въ видѣ двускатной крыши, лазаретныя палатки; въ палаткахъ помѣщаются, на соломенной подстилкѣ, больные и раненые нижніе чины. Тишина здѣсь царитъ полная, не услышите ни стона, ни крика, и только служители торопливо бѣгаютъ, переговариваясь между собою. Величина лазаретовъ весьма ограниченна,—въ большинствѣ случаевъ я видѣлъ не болѣе 4-хъ, 5-ти палатокъ. Въ одной изъ палатокъ я насчиталъ 16 человѣкъ. При теплой погодѣ трудно придумать лучшее въ гигіеническомъ смыслѣ помѣщеніе для больныхъ; на зиму же строятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бараки, видѣть которые мнѣ удалось только издали.

На Раздѣльной станціи Одесской желѣзной дороги я впервые увидѣлъ поѣздъ съ плѣнными турками. Поклонники Аллаха представляли самую разнообразную смѣсь: тутъ были и солдаты низама и редифа, и баши-бузуки, и крестьяне; я замѣтилъ даже двухъ мальчиковъ. По наружному виду, солдаты регулярныхъ войскъ рѣзко отличались отъ свирѣпыхъ баши-бузуковъ. Первые одѣты въ обыкновенное форменное платье, послѣдніе же едва были прикрыты какими-то жалкими лохмотьями; почти ни на одномъ баши-бузукѣ я не замѣтилъ признаковъ бѣлья, такъ что многія части тѣла были совершенно обнажены. Грязная, небольшая чалма, состоявшая просто изъ двухъ платковъ, довершала жалкій костюмъ этихъ варваровъ. Сидѣли всѣ они въ товарныхъ вагонахъ, поджавши подъ себя ноги, или спустивши ихъ въ открытыя двери. Вся эта масса людей мало обращала вниманія на столпившуюся публику, и многіе изъ нихъ, снявши куртки и оставаясь совершенно голыми, спокойно занимались охотой за насѣкомыми, роившими въ отвратительныхъ лохмотьяхъ. Выраженіе лицъ у большинства не только дикое, но даже угрожающее, напоминающее звѣря, попавшаго въ западню. Что же касается регулярныхъ солдатъ, то они рѣзко отлича-

лись отъ своихъ, упомянутыхъ выше, товарищей по оружію. Это большею частью скромные, добродушные ребята, охотники поболтать, или, вѣрнѣе, пожестикулировать съ публикою. Въ физическомъ отношеніи регулярные солдаты—рослый, крѣпкій и сильный народъ. Плѣнныхъ сопровождали наши конвойные, кажется по два человѣка на вагонъ, и относились къ своимъ кліентамъ со вниманіемъ и снисходительностью, видя въ нихъ «несчастныхъ». Каждый конвойный считалъ себя не столько стражемъ, сколько ходатаемъ и помощникомъ порученныхъ ему людей. Вообще, какая-то необычайная доброта и сожалѣніе замѣчались въ отношеніяхъ русскаго народа къ плѣннымъ. Мнѣ лично удалось наблюдать проявленіе этихъ чувствъ. Едва успѣлъ подойти воинскій поѣздъ, какъ наши артилеристы повыскакали изъ вагоновъ и, съ шуточнымъ привѣтствіемъ: «здорово, земляки», столпились подлѣ плѣнныхъ. Немедленно за симъ, конечно, упреки, съ покачиваніемъ головы, «зачѣмъ, молъ, носы и уши рѣжете». Солдаты низама и редифа стали рѣшительно отъ этого отказываться и сами указывали на баши-бузуковъ, какъ на виновниковъ такихъ варварствъ. Тѣмъ не менѣе, достаточно было послѣднимъ показать жестами, что они желаютъ пить, какъ наши солдаты добродушно стали угощать ихъ арбузами, молокомъ, водой и пр.

Слѣдуетъ замѣтить, что далеко не такъ относились къ плѣннымъ люди, побывавшіе въ дѣлѣ и видѣвшіе собственными глазами всѣ варварства нашихъ враговъ. Въ Кишиневѣ раненые солдаты обратились съ настоятельной просьбой къ сестрамъ милосердія, прося удалить изъ ихъ палаты больныхъ и раненыхъ турокъ; они утверждали, что не могутъ видѣть равнодушно этихъ «злодѣевъ» и не ручаются за себя, если оставить ихъ вмѣстѣ съ плѣнными. Всѣ же ихъ желанія исключительно были устремлены на то, чтобы, поскорѣе выздоровѣвъ, въ бою отомстить врагамъ.

Въ Кишиневѣ и далѣе вы уже окончательно попадали въ военную сферу: офицеры, солдаты, солдаты и офицеры—и больше ничего; статскихъ сюртуковъ почти совсѣмъ не было видно, только сестры милосердія (и тѣ въ форменныхъ костюмахъ) и семейства офицеровъ разнообразили неизмѣнную картину.

Вообще, въ исторіи войны, русской женщинѣ будетъ отведена славная страница. Я слыхалъ о нѣкоторыхъ семействахъ, гдѣ отецъ и сынъ отправились въ ряды сражающихся, а мать и дочь, или дочери—на помощь страждущимъ. Впрочемъ, русскія женщины выступили не только на этомъ, свойственномъ имъ, поприщѣ милосердія и любви къ

ближнему—нѣкоторыя готовы были состязаться со врагомъ и въ бранномъ полѣ...

Черезъ часъ послѣ выѣзда изъ Унгенъ я очутился уже за предѣлами родины, въ Яссахъ. Меня не мало предупреждали о румынской дороговизнѣ, но кажется это было лишь результатомъ недоразумѣнія; виновнымъ оказывался нашъ курсъ, который, конечно, для насъ весьма былъ невыгоденъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ вокзалѣ желѣзной дороги можно было, напримѣръ, скомбинировать сытный и приличный обѣдъ изъ трехъ блюдъ, который обходился въ одинъ бумажный рубль, или 62 металическія копѣйки. Это ли страшная дороговизна?

Евреи, составляющіе больное мѣсто въ экономической жизни румынъ, наводняли весь путь движенія нашей арміи и, разумѣется, старались попользоваться положеніемъ дѣлъ. Обманъ и мошенничество, неразлучные элементы ихъ услугъ, но причемъ тутъ собственно румыны, презирающіе и ненавидящіе этихъ прирожденныхъ эксплуататоровъ?

По внѣшности намъ трудно было догадаться, что мы очутились уже за предѣлами Россіи; русскіе кондукторы, русская рѣчь, русская или говорящая по русски прислуга, массы войскъ, — все это воспроизводило родину. Въ самомъ городѣ Яссахъ, живописно раскинувшемся на высотахъ, мы освоились весьма скоро. Русская рѣчь понятна здѣсь очень многимъ; а извозчиками (что особенно было для насъ важно) служатъ, преимущественно, скопцы, наши бывшіе соотечественники, переселившіеся сюда послѣ крымской кампаніи.

Кстати замѣтить, что они тяготятся новымъ своимъ отечествомъ выплачивая огромные налоги. Прозелитовъ же рѣшительно не могутъ пріобрѣсти. Молдаване никакъ не желаютъ вступать въ ряды этой изувѣрной секты. Пропаганда скопцамъ не воспрещена, и они свободно говорятъ о своихъ вѣрованіяхъ, съ гордостью называя себя «скопцами», тѣмъ болѣе, что пользуются общимъ уваженіемъ за свою честность, трудолюбіе и домовитость.

Въ Яссахъ намъ пришлось высадиться и расположиться на нѣкоторое время по квартирамъ у обывателей. Помѣщенія намъ были отведены у лучшихъ, богатѣйшихъ домовладѣльцевъ, большинство которыхъ принимало насъ съ величайшимъ радушіемъ, прося не стѣсняться, какъ у себя дома, и предоставляя въ наше распоряженіе лучшія комнаты, свои кухни, конюшни и пр. Собственно городъ, по внѣшности, представляетъ замѣчательную смѣсь превосходныхъ зданій и жалкихъ еврейскихъ лачугъ; асфальтовыя мостовыя и рядомъ кукурузная пашня, въ самомъ центрѣ города, противъ магазина, освѣщеннаго газомъ. Экономическая дѣятельность города абсолютно въ рукахъ евреевъ.

Недѣльная наша жизнь въ городѣ, за отсутствіемъ серьезнаго дѣла и въ виду близости театра войны, была томительно скучной. Днемъ мы ходили дѣлать кое-какія «окончательныя» покупки, а по вечерамъ, volens-nolens, попадали неизбѣжно въ румынскіе «демидроны».

Мнѣ удалось посѣтить въ Яссахъ лазаретъ «Краснаго Креста», устроенный въ баракахъ подлѣ станціи желѣзной дороги. Не смотря на то, что лазаретъ этотъ былъ набитъ больными и ранеными, чистота, порядокъ, благоустройство господствовали во всѣхъ его углахъ. Больные получали отличную пищу, уходъ за ними былъ самый тщательный и внимательный; сестры милосердія, по обыкновенію, находились неотлучно при больныхъ; у многихъ изъ послѣднихъ на столикахъ лежали газеты, журналы и книжки для чтенія.

Здѣсь я встрѣтилъ товарища по мундиру, генеральнаго штаба подполковника Рынкевича, начальника штаба болгарскаго ополченія, который былъ раненъ пулей въ ногу на Шипкѣ. Бѣдный больной подвергся довольно настойчивому допросу и сообщилъ мнѣ немало интереснаго о топографіи Балкановъ (по его словамъ, можно было почти въ любомъ направленіи прочеркнуть на картѣ эту горную цѣпь, и пѣхота вездѣ прошла бы по отмѣченному такимъ образомъ пути); онъ также съ восторгомъ говорилъ о замѣчательномъ мужествѣ болгарскихъ дружинъ— этомъ зародышѣ вооруженныхъ силъ молодаго государства.

Наконецъ я съ товарищемъ моимъ, генеральнаго штаба капитаномъ Энгельгардомъ и съ прочими чинами штаба, выѣхалъ изъ Яссъ въ Бухарестъ. Путешествіе наше не представляло особой прелести. Трудно себѣ представить болѣе жалкую желѣзную дорогу какъ румынская—одно изъ твореній Струсберга. Рельсы уложены весьма плохо, такъ что вагоны наклоняются стремительно то на одну, то на другую сторону; при быстромъ же ходѣ (что бываетъ рѣдко, такъ какъ поѣздъ ползетъ иногда со скоростью пяти верстъ въ часъ) такъ раскачиваетъ вагоны, что трудно усидѣть на мѣстѣ; говорятъ, больные и раненые иногда сваливались съ коекъ. Кромѣ того, всѣ станціи маленькія, грязныя; буфеты эксплуатировались еврѣями, и въ большинствѣ изъ нихъ трудно было достать что нибудь, кромѣ отвратительнаго пива и подозрительной колбасы.

По пути мы проѣзжали черезъ знаменитый Барбошскій мостъ, который турки такъ оплошно не взорвали въ началѣ войны, и лишили себя многихъ выгодъ. Отсюда, съ высоты, открывается великолѣпный видъ на окружающую мѣстность. Рѣка Серетъ образуетъ множество живописныхъ излучинъ, на одной изъ которыхъ расположенъ самый мостъ на каменныхъ быкахъ съ желѣзными перилами; вдали

бѣлѣется узкой полосой Дунай, на турецкомъ берегу котораго чрезвычайно рѣзко выдѣляются Буджакскія горы, гдѣ происходилъ бой войскъ генерала Циммермана при переправѣ. Горы эти придаютъ особенный характеръ мѣстности, которая на огромномъ протяженіи представляется обширной равниной.

Второй осмотрѣнный нами пунктъ былъ Браиловъ. Пользуясь полуторачасовой остановкой, мы отправились на батарею, съ которой былъ взорванъ броненосецъ «Лютфи-Джелилъ». Батарея расположена въ виноградникѣ на самомъ берегу Дуная; въ одномъ изъ рукавовъ послѣдняго (въ Мачинскомъ) я вполнѣ ясно разсмотрѣлъ въ бинокль затопленный броненосецъ, который, вслѣдствіе спада водъ, обнажился тогда до половины; выкрашенный бѣлой краской, онъ одиноко стоялъ посреди рѣки, заключивъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ болѣе 150 жертвъ. Видѣли мы тутъ же мостъ, построенный для сообщенія черезъ Дунай.

Продолжая свое путешествіе, мы 29-го августа прибыли въ Бухарестъ, столицу Румыніи. Конечно, Бухарестъ не Петербургъ и даже не Одесса; тѣмъ не менѣе, центръ города застроенъ очень хорошо и щеголяетъ магазинами.

Въ Бухарестѣ я встрѣтилъ генеральнаго штаба полковника Нагловскаго, бывшаго начальника штаба отряда генералъ-адъютанта Гурко въ 1-мъ забалканскомъ походѣ. Д. С. Нагловскій, тогда больной болгарской лихорадкой, лечился въ Бухарестѣ. При отличномъ знаніи взаимнаго положенія обѣихъ воюющихъ сторонъ, онъ много сдѣлалъ мнѣ разъясненій въ этомъ смыслѣ; между прочимъ, я тутъ уже замѣтилъ, что, въ противоположность петербургскимъ взглядамъ, среди офицеровъ дѣйствующей арміи существовало твердое, непоколебимое убѣжденіе въ окончательномъ успѣхѣ нашего дѣла. Сознаніе нравственнаго превосходства надъ противникомъ, не смотря на временныя неудачи, было такъ велико и прочно, что уже это одно обстоятельство могло служить ручательствомъ благополучнаго исхода войны. Наше стратегическое положеніе, въ виду подходившихъ подкрѣпленій, признавалось блестящимъ, не смотря на разброску силъ въ нѣкоторыхъ отрядахъ; но всѣ сознавали необходимость умножить дѣйствующія войска. Для этого нужно было лишь не торопиться, не бросаться въ кровавыя, сомнительныя предпріятія, а спокойно выждать подходившія вновь мобилизованныя части.

Въ Бухарестѣ мы пробыли только одинъ день. Выѣхавъ 30-го утромъ, мы часа черезъ четыре достигли Фратешти. Эта маленькая грязная станція была набита самымъ разнообразнымъ военнымъ людомъ; тутъ закусывали офицеры, чиновники, солдаты и казаки разныхъ полковъ, а вперемѣжку съ ними сновали евреи, предлагая фуфайки,

носки и т. п. У самой станціи, подъ навѣсомъ изъ рогожъ, пріютился трактирчикъ, который содержала толстая, грязная, но добродушная, хлопавшая всѣхъ по плечу нѣмка.

Съ горы, на которой мы расположились бивакомъ, виднѣлись Журжево и Рущукъ—послѣдній, со множествомъ высокихъ минаретовъ. Въ бинокль я отлично различалъ турецкій лагерь въ Рущукѣ. Говорили, впрочемъ, что большая часть палатокъ были пусты, и турки не снимали ихъ, чтобы обмануть насъ относительно числительности рущукскаго гарнизона. Къ вечеру мы услышали громъ орудій; то перестрѣливались наши журжевскія батареи съ рущукскими.

Бивакъ нашъ былъ самъ по себѣ не дуренъ; помѣщались мы въ небольшихъ двускатныхъ палаткахъ, въ которыхъ можно втиснуть кровать, нѣсколько укрыться отъ солнца, но не отъ дождя, такъ какъ онѣ протекаютъ.

На другой день мы выступили, вслѣдъ за гвардейскими стрѣлками, въ д. Путинею, гдѣ и ночевали. Путь нашъ лежалъ по однообразной мѣстности, покрытой обширными кукурузными полями и состоявшей изъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ холмовъ и долинъ. Встрѣчавшіяся по пути деревни утопали въ зелени, откуда довольно чисто выглядывали мазанки валаховъ. Крестьяне здѣсь ходятъ въ мѣховыхъ или войлочныхъ съ полями шляпахъ, въ бѣлыхъ холстиновыхъ штанахъ и такой же рубахѣ, длинной какъ у женщинъ. Рубахи подпоясываются кожанымъ съ побрякушками или цвѣтнымъ шерстянымъ поясомъ. Костюмъ женщинъ состоитъ изъ такой же рубашки, шерстяной юбки и бѣлаго платка, граціозно надѣтаго и закрывающаго часть лица. Особенность мѣстнаго колорита составляютъ еще буйволы, которые служатъ перевозочнымъ средствомъ, какъ и волы. Черные, почти безъ шерсти, съ низко опущенными шеями и пригнутыми назадъ рогами, они очень забавляли своимъ оригинальнымъ видомъ нашихъ солдатъ, особенно, когда вволю навалявшись въ болотѣ, грязные, они медленно выступали, побрякивая цѣпью и лѣниво мыча густымъ басомъ. Для меня, знающаго Бессарабію, все это не было новостью, та же природа, тѣ же люди.

На другой день мы выступили изъ Фратешти при палящихъ лучахъ солнца. Вообще, жары были сильные. Пыль по дорогѣ стояла столбомъ, и достаточно было малѣйшаго вѣтерка, чтобы поднять цѣлыя тучи ея. Какъ это ни непріятно, но я, знакомый уже съ походной жизнію, еще сильнѣе опасался, чтобы намъ не испытать дождя, а то мы наплакались бы вволю со своимъ обозомъ при тамошнихъ черноземныхъ дорогахъ. По пути мы встрѣчали огромнѣйшія вереницы повозокъ воло-

вьихъ, конскихъ, буйволовыхъ, съ больными и ранеными. Солдаты сидѣли въ нихъ по пяти—шести—семи человѣкъ, офицеры человѣка по два. Повозка—обыкновенная длинная арба, плохо смазанная, такъ что невыносимо скрипитъ всю дорогу. Тутъ больные разныхъ полковъ и командъ, раненые (могущіе выдержать перевозку) въ разныхъ дѣлахъ. Раненые встрѣчались преимущественно Брянскаго полка, который сильно пострадалъ на Шипкѣ.

Переходъ нашъ въ с. Бригадиръ вышелъ довольно великъ, 35 верстъ при изнурительномъ зноѣ.

Дальнѣйшее наше движеніе до Зимницы не отличалось ничѣмъ отъ предъидущихъ переходовъ: та же удушливая жара, та же безлѣсная мѣстность, вереницы повозокъ съ больными и ранеными и т. п.

Впрочемъ, близость театра войны давала себя чувствовать постепенно учащавшимися признаками разнообразнаго характера: чаще стали попадаться курьеры, спѣшившіе куда-то офицеры; по пути стали встрѣчаться обглоданные остовы лошадей и быковъ.

Зимница, при блестящемъ солнцѣ, открылась намъ верстъ за семь и казалась утопавшей въ зелени деревенькой; на другомъ возвышенномъ берегу Дуная, на уступѣ возвышенности, мы увидѣли Систово. Съ приближеніемъ къ Зимницѣ картина часто совершенно пропадала, такъ какъ, при малѣйшемъ колебаніи воздуха, подымалась туча пыли, въ которой все безслѣдно утопало. Недалеко отъ мѣстечка мы встрѣтили раненаго офицера. На вопросъ, что́ дѣлается подъ Плевной (мы знали о происходившемъ тамъ боѣ), онъ намъ категорически отвѣтилъ, что она взята. Не смотря на опредѣлительность отвѣта, мы выразили сомнѣніе въ справедливости извѣстія. Раненый удивился нашему недовѣрію и вторично подтвердилъ свои слова, указавъ, между прочимъ, что онъ самъ же раненъ въ этомъ дѣлѣ. Дальнѣйшимъ сомнѣніямъ, повидимому, не было мѣста, а между тѣмъ, очень скоро мы узнали въ Зимницѣ, что Плевна не была взята...

Вѣроятно, овладѣніе Гривицкимъ редутомъ или укрѣпленіями, находившимися противъ Скобелева, раненый счелъ за окончательный актъ паденія Плевны. Это послужило для насъ урокомъ, съ какой осторожностью нужно относиться къ тыльнымъ слухамъ.

Наконецъ, мы въѣхали въ непостижимо пыльныя улицы Зимницы. Здѣсь всѣ наши надежды рушились: вмѣсто чистенькаго городка, мы нашли грязную деревню, въ которой почти ничего нельзя было достать. Усталые, голодные, мы, посреди грязи и сора, отважились отправиться на поиски для утоленія голода. Послѣ долгихъ странствованій, мы усѣлись подъ какимъ-то жалкимъ навѣсомъ, сравнительно съ которымъ

лавочки на Сѣнной площади могутъ быть названы ресторанами, и принуждены были засорить свои желудки окаменѣлой говядиной и будто бы борщемъ.

Зимница представляла чрезвычайно оживленный видъ; тутъ можно было найти и разныя военныя учрежденія, какъ: комендантство, госпитали и т. п. и массы проходившихъ въ ту и въ другую сторону войскъ, и спекуляторовъ всевозможнаго рода, старавшихся сбыть залежавшуюся дрянь по выгоднымъ цѣнамъ, и пріѣхавшихъ изъ-за Дуная офицеровъ, чтобы запастись чѣмъ нибудь «для позиціи»: купить съѣстнаго, починить платье и т. п.; все это кишѣло, суетилось, бѣгало.

На другой день мы двинулись за Дунай. Движеніе происходило сперва по равнинѣ, которая совершенно затопляется во время разливовъ. Пыльная дорога съ телеграфными столбами, масса обозовъ, запряженныхъ волами и буйволами и, наконецъ, общее движеніе пѣшаго люда указывали намъ путь къ мосту.

Собственно черезъ Дунай существовали двѣ системы мостовъ: одна для движенія съ лѣваго берега на правый, а другая для обратнаго. Каждая система, въ свою очередь, состояла изъ двухъ или трехъ мостовъ. Сперва мы проѣхали самый небольшой мостикъ, съ берега на островъ, потомъ самый большой мостъ и, наконецъ, третій, нѣсколько меньшаго размѣра. Всѣ мосты устроены были такъ, что по нимъ можно было двигаться только въ одну повозку четырехконной упряжи; кромѣ того, имѣлись обочины для пѣшеходовъ; перилы на мостахъ веревочныя. Мосты укрѣплены были огромными якорями и устроены: маленькіе на судахъ, а большіе на плотахъ изъ огромныхъ бревенъ. У каждаго моста стояли саперы, которые регулировали движеніе и могли его ежеминутно остановить, опустивши шлагбаумы. Тамъ же на островѣ расположенъ былъ саперный баталіонъ, какъ для охраны, такъ и для исправленія мостовъ.

Выѣхавъ на противоположную сторону, мы очутились лѣвѣе Систова, занятаго съ боя при переправѣ нашихъ войскъ. Это—городъ чисто въ турецкомъ вкусѣ, съ узкими улицами, жалкими лачугами, пылью и грязью.

Берега Дуная въ этомъ пунктѣ совершенно отвѣсны, такъ что войска наши не могли тутъ высадиться при переправѣ, а должны были спуститься ниже на версту, гдѣ рѣзко обозначается лощина, отлого спускающаяся къ Дунаю. Непосредственно за берегомъ мы поднялись на довольно значительныя высоты и потянулись по шоссе къ д. Царевицѣ, гдѣ намъ назначенъ былъ ночлегъ. Тамъ мы расположились на бивакѣ вмѣстѣ съ гвардейскими стрѣлками, у фонтана съ отличною водою и

ручейка, зараженнаго падалью. Царевица была первой для насъ болгарской деревней, и я описавъ ее, представлю общій ихъ характеръ. Улицы въ деревняхъ неправильны и извиваются какъ въ малороссійскихъ; дома расположены разбросано и весь дворъ, съ непремѣннымъ садикомъ, окопанъ рвомъ съ валикомъ. Зданія выстроены изъ кирпичей, состоящихъ изъ глины съ соломой, крыши же большею частію соломенныя. Зажиточность крестьянъ выражается лишь въ изобиліи хлѣба; собственно же костюмъ ихъ, большею частью, лохмотья; избы весьма небольшія и раздѣляются на двѣ части: въ одной ссыпается хлѣбъ, а въ въ другой спитъ въ свалку вся семья. Наружный видъ у болгаръ забитый; видно, что долго тяжелая рука сгибала ихъ спины. При встрѣчѣ съ нами, они или снимали шапку, или прикладывались къ ней рукой, говоря «здравствуйте». Вопреки разсказамъ, ни они насъ, ни мы ихъ понимать почти совершенно не могли. Даже въ Румыніи въ этомъ отношеніи намъ легче было, такъ какъ черезъ евреевъ, при самомъ даже слабомъ знаніи нѣмецкаго языка, мы могли объясняться.

Въ Царевицѣ мы получили приказаніе двигаться къ с. Мидхатъ-пашѣ, что подлѣ Горняго-Студеня. Переходъ вышелъ около 25 верстъ, но двигались мы часовъ восемь, такъ какъ мѣстность была сильно гористая, ровныхъ пространствъ почти совсѣмъ не попадалось и мы то спускались съ одной высоты, то поднимались на другую; по сторонамъ, сколько глазъ могъ захватить, не видно было кустика, поля полузапущены, и оставшаяся неубранной трава совершенно засохла и выжжена солнцемъ; селенія попадались рѣдко, да и тѣ скрывались въ долинахъ; словомъ, страна производила, не смотря на природное богатство почвы, амое грустное, унылое впечатлѣніе. Съ высоты, на полупереходѣ, нашему взору представились вдругъ, сливаясь съ облаками, верстахъ можетъ быть въ 80—100, громадныя массы Балкановъ. Картина нѣсколько оживилась, и мы достали бинокли.

Балканы обрисовывались въ видѣ отдѣльныхъ громадныхъ высотъ, связанныхъ между собою хребтами. Ближе къ нимъ виднѣлись предгорья, гораздо меньшаго подъема. Пройдя нѣсколько верстъ, мы увидѣли, наконецъ, на склонѣ высоты Горній-Студень. Масса палатокъ, людей, лошадей, повозокъ — превратили деревушку въ обширный станъ. У Студеня мы свернули влѣво и направились въ с. Мидхатъ-паша, гдѣ и расположились бивакомъ. Эта небольшая деревушка была совершенно разрушена, такъ какъ населеніе ея составляли черкесы, съ уходомъ которыхъ болгары достаточно потѣшились.

Мы расположились въ опустѣлой деревенькѣ и каждый пристроился гдѣ нибудь въ полуразрушенной избѣ безъ оконъ и дверей. Скоро чины на-

шего штаба начали собираться. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, уѣхавшій изъ Петербурга прямо въ отрядъ къ Наслѣднику Цесаревичу, тоже прибылъ въ с. Мидхатъ-пашу. Относительноже вступленія въ командованіе корпусомъ Наслѣдника Цесаревича долго ничего положительно не было извѣстно. Сначала былъ напечатанъ даже приказъ, что Его Высочество принимаетъ начальствованіе надъ гвардіей, потомъ это было отмѣнено. Впослѣдствіи мы узнали, что графъ Воронцовъ-Дашковъ, оставаясь начальникомъ штаба, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ поставленъ во главѣ нашего корпуса.

Вскорѣ прибылъ въ с. Мидхатъ-пашу санитарный отрядъ Цесаревны, общества «Краснаго Креста». Прибытіе новыхъ частей было намъ особенно пріятно: тамъ мы встрѣтили образованныхъ, предупредительныхъ и любезныхъ врачей — Гаусмана, Гена, Янковскаго и уполномоченнаго общества г. Петлина, съ которыми часто приходилось намъ встрѣчаться и которые не разъ выручали насъ изъ бѣды; начиная отъ свѣчей и галетъ и кончая теплыми шапками—всѣмъ снабжалъ насъ, по мѣрѣ возможности, этотъ превосходный отрядъ. Въ дикихъ предгорьяхъ Балкановъ, куда часто не могъ слѣдовать за нами казенный обозъ, простыя легонькія повозочки отряда проворно пробирались и быстро опорожнивались всѣми алчущими и жаждущими.

На другой день по прибытіи въ с. Мидхатъ-пашу мы отправились являться въ полевой штабъ, въ главную квартиру.

Главнокомандующій принялъ насъ у своей юрты, сидя верхомъ на лошади. «Здравствуйте, здравствуйте, замѣтилъ Его Высочество—все знакомые; что̀ здоровы?» Затѣмъ мы представились генералъ-адъютанту Непокойчицкому и генералу Левицкому.

Послѣдовало много встрѣчъ съ знакомыми и товарищами. Нѣкоторые изъ нихъ были изнурены лихорадкою и собирались въ Румынію лечиться. Тутъ же мы замѣтили нѣкоторыхъ офицеровъ, прибывшихъ изъ отрядовъ. Ихъ легко было отличить по ободранному костюму, по небритымъ и загорѣлымъ лицамъ. Насѣкомыя не давали имъ покою.

Въ с. Мидхатъ-пашѣ, проѣздомъ къ войскамъ, насъ посѣтилъ Государь Императоръ, сопровождаемый военнымъ министромъ и лейбъ-медикомъ Боткинымъ. Его Величество тоже страдалъ отъ лихорадки и кромѣ пальто имѣлъ на себѣ, не смотря на теплую погоду, шинель.

По мѣрѣ прибытія частей гвардіи, Государь Императоръ производилъ имъ смотры у Горняго-Студеня.

II.

Эпизоды изъ боевой жизни офицера генеральнаго штаба. Рекогносцировки и странствованія. Движеніе гвардіи къ югу отъ Плевны.

Поѣздка подъ Плевну.—Рекогносцировочная партія.—На бивакѣ въ кавалерійскомъ авангардѣ генерала Чернозубова.—Боевое крещеніе.—Движеніе гвардіи къ югу отъ Плевны.—Эски и Іени Бркачъ.—Рекогносцировка по направленію къ Ловчѣ.—Пріѣздъ генералъ-адъютанта Гурко и назначеніе его начальникомъ отряда.

Не скоро опредѣлилось наше положеніе на театрѣ войны. Сначала поговаривали, будто бы гвардейскій корпусъ будетъ разбитъ на три части: одна дивизія отправится въ Рущукскій отрядъ, другая на Шипку, третья подъ Плевну. Потомъ явились еще болѣе странныя комбинаціи, сочетанія и переложенія, бывшія преимущественно результатомъ досужаго воображенія. Мы нетерпѣливо ожидали сосредоточенія корпуса, надѣясь, что вскорѣ затѣмъ опредѣлится предстоящая намъ роль. Менѣе всего, конечно, мы желали раздробленія корпуса—тогда ему, вѣроятно, не пришлось бы съиграть видной роли и принести рѣшительные результаты.

Пользуясь досугомъ, я согласился на предложеніе товарища моего, подполковника барона Криденера, съѣздить подъ Плевну, гдѣ отецъ его стоялъ со своимъ корпусомъ (9-мъ) на позиціи. Мы запрягли въ телѣжку обозныхъ лошадей и выѣхали въ дальній (верстъ 60) путь.

Характеръ мѣстности на всемъ пути былъ почти одинъ и тотъ же: попеременно смѣняющіяся высоты и долины, кое-гдѣ одинокія деревца, обширные виноградники, кукурузныя поля и неубранные сѣнокосы. Населеніе рѣдкое, въ родѣ нашей Херсонской губерніи, но крестьяне зажиточные, на сколько можно судить по обширнымъ хлѣбнымъ запасамъ и многочисленнымъ стадамъ. Съ лѣвой стороны пути, въ значительномъ отдаленіи, почти все время сопровождала насъ могучая Балканская горная цѣпь, вершинами своими упирающаяся въ облака. Только у береговъ р. Осмы характеръ мѣстности видоизмѣнился. Теченіе рѣки рѣзко опредѣлялось свѣтло-глинистымъ, командующимъ, крутымъ правымъ берегомъ и нерѣдко низменнымъ лѣвымъ.

Еще съ половины пути мы заслышали громъ нашихъ орудій, стрѣлявшихъ ежедневно подъ Плевною; по дорогѣ начали попадаться огромные транспорты троечной запряжки, отправлявшіеся съ хлѣбомъ на позицію; гніющіе трупы павшихъ животныхъ постоянно поражали обоня-

ніе, въ одномъ же мѣстѣ мы съ телѣги въ одну минуту насчитали 16 павшихъ и гнившихъ быковъ; проѣхать это зловоніе можно было только герметически закупоривъ носъ и ротъ.

Между тѣмъ, голодъ насъ морилъ, да и лошадей пора было накормить. У с. Карагача мы замѣтили обозъ 9-го корпуса, причемъ намъ сказали, что тамъ есть маркитантъ, у котораго можно закусить. Долго мы странствовали среди повозокъ и лошадей, пока добились толку и, наконецъ, увидѣли повозку, облѣпленную мухами, и при ней двухъ евреевъ. Они намъ стали быстро рапортовать о богатствѣ своихъ запасовъ; тутъ была скверная колбаса, засохшій сыръ, отвратительное пиво и пр. Цѣны такія: бутылка пива 3 металическихъ франка, т. е. 1 р. 20 к., фунтъ колбасы 5 фр., т. е. 2 р. и т. п. Къ намъ подошли два офицера, пѣхотный маіоръ и казачій поручикъ; они любезно угостили насъ чаемъ и дали казака провести насъ на позицію. Проѣхавъ верстъ 10, мы уже замѣтили огоньки, мелькавшіе на огромномъ протяженіи, а пушечная пальба сдѣлалась совершенно отчетливой; затѣмъ мы очутились въ самомъ тылу позиціи, миновали госпиталь, помѣщавшійся въ палаткахъ, потомъ какую-то батарею, пѣхотныя войска, укрывавшіяся въ лощинѣ и пр. Повсюду слышенъ былъ шумъ, говоръ, елгкая перебранка. Казакъ указалъ намъ ставку корпуснаго командира вдали на высотѣ. Здѣсь дорога исчезла, и мы побрели пѣшкомъ. Минутъ черезъ 10 мы очутились у цѣли нашего странствованія. Штабъ 9го корпуса располагался въ палаткахъ и помѣщеніе корпуснаго командира отличалось только своей обширностью, состоя изъ двухъ палатокъ, соединенныхъ въ одну. Кромѣ кровати въ палаткѣ находились: столъ, нѣсколько табуретовъ и скамья. Престарѣлый генералъ, разумѣется, встрѣтилъ радушно спутника своего сына. Тутъ же находился начальникъ корпуснаго штаба, полковникъ Липинскій, герой Шипки, бывшій командиръ Брянскаго полка. Послѣ продолжительной ѣзды и бесѣды далеко за полночь пора было успокоиться, и намъ обильно наложили сѣна на полу палатки. Къ утру я весь былъ промоченъ дождемъ, котораго не почувствовалъ во время сна.

Утромъ, къ несчастію, мы должны были потерять надежду осмотрѣть позиціи, небо заволокло, сталъ накрапывать дождь, поднялся туманъ, и мы уже подумывали о томъ, чтобы остаться здѣсь лишній день. Но часовъ около 3-хъ пополудни небо немного разъяснилось и мы отправились на осадную нашу батарею, чтобы хотя что нибудь посмотрѣть.

Батарея была вооружена восемью осадными 24-хъ фунтовыми мѣдными орудіями, стоявшими на платформахъ; по бокамъ орудій сдѣланы

были земляныя насыпи—траверзы, для прикрытія отъ фланговаго огня. Подъ брустверомъ вырыты погребки для снарядовъ и пороха, и помѣщеніе для офицеровъ, на самой батареѣ солдатики повырывали себѣ землянки, прикрытыя вѣтвями и землей.

Къ намъ подошли два артилерійскихъ офицера, по одеждѣ которыхъ можно было заключить, что они старые обитатели позицій. Мы разговорились и спросили, скоро ли будетъ стрѣльба; посмотрѣвши на часы, поручикъ объявилъ, что уже пора стрѣлять. Солдатики оживились и приготовились послать гостинца въ громаднѣйшій турецкій редутъ, гдѣ, повидимому, царствовала мертвая тишина, и только часовой турокъ бродилъ по своему посту.

«Первое!»—раздался оглушительный звукъ, и снарядъ, свистя, понесся далеко впередъ; затѣмъ, трескъ разрыва и столбъ взрытой земли показали мѣсто паденія снаряда въ тылу турецкаго редута; послѣдовательно при насъ выпущено было шесть снарядовъ, изъ которыхъ одинъ, особенно удачный, попалъ прямо въ траверзъ редута, что мы отличпо видѣли въ бинокль. Турки не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ, и вообще они молчали при всѣхъ канонадахъ нашихъ осадныхъ орудій, какъ говорили, будто бы, по причинѣ недостатка снарядовъ, а можетъ быть и по безполезности стрѣльбы на дальней дистанціи изъ полевыхъ орудій. Впрочемъ, и они иной разъ пускали нѣсколько гранатъ и потомъ замолкали. Послѣ пальбы артилеристы пригласили насъ въ свою сырую тѣсную землянку, полъ которой былъ покрытъ соломой, а входъ завѣшенъ циновкой. Вскорѣ мы вылѣзли на свѣтъ и разсѣлись на снарядахъ; сюда же проворный солдатъ подалъ самоваръ, а любезные хозяева велѣли прибавить коньяку, и мы оживленно стали бесѣдовать за импровизованнымъ пуншемъ.

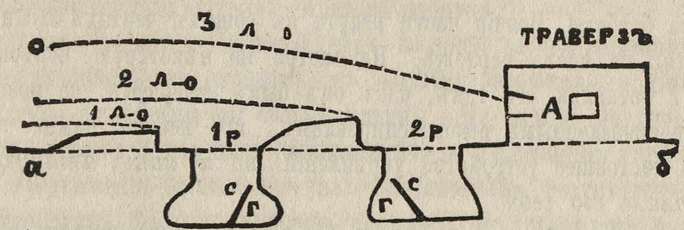
Теперь я скажу нѣсколько словъ *о турецкихъ позиціяхъ*, которыя я успѣлъ осмотрѣть съ батареи и о которыхъ собралъ тогда коекакія свѣдѣнія.

Начальникъ корпуснаго штаба любезно зачертилъ въ мою записную книжку профиль и планъ большаго турецкаго редута, къ которому, въ одну изъ рекогносцировокъ, онъ случайно подобрался довольно близко.

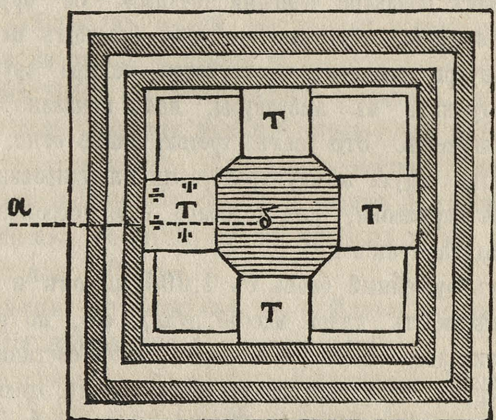
Какъ извѣстно, высоты, окружающія Плевно, заняты были турецкими редутами и укрѣпленными лагерями. Редуты эти поражали какъ своей величиной, такъ и силой. Я положительно изумленъ былъ огромными размѣрами укрѣпленій, которыя можно назвать просто крѣпостными фортами. Что же касается ихъ устройства, то оно во всѣхъ от-

ношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Прилагаемые чертежики могутъ отчасти пояснить устройство редута ([1]).

ЧЕР. 1

ЧЕР. 2

([1]) *Поясненіе къ чертежамъ.* На первомъ чертежѣ показанъ профиль по линіи *АВ* большаго турецкаго редута. Въ траверзѣ показаны фронтальная и боковая амбразуры (*А*); рвы обозначены: 1 р. и 2 р.; въ рвахъ показаны укрытія для стрѣлковъ: *г*—галереи и *с*—блиндажныя стѣнки; линіи огня изъ траверза и съ насыпей обозначены: 1 л. о. (1-я линія огня) и т. д.

2-й чертежъ представляетъ примѣрный планъ большаго редута, причемъ рвы затушеваны; буквами *Т* обозначены траверзы въ которыхъ помѣщаются орудія. Середина между траверзами заблиндирована.

Считаю необходимымъ оговориться, что прилагаемый чертежъ оказался не вполнѣ вѣрнымъ дѣйствительности, какъ обнаружилось впослѣдствіи, послѣ паденія Плевны [1]. Замѣчаніе это касается особенно траверзовъ. Въ большихъ редутахъ траверзъ имѣлъ крестообразную форму (двѣ взаимноперпендикулярныя насыпи на всемъ протяженіи внутренняго пространства) и служилъ какъ для прикрытія людей, такъ и для *скрытія* орудій. Для пальбы послѣднія выдвигались изъ-за траверзовъ на барбеты. Прочія части редута въ общихъ чертахъ сходны съ показанными на моемъ чертежѣ. Не смотря на нѣкоторую невѣрность чертежа, я оставляю его такъ, какъ онъ былъ зачерченъ на позиціи, согласно произведеннымъ рекогносцировкамъ, ибо весьма важно знать не только настоящее устройство укрѣпленій, *но и какъ атакующій представлялъ его себѣ.*

Когда все спокойно, турки сидятъ въ первомъ и во второмъ рвахъ, въ галереяхъ, прикрытыхъ къ сторонѣ рва стѣнками; здѣсь они ѣдятъ пьютъ, отдыхаютъ. По сигналу часоваго, они выскакиваютъ на брустверъ и стрѣляютъ, какъ показано черными точками. За брустверами, внутри укрѣпленія, находятся огромные траверзы (чертежъ второй, четыре квадратика), внутри которыхъ помѣщаются четыре орудія, изъ нихъ оба могутъ стрѣлять въ амбразуры, какъ показано въ видѣ оконца на первомъ чертежѣ. Это даетъ третью линію огня; затѣмъ, все пространство внутри редута между траверзами блиндировано и служитъ убѣжищемъ для гарнизона, для котораго еще устроиваются по бокамъ и впереди редута траншеи.

Турки открываютъ ружейный огонь съ 2,000 шаговъ и осыпаютъ впереди лежащую мѣстность такой массой пуль, что, по разсказамъ очевидцевъ, безъ личнаго опыта невозможно себѣ составить понятія. Къ тому же редуты такъ искусно расположены, что даютъ взаимный обстрѣлъ. Офицеръ, участвовавшій во взятіи редута 30-го августа, говорилъ мнѣ, что всѣ ужасы, вынесенные при атакѣ, ничто сравнительно съ тѣмъ, что имъ пришлось испытать по занятіи самаго редута.... «Войска столпились на тѣсномъ пространствѣ—говорилъ доблестный воинъ, у котораго лопнула въ ухѣ барабанная перепонка отъ разорвавшейся близко гранаты—а турки открыли между тѣмъ изъ слѣдующаго редута убійственный артилерійскій огонь. Одна граната выбила сразу 12 человѣкъ. Это былъ настоящій фонтанъ изъ мозговъ и кишокъ, которыя хлестали по лицу, забрызгивали всего съ головы до ногъ. Такое адское положеніе совершенно разстраивало нервы и затем-

[1] См. «Военный Сборникъ» 1878 г. № 5 и брошюру генерала Шредера: «Das verschanzte Lager von Plëwna». Berlin 1878.

няло сознаніе. Хочешь командовать: «на право,» а говоришь: «на лѣво,» ходишь по костямъ и крови, а этого не замѣчаешь. Когда огонь нѣсколько стихъ, люди отъ усталости попадали какъ снопы и заснули среди этого ужаса. Вдругъ ночью раздаются рѣзкіе крики: «алла!» «алла!» турки бросились въ атаку, надѣясь вырвать обратно взятый у нихъ Гривицкій редутъ. Мы вскочили и открыли въ темнотѣ огонь, кто гдѣ стоялъ. Нѣсколько смѣльчаковъ турокъ, добравшихся до редута, были приняты на штыки—и атака отбита».

Во время нашего пребыванія подъ Плевной распространился слухъ, будто Сулейманъ, съ отрядомъ въ 40,000 человѣкъ, двигается по направленію отъ Софіи къ сѣверу Плевны. Не смотря на неправдоподобность слуха, мы все-таки рѣшились ѣхать къ себѣ, въ виду возможности передвиженія нашего корпуса. Впослѣдствіи, разумѣется, оказалось, что слухъ былъ совершенно невѣренъ. На обратномъ пути, руководствуясь картой Каница и выбирая прямой путь, мы дали кругъ и попали въ д. Льежанъ. Въ окрестностяхъ послѣдней находилось нѣсколько турецкихъ деревень, жители которыхъ, слѣдуя, кажется, благоразумнымъ увѣщаніямъ муллы, не бѣжали передъ русскими войсками и впослѣдствіи не имѣли причины раскаяваться въ такомъ рѣшеніи.

На берегу Осмы мы остановились приваломъ, чтобы покормить лошадей. Къ намъ подошли молодые парни-турки и болгары и вели съ нами добродушную бесѣду. Удивлялись нашимъ биноклямъ, револьверамъ, ощупывали аксельбанты и т. п. Одинъ болгаринъ гордился своимъ умѣньемъ писать по-русски и съ удовольствіемъ написалъ въ моей книжкѣ свое имя: «Петро».

Поздно ночью мы вернулись въ с. Мидхатъ-пашу, гдѣ все было спокойно. Гвардія продолжала сосредоточиваться.

Слухъ о прибытіи къ корпусу Наслѣдника Цесаревича снова распространился и мы даже ѣздили выбирать бивакъ для Его Высочества вблизи отъ Горняго-Студеня.

Въ часы досуга много говорили о пріѣздѣ въ главную квартиру генералъ-адъютанта Тотлебена, объ отъѣздѣ его, вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ, подъ Плевну на рекогносцировку и о назначеніи его помощникомъ принца Карла Румынскаго по командованію войсками, собранными подъ Плевной.

Погода послѣ дождей сдѣлалась теплой, но ночи были весьма холодныя. Нѣкоторые изъ нашего штаба, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, уже успѣли заболѣть лихорадками и дисентеріей.

20-го сентября ночью была получена депеша отъ генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, который требовалъ назначенія нѣсколькихъ офицеровъ

нашего штаба для рекогносцировокъ къ Плевнѣ. Въ полевомъ штабѣ образована была особая рекогносцировочная партія изъ топографовъ, назначенныхъ собственно для производства съемочныхъ работъ вокругъ Плевны, и офицеровъ генеральнаго штаба — для наблюденія за этими работами въ тактическомъ отношеніи. Начальникомъ партіи назначенъ былъ генеральнаго штаба полковникъ Фрезе, а изъ офицеровъ генеральнаго штаба: Ставровскій, Энгельгардъ, Сухомлиновъ и я. Результатомъ работъ была карта окрестностей Плевны, въ свое время отлитографированная и разосланная въ войска (¹). Впрочемъ, нѣкоторые изъ насъ были отвлечены отъ работы другими служебными обязанностями и въ партіи остались только Фрезе и Сухомлиновъ.

Вслѣдствіе вышеупомянутой телеграмы трое изъ состава нашего корпуснаго штаба, а именно: Ставровскій, Энгельгардъ и я выѣхали, верхомъ, 21-го сентября, изъ с. Мидхатъ-паши. Такъ какъ командировка наша предполагалась продолжительной, и корпусъ могъ передвинуться, то мы забрали съ собою всѣ вещи и, такимъ образомъ, должны были соображать свое движеніе съ ходомъ повозки, слѣдовавшей за нами. Я уже ѣхалъ по знакомой мнѣ дорогѣ изъ первой поѣздки подъ Плевну. Въ д. Овчей Могилѣ (которую солдаты неблагозвучно называли «Общей Могилой») мы нашли биваки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Вся окрестность деревни, при вечернемъ времени, была залита огнями отъ костровъ. Замѣчу кстати, что, разыскивая начальника штаба 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, полковника Энкеля, мы были предувѣдомлены объ имѣющемся у его квартиры зеленомъ, кажется, фонарѣ, служившемъ указателемъ расположенія штаба. Не смотря на то, что послѣдній помѣщался въ самой отдаленной части деревни, зеленый фонарь служилъ намъ превосходнѣйшимъ путеводителемъ, рѣзко отличаясь среди массы другихъ огней. Провожатый понадобился только для указанія кратчайшей дороги. Дальнѣйшее движеніе наше происходило въ непроглядной темнотѣ. Около р. Осмы мы сбились нѣсколько съ дороги и попали, около полуночи, въ д. Чаушку-Махалу. Противоположный берегъ Осмы оказался въ этомъ мѣстѣ на столько крутымъ, что повозка наша никакъ не могла подняться; пришлось снять почти всѣ вещи и уже на рукахъ ихъ перетаскивать. Неумолкаемый тысячегласный собачій лай сопровождалъ нашъ въѣздъ въ деревню. Мы заѣхали въ одинъ изъ ближайшихъ дворовъ и расположились ночевать на открытомъ воздухѣ, сдѣлавъ себѣ постели изъ имѣвшейся въ изобиліи подстилки. Болгары нѣсколько недовѣрчиво на насъ поглядывали

(¹) Карта эта, исправленная и пополненная, помѣщена при № 9-мъ «Военнаго Сборника» за 1878 годъ.

и видимо опасались, по бывшимъ примѣрамъ, ничего не получить за тѣ скудные припасы, которыми они могли насъ снабдить. На другой день, въ подмогу нашимъ лошаденкамъ, мы искали прикупить осла, что, наконецъ, намъ и удалось.

До Плевны намъ оставалось верстъ 40 и потому мы прибыли туда только позднимъ вечеромъ. Тщетно мы искали штабъ 2-й пѣхотной дивизіи, куда намъ приказано было явиться къ князю Имеретинскому, назначенному начальникомъ штаба у генералъ-адъютанта Тотлебена. Мы получали самыя сбивчивыя указанія и, посреди безчисленныхъ огней, кочевали съ одного бивака на другой. Наши маленькія чухонскія лошаденки были совершенно заморены этими передвиженіями, безъ дорогъ, по холмамъ и высотамъ, окружающимъ Плевну. Наконецъ, мы набрели на ставку Великаго Князя, гдѣ я обратился къ сидѣвшимъ за столомъ офицерамъ съ просьбой дать точныя указанія относительно расположенія штаба 2-й дивизіи. Къ счастію, князь Имеретинскій оказался тутъ же. Онъ намъ предложилъ остановиться на ночлегѣ и отложить дѣло до утра. Мы немедленно достали нашу казенную палатку, поставили ее и кровати, сняли пальто, сюртуки, сапоги и предались богатырскому сну. Но намъ готовилось сильное испытаніе: около 2-хъ часовъ ночи мы были разбужены сильнымъ трескомъ. Проснувшись, мы замѣтили, во-первыхъ, что идетъ проливной дождь, и, во-вторыхъ, что часть подпорокъ въ нашей палаткѣ подломилась и послѣдняя готовилась обрушиться. Всѣ принятыя нами мѣры оказывались несостоятельными. Ставровскій приказалъ людямъ снять съ повозки запасную ось, которой мы съ нимъ и замѣнили было подпорку. Но вѣтеръ такъ бушевалъ, что не было никакой возможности утвердить ее устойчиво. Послѣ неравной борьбы эта злополучная ось вырвалась изъ моихъ, испачканныхъ дегтемъ, рукъ, и шлепнулась на землю, а промокшая палатка легла на наши спины всею тяжестью. Къ усугубленію горя мы въ темнотѣ и среди общей возни не могли найти сапогъ и потому пришлось ступать прямо въ грязь, а потомъ уже, съ величайшими усиліями, одѣвать сапоги на измокшія и загрязненныя ноги. Снявъ палатку, я приказалъ разбить свою кровать прямо на открытомъ воздухѣ подъ ливнемъ и снова погрузился въ сладкій сонъ. Спутники же мои промаялись до утра.

На другой день Фрезе пригласилъ насъ на сборный пунктъ въ д. Сгалевицы, гдѣ Энгельгардъ и я получили назначеніе — проѣхать къ сѣверу отъ Плевны и на западъ отъ нея въ авангардъ генерала Чернозубова, гдѣ работали два топографа, и просмотрѣть работы послѣднихъ. Ставровскій долженъ былъ отправиться къ югу отъ Плевны и обрекогносцировать тамъ дороги.

Путь нашъ (мой и Энгельгарда) лежалъ на д. Врбицу, по румынскимъ бивакамъ, потомъ на д. Рыбную (къ сѣверу отъ Плевны на берегу Вида), Трестеникъ и Нетрополь. Попадавшіеся на дорогѣ румынскіе биваки, госпитали и проч. имѣли видъ благоустроенный, а офицеры, къ которымъ мы обращались съ вопросами, относились, вообще, къ намъ съ предупредительной любезностью. Что касается войскъ, то наиболѣе благопріятное впечатлѣніе производили рашюры (регулярная кавалерія); они сидѣли на хорошихъ коняхъ и одѣты были въ красивые красные мундиры.

Въ строю замѣчалась большая выдержка и порядокъ. Артилерія румынская имѣла превосходныя дальнобойныя орудія, а офицеры этого рода оружія получили большею частью образованіе въ германскихъ военныхъ школахъ. Что же касается главнаго и важнѣйшаго элемента арміи—пѣхоты, то она находилась далеко въ неудовлетворительномъ состояніи. Доробанскіе баталіоны имѣли видъ крестьянъ, только что оторванныхъ отъ сохи, а офицерскій составъ этой пѣхоты далеко не стоялъ на высотѣ своего назначенія. Самый боевой опытъ доказываетъ справедливость этого мнѣнія. Вопреки хвастливымъ увѣреніямъ румынъ, всѣ ихъ успѣхи въ эту кампанію весьма сомнительнаго характера. Такъ, напримѣръ, во время атаки Гривицкаго редута, румынскія колонны, долженствовавшія взять это укрѣпленіе, подойдя къ нему на весьма близкое разстояніе, ретировались оттуда еще съ большею поспѣшностью, нежели наступали, и изъ числа ихъ только 1 офицеръ и около 100 нижнихъ чиновъ вошли въ редутъ одновременно съ нашими полками 5-й дивизіи. Когда послѣ того румыны заняли своимъ гарнизономъ редутъ и тамъ случайно остались двѣ нашихъ роты, то союзники наши упрашивали оставить эти роты для совокупнаго съ ними охраненія укрѣпленія (я самъ видѣлъ бумагу въ этомъ смыслѣ въ штабѣ 9-го корпуса).

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній генералъ Криденеръ рѣшился исполнить эту просьбу, чтобы не пришлось намъ второй разъ брать редутъ.... Подъ Раховымъ двукратныя атаки румынъ были отбиты турками, и только лишь тогда, когда послѣдніе *ушли сами*, атакующіе вступили въ городъ.

Говорю все это не въ осужденіе молодой, не имѣвшей боеваго опыта арміи, лишь только съ цѣлью указать на ту боевую цѣну, которой стоили наши союзники, имѣвшіе, между прочимъ, смѣлость увѣрять, будто Османъ сдался именно имъ, а не русскимъ!

Странно только, какъ мы потеряли въ этомъ дѣлѣ около 1,500 чел., а румыны ни одного.

Путь до Рыбнаго пролегалъ отъ Врбицы по ущелью, вдоль котораго разставлена была цѣпь пикетовъ, каждый изъ нѣсколькихъ калярашей (довольно удовлетворительная милиціонная румынская кавалерія). Въ опустѣвшихъ деревняхъ скиталось множество бѣглыхъ болгарскихъ семействъ изъ мѣстностей, занятыхъ турками. По указанію князя Черкасскаго они направлялись въ разныя оставленныя турками деревни, гдѣ и дѣлались собственниками всего оставшагося добра. Но дѣло въ томъ, что находили они обыкновенно лишь однѣ стѣны и заборы—все было забрано уходившими турками и черкесами или сфуражировано войсками. Румыны съ необыкновенной тщательностью и искусствомъ изслѣдовали всѣ подобные пункты.

На лѣвомъ берегу Вида уже виднѣлись вдали наши аванпосты и встрѣчались казаки изъ кавалерійскаго отряда генерала Крылова. Главныя силы послѣдняго находились въ огромной деревнѣ Трестеникѣ, а авангардъ, подъ начальствомъ генерала Чернозубова, у д. Нетрополя. Кавалерія у Трестеника стояла бивакомъ; тѣмъ не менѣе, вся деревня была биткомъ набита, какъ военнымъ людомъ, такъ и жителями, а также огромной массой бѣглецовъ, которые нашли пріютъ у своихъ соотчичей.

Явившись къ генералу Крылову и узнавши, что топографы находятся при авангардѣ, мы пустились въ путь дальше.

Уже вечерѣло, когда мы подъѣзжали къ Нетрополю. У самой деревни виднѣлись слѣды бывшаго бивака: разбросанная солома, шалаши, построенные изъ того же матеріала и хворосту и пр. Голодныя собаки бродили по брошенному биваку, разыскивая себѣ пищу; имъ сопутствовали нѣсколько болгаръ въ поискахъ за разнымъ хламомъ. Авангардъ расположенъ былъ въ полуверстѣ отъ деревни на совершенно открытомъ мѣстѣ и могъ быть обстрѣливаемъ турецкимъ артилерійскимъ огнемъ. Лошади кучками уныло стояли у небольшихъ кругообразныхъ коновязей; тутъ же помѣщался небольшой запасъ фуража, а среди бивака одиноко торчали конусообразныя турецкія палатки, служившія обиталищемъ офицеровъ. Генералъ Чернозубовъ принялъ насъ весьма любезно, угостилъ водкой, бараньимъ супомъ и сухарями. Обѣдъ въ тотъ день отличался особенной прелестью, такъ какъ генералъ досталъ откуда-то немного картофеля, который и былъ сваренъ въ супѣ. Здѣсь же мы познакомились съ престарѣлымъ генераломъ Красновымъ, заслужившимъ георгіевскій крестъ еще въ Венгерскую кампанію. Въ первомъ забалканскомъ походѣ, тогда еще полковникъ Красновъ командовалъ доблестнымъ 26-мъ полкомъ. Слава генерала, какъ неустрашимаго и храбраго воина, уже тогда была громка среди его боевыхъ сотоварищей.

Мы переночевали, разумѣется, на полу одной изъ палатокъ, а утромъ готовились было отправиться на рекогносцировку съ топографами, но сильный туманъ задержалъ насъ. Наши съемщики работали съ величайшимъ усердіемъ, но турецкая цѣпь зорко слѣдила за ними и отгоняла выстрѣлами. Случалось, что люди прикрытія бывали при этомъ ранены.

Въ тотъ же самый день, т. е. 24-го сентября, было получено донесеніе съ постовъ и отъ разъѣздовъ, что турки, въ числѣ около шести таборовъ, трехъ эскадроновъ и батареи, вышли изъ Плевны на фуражировку въ Горній Дубнякъ. Генералъ Чернозубовъ, начальникъ авангарда, замѣтилъ, обращаясь къ намъ: «Вотъ вы, господа, вчера говорили, что хотѣли попасть въ дѣло. Сегодня вы можете испытать это удовольствіе. Отъ меня все требуютъ турецкихъ транспортовъ, хотятъ чтобы я ихъ захватывалъ, разбивалъ.... Вотъ вы сами убѣдитесь на сколько это возможно. Я пойду атаковать ихъ со своимъ отрядомъ. Сдѣлаю что можно; во всякомъ случаѣ заставлю ходить ихъ по осторожнѣе, да и брать посильнѣе прикрытіе».

Пославъ донесеніе генералу Крылову о своихъ намѣреніяхъ, генералъ-маіоръ Чернозубовъ поднялъ свой отрядъ и выступилъ по направленію къ Горнему Дубняку. Силы его состояли изъ семи сотенъ казаковъ, двухъ эскадроновъ Екатеринославскихъ драгуновъ и 15-й донской конно-артилерійской батареи. Отъ отряда выдѣлился впередъ, авангардомъ, генералъ Красновъ съ нѣсколькими сотнями.

День былъ пасмурный, началъ накрапывать дождь и трудно было разглядывать вдали. Казачья цѣпь разъѣздовъ охватила отрядъ съ фронта и фланговъ. Первый разъ я шелъ въ настоящее дѣло. Любопытство, величайшее любопытство было преобладающимъ моимъ чувствомъ въ эту минуту. Я напряженно всматривался вдаль, съ величайшимъ интересомъ слѣдя за движеніемъ разъѣздовъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ встрѣчи ихъ съ противникомъ.

Какъ-то это происходитъ въ настоящемъ дѣлѣ? Чѣмъ обнаружится и какъ выразится самый актъ встрѣчи и пр., и пр. Хотѣлось поскорѣе самого себя провѣрить; какое впечатлѣніе произведетъ на меня обстановка боя, своею трагическою стороною? и т. п. Лица у всѣхъ серьезныя, оружіе на готовѣ и изрѣдка осматривается на походѣ.... Среди этихъ размышленій и наблюденій вдругъ раздался на лѣвомъ флангѣ ружейный выстрѣлъ; всѣ взглянули въ ту сторону, а цѣпь продолжала двигаться безостановочно. Тщетно я разыскивалъ взоромъ мѣсто откуда послѣдовалъ этотъ первый выстрѣлъ... Черезъ нѣсколько секундъ другой и зачастило; тогда уже мы замѣтили дымки въ кукурузѣ, находив-

шейся шагахъ въ 2,000 отъ нашихъ разъѣздовъ. Генералъ Чернозубовъ пріостановилъ и скрылъ за холмомъ главныя силы, а самъ выѣхалъ переговорить съ генераломъ Красновымъ. Послѣдній, между тѣмъ, спѣшилъ большую часть своихъ казаковъ, которые завязали живую перестрѣлку съ турецкою цѣпью, а съ остальною частью рѣшилъ двинуться вправо, чтобы, во-первыхъ, обрекогносцировать мѣстность, а во-вторыхъ, вызвать огонь противника по всей позиціи и обнаружить его расположеніе. Пока это исполнялось, всѣ мы съ генераломъ Чернозубовымъ внимательно разсматривали въ бинокли противника. Я запасся изъ Петербурга хорошимъ биноклемъ съ тремя окулярами, который служилъ мнѣ всю кампанію. Простымъ глазомъ, вслѣдствіе тумана и дождя, трудно было видѣть, чтó дѣлается у противника. Бинокль же позволилъ различить нѣсколько колоннъ, которыя совершали передвиженіе для занятія позиціи. Непріятельская кавалерія начала выдвигаться противъ генерала Краснова, совершавшаго свой обхватъ вправо. До этого времени мы находились внѣ турецкихъ выстрѣловъ и потому заняты были исключительно объективными наблюденіями. Скоро послѣ открытія перестрѣлки мы уже замѣтили нѣсколько раненыхъ лошадей, которыя уныло, понуря голову, или прихрамывая возвращались въ отряду. Казаки снимали съ нихъ сѣдла и уздечки, и пускали на волю. Я не слышалъ, чтобы казакъ пристрѣлилъ свою раненую лошадь: «не умирать ей отъ моей руки», обыкновенно говорятъ они.

Между тѣмъ, генералъ Чернозубовъ вызвалъ на позицію батарею. Подполковникъ Дудкинъ, дѣлавшій уже первый забалканскій походъ, лихо вынесся впередъ, снялся съ передковъ и открылъ огонь по турецкимъ колоннамъ. Екатеринославскіе драгуны стали по сторонамъ и нѣсколько позади, въ прикрытіи. Минуты черезъ двѣ, кто-то замѣтилъ: «выѣзжаетъ на позицію турецкая батарея». Еще подъ вліяніемъ красносельскихъ традицій, я тщетно отыскивалъ впереди, саженяхъ въ 500—600, эту батарею. Блеснувшій огонекъ обнаружилъ мою ошибку. Турецкія орудія открыли огонь съ разстоянія около 2,000 саженъ! Батарею едва можно было разглядѣть въ бинокль. За огонькомъ черезъ нѣсколько секундъ послышался гулъ выстрѣла, а затѣмъ вскорѣ граната, съ необычайно быстро усиливавшимся не то свистомъ, не то шипѣніемъ шлепнулась въ нѣсколькихъ шагахъ передъ дуломъ 6-го орудія, у котораго мы стояли, глубоко врылась въ землю, глухо лопнула и съ жалобнымъ звономъ разсыпалась небольшимъ фонтаномъ осколковъ, перемѣшанныхъ съ комьями грязи. При крутизнѣ траэкторіи снаряда, осколки поднимались чрезвычайно круто кверху; а вслѣдствіе толстоты стѣнокъ гранаты и сравнительно незначительнаго разрывнаго заряда—

разбрасывались на небольшое разстояніе. Шагахъ въ трехъ—четырехъ отъ мѣста разрыва гранаты уже было почти безопасно. Послѣ перваго выстрѣла черезъ полминуты послѣдовалъ второй и т. д. Ни одинъ турецкій снарядъ не вышелъ изъ расположенія батареи. Что касается впечатлѣнія орудійныхъ выстрѣловъ, то самая непріятная минута отвѣчаетъ тому моменту приближенія гранаты, когда она съ поразительно быстро усиливающимся шипѣніемъ кажется вотъ—вотъ мѣтитъ прямо въ вашу грудь... сердце защемитъ, какъ будто бы въ ожиданіи очень скверчаго извѣстія, потомъ отойдетъ до слѣдующаго выстрѣла и т. д. Когда же обстрѣляетесь и кругомъ, вблизи, не видно особенно тяжкихъ случаевъ раненія, то артилерійскій гранатный огонь перестаетъ почти совсѣмъ производить впечатлѣніе. Да и, вообще говоря, никто изъ офицеровъ, бывшихъ въ этомъ дѣлѣ, не потерялъ расположенія смѣяться, шутить и ни на одномъ лицѣ не было замѣтно ощущенія, о которомъ я говорилъ, но присутствія котораго въ себѣ никто не отрицалъ. Я замѣтилъ еще, что въ бою много курится табаку—вѣроятно, это результатъ нѣкотораго нервнаго возбужденія.

Почти всѣ артилеристы-казаки при всякомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ нѣсколько нагибались, а одинъ даже ложился. По этому поводу подполковникъ Дудкинъ замѣтилъ: «я имъ разрѣшаю такіе поклоны. Они вѣрятъ, будто это до нѣкоторой степени предохраняетъ отъ непріятельскаго огня—ну, и пускай себѣ кланяются. Во всѣхъ дѣлахъ они показали, что работаютъ молодцами, отчего же мнѣ не уважить ихъ предразсудка». Дѣйствительно, уже въ первомъ забалканскомъ походѣ 15-я батарея не разъ отличалась. Да и въ этомъ дѣлѣ, когда приказано было прекратить пальбу и сняться съ позиціи, чтобы обратно отправиться домой, то сами казаки (наводчики) упросили позволить имъ еще пострѣлять, такъ какъ замѣтили довольно близко проходившую колонну.

Общимъ огнемъ спѣшенныхъ казаковъ и батареи непріятельская пѣхота была оттѣснена нѣсколько назадъ и засѣла въ окопы, продолжая пальбу. Больше со слабыми силами нашего отряда ничего невозможно было съ нею сдѣлать.

Между тѣмъ, три эскадрона турецкой регулярной кавалеріи выдвинулись противъ сотни генерала Краснова. Послѣдній сталъ во главѣ полусотни и стремительно бросился на противника, въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго. «Коли ихъ, подлецовъ, пиками», крикнулъ старый воинъ, три эскадрона были опрокинуты, а человѣкъ 30 переколоты и изрублены. «Вѣдь эдакая стойкая сволочь!—говорилъ впослѣдствіи генералъ—подпустили шаговъ на 10; повынимали свои револьверы, па

лятъ на мѣстѣ съ коней и орутъ «алла, алла»! Пугнувши турокъ, но не имѣя возможности нанести имъ рѣшительный ударъ, генералъ Чернозубовъ приказалъ отряду сняться съ позиціи и отходить назадъ. Пошла батарея, съ нею драгуны. Турки пустили вслѣдъ нѣсколько гранатъ, затѣмъ прекратили бой и выслали человѣкъ 50 для уборки своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Серьезныя и сосредоточенныя во время боя лица оживились по окончаніи дѣла; всѣ начали дѣлиться пережитыми впечатлѣніями. «Я— говорилъ казакъ—выхватилъ шашку и понесся было на турку, какъ подскочилъ генералъ, и кричитъ: «пику возьми, пику! лучше угодишь»! Надо замѣтить, что вопреки общераспространенному мнѣнію, пика оказалась въ нынѣшнюю кампанію далеко не безполезнымъ боевымъ оружіемъ. Такое замѣчаніе я слышалъ отъ многихъ кавалеристовъ. Пики производили на противника весьма сильное нравственное впечатлѣніе; а уколы ихъ опаснѣе и дѣйствительнѣе, нежели сабельные удары. Обыкновенно однимъ изъ главныхъ доводовъ противъ пики приводятъ то обстоятельство, что ею трудно фехтовать въ рукопашномъ бою. Это вѣрно. Но, во-первыхъ, до рукопашнаго боя при атакахъ кавалеріи рѣдко доходитъ дѣло, во-вторыхъ, даже и въ такомъ случаѣ *первый ударъ* отлично наносится пикой; а этимъ ударомъ большею частью и опрокидывается одна изъ сторонъ. Наконецъ, если бы еще послѣ того продолжалась схватка, то не жаль будетъ и бросить пику и выхватить саблю, такъ какъ подобные случаи чрезвычайно рѣдки. Я не затрогиваю вопроса о переформированіи всей кавалеріи въ драгунъ, вооруженныхъ ружьями со штыкомъ: такая организація, быть можетъ, представила бы столь значительныя выгоды, передъ которыми преимущество пики имѣло бы совершенно ничтожное значеніе.

Среди шумнаго говора отрядъ возвратился обратно, обогащенный нѣсколькими турецкими лошадьми, взятыми съ боя казаками, галетами, хлѣбомъ, частью и деньгами, найденными въ сѣдельныхъ кабурахъ и на убитыхъ туркахъ. Наша потеря не превосходила, кажется, человѣкъ 10 убитыми и ранеными и нѣсколькихъ лошадей.

Такъ какъ погода мѣшала нашимъ рекогносцировкамъ, то мы съ Энгельгардомъ рѣшились еще переночевать въ авангардѣ, надѣясь покончить работу на другой день. Ночью внезапно поднялся сильнѣйшій холодный вѣтеръ, затѣмъ дождь и, наконецъ, ко всеобщему изумленію— снѣгъ. Явленіе неслыханное для такого времени года въ этой странѣ. Насъ порядочно промочило и, при такихъ условіяхъ, болѣзнь моя—дисентерія—разыгралась съ новою силою.

На утро нашему изумленному взгляду бивакъ представился покры-

тымъ бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ. Густой туманъ нависъ надъ всѣми окрестностями и опять помѣшалъ нашимъ занятіямъ. По необходимости пришлось сдѣлать намъ указанія топографамъ только по картѣ, и передъ вечеромъ мы выѣхали обратно, разсчитывая переночевать въ Трестеникѣ, въ избѣ, чего крайне требовало состояніе моего здоровья. Офицеры-топографы, Семеновъ и Бутовичъ, пригласили насъ къ себѣ на квартиру. Они помѣщались въ одной комнатѣ-землянкѣ, набитой болгарами. Вообще, въ этой мѣстности почти всѣ деревни состояли изъ землянокъ. Надъ поверхностью горизонта можно замѣтить только рядъ невысокихъ земляныхъ крышъ, изъ которыхъ торчатъ трубы. Всякая землянка огорожена заборомъ или валомъ, покрытымъ терномъ. Внутри ограды, кромѣ жилаго помѣщенія, имѣются загоны для скота, птичники и проч.; хлѣбъ и сѣно складывается тутъ же въ скирдахъ и стогахъ. Чтобы попасть въ землянку, надо спуститься ступеней 10—15 внизъ, и тогда вступаешь въ родъ жилыхъ сѣней. По одну сторону послѣднихъ имѣются помѣщенія для запасовъ молоченаго хлѣба, кукурузы и проч., а по другую—жилая комната. Вокругъ стѣнъ послѣдней идетъ возвышеніе, фута на полтора отъ пола, въ родѣ наръ, гдѣ обыкновенно спятъ, сидятъ и проч. У одной изъ стѣнъ устроенъ очагъ съ совершенно прямой трубою. Поэтому, при дождѣ огонь въ очагѣ часто заливаетъ; вода распространяется по всему полу; она же легко протекаетъ черезъ ненадежную крышу, а со двора, вдобавокъ, грязь наносится ногами. Можно себѣ представить, какую картину представляетъ собою внутренность жилья при всякомъ значительномъ дождѣ! Домашняя утварь отличается крайнею бѣдностью и отсутствіемъ разнообразія. Ни столовъ, ни стульевъ, ни скамеекъ и въ поминѣ не имѣется. Обѣдаютъ на кругломъ деревянномъ подносѣ; ѣдятъ ложками и пальцами.

Не смотря на производительность страны и превосходныя качества хлѣбныхъ растеній, жители питаются отвратительными лепешками. Мука мѣсится безъ дрожжей. Изъ тѣста скатывается круглая лепешка, которую кладутъ въ золу очага—и черезъ минутъ 20—30 хлѣбъ гоготовъ. Пока эта лепешка горяча, ее ѣсть еще можно, хотя плотное, дурно пропеченное, горячее тѣсто, разумѣется, должно разрушительно дѣйствовать на желудокъ. Черезъ нѣсколько часовъ лепешка утрачиваетъ свой вкусъ и постепенно превращается въ твердую, какъ камень, массу. И говорить нечего, что мы всегда предпочитали сухари этимъ лепешкамъ. Стѣны въ избахъ совершенно голыя, украшеній никакихъ. Многіе твердятъ о богатствѣ и благоденствіи болгаръ. Это было бы вѣрно, если бы счастье измѣрялось только количествомъ имѣющагося хлѣба и скота. Дѣйствительно, при необычайномъ богатствѣ почвы

(черноземъ часто въ одинъ, полтора аршина глубиною) и малой плотности населенія въ сѣверной Болгаріи, немного нужно труда, чтобы наполнить житницы и выпасти порядочное стадо скота; но, вслѣдствіе отсутствія порядочныхъ путей сообщенія, дурной администраціи, полной необезпеченности личности и собственности, промышленность, торговля, накопленіе продуктовъ труда—развиты въ ничтожной степени; соотвѣтственно этому уровню стоятъ и потребности населенія, а между тѣмъ, страна поражаетъ богатствомъ даровъ природы.

Мы счастливы были, попавъ на ночлегъ въ жалкую лачужку; зажгли огонь въ очагѣ и могли, такимъ образомъ, немного просушиться. Офицеры-топографы, искусившись во время своихъ странствованій въ кулинарномъ искусствѣ, сварили супъ изъ курицы, и приготовили отличный кофе «по-турецки», т. е. съ гущей и сахаромъ вмѣстѣ. Разумѣется, только въ нашемъ положеніи ночлегъ въ подобномъ помѣщеніи могъ казаться блаженствомъ: ноги, обращенныя къ очагу, сильно нагрѣвались огнемъ, а головы продувало вѣтромъ при каждомъ открываніи двери; грязь на полу мѣшала ходить безъ сапогъ, а потому мы и спали въ полномъ почти одѣяніи, снявъ лишь сабли, револьверы, сумки и бинокли.

Вернулись мы обратно черезъ деревню Гривицу. Не смотря на то, что деревня эта находилась подъ непріятельскимъ огнемъ, въ ней кипѣла полная жизнь: всѣ избы были заняты офицерами, мелкими маркитантами и разными учрежденіями.

Въ Згалевицѣ Фрезе предложилъ намъ направиться къ югу отъ Плевны и, пробравшись по направленію къ софійскому шоссе, произвести тамъ нѣсколько рекогносцировокъ, но судьба намъ готовила болѣе интересное дѣло и, какъ увидитъ читатель ниже, мы должны были примкнуть къ нашему корпусу, чтобы принять участіе въ славныхъ бояхъ на софійскомъ шоссе. Я отдѣлился отъ Энгельгарда и отправился на Тученицу, надѣясь встрѣтить тамъ Нагловскаго, который назначенъ былъ начальникомъ штаба у генерала Гурко, получившаго, вмѣсто Крылова, командованіе надъ кавалеріей западнаго отряда. Я думалъ пробраться вмѣстѣ съ Нагловскимъ къ софійскому шоссе. По предварительному уговору я долженъ былъ искать его въ Тученицѣ у генерала С., штабъ котораго былъ расположенъ въ этой деревнѣ.

Квартира генерала С. помѣщалась въ одномъ изъ полуразоренныхъ домовъ; но обстановка была улучшена, на сколько позволяли средства. Въ комнатѣ находилось нѣсколько деревянныхъ столовъ, стульевъ и проч. При генералѣ находился постоянно ординарецъ — пѣхотный офицеръ. Тутъ же помѣщалась походная кровать. Генералъ принялъ меня

гостепріимно, накормилъ обѣдомъ, и охотно отвѣчалъ на многочисленные вопросы. Онъ говорилъ, что служба его и боевая дѣятельность въ Туркестанѣ принесли ему огромную пользу и послужили для него хорошей школой.

Потомъ разговоръ перешелъ на разныя боевыя снаровки. «Нужно было пользоваться каждымъ случаемъ, говорилъ генералъ С., чтобы вліять на массы. Напримѣръ, я замѣтилъ, что почти съ полной безопасностью можно проѣзжать быстрымъ аллюромъ на близкомъ даже разстояніи отъ непріятельской цѣпи. Торопливо стараясь выстрѣлить, противникъ всегда дастъ промахъ. Но Боже упаси остановиться хотя на минуту, быстро пристрѣляются и свалятъ. Зная это, я остаюсь цѣлъ, а сопровождающіе меня не всегда такъ счастливо отдѣлываются; по мнѣнію толпы выходитъ, что я заколдованъ отъ пули».

Относительно психическихъ ощущеній во время боя онъ говорилъ: «Очень часто и у меня происходитъ въ дѣлѣ борьба между требованіями чувства долга и личной безопасности. Одинъ голосъ говоритъ: ты можешь остаться здѣсь, не выдвигаться впередъ, твое мѣсто именно въ этомъ пунктѣ, ты тутъ можешь лучше распоряжаться, а другой противорѣчитъ: да, но болѣе впереди ты лучше разсмотришь мѣстность и противника, воодушевишь людей и проч. и проч. Какъ-то такъ случалось, прибавилъ генералъ, что послѣдній голосъ одерживалъ побѣду».

Нагловскій остался пока въ Тученицѣ, а я проѣхалъ далѣе въ д. Ральево, черезъ которую проходилъ въ это время нашъ корпусъ, чтобы повидаться кое съ кѣмъ въ штабѣ и сообщить о своей дальнѣйшей поѣздкѣ. Не доѣзжая Ральева, я встрѣтилъ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ съ 1-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады. Движеніе войскъ по размокшему чернозему представляло чрезвычайныя трудности. Артилеристы выбивались изъ силъ, подгоняя своихъ лошадей. Спускъ въ деревню былъ чрезвычайно крутъ, узокъ и обрывистъ, а подъемъ, вслѣдствіе грязи, представлялъ еще бóльшія трудности. Войска столпились по всему пространству, вся деревня была запружена проходящими, а переходъ саженъ 150—200 черезъ деревню въ гору потребовалъ цѣлой ночи. Съ величайшими трудностями мнѣ удалось пробраться между орудіями и войсками и, обойдя болѣе половины избъ, найти наконецъ штабъ корпуса. Я засталъ собранными вмѣстѣ въ одной избѣ графа Воронцова-Дашкова, полковника Гудима-Левковича и другихъ нашихъ офицеровъ. Начальникъ штаба подробно опрашивалъ болгаръ относительно дальнѣйшихъ путей, къ югу отъ Плевны, на Беглишъ и Ески-Баркачъ.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ не согласился отпустить меня на реког-

носцировку, такъ какъ нуждался самъ въ офицерахъ генеральнаго штаба и предложилъ остаться при корпусѣ. Тогда я отправился розыскивать Ставровскаго, съ которымъ у насъ была общая повозка. Хотя мы были въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, но занимали оберъ-офицерскія вакансіи, а потому на двухъ насъ полагалась одна повозка. Нельзя не замѣтить крайняго неудобства такого положенія на практикѣ. По самому характеру службы генеральнаго штаба, каждому изъ насъ постоянно приходится исполнять отдѣльныя командировки, порученія, состоять то въ томъ, то въ другомъ отрядѣ; при этомъ условіе общности имущества всегда будетъ крайне невыгодно для кого нибудь изъ совладѣльцевъ.

Ставровскаго я нашелъ полубольнымъ, въ избѣ, набитой хворыми болгарами, прислуга наша тоже разболѣлась (преимущественно желудкомъ) и такимъ образомъ мы представили собою небольшой лазаретъ, но мысль о дѣйствительномъ госпиталѣ никому не приходила въ голову. На другой день движеніе корпуса продолжалось далѣе.

Чтобы сколько нибудь облегчить путь для частей, не переходившихъ еще д. Ральево и бивакировавшихъ на противоположной ея сторонѣ, графъ Воронцовъ-Дашковъ приказалъ саперамъ и Волынскому полку заняться разработкой двухъ подъемовъ и самъ слѣдилъ за работой. Люди сперва снимали грязь съ дороги, потомъ настилали дорогу соломой, затѣмъ разламывали плетневые заборы и раскладывали ихъ по полотну дороги и, наконецъ, чтобы не скользили лошади, присыпали все соломой. Не смотря на все это, движеніе происходило съ большими трудностями; ни одна повозка не могла подняться безъ помощи людей. Передъ вечеромъ мы отправились далѣе по дорогѣ на Беглишъ въ Эски-Баркачъ. Путь этотъ не мало насъ смущалъ. Отъ продолжительнаго дождя грунтъ земли совершенно размокъ и расползался; объѣздовъ по сторонамъ дороги вовсе не было: она ограничивалась пахатными полями, которыя, вслѣдствіе вязкости, рѣшительно не допускали движенія повозокъ; даже верхомъ не легко было по нимъ пробираться. Съ полупути дорога вошла наконецъ въ ущелье. Дно его хотя было часто каменистымъ, но по ручьямъ встрѣчались постоянно сквернѣйшіе спуски и подъемы, которые притомъ окончательно были испорчены войсками. Вообще движеніе на этомъ переходѣ представляло далеко не привлекательную картину; повозки увязали на каждомъ шагу, лошади выбивались изъ силъ, буйволы прямо ложились въ грязь и никакими понуканіями и ударами нельзя было ихъ поднять; части растянулись длинными нитками; люди брели кучками, отставшихъ множество; продолжительные дожди промочили всю одежду, некогда и негдѣ было высушиться; все раскисло и продрогло.... Само собою разумѣется, что трудно

было услѣдить за каждымъ человѣкомъ при подобномъ движеніи, и начальникамъ приходилось употреблять всевозможныя мѣры и усилія, чтобы водворить порядокъ и не подавать повода къ справедливымъ жалобамъ жителей.... Увѣряютъ, будто Османъ, спустя непродолжительное послѣ этого время, говорилъ нашему парламентеру: «я видѣлъ движеніе вашей гвардіи; она разложила такіе костры, которые сдѣлали бы честь стотысячной арміи.

На сколько движеніе было трудно, видно изъ того обстоятельства, что на переходъ и сосредоточеніе двухъ дивизій изъ д. Ральево въ Эски-Баркачъ (около 15-ти верстъ) потребовалось почти пять сутокъ; Къ довершенію горя, ранцевый запасъ сухарей былъ съѣденъ, транспортъ отсталъ и весь отрядъ долженъ былъ исключительно питаться однимъ мясомъ.

Деревня Эски-Баркачъ лежитъ на скатѣ плато, образующаго одинъ бокъ глубокой лощины съ крутыми утесистыми берегами. Деревня была турецкая (жители выселились съ появленіемъ нашихъ войскъ подъ Плевной). Турки оставили намъ нѣкоторый запасъ ячменя и соломы. Приходя на бивакъ, подъ проливнымъ дождемъ, люди быстро разбирали на подстилку имѣвшіеся по дворамъ снопы, а потомъ, по истощеніи ихъ, солому съ крышъ. Авангардъ сталъ верстахъ въ трехъ впереди, по направленію къ Плевнѣ, въ д. Іени-Баркачъ (эски значитъ по турецки старый, а іени—новый), населенной болгарами.

Далѣе впереди насъ занимали аванпосты Донской № 4-го казачій и 9-й гусарскій Кіевскій полки. Въ это время (первыя числа октября) задача нашего корпуса не была еще выяснена; о движеніи на софійское шоссе, съ цѣлію прочно тамъ утвердиться, не было еще и рѣчи.

2-го ноября пріѣзжалъ къ намъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, помощникъ принца Карла Румынскаго по командованію западнымъ отрядомъ, съ начальникомъ штаба княземъ Имеретинскимъ. Всѣ начальствующія лица, совмѣстно съ офицерами генеральнаго штаба, выѣзжали на рекогносцировку мѣстности отъ Іени-Баркача на Чириково. Одно время думали, будто наша задача заключалась въ нападеніи на турецкіе транспорты, двигавшіеся по софійскому шоссе. Не говоря о странности подобной партизанской роли для сильнаго корпуса, она была бы въ сущности безполезною, такъ какъ все-таки оставляла путь для отступленія Османа свободнымъ, да и кромѣ того турки никогда не пускали сразу большаго транспорта, что мы хорошо видѣли съ пунктовъ нашего наблюденія, а отправляли отъ одного этапа до другаго періодически повозокъ 50—100. Каждый изъ насъ, понятно, съ нетерпѣніемъ ожидалъ разъясненія обстоятельствъ. Въ видахъ возможнаго движенія

на лѣвый берегъ Вида, предполагалось устроить на лѣвомъ его берегу тетъ-де-понъ и помѣстить тамъ двѣ роты стрѣлковъ. Впослѣдствіи эта мѣра была отмѣнена, чтобы не возбуждать усиленнаго вниманія турокъ появленіемъ тамъ нашихъ пѣхотныхъ частей; притомъ, какъ оказалось, рѣка Видъ была переходима въ бродъ во многихъ мѣстахъ.

Въ тѣхъ же предположеніяхъ Ставровскому поручено было произвести, съ $1^1/_2$ эскадронами конвоя Его Величества и $1^1/_2$ сотнями казаковъ, рекогносцировку по направленію къ Горнему Дубняку и Телишу. Чтобы исполнить задачу, ему пришлось завязать бой съ турецкой пѣхотой, поддержанной огнемъ нѣсколькихъ орудій. Перестрѣлка продолжалась часа $2^1/_2$, причемъ было снято кроки указаннаго пространства; рекогносцировка стоила двухъ казаковъ и двухъ лошадей ранеными.

Жизнь наша въ Баркачѣ устроилась не особенно комфортабельно: мы помѣщались въ темной избѣ, гдѣ низкій потолокъ не позволялъ вытянуться во весь ростъ; что касается продовольствія, то должны были ограничиться исключительно лишь супомъ изъ баранины, изготовленнымъ въ водопойномъ ведрѣ. За фуражомъ для лошадей приходилось посылать повозку или вьючныхъ лошадей верстъ за 10—12, гдѣ каждой части указаны были фуражировочные раіоны.

Такъ какъ въ это время ожидалось прибытіе къ намъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, то графъ Воронцовъ-Дашковъ поручилъ мнѣ и генеральнаго штаба полковнику барону Каульбарсу осмотрѣть все пространство къ югу, по направленію къ Ловчѣ. Въ прикрытіе намъ было дано 12 казаковъ конвоя Его Величества.

6-го октября мы тронулись въ путь. «Ребята, предупреждали мы казаковъ,—намъ надо осмотрѣть побольше пространства, но не драться съ турками, поэтому, если увидите ихъ разъѣзды или небольшія части, примѣрно ровныя вамъ или не больше какъ вдвое сильнѣе, то бросайтесь на нихъ и гоните; если же непріятель будетъ гораздо сильнѣе, то лучше будетъ уклониться отъ боя, дать туркамъ уйти, а потомъ опять продолжать свою работу». Казаки переглянулись съ оживленной улыбкой, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ: «Ваше в-діе, мы надѣемся справиться каждый съ четырьмя черкесами, такъ, что позвольте....»—«Ну, какъ знаете, отвѣчали мы, смотрите же, молодцами». Едва ли, впрочемъ, нужно было поощрять этихъ отчаянныхъ людей.

Путь нашъ (на деревни Бежаново, Огурчени и др.) пролегалъ сначала среди безбрежнаго моря дубоваго кустарника, перемѣшаннаго съ колючками и на столько густаго, что пробраться по немъ можно было только одному человѣку, и то лишь по тропинкамъ и дорожкамъ; затѣмъ мы вошли въ густой вѣковой дубовый лѣсъ, пройдя который

Библиотека имени В. И. Ленина

вышли на холмистую мѣстность, состоявшую изъ смѣняющихся долинъ и невысокихъ хребтиковъ, слегка поросшихъ лѣсомъ. Оттуда открывался восхитительный видъ на предгорія и далѣе на самый массивъ Балкановъ. По пути намъ попадались заброшенныя турецкія деревни и чифтлики. Тщетно казаки рыскали, чтобы розыскать съѣстнаго; удалось добыть только нѣсколько куръ, сливъ и грецкихъ орѣховъ. Разореніе покинутыхъ селъ производилось общими усиліями: то явятся туда болгары, то солдаты на фуражировку, то, наконецъ, и случайный посѣтитель, какъ въ настоящемъ случаѣ мы, наложитъ свою руку. На поляхъ мы нашли массу неубраннаго сѣна, а въ избахъ попадались: овесъ, ячмень, пшеница. Сообразно этому, а также и бивачнымъ условіямъ, мы и очерчивали квартирный раіонъ для ожидаемой кавалерійской дивизіи. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я убѣдился въ огромной важности правильной организаціи въ войскахъ интендантской службы. Если бы всѣ попадающіяся войскамъ въ руки средства страны были правильно эксплуатируемы, а не безпорядочно расхищаемы, то, вѣроятно, люди и лошади рѣдко бы когда голодали. Сопровождавшіе насъ казаки двигались въ порядкѣ, указанномъ для разъѣзда, т. е. освѣщали мѣстность съ фронта и фланговъ. По приближеніи къ дер. Огурчени, едва болгары завидѣли ихъ издали, какъ опрометью бросились бѣжать куда глаза глядятъ. Мы послали казака догнать ихъ и успокоить. Но это произвело еще бо̀льшую панику; видя погоню за собою, они сбрасывали сперва верхнее платье, потомъ сапоги и наконецъ брюки и, уже на легкѣ, въ одной рубахѣ, стремительно удирали. Наконецъ казаку удалось нагнать одного изъ бѣглецовъ и убѣдить, что мы русскіе, а не черкесы, не смотря на папахи и архалуки (казаковъ). Надо было видѣть восторженную радость этихъ несчастныхъ людей, когда они удостовѣрились, что передъ ними дѣйствительно *братушки*. Надо замѣтить, что д. Огурчени находилась въ полосѣ територіи, пролегавшей между нашими и турецкими войсками. Изъ Ловчи заходили туда наши разъѣзды, но появлялись иногда и черкесы, стоявшіе недалеко къ западу. Можно себѣ представить положеніе бѣдныхъ жителей!

Нашъ пріѣздъ былъ праздникомъ для всей деревни. Они окружили насъ со всѣхъ сторонъ, засыпали вопросами, нанесли хлѣба, яблокъ, сливъ и пр. Очистили намъ обширную избу, зажгли очагъ и видимо старались предупредить малѣйшее наше желаніе. Такъ какъ ночевать намъ приходилось вблизи черкесскаго лагеря, то у воротъ дома мы поставили часоваго, и поочередно разъѣздъ изъ двухъ казаковъ долженъ былъ двигаться по деревнѣ и ближайшимъ окрестностямъ; прочіе казаки расположились во дворѣ, разнуздали лошадей, отпустили, не расѣдлы-

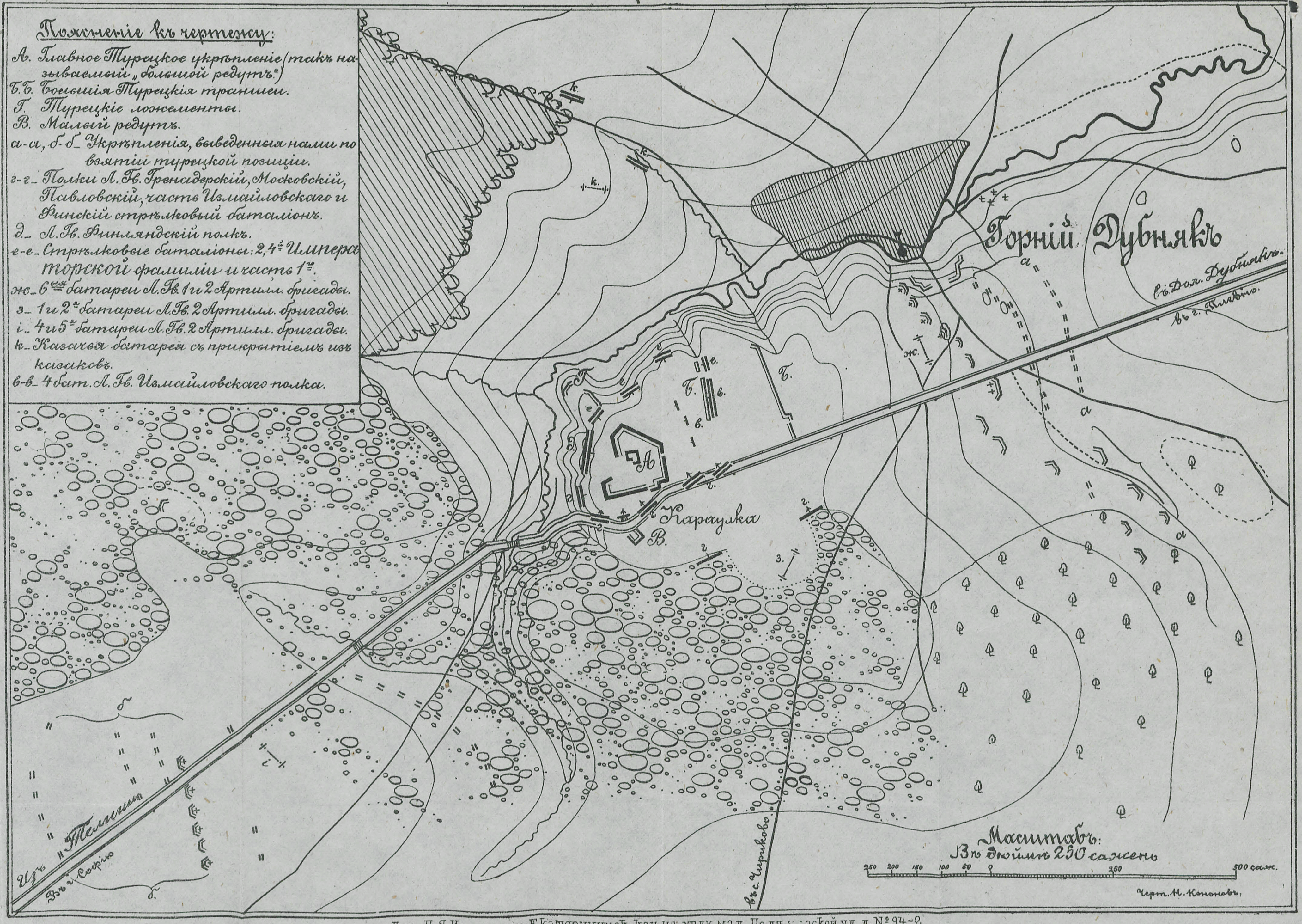
вая, подпруги и принялись варить купленнаго нами поросенка, ведя оживленную бесѣду съ любопытствующими болгарами. Мой спутникъ Н. В. Каульбарсъ, большой любитель природы, увлекаемый превосходнѣйшей лунной ночью, вышелъ на улицу, съ цѣлью погулять по деревнѣ, среди ночной тишины и полнаго уединенія. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ вернулся раздраженный. «Хотѣлъ погулять,—говорилъ онъ,—и наткнулся на безобразную сцену: слышу въ концѣ деревни сильный собачій лай, подхожу и вижу, что цѣлая ихъ стая что-то рветъ; всматриваюсь — человѣческій трупъ, обглоданный на половину; по бритой головѣ можно догадаться, что это былъ турокъ». Когда черезъ четверть часа мы вышли снова къ собакамъ, то въ распоряженіи ихъ оставался только позвоночный столбъ съ тазовыми костями. Утромъ дѣло разъяснилось. Незадолго до того времени, о которомъ идетъ рѣчь, турки зарѣзали отца и мать у огурченскаго чербаджи; за это онъ поклялся въ свою очередь убить по крайней мѣрѣ тоже двухъ турокъ. Къ нашему времени на мельницу въ деревню зашелъ изъ окрестностей какой-то мусульманинъ, и чербаджи немедленно приступилъ къ исполненію своей клятвы. Зарѣзавши турка, онъ бросилъ его среди деревни на съѣденіе собакамъ, и всѣ жители равнодушно на это смотрѣли. Такова-то грубость нравовъ, питаемая и поддерживаемая ожесточенной племенной враждой тамошняго населенія. Чербаджи, узнавши, что мы русскіе, самъ явился къ намъ, но уклонялся отъ разсказа о своей расправѣ. Это былъ высокій, статный и рѣшительный человѣкъ; въ рукахъ онъ держалъ старое, но исправное ружье, а изъ за широкаго пояса выглядывалъ громадный ятаганъ. Можно было быть увѣреннымъ, что онъ въ точности и въ полной мѣрѣ исполнитъ свою клятву.

На другой день, 7-го октября, мы проѣхали еще нѣсколько запустѣвшихъ деревень, гдѣ, кромѣ фуража, можно было найти сливъ (перезрѣвшія, но не спадавшія съ деревьевъ) и грецкихъ орѣховъ. Во многихъ мѣстахъ были замѣтны слѣды пожаровъ, а иныя избы и заборы горѣли еще на нашихъ глазахъ. Къ вечеру мы были уже дома, т. е. въ Эски-Баркачѣ.

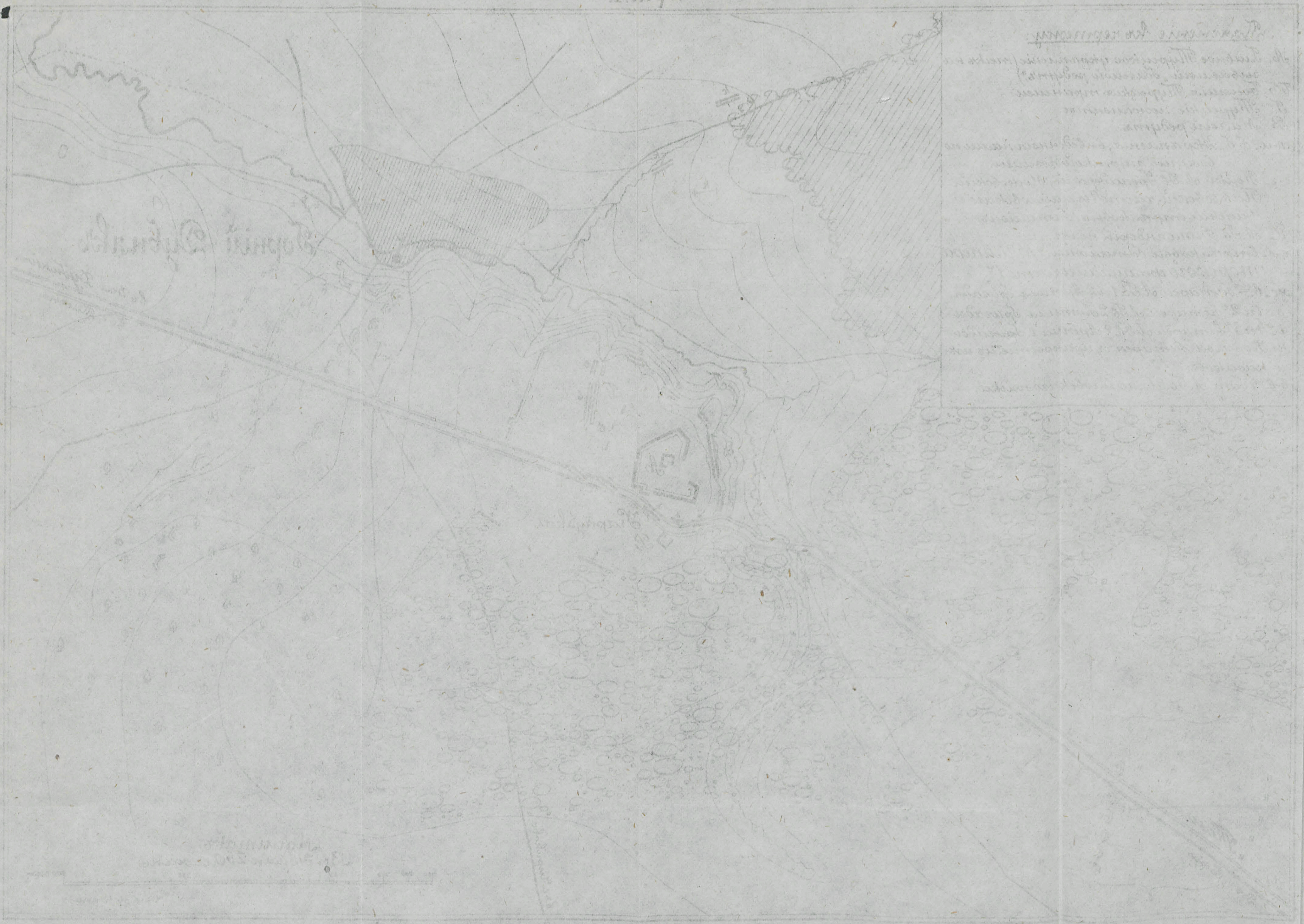
Къ нашему возвращенію произошла полная перемѣна командной части въ нашемъ корпусѣ. Генералъ-адъютанту Гурко, получившему сначала въ командованіе кавалерію западнаго отряда, подчинены были, потомъ, особымъ распоряженіемъ, и всѣ тѣ пѣхотныя части, которыя переходили на лѣвый берегъ Вида, а вскорѣ затѣмъ онъ получилъ командованіе и надъ всѣмъ нашимъ корпусомъ, съ титуломъ «начальника войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда»; начальникомъ шта-

ба былъ назначенъ генералъ-маіоръ Нагловскій, а графъ Воронцовъ-Дашковъ уѣхалъ въ рущукскій отрядъ для командованія кавалеріею этого отряда. Изъ нашихъ офицеровъ его сопровождали: полковникъ Гудимъ-Левковичъ и Энгельгардъ. Послѣдній вернулся съ дороги по болѣзни. Штабъ нашего корпуса былъ слитъ съ отряднымъ, и генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ намъ всѣмъ, съ канцеляріей, перебраться къ нему въ авангардъ, въ Іени-Баркачъ, что и было исполнено раннимъ утромъ слѣдующаго дня.

Черт. I.

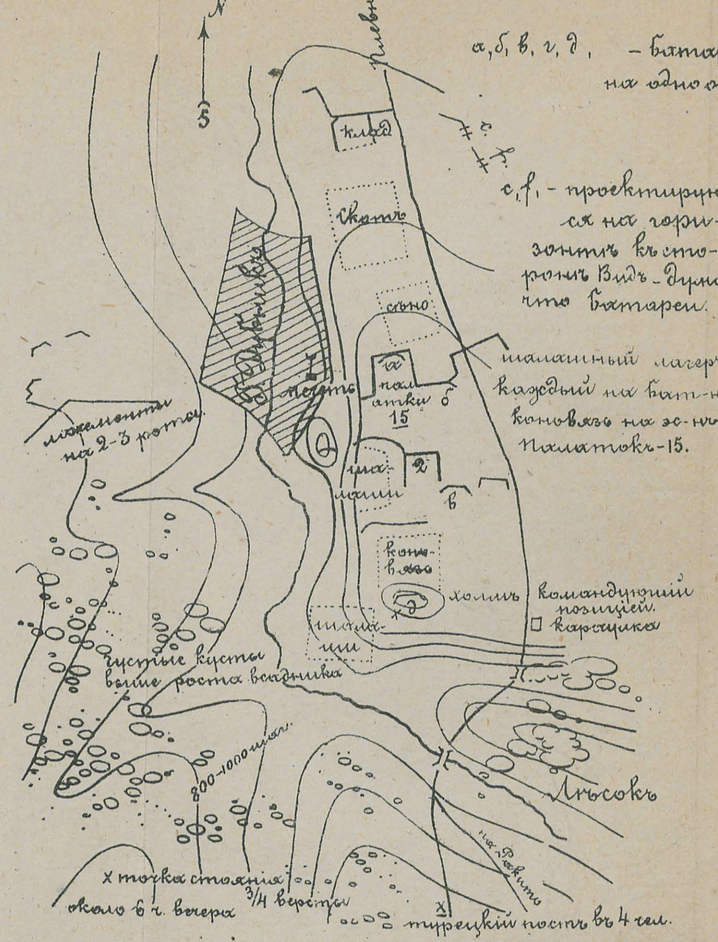

Лит. П. Я. Иванова, по Екатерининск. кан. на углу мал. Подъ... ской ул. д. № 94-2.

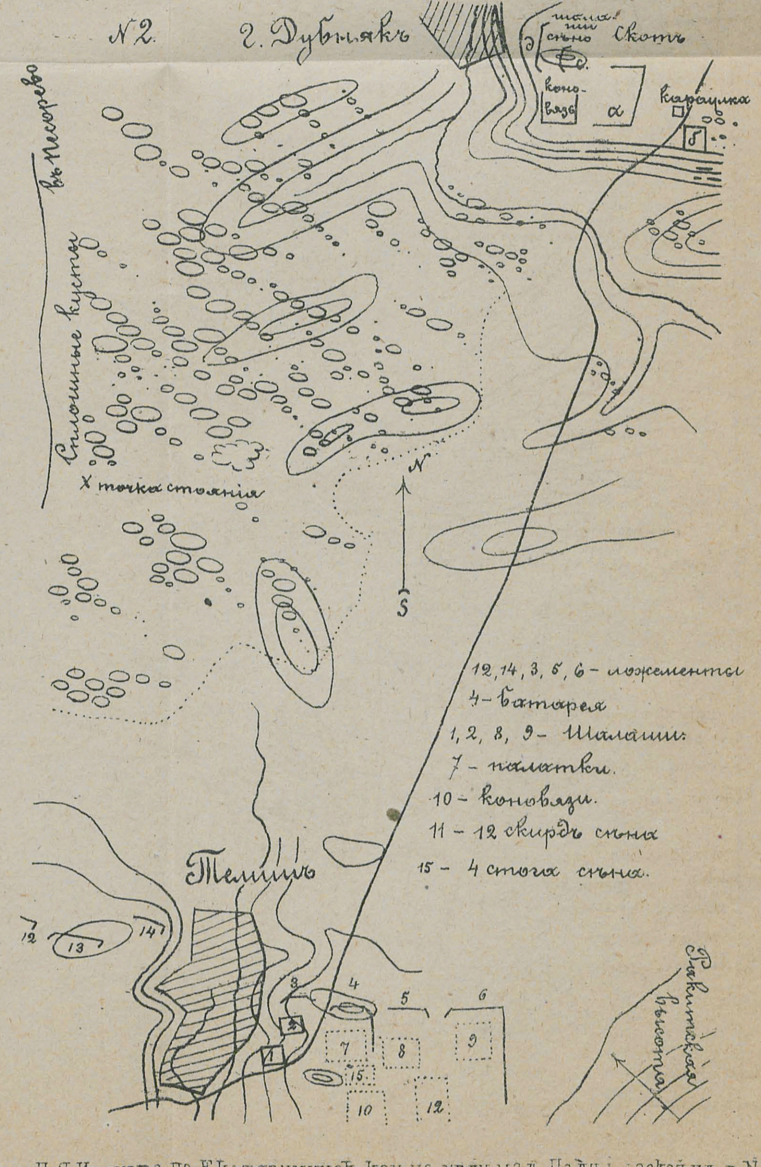

Черт. II.

№ 1.

№ 2. г. Дубнякъ

Лит. П. Я. Иванова, по Екатерининск. кан. на углу мал. Подъяческой ул. д. № 94-8.

III.

Битвы на Софійскомъ шоссе. — Окончательное обложеніе Плевны.

Подготовка движенія къ Софійскому шоссе.—Рекогносцировки.—Канунъ боя подъ Горнимъ Дубнякомъ. — Диспозиція для боя.—Бой подъ Горнимъ Дубнякомъ 12-го октября.—Рекогносцировки къ сторонѣ Телиша.—Укрѣпленіе позиціи.—Бомбардированіе Телиша 16-го октября. — Занятіе Дольняго-Дубняка.—Укрѣпленіе позиціи.—Организація службы въ траншеяхъ.

Генералъ-адъютантъ Гурко, вступивъ въ командованіе отрядомъ, предпринялъ рядъ рекогносцировокъ къ сторонѣ Софійскаго шоссе. Почти ежедневно онъ выѣзжалъ на высокій курганъ, лежавшій между Іени-Бркачемъ и Чириковымъ. На этомъ пунктѣ былъ учрежденъ особый офицерскій наблюдательный постъ, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы выслѣживать все происходящее на шоссе. Оттуда можно было ясно видѣть движеніе турецкихъ транспортовъ отъ одного этапа къ другому, а у Горняго-Дубняка виднѣлся лагерь. Кромѣ этого дальняго обозрѣнія, была еще ранѣе произведена съ юга рекогносцировка окрестностей Горняго-Дубняка, Ставровскимъ, какъ я упомянулъ выше; съ сѣвера осмотрѣлъ мѣстность генеральнаго штаба поручикъ Соколовскій. Самъ генералъ Гурко тоже выѣзжалъ нѣсколько разъ впередъ и, между прочимъ, изслѣдовалъ броды черезъ р. Видъ.

Чтобы показать, на сколько самыя добросовѣстныя рекогносцировки рознятся отъ дѣйствительной мѣстности и расположенія противника, въ концѣ этой статьи прилагаются точныя копіи съ кроки поручика Соколовскаго, рядомъ съ планомъ поля сраженія подъ Горнимъ-Дубнякомъ, снятымъ топографами штаба гвардейскаго корпуса (см. чертежи I и II, №№ 1-й и 2-й) [1].

[1] На этомъ планѣ нанесены возведенныя нами впослѣдствіи укрѣпленія. Но, къ сожалѣнію, не показаны всѣ турецкія траншеи, которыя были засыпаны нами для удобства сообщенія. *А. П.*

По отрывочнымъ замѣчаніямъ генералъ-адъютанта Гурко и по характеру его рекогносцировокъ можно было замѣтить, какъ у него постепенно созрѣвалъ планъ атаки Горняго-Дубняка. Дня за два или за три до боя, онъ приказалъ мнѣ, совмѣстно съ топографомъ, опредѣлить разстояніе отъ вышеупомянутаго кургана до Горняго-Дубняка. Хотя работу мы начали около полудня, но, вслѣдствіе дальняго разстоянія до опредѣляемаго пункта, необходимо было, въ видахъ точности результата, измѣрить побольше базисъ. Мы его взяли слишкомъ въ двѣ версты. При этомъ пришлось идти цѣпью черезъ колючки и густой кустарникъ и направляться искусственными точками. Одежда и сапоги наши при этомъ сильно пострадали, а руки были изцарапаны въ кровь. Не смотря на безостановочность работы, мы кончили ее только вечеромъ и сдѣлали засѣчку уже по огню въ турецкомъ лагерѣ. Разстояніе вышло въ восемь слишкомъ верстъ. Сообразно этому былъ сдѣланъ разсчетъ времени въ отданной потомъ диспозиціи.

Ожидалось прибытіе только 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, чтобы двинуться противъ непріятеля. 2-я дивизія прошла походнымъ порядкомъ черезъ всю Румынію, и потому явилась подъ Плевну нѣсколько позже другихъ. 10-го октября подошли къ Бркачамъ три полка съ тремя батареями, а лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, съ тремя батареями, прибылъ только 11-го вечеромъ, и прямо съ похода двинулся въ бой. Мнѣ поручено было взять съ собой нѣсколькихъ жандармовъ и выбрать биваки для 2-й дивизіи; затѣмъ, высмотрѣть выходы съ биваковъ на большую дорогу (которую разработывали наши егеря) изъ д. Ральево въ Іени-Бркачъ и, встрѣтивъ командовавшаго 2-й дивизіей, генералъ-адъютанта графа Шувалова, указать полкамъ путь къ бивакамъ. Въ числѣ знакомыхъ я встрѣтилъ бывшаго нашего офицера, командира лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Лаврова. Спокойный, но грустный, онъ ѣхалъ впереди своего полка.... Черезъ два дня уже не стало этого разумнаго и благороднѣйшаго человѣка.

Вечеромъ, 10-го октября, старшіе начальники, до полковыхъ въ пѣхотѣ и бригадныхъ въ артилеріи, а также всѣ офицеры генеральнаго штаба были собраны на квартирѣ начальника отряда. Генералъ-адъютантъ Гурко подробно объяснилъ свои намѣренія относительно нападенія на Горній-Дубнякъ, Телишъ и Дольній-Дубнякъ, и старался выяснить каждому отряду предстоявшую ему роль. «Слѣдуетъ, говорилъ онъ, держать Дольній-Дубнякъ и Телишъ въ желѣзныхъ объятіяхъ, пока будетъ покончено съ Горнимъ-Дубнякомъ». Энергическую атаку этого послѣдняго пункта генералъ Гурко признавалъ необходимой, чтобы

не дать возможности Осману-пашѣ оказать своевременную помощь изъ Плевны. При этомъ онъ замѣтилъ, что не желалъ бы, чтобы предстоящее сопротивленіе турокъ и побѣда были слишкомъ легкими и не внушили бы гвардіи легкомысленное презрѣніе къ противнику и заключилъ свою рѣчь напоминаніемъ о тѣхъ надеждахъ, которыя возлагаетъ на гвардію Государь и Россія.

Поздно вечеромъ мы разошлись; по дорогѣ зашли къ намъ на стаканъ чаю командиры полковъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго—полковникъ Любовицкій и Финляндскаго — генералъ Лавровъ, оба бывшіе офицеры генеральнаго штаба. Разговоръ прошелъ въ разсказахъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось встрѣтить 2-й дивизіи на походѣ въ Румыніи, какъ вслѣдствіе дождливой погоды и дурныхъ дорогъ, такъ и отъ неправильнаго снабженія отъ «Товарищества по продовольствію».

11-го октября генералъ-адъютантъ Гурко выѣхалъ къ Виду и указалъ броды черезъ рѣку, по которымъ каждая колонна должна была перейти. Въ указанныхъ пунктахъ имѣлись вѣхи съ нумеромъ брода. Затѣмъ, тутъ же были показаны мѣста, гдѣ колоннамъ слѣдовало сосредоточиться по переходѣ черезъ р. Видъ, а также и общее направленіе дальнѣйшаго движенія. При этомъ, офицеры генеральнаго штаба, назначенные въ колонны, съ часами въ рукахъ, должны были проѣхать отъ Вида до пунктовъ сосредоточенія своихъ колоннъ и такимъ образомъ опредѣлить это разстояніе, во избѣжаніе ошибки во время ночнаго передвиженія.

Въ тотъ же день генералъ-адъютантъ Гурко объѣзжалъ войска и воодушевлялъ ихъ рѣчью. Солдатамъ рекомендовалъ, между прочимъ, беречь сухарь на походѣ, и патронъ въ бою. Офицерамъ говорилъ, что ихъ задача съ русскимъ солдатомъ легка — идти впередъ, оглядываться не-зачѣмъ: русскій солдатъ пойдетъ всюду за своимъ офицеромъ. Энергія, твердость и рѣшительность, съ которыми было все это говорено, производили сильное впечатлѣніе и электризовали массы.

Во избѣжаніи путаницы при слѣдованіи въ бой, отдано было приказаніе для предварительнаго передвиженія всѣхъ войскъ за р. Видъ до пунктовъ сосредоточенія колоннъ. А затѣмъ уже движенія и вступленіе въ бой должны были совершиться согласно *диспозиціи по отряду*. Кромѣ того, отдано было приказаніе относительно обозовъ, пищи и перевязочныхъ пунктовъ въ бою.

Привожу точную копію этихъ документовъ:

*

Приказъ по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда.

Въ дер. Іени-Бркачъ.

«Предписываю произвести слѣдующія предварительныя передвиженія.

«1) Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ съ одною батареею лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, съ одною батареею лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады и одною сотнею донскаго казачьяго № 9-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ часъ пополуночи, двинуться къ деревнѣ Чириково и пройдя по броду № 1 расположиться въ резервномъ порядкѣ, между р. Видомъ и гребнемъ возвышенности лѣваго берега рѣки, по дорогѣ въ Куршевицу, верстахъ въ $2^1/_2$ отъ деревни Чирикова. Обоимъ кубанскимъ эскадронамъ Собственнаго Его Величества конвоя выступить одновременно со Стрѣлковою бригадою, поступить въ распоряженіе командира бригады и, слѣдуя во главѣ ея по той же дорогѣ, расположиться на правомъ флангѣ гвардейской Стрѣлковой бригады, на дорогѣ изъ Чирикова въ Куршевицу.

«2) Лейбъ-гвардіи Егерскому полку съ одною батареею лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и съ одною сотнею казачьяго № 9-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, тоже въ часъ пополуночи, и слѣдовать непосредственно за гвардейскою Стрѣлковою бригадою. Подойдя къ р. Видъ, перейти черезъ нее по броду № 4, повернуть тотчасъ влѣво, пройти деревню Чириково и Свинаръ, войти въ лощину, ведущую къ Телишу, и расположиться въ ней сосредоточенно позади 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

«3) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ двумя батареями лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ $1^1/_2$ часа по полуночи и, слѣдуя непосредственно за лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ, расположиться въ той же лощинѣ, верстахъ въ $2^1/_2$, пройдя деревню Свинаръ.

«4) 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ двумя батареями лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ 2 часа по полуночи и, слѣдуя непосредственно за 2-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, перейти черезъ р. Видъ по броду № 3 и расположиться на лѣвомъ берегу рѣки позади дубковъ.

«5) Лейбъ-гвардіи Саперному баталіону расположиться позади 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«6) Тремъ полкамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ четырьмя батареями и одною сотнею Донскаго № 4-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ $2^1/_2$ часа по полуночи и, слѣдуя за 1-й бригадою 2-й

гвардейской пѣхотной дивизіи, расположиться въ резервномъ порядкѣ позади бродовъ №№ 1-го и 2-го.

«7) Всѣмъ войскамъ двинуться: пѣхотѣ—во взводныхъ колоннахъ, артилеріи—въ колоннахъ въ два орудія.

«8) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ одною конною батареею выступить съ бивака съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы прибыть къ выходу изъ дер. Свинаръ на Телишъ къ 3-мъ часамъ по полуночи 12-го сего октября. Затѣмъ, войти въ лощину, ведущую въ с. Телишъ, и расположиться въ разстояніи около $2^1/_2$ верстъ отъ дер. Свинаръ.

«9) 1-й и 3-й бригадамъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ тремя конными батареями выступить съ бивака съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы прибыть къ дер. Свинаръ въ 5-ть часовъ по полуночи 12-го сего октября и расположиться въ резервномъ порядкѣ около означенной деревни фронтомъ къ Горнему-Дубняку.

«10) 9-му уланскому Бугскому полку съ конною артилеріею, находящеюся на кавалерійскомъ бивакѣ 9-й кавалерійской дивизіи, перейти, въ теченіе ночи съ 11-го на 12-ое сего октября, въ окрестности дер. Медованъ и расположиться возлѣ Медованскаго кавалерійскаго бивака, составить одинъ кавалерійскій отрядъ (12 эскадроновъ, 12 конныхъ орудій) подъ начальствомъ начальника 9-й кавалерійской дивизіи.

«11) Отряду полковника Черевина собраться къ вечеру 11-го сего октября въ дер. Абаскіой.

«12) Всему кавалерійскому отряду, находящемуся въ Семередъ-Трестеникѣ, перейти въ теченіе ночи съ 11-го на 12-ое сего октября къ деревнѣ Горній-Нетрополь.

«13) Отряду генерала Чернозубова остаться на занимаемомъ имъ нынѣ мѣстѣ.

«14) Остальнымъ сотнямъ донскихъ казачьихъ №№ 4-го и 9-го полковъ остаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

«Подписалъ: начальникъ войскъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.»

Диспозиція по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда.

Въ дер. Іени-Бркачъ на 12-е октября 1877 г.

«Завтра, 12-го октября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда перейти на Плевно-Софійское шоссе съ цѣлью занять позицію у Горняго-Дубняка, укрѣпиться на ней и тѣмъ сомкнуть блокаду непріятельскихъ войскъ, собранныхъ въ Плевнѣ.

«1) Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ съ ея артилеріею и казаками выступить въ $6^1/_4$ часовъ по полуночи, и двинувшись къ Горнему-Дубняку, атаковать его со стороны Плевны (4 баталіона, 16 пѣшихъ орудій, 3 сотни).

«2) 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ ея артилеріею и лейбъ-гвардіи Саперным баталіономъ, выступить въ $6^1/_2$ часовъ по полуночи и, двинувшись правѣе лѣсковъ, лежащихъ между Горнимъ-Дубнякомъ и Чириковымъ, атаковать непріятельскую позицію со стороны Чирикова (9 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій). (¹)

«3) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ ея артилеріею выступить въ $6^1/_4$ часовъ по полуночи и атаковать непріятельскую позицію со стороны с. Телиша (8 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій).

«4) Лейбъ-гвардіи Егерскому полку съ его артилеріею и со 2-ю бригадою 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и одною сотнею выступить въ $6^1/_4$ часовъ утра и атаковать непріятельскую позицію у с. Телиша (4 баталіона, 8 пѣшихъ орудій, 7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій и 1 сотня).

«5) 1-й бригадѣ 2-й кавалерійской дивизіи съ ея батареею выступить въ $6^1/_4$ ч. по полуночи и, обойдя 2-ю бригаду 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двинуться въ промежутокъ между позиціями непріятеля у Горняго Дубняка и Телиша. Цѣль движенія бригады — охранять тылъ и лѣвый флангъ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи (8 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій).

«6) Тремъ полкамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ ихъ артилеріею и одною сотнею казаковъ выступить въ $6^1/_2$ ч. пополуночи и, перейдя по бродамъ №№ 1-го, и 2-го, расположиться въ резервномъ порядкѣ по дорогѣ изъ Чирикова въ Куршевицу, въ разстояніи около 2-хъ верстъ отъ Чирикова, фронтомъ къ сторонѣ Дольняго-Дубняка (12 баталіоновъ, 32 орудія, 1 сотня).

«7) 3-й бригадѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ двумя конными батареями выступить въ $6^1/_2$ ч. пополуночи и стать позади Дубняка впереди д. Чирикова. Бригада эта будетъ составлять кавалерійскій резервъ (7 эскадроновъ и 12 конныхъ орудій).

«8) Кавалерійскому Медованскому отряду выступить въ $6^1/_4$ часовъ по полуночи и двинуться къ Дольнему-Дубняку съ цѣлью не допустить турокъ двинуться изъ этой деревни для оказанія помощи войскамъ, занимающимъ позицію у Горняго-Дубняка (12 эскадроновъ и 12 конныхъ орудій).

«9) Семередъ-Трестеникскому кавалерійскому отряду прибыть къ Дольнему-Дубняку и дѣйствовать изъ этой деревни для оказанія помощи войскамъ, занимающимъ позицію у Горняго-Дубняка.

«10) Отряду полковника *Черевина* прибыть къ $7^1/_2$ часамъ по полуночи къ позиціи у Горняго-Дубняка и, дѣйствуя противъ этой позиціи съ запада, содѣйствовать атакѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейской Стрѣлковой бригадѣ (14 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій).

«11) Отряду генерала Чернозубова приблизиться къ Плевно-Софійскому

(¹) Саперный баталіонъ былъ вписанъ чернилами въ литографированные экземпляры. *А. П.*

шоссе, и въ случаѣ выхода турецкихъ войскъ изъ Плевны, стараться или задержать ихъ, или же по возможности замедлить движеніе ихъ къ Горнему-Дубняку (7 сотенъ и 6 конныхъ орудій).

«12) Какъ только позиція у Горкяго-Дубняка будетъ занята нашими войсками, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія будетъ двинута на Плевно-Софійское шоссе съ тѣмъ, чтобы занять по ней позицію фронтомъ къ Дольнему-Дубняку и прикрыть войска, занявшія Горній-Дубнякъ, которыя немедленно приступятъ къ возведенію укрѣпленій ([1]).

«13) Въ началѣ движенія войскъ я буду находиться между 1-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейской Стрѣлковой бригадою.

«14) Для скорости передачи донесеній между отрядами полковника *Черевина*, *Семередъ-Трестеникскимъ* и генерала *Чернозубова* съ одной стороны и между *Медованомъ* и *Чириковымъ* съ другой поставить летучую почту. Такую же почту поставить между лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ и *Чириковымъ*. Установленіе этихъ почтъ возлагается на генералъ-маіоровъ: *Лошкарева* и *Арнольди* и флигель-адъютанта полковника барона *Мейендорфа*.

«Подписалъ: начальникъ войскъ гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генералъ-адъютантъ Гурко».

Приказаніе по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда.

Дер. Іени-Бркачъ. На 12-е октября 1877 г.

«1) Всѣмъ войскамъ, переходящимъ рѣку Видъ, никакого обоза, за исключеніемъ санитарнаго, съ собою не брать. Въ артилеріи, кромѣ санитарнаго обоза, взять запасные лафеты. Вслѣдствіе этого 12-го октября рано утромъ отправить всѣ повозки артельнаго и офицерскаго обозовъ, а также и патронные ящики на развѣтвленіе дорогъ Раліево-Беглишской и Раліево-Іени-Бркачской, гдѣ и выстроиться въ одинъ общій вагенбургъ. Въ прикрытіе этого вагенбурга командировать по одному взводу отъ всѣхъ полковъ и Стрѣлковой бригады и одинъ взводъ отъ казачьей сотни, состоящей при гвардейской Стрѣлковой бригадѣ. Взводы эти могутъ быть сборные отъ всего полка, по преимуществу изъ слабосильныхъ. Общее начальство надъ вагенбургомъ возлагается на коменданта гвардейскаго корпуса, полковника Шевича, которому подчиняются и части, назначенныя для конвоированія обоза. При обозѣ отъ каждой части долженъ быть назначенъ особый офицеръ. Офицерамъ этимъ явиться къ полковнику Шевичу и получить отъ него приказаніе о размѣщеніи обоза своей части. Полковнику Шевичу заранѣе осмотрѣть мѣсто, гдѣ расположить вагенбургъ и принять всѣ мѣры къ соблюденію полнаго порядка. О присоединеніи обозовъ къ своимъ частямъ послѣдуетъ особое распоряженіе.

([1]) Съ этою цѣлью и былъ приданъ къ 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ. Въ атакѣ онъ принялъ участіе *по личной инициативѣ частныхъ начальниковъ*. *А. П.*

«2) 11-го октября сварить людямъ по три фунта мяса: изъ нихъ $1^1/_2$ ф. съѣсть 11-го октября и $1^1/_2$ ф. взять съ собою на 12-е октября, такъ какъ легко можетъ быть, что 12-го октября варки не будетъ. Вечернюю варку окончить въ 4 часа вечера.

«3) Перевязочные пункты устроить слѣдующимъ образомъ: позади каждаго полка, вступающаго въ боевую линію, устроить, внѣ сферы непріятельскихъ выстрѣловъ, передовой перевязочный пунктъ, на которомъ находиться двумъ полковымъ медикамъ и половинѣ ротныхъ фельдшеровъ (всего 8 человѣкъ); остальные медики должны быть собраны вмѣстѣ и въ началѣ должны находиться и всѣ носильщики, взятые изъ дивизіоннаго лазарета. При дивизіонномъ же врачѣ каждой дивизіи находиться по одному отдѣленію общества краснаго креста и санитарному обозу всѣхъ полковъ дивизіи. При началѣ движенія войскъ дивизіонный врачъ 1-й дивизіи выдѣляетъ $^1/_4$ часть какъ всего медицинскаго персонала, такъ и санитарныхъ средствъ, при немъ находящихся, и отправляетъ вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ, командиру котораго отдѣлить одну роту и 10 казаковъ въ прикрытіе этого медицинскаго отдѣленія. Старшій медикъ въ этомъ отдѣленіи долженъ слѣдовать въ разстояніи одной версты за полкомъ, и когда полкъ вступитъ въ дѣло, то открыть главный перевязочный пунктъ въ разстояніи одной версты отъ передоваго. Дивизіонному врачу 1-й дивизіи слѣдовать въ разстояніи около одной версты за 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей и, въ случаѣ, если она вступитъ въ дѣло, открыть главный перевязочный пунктъ въ разстояніи одной версты позади передовыхъ пунктовъ. Дивизіонному врачу 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи раздѣлить всѣ имѣющіяся у него средства на двѣ части и командировать одну къ 1-й бригадѣ, а другую ко 2-й. Эти части должны слѣдовать за бригадами и по вступленіи ихъ въ дѣло открыть перевязочные пункты въ разстояніи одной версты позади передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ. Въ прикрытіе этимъ пунктамъ назначить, по распоряженію начальника дивизіи, по одной ротѣ и по 10 казаковъ къ каждому пункту.

«Въ Стрѣлковой бригадѣ имѣть одинъ передовой перевязочный пунктъ и одинъ главный, въ разстояніи около одной версты позади, подъ прикрытіемъ одной роты и 10 казаковъ.

«У дер. Чирикова будутъ собраны воловьи подводы для транспортированія раненыхъ съ главныхъ перевязочныхъ пунктовъ.

«Раненыхъ помѣщать въ казачьихъ шатрахъ казачьяго № 4-го полка. На этомъ центральномъ пунктѣ находиться корпусному врачу, которому взять по одному медику отъ дивизіи и имѣть достаточное число фельдшеровъ, носильщиковъ и перевязочныхъ средствъ.

«Къ центральному перевязочному пункту командировать въ прикрытіе отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи одну роту и отъ Донскаго № 4-го полка одинъ взводъ не менѣе 10 рядовъ при офицерѣ. Всѣмъ главнымъ перевязочнымъ пунктамъ имѣть постоянное сношеніе съ центральнымъ и

сообщать сколько на какомъ пунктѣ накопится раненыхъ. По полученіи этихъ донесеній корпусному врачу командировать къ главнымъ пунктамъ необходимое число подводъ для транспортированія раненыхъ съ этихъ пунктовъ къ центральному.

«Подводы направлять къ главнымъ перевязочнымъ пунктамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и къ гвардейской Стрѣлковой бригадѣ по броду № 1-го, къ 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи по броду № 2-го, ко 2-й бригадѣ той же дивизіи по броду № 3-го и, наконецъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка по броду № 4-го.

«Медикамъ кавалерійскихъ полковъ слѣдовать при своихъ полкахъ и по оказаніи раненымъ первоначальной помощи отсылать ихъ на ближайшіе главные перевязочные пункты пѣхотныхъ частей. Медикамъ пѣшей артилеріи находиться на ближайшихъ главныхъ перевязочныхъ пунктахъ, куда и отсылать всѣхъ раненыхъ артилеристовъ:

«Подписалъ: начальникъ войскъ гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.»

Я былъ назначенъ за начальника штаба въ колонну генерала Эллиса 1-го. Вечеромъ генералъ собралъ у себя въ палаткѣ всѣхъ баталіонныхъ командировъ гвардейской Стрѣлковой бригады. Мы перечитали полученную диспозицію и подробно условились относительно движенія, причемъ генералъ Эллисъ отдалъ подробныя приказанія касательно порядка выступленія, движенія частей и пр.

По возвращеніи къ себѣ, нечего было думать объ отдыхѣ; нужно было заняться укладкою вещей, снаряженіемъ своего обоза, обезпеченіемъ себя продовольствіемъ (сухарями, чаемъ и сахаромъ, запаснымъ бѣльемъ—все въ кобурахъ) на предстоящее время.

Часовъ около 12-ти я уже былъ у генерала Эллиса, а въ первомъ часу мы выѣхали къ войскамъ. Баталіонъ Его Величества былъ уже на ногахъ и выстроенъ въ полномъ порядкѣ. Командиръ баталіона (флигель-адъютантъ полковникъ Эбелингъ, смертельно раненый въ этотъ день) доложилъ генералу о полной готовности его части, и отрядъ ровно въ часъ по-полуночи началъ свое движеніе. Генералъ Эллисъ пропустилъ мимо себя часть колонны, а когда мы выѣхали впередъ, то замѣтили, что головная часть уклонилась влѣво отъ своего пути; къ счастью, ошибка была легко поправима, такъ какъ мы отошли отъ биваковъ всего сажень 75—100. Колонна шла въ глубокой тишинѣ; къ сторонѣ турокъ не было замѣтно ни малѣйшаго движенія, ни одного признака, который бы указывалъ, что они догадываются о предстоящей имъ участи.

Такъ какъ къ броду нужно было свернуть съ дороги и пройти полемъ около версты, то, чтобы не ошибиться въ ночной темнотѣ, я

выѣхалъ впередъ и провѣрилъ путь до самой рѣки, потомъ вернулся назадъ и провелъ колонну. Бродъ рѣзко обозначался вѣхою; баталіоны стали переходить р. Видъ шеренгами, тщетно выбирая мелкія мѣста, чтобы не промочить сильно ноги. Глубина была довольно значительная и холодная вода заливала черезъ голенище. Перейдя бродъ, колонна собралась и затѣмъ двинулась въ прежнемъ порядкѣ. Провѣрка разстоянія, съ часами въ рукахъ, оказалась полезной, и колонна сосредоточилась совершенно точно въ назначенномъ ей пунктѣ. Войска расположились въ небольшой впадинѣ, окаймленной маленькимъ хребтикомъ, по которому выставлены были часовые отъ казаковъ, на незначительномъ разстояніи, чтобы не наткнуться на черкесовъ и не открыть своего движенія. Мало кто изъ людей уснулъ: одинъ снималъ сапоги, чтобы вылить изъ нихъ набѣжавшую на бродѣ воду, другой прилаживалъ амуницію, третій шептался съ товарищемъ и т. п. Костры, разумѣется, были строго воспрещены, точно такъ же какъ и куреніе трубокъ, громкіе разговоры и т. п.

Хотя днемъ генералъ Гурко и указывалъ мнѣ край желтаго поля, котораго мы должны были держаться при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи, но ночью довольно трудно было оріентироваться такимъ признакомъ; да кромѣ того большое желтое поле вблизи оказалось состоящимъ изъ множества мелкихъ пашенъ съ прогалинами и изъ сѣнокосовъ, что еще болѣе затрудняло опредѣленіе направленія движенія. Поэтому, испросивъ у генерала Эллиса разрѣшеніе, я взялъ съ собою человѣкъ десять казаковъ, которые когда-то бродили въ этихъ мѣстахъ, и направился на рекогносцировку. Мы проѣхали далеко, не встрѣтивши ни одного черкеса, и я убѣдился, что отряду придется пересѣчь множество засѣянныхъ полей, кукурузныхъ пашенъ и высокихъ травяныхъ луговъ. Я вернулся въ 6 часовъ утра. Генералъ Эллисъ приказалъ людямъ снять шинели; скатать ихъ и надѣть черезъ плечо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ священнику прочесть молитву; послышалась команда: «шапки долой» и затѣмъ весь отрядъ началъ набожно креститься.

Ровно въ 6¼ часовъ утра мы двинулись. Впереди, справа и слѣва, разсыпавшись частою цѣпью, слѣдовали казаки и конвой Его Величества. Стрѣлки же построились въ резервный порядокъ такимъ образомъ, что впереди находились 1-й и 2-й баталіоны, а за ними 3-й и 4-й; батареи стали сзади колонны. Движеніе происходило медленно, вслѣдствіе того, что пришлось идти совершенно безъ дороги, часто по мягкому пахатному полю и посреди моря кукурузы, которая иногда совершенно скрывала отрядъ. Конвой, получившій приказаніе войти

разъѣздами направо въ связь съ войсками, назначенными дѣйствовать противъ Дольняго-Дубняка, а потомъ, по переходѣ шоссе, съ кубанцами генерала Черевина, сильно уклонился вправо, и генералъ Эллисъ послалъ ему два послѣдовательныхъ приказанія передвинуться болѣе влѣво и сильнѣе прикрыть фронтъ отряда.

Начальникъ колонны, остерегаясь забирать слишкомъ влѣво, чтобы не попасть во фланговомъ порядкѣ подъ выстрѣлы противника со стороны Горняго-Дубняка, принялъ нѣсколько вправо, разсчитывая потомъ, съ перемѣной фронта къ пункту атаки, поправить ошибку, если бы таковая оказалась. Но вскорѣ послѣ того прибылъ ординарецъ генералъ-адъютанта Гурко, капитанъ Карандѣевъ, который сообщилъ, что начальникъ отряда сомнѣвается: правильно ли мы идемъ и не уклоняемся ли слишкомъ вправо.

Вслѣдъ затѣмъ прибылъ генеральнаго штаба полковникъ баронъ Каульбарсъ съ вопросомъ: почему именно нѣсколько замедлилось наше движеніе? Мы могли указать только путь, по которому шла колонна—всѣ изъ силъ выбивались, торопясь впередъ; движеніе шло безостановочно, но, вслѣдствіе огромныхъ трудностей, немного медленнѣе (всего минутъ на 15—20), чѣмъ предполагалось. Еще до пріѣзда барона Каульбарса (около 8-ми часовъ утра), наша передовая кавалерійская цѣпь наткнулась на противника и мы услышали сперва отдѣльные, а затѣмъ болѣе частые выстрѣлы спереди и слѣва къ лѣску, гдѣ они раздавались перекатнымъ эхомъ. Солнце свѣтило уже ярко; послѣ свѣжей, даже холодной ночи, наступилъ чудный день.

Выстрѣлы быстро учащались; прямо спереди, у конвоя, уже рѣзко обозначилась лента пороховаго дыма, среди котораго сверкали огоньки, а мимо насъ начали чаще и чаще жужжать пули. Баронъ Каульбарсъ привезъ также приказаніе генерала Гурко—прервать телеграфное сообщеніе по софійскому шоссе; хотя это, по всей вѣроятности, уже было сдѣлано казаками, но, исполняя въ точности полученное приказаніе, генералъ Эллисъ потребовалъ къ себѣ ординарца (офицера 1-го баталіона) и сказалъ ему: «Возьмите двухъ моихъ казаковъ, скачите на шоссе и рубите проволоку». Юноша мгновенно бросился впередъ и исчезъ въ дыму; черезъ нѣсколько минутъ, весь раскраснѣвшійся, онъ уже скакалъ назадъ, торжественно держа въ рукахъ конецъ куска проволоки, сажени въ двѣ длиною. Между тѣмъ, казаки наши были встрѣчены не только черкесами, но и пѣхотою, охранявшею шоссе и засѣвшею въ ложементахъ. Съ обычной храбростью, конвойцы опрокинули непріятельскихъ всадниковъ и завязали перестрѣлку съ пѣшею цѣпью. Въ это время получено было донесеніе, что со стороны Дольняго-Дуб-

няка наступаетъ около одного непріятельскаго табора. Тогда генералъ Эллисъ рѣшился отрядить одинъ баталіонъ, чтобы очистить отъ противника шоссе и прикрыть тылъ колонны отъ могущихъ появиться непріятельскихъ частей со стороны Плевны. Выдвинутъ былъ съ этою цѣлью 2-й баталіонъ, командиръ котораго, флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ, опытный туркестанскій воинъ, быстро и энергически выполнилъ свою задачу, выбивъ турокъ изъ ложементовъ; турки послѣ того раза два пытались остановить его наступленіе, но окончательно были отброшены къ сторонѣ Дольняго-Дубняка. При самомъ началѣ движенія 2-го баталіона, уже послышались крики «носилки, носилки!» и наши люди впервые увидѣли раненыхъ товарищей. Всѣ описанныя дѣйствія происходили чрезвычайно быстро и колонна ни на минуту не пріостанавливала своего движенія.

Убѣдясь, что мы находимся вблизи шоссе и что, слѣдовательно, дошли до пункта, откуда уже приказано было вести наступленіе противъ Горняго-Дубняка, генералъ Эллисъ приказалъ баталіонамъ зайти правымъ плечомъ, причемъ въ первой линіи оказались: лейбъ-гвардіи 1-й стрѣлковый Его Величества и 3-й стрѣлковый Финскій баталіоны, а во второй лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи баталіонъ, на высотѣ котораго двигались батареи ([1]).

Послѣ этого части перестроились по-ротно и выслали впередъ цѣпь. По укоренившимся понятіямъ мирной практики, роты 2-й линіи двигались въ 100—150 шагахъ отъ 1-й, и стоило не малаго труда, чтобы развести ихъ на должную дистанцію. Часовъ около $8\frac{1}{2}$, когда мы окончили перестрѣлку и начали уже наступать къ Дубняку, послышались выстрѣлы въ лѣвой колоннѣ и затѣмъ огонь началъ увеличиваться съ поразительной быстротой и необычайной силой. Среди ружейной трескотни раздавались частые громовые звуки орудійной пальбы. Тогда для насъ окончательно опредѣлилось направленіе движенія, а между тѣмъ, прямо передъ нами, верстахъ въ $2\frac{1}{2}$, выглянулъ турецкій главный редутъ и посреди его высокій, рѣзко выдающійся кавальеръ. Я началъ высматривать позицію для артилеріи; въ этомъ мнѣ помогъ командиръ конвоя Его Величества флигель-адъютантъ полковникъ Жуковъ, который, двигаясь тамъ раньше со своими казаками, ознакомился уже нѣсколько съ мѣстностью. Первую позицію батареи

([1]) Здѣсь позволю себѣ исправить ошибку, вкравшуюся въ офиціальную реляцію. Тамъ сказано: «на правомъ флангѣ шелъ баталіонъ Императорской фамиліи, на лѣвомъ лейбъ-гвардіи Финскій, а баталіонъ Его Величества въ резервѣ». Изъ вышеизложеннаго читатель видитъ, что это было не такъ. Въ достовѣрности моего показанія, я совершенно ручаюсь. *А. П.*

заняли саженяхъ въ 1,200 [1] отъ непріятеля и открыли рѣдкій огонь гранатами. Баталіоны же продолжали движеніе впередъ и притомъ съ излишней стремительностью.

Подвигаясь впередъ мы встрѣтили генерала Гурко, который подъѣхалъ къ нашей колоннѣ и сталъ на холмахъ, саженяхъ въ 850 отъ главнаго турецкаго редута. Туда же генералъ Эллисъ перевелъ свою артилерію, на огонь которой турки немедленно стали отвѣчать. Сначала почти всѣ непріятельскіе снаряды давали перелетъ, шаговъ въ 20-ть, но направленіе ихъ было совершенно вѣрно; что было на батареѣ далѣе я не знаю, такъ какъ мы отправились впередъ. При послѣдующемъ движеніи мы уже шли подъ сильнымъ непріятельскимъ ружейнымъ огнемъ. Баталіоны первой линіи, подвигаясь безъ выстрѣла впередъ, стали пріискивать для себя закрытія, причемъ финны и одна часть 1-го баталіона приняли влѣво, а другая часть (весьма незначительная) послѣдняго—вправо, такъ что между ними образовался большой интервалъ. За правой частью 1-го баталіона двигался въ резервѣ 4-й стрѣлковый баталіонъ. Части эти шли по лощинѣ (или оврагу), въ которой находили нѣкоторое закрытіе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ [2]. Я говорю «нѣкоторое», потому что пули, падая почти отвѣсно, поражали людей за самыми крутыми скатами. Но важно то, что мы, такимъ образомъ, частью укрывались отъ взоровъ противника, и потому онъ не могъ сосредоточивать огня преимущественно на какомъ либо пунктѣ и не видѣлъ нашего движенія.

Относительно силы удара турецкой пули, подмѣченномъ всѣми почти участниками войны, вопреки quasi-научнымъ опроверженіямъ, я могу привести слѣдующій случай. Пройдя отъ батареи шаговъ 150, генералъ Эллисъ пріостановился для какихъ-то распоряженій. Въ это время я разговаривалъ съ его ординарцемъ, офицеромъ Финскаго баталіона. Вдругъ послышался ударъ пули о саблю послѣдняго и молодой офицеръ упалъ на землю. Сконфузившись, онъ быстро поднялся и, продолжая разговаривать, отъ времени до времени потиралъ себѣ правую ногу. Замѣтивши это, я спросилъ не раненъ ли онъ; послѣ осмотра оказалось, что: сабля была погнута нѣсколько скользнувшей пулей; толстое пальто пробито; нога, на четверть отъ паха, прострѣлена насквозь и въ прилежащей части пальто выбито круглое выходное отверстіе. Это произошло на разстояніи 2,400 ша-

(1) А не въ 850, какъ сказано въ реляціи. На 850 саж. была 2-я позиція.

(2) Въ реляціи сказано: «всѣ три стрѣлковые баталіона, шедшіе вправо отъ батареи, ища укрытій отъ свинцоваго дождя пуль, принимали этой лощиной (въ которой лежитъ с. Горній-Дубнякъ) вправо и, выйдя въ долину, выходили противъ западнаго фронта главнаго редута». Это невѣрно, какъ видитъ читатель.

говъ отъ редута, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Чѣмъ обусловливается такая сила удара? У насъ въ арміи полагали, что сильнымъ зарядомъ и превосходнѣйшимъ порохомъ.

Говорятъ, что турецкія ружья, будто-бы, даютъ частыя осѣчки; можетъ быть, но и при этомъ условіи быстрота стрѣльбы такъ велика, что въ самое короткое время вся обстрѣливаемая площадь, можно сказать, засыпается свинцомъ. Дальность полета турецкихъ пуль объясняютъ высокимъ прицѣломъ или, вѣрнѣе, стрѣльбой безъ прицѣла, а прямо отъ пояса, подъ угломъ въ 45°; это, конечно, въ значительной степени справедливо, но, какъ ни поднимайте ружья, пуля далеко не полетитъ, если зарядъ вмѣсто хорошаго пороха будетъ состоять изъ мякоти,—обстоятельство, практически не разъ провѣренное въ минувшую кампанію.

При дальнѣйшемъ нашемъ движеніи стали чаще и чаще попадаться раненые, а непріятельскія гранаты безпрестанно шипѣли надъ головою и шлепались большею частью вправо въ лощинѣ и лишь изрѣдка залетали въ д. Горній-Дубнякъ, оставшуюся правѣе и въ тылу у насъ. Чтобы высмотрѣть подробнѣе окружающую мѣстность и выяснить въ точности обстановку, мы поднялись вверхъ къ правому концу большой траншеи. Здѣсь, за небольшимъ ложементомъ, мы нашли около взвода стрѣлковъ 1-го баталіона, которые изрѣдка перестрѣливались съ турками. Влѣво большая траншея не была никѣмъ занята; пространство отъ нея до редута (собственно, какъ видно изъ плана, это не былъ редутъ, но я оставляю названіе, полученное турецкимъ укрѣпленіемъ отъ нашихъ войскъ во время боя и сохраненное даже въ реляціи) представляло почти биліардную поверхность, безъ малѣйшей складки. Далѣе, влѣво, столбомъ стоялъ дымъ отъ пальбы полковъ 2-й дивизіи. Правѣе насъ непосредственно тянулась лощина съ крутымъ спускомъ, направлявшаяся отъ Горняго-Дубняка, мимо редута (шаговъ на 300 сѣвернѣе его); далѣе, нѣсколько впереди, у самаго почти края оврага, виднѣлись ряды ложементовъ, занятыхъ турками; а на пропротивоположной сторонѣ лощины, значительно отступя отъ нея, у опушки лѣса, стояла наша казачья конная батарея, обстрѣливавшая непріятельскія укрѣпленія. Главный турецкій редутъ, фасы котораго совершенно явственно обозначались, а кавальеръ чрезвычайно рѣзко выдавался, былъ, можно сказать, окаймленъ красной полосой, образованной сплошной массой головъ, покрытыхъ фесками. При малѣйшемъ движеніи какой либо нашей части, у турокъ немедленно начиналась дружная пальба, подобно непрерывному треску картечной батареи. Генералъ Эллисъ, узнавши, что полковникъ Гриппенбергъ исполнилъ по-

рученную ему задачу: выбилъ и отбросилъ на шоссе турокъ, и что по распоряженію генерала Гурко 2-й баталіонъ уже двигается на присоединеніе къ бригадѣ, приказалъ немедленно лейбъ-гвардіи 4-му стрѣлковому Императорской Фамиліи баталіону войти въ боевую линію. Баталіонъ длинной вереницей тянулся по лощинѣ. Я подошелъ къ шедшему въ головѣ командиру баталіона, гр. Клейнмихелю, и, сообщивъ ему о высмотрѣнныхъ нами ложементахъ впереди, на скатѣ, предложилъ продолжать движеніе въ прежнемъ направленіи и потомъ, поравнявшись съ ложементами, повернуться къ нимъ фронтомъ и броситься безъ пальбы въ штыки. Я при этомъ полагалъ, что баталіонъ, двигаясь въ мертвомъ пространствѣ, не будетъ замѣченъ противникомъ и, во всякомъ случаѣ, можетъ безъ значительныхъ потерь ворваться въ ложементы, особенно дѣйствуя быстро и энергически. Графъ Клейнмихель вполнѣ согласился съ моимъ предложеніемъ, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ со своимъ баталіономъ бросился на турокъ, моментально выбилъ ихъ и частью прогналъ въ большой редутъ, а частью перекололь въ траншеяхъ.

Изъ того мѣста, гдѣ мы стояли, отлично было видно, какъ опрокинутые турки перебѣгали въ большой редутъ. Стрѣлки 1-го баталіона, находившіеся съ нами въ цѣпи, не пропустили случая поохотиться за убѣгавшими и били ихъ съ фланга на выборъ. Графъ Клейнмихель прислалъ къ генералу Эллису съ донесеніемъ о взятіи ложементовъ прапорщика Климова. Офицеръ этотъ собственноручно рубился съ турками въ ложементахъ.....

Все изложенное происходило около 12 ч. дня. Вскорѣ подошелъ нашъ 2-й баталіонъ, который тоже былъ введенъ по приказанію генерала Гурко въ боевую линію, правѣе 4-го баталіона ([1]) и вошелъ въ связь своимъ крайнимъ правымъ флангомъ лейбъ-гвардіи съ Финляндскимъ полкомъ. Что касается строя, въ которомъ были наши баталіоны, то сначала 1-й и 3-й двигались въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ съ цѣпью впереди. Послѣдняя постепенно усиливалась подъ дѣйствіемъ непріятельскаго огня, и, наконецъ, всѣ роты образовали собою стрѣлковую цѣпь. 4-й и 2-й баталіоны, кажется, сразу цѣликомъ развертывались и одновременно начинали бой всѣми ротами.

Движеніе впередъ изъ занятой позиціи было невозможно, нѣкоторыя наши части находились шагахъ въ 600, другія въ 250 отъ

([1]) Въ реляціи сказано: «Я послалъ приказаніе... обоимъ стрѣлковымъ баталіонамъ (1-му и 2-му) идти впередъ на усиленіе боевой линіи». Изъ моего разсказа видно, что 1-й и 3-й баталіоны съ самаго начала были впереди, потомъ введенъ былъ 4-й и, наконецъ, по приказанію генералъ-адъютанта Гурко, 2-й баталіонъ. *А. П.*

главнаго редута. Пространство между ними и непріятельскими укрѣпленіями было совершенно открыто и обстрѣливалось сплошной массой свинца. Не смотря на то, что турецкія орудія перестали уже дѣйствовать, такъ какъ вся прислуга при нихъ была (это мы узнали впослѣдствіи) перебита преимущественно нашей шрапнелью, тѣмъ не менѣе наши собственныя гранаты изъ другихъ колоннъ, дававшія перелеты, постоянно свистѣли надъ головою. Къ счастью, рѣдко которая изъ нихъ разрывалась... Противникъ обнаруживалъ еще чрезвычайную энергію и вниманіе: достаточно было подняться изъ ложемента, какъ немедленно проносился мимо цѣлый рой пуль; всякая попытка къ движенію впередъ вызывала сокрушительный огонь; какой-то инстинктъ говорилъ каждому изъ насъ, что еще не настала минута рѣшительной атаки. Психологическій фактъ чрезвычайно замѣчательный! Выраженіе лицъ, отдѣльныя замѣчанія и пр. и пр. признаки, часто, повидимому, неуловимые, почти безошибочно подсказываютъ результатъ критическаго, рѣшительнаго предпріятія. Никто изъ насъ не настаивалъ въ эту минуту на необходимости безотлагательнаго движенія впередъ—чувствовалось, что оно окончилось бы неудачей.

Подъ вліяніемъ убѣжденія, что намъ еще долго придется сидѣть неподвижно и заниматься подстрѣливаніемъ другъ друга, а также вслѣдствіе усталости отъ безсонной ночи и напряженія всѣхъ силъ, я, сидя за валикомъ, минутъ на пять погрузился въ глубочайшій сонъ. Это меня замѣтно освѣжило.

Между тѣмъ, генералъ Гурко, замѣтивши значительный промежутокъ, образовавшійся между нашими баталіонами, а также и между другими частями, взялъ изъ резерва лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ и отправилъ его въ бой по направленію къ упомянутымъ промежуткамъ. Лѣвѣе отъ насъ, прямо къ большой траншеѣ, подходилъ 4-й баталіонъ.

Командиръ полка, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эллисъ 2-й, подъѣхалъ къ измайловцамъ и, напомнивъ имъ доблести ихъ бородинскихъ предковъ, сталъ въ головѣ 4-го баталіона. Глядя назадъ, мы издали любовались этими молодцами, двигавшимися впередъ, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, въ образцовомъ парадномъ порядкѣ и стройности. Головныя роты шли въ развернутомъ строѣ; всѣ офицеры на своихъ мѣстахъ; люди, съ серьезными лицами и держа ружья вольно, отбивали шагъ. «Правой, правой, правой!» изрѣдка слышалась команда. Промежутки, образовавшіеся отъ убыли убитыхъ и раненыхъ, немедленно смыкались и измайловцы безостановочно продолжали свое стройное движеніе на разстояніе около 650 шаговъ отъ непріятеля. Подойдя къ

траншеѣ, они залегли и открыли огонь. Стрѣляли, собственно говоря, только одиночные люди и то когда представлялась хорошая цѣль. Безпутная трата патроновъ совершенно не въ духѣ русскаго солдата. Въ послѣдующихъ дѣлахъ, разсказывали мнѣ офицеры, они иногда совѣтовали, для опыта, людямъ не слишкомъ беречь патроны, а стараться до штыковой свалки нанести противнику побольше вреда. Послѣ того офицеръ обращается къ солдату съ вопросомъ: «Сколько выпустилъ патроновъ»?—«Ни одного, не въ кого цѣлить было, а въ феску пустая стрѣльба». Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Покажется на брустверѣ турокъ, сейчасъ же унтеръ-офицеръ приказываетъ: «Такой-то, снимика его, да смотри не торопясь; ты N, на сколько давеча ставилъ прицѣлъ»? Всѣ съ величайшимъ любопытствомъ слѣдятъ что́ выйдетъ. Слѣдуетъ выстрѣлъ и затѣмъ или общее удовольствіе, или насмѣшливыя замѣчанія. Особенно отличался конвойный казакъ, бывшій ординарцемъ у генерала Эллиса. Его остроты надъ турками возбуждали общій смѣхъ; ни одного изъ нихъ, показывавшихся на брустверѣ, онъ не пропускалъ своимъ замѣчаніемъ или выстрѣломъ. Впослѣдствіи, при общей атакѣ, этотъ казакъ, по фамиліи Гладкій, выпросился самъ идти охотникомъ на штурмъ и всѣхъ воодушевлялъ своимъ примѣромъ.

Когда Измайловскій полкъ вошелъ въ боевую линію и 4-й баталіонъ занялъ большую траншею, то, какъ я упомянулъ уже, открылъ рѣдкую пальбу по большому редуту и, какъ кажется, вслѣдствіе недоразумѣнія, по траншеямъ, занятымъ 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, полагая, что тамъ турки. Графъ Клейнмихель послалъ тогда офицера для предупрежденія полка и разъясненія недоразумѣнія. Съ порученіемъ отправился уже знакомый читателю прапорщикъ Климовъ. Вмѣсто того, чтобы объѣхать по лощинѣ, онъ, подъ вліяніемъ беззавѣтной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся удали, рѣшилъ дѣло проще: сѣлъ верхомъ на лошадь и шагахъ въ 300, подъ убійственнымъ огнемъ турокъ, сосредоточившихъ на немъ выстрѣлы, двинулся напрямикъ, по совершенно открытому мѣсту. «Измайловцы, не стрѣлять! Измайловцы, не стрѣлять! Свои, свои!» кричалъ онъ, сидя на лошади и махая руками. Затѣмъ совершенно спокойно повернулъ назадъ и шагомъ уѣхалъ на свое мѣсто. Всѣ, кто видѣлъ эту сцену, съ изумленіемъ слѣдили за отважнымъ офицеромъ, оставшимся притомъ, что по истинѣ удивительно, совершенно невредимымъ. Впослѣдствіи онъ былъ раненъ и лишился руки.

Въ такомъ взаимномъ обстрѣливаніи прошло часа два. Генералъ Гурко, осмотрѣвши всю позицію и видя, что многія изъ частей подо-

шли очень близко къ редуту и что непріятельская артилерія давно уже замолчала, рѣшился произвесть общую атаку, причемъ сигналомъ ей должны были служить залпы, произведенные съ трехъ батарей (каждая по три). По послѣднему залпу (изъ батареи нашей колонны) всѣ части должны были двинуться на штурмъ. Получивши это распоряженіе, генералъ Эллисъ поручилъ мнѣ написать соотвѣтственное приказаніе командиру 6-й батареи л.-гв. 2-й артилерійской бригады. Этотъ драгоцѣнный историческій документъ хранится у меня. Вотъ буквальная съ него копія: «По приказанію генерала Гурко, три батареи, а именно: отряда генерала Розенбаха, генерала Зедделера и моего, дадутъ каждая *по три залпа*, начиная съ батареи генерала Розенбаха и кончая вашей. Послѣдній вашъ залпъ долженъ служить *сигналомъ общей атаки*. При стрѣльбѣ имѣйте въ виду, что ваши снаряды могутъ попадать въ 4-й стрѣлковый баталіонъ, находящійся на правомъ моемъ флангѣ (1)».

По прочтеніи этого приказанія, генералъ Эллисъ потребовалъ къ себѣ ординарца, казачьяго сотника, и отправилъ его по назначенію. Вскорѣ сотникъ вернулся и привезъ записку обратно. «Ну, что, прочелъ полковникъ?» спросилъ генералъ Эллисъ.—«Два раза прочелъ, сказалъ, что понялъ и отдалъ мнѣ записку назадъ, говоря, что она ему болѣе не нужна», отвѣчалъ ординарецъ. Генералъ Эллисъ вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія по своему отряду, а ближайшихъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ самъ предупредилъ о значеніи сигналовъ. Не успѣли еще всѣ эти распоряженія дойти по назначенію, какъ, ко всеобщему изумленію и ужасу, раздался залпъ съ нашей батареи. Вмѣсто того, чтобы стрѣлять послѣдней, она начала пальбу первой! Трудно представить себѣ, въ какое отчаяніе привело насъ это непостижимое недоразумѣніе. Записка была редактирована такъ ясно и опредѣленно, что всякій не военный легко пойметъ, въ чемъ дѣло. Чтó оставалось дѣлать? Путаница была неизбѣжна. Оставалось единственно возможное рѣшеніе, къ которому генералъ Эллисъ и прибѣгнулъ. А именно: нужно было, если только не послѣдуетъ отмѣны, считать залпы не съ лѣваго, а съ праваго фланга, т. е. съ нашей батареи. Намъ долго пришлось ожидать сосѣднихъ выстрѣловъ. Можно себѣ представить, какъ мы прислушивались къ ихъ звуку. Наконецъ раздался одинъ, другой, третій гулъ. Оставалось еще выждать три залпа, но тутъ поднялась такая трескотня по всей линіи, въ которой трудно было что нибудь различить; все сливалось въ сплошной гулъ. «Вотъ 7-й залпъ», — кто-то считаетъ; потомъ: «8-й». — «Нѣтъ,

(1) Слова напечатанныя курсивомъ, въ подлинной запискѣ подчеркнуты.

это ружейный огонь», возражаютъ; пошли споры и дебаты... Между тѣмъ мы стали ободрять сосѣднихъ къ намъ людей. Генералъ Эллисъ всталъ, обошелъ ближайшій участокъ цѣпи и сдѣлалъ нѣсколько наставленій людямъ. «Смотри, ребята,—говорили мы имъ,—смѣлѣе бросайся впередъ и лети стремглавъ; чѣмъ скорѣе добѣжите, тѣмъ меньше потерь. Горнисты! Какъ бросятся люди—труби атаку».—«Эхъ, изрѣшетятъ они насъ, ваше в—діе!» послышалось замѣчаніе.... а огонь все усиливается... «9-й залпъ!» крикнулъ кто-то. «Впередъ! ура! Горнистъ, труби!» Люди бросились изъ-за закрытій, закричали «ура! ура!...» но въ этомъ звукѣ не слышно было всесокрушающей увѣренности въ успѣхѣ дѣла. Поразительно, какъ вѣрно чувствуется подобное настроеніе. Едва наши поднялись изъ траншей и стремглавъ бросились впередъ, какъ турки съ бѣшенымъ неистовствомъ затрещали изъ ружей. Безъ преувеличенія говорю, что цѣлыя тучи свинца неслись мимо насъ. Множество людей повалилось убитыми и ранеными. Одинъ моментально хватался за сердце и какъ снопъ падалъ на землю; другой стоналъ отъ раздробленной ноги; третій катался въ невыносимыхъ мученіяхъ, получивши сквозную рану въ животъ... Цѣпь наша, пробѣжавши немного впередъ, залегла и застыла на мѣстѣ. Горнистъ, къ которому я обращался, едва успѣлъ разъ пискнуть и свалился.

Сосѣди наши, измайловцы, двигались сначала перебѣжками; ротные командиры съ саблями на-голо, впереди своихъ частей, командиръ полка—передъ цѣпью. Раненый двумя пулями, командиръ 14-й роты Головковъ запретилъ санитарамъ перевязывать и убирать его, говоря, что есть болѣе тяжело раненые, чѣмъ онъ. Не смотря на все это, измайловскій баталіонъ тоже не могъ особенно далеко продвинуться. Впослѣдствіи уже наши люди ползкомъ по одиночкѣ стали пробираться впередъ шаговъ на 100 до редута. Неудача атаки не была, собственно говоря, для насъ сюрпризомъ; мы это предчувствовали со времени роковаго перваго залпа.

Съ тяжелымъ чувствомъ мы опять усѣлись за валикъ. Тутъ къ намъ подошелъ командиръ полка, сильно потрясенный пережитыми имъ ощущеніями. Мы видѣли, что дѣло затягивается и что потребуется еще много жертвъ, чтобы покончить со стойкимъ противникомъ.

По прекращеніи атаки тотчасъ усиленно забѣгали по полю санитары. Честно, мужественно они исполняли свой долгъ. Разыскивая раненыхъ, имъ невозможно было пользоваться мѣстными закрытіями, а копотня вдвоемъ, втроемъ надъ перевязкой дѣлала ихъ отличной мишенью для внимательныхъ турокъ; но это не уменьшало энергіи и заботливаго исполненія своихъ обязанностей мужественными людьми.

Они считали уходъ за раненымъ не только служебнымъ, но и христіанскимъ долгомъ.

Послѣ неудачи общей атаки, бой съ обѣихъ сторонъ почти совсѣмъ затихъ; лишь изрѣдка раздавались одиночные выстрѣлы—вѣрный признакъ, что кто-то охотился за туркомъ. Нельзя сказать, чтобы отбитіе приступа произвело на людей особенно угнетающее впечатлѣніе; они скорѣе были раздражены, нежели подавлены. Это счастливое настроеніе имѣло важныя послѣдствія. Замѣтивши, что турки чрезвычайно внимательно слѣдятъ за всѣми нашими движеніями и немедленно открываютъ пальбу при малѣйшей попыткѣ къ наступленію, люди въ нѣсколькихъ пунктахъ, точно согласившись между собою, продѣлывали такой маневръ: надѣваютъ на штыки фуражки и затѣмъ, по командѣ, сразу поднявши кверху ружья, дружно кричатъ «ура!» Турки впопыхахъ, не разглядѣвши въ чемъ дѣло, отвѣчаютъ бѣшенымъ огнемъ, а у насъ раздается общій смѣхъ, остроты, шуточки. Въ этомъ смѣхѣ чувствовалось уже извѣстнаго рода презрѣніе къ противнику, и нѣкоторые начальники, условившись между собою, рѣшились воспользоваться такимъ настроеніемъ своихъ частей (объ этомъ говорится даже въ реляціи флигель-адъютанта полковника Гриппенберга), и какъ только замѣтятъ попытку къ дѣйствительному движенію съ другихъ пунктовъ позиціи—немедленно тоже броситься на штурмъ.

Между тѣмъ солнце уже низко спустилось, скоро должны были наступить сумерки. Генералъ Гурко прислалъ къ намъ ординарца своего, ротмистра Скалона, чтобы разузнать о положеніи дѣлъ. Онъ едва могъ къ намъ пробраться. Сидя на верху, мы указывали ему, какъ можно дойти къ намъ изъ лощины, по которой онъ проѣзжалъ. Скалонъ привезъ намъ не мало печальныхъ извѣстій. Отъ него мы узнали о раненіи генераловъ Зедделера, Розенбаха и флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, а также что мы понесли невознаградимую потерю въ генералѣ Лавровѣ: во время общей атаки онъ сталъ во главѣ своего Финляндскаго полка и палъ смертельно-сраженный пулею, пробившей ему животъ (Онъ страдалъ еще дня два).

Я разсказываю о томъ, что́ самъ видѣлъ, и лишь изрѣдка описываю, по необходимости, событія, совершавшіяся внѣ моего наблюденія; въ настоящемъ случаѣ я именно отступлю отъ общаго характера моей програмы — читатель не осудитъ меня за это. Во время описанныхъ дѣйствій правой колонны, полки 2-й дивизіи работали противъ другихъ фасовъ редута. Лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, имѣвшій правѣе себя лейбъ-гвардіи Московскій, подходя къ турецкой позиціи, построился такимъ образомъ, что впереди находился 4-й баталіонъ, 2-й и 3-й

составляли резервъ, а 1-й двигался уступомъ за батареей, слѣдовавшей на правомъ флангѣ полка. Еще въ лѣсу лейбъ-гренадеры были встрѣчены огнемъ турокъ и прогнали ихъ изъ бывшихъ тамъ ложементовъ. Выйдя на опушку, командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, приказалъ 4-му баталіону занять ее, а самъ отправился ко 2-му и 3-му баталіонамъ, которые уклонились влѣво и зашли въ расположеніе л.-гв. Павловскаго полка. Полковникъ Любовицкій перевелъ ихъ вправо, причемъ 2-й баталіонъ сталъ правѣе 4-го, а затѣмъ 3-й. Послѣ того, командующій полкомъ внимательно осмотрѣлъ позицію турокъ и, увидѣвши малый непріятельскій редутъ, а также расположеніе другихъ частей, пришелъ къ совершенно вѣрному заключенію, что дальнѣйшее пребываніе людей подъ мѣткимъ огнемъ противника поведетъ за собою лишь напрасныя потери, а потому рѣшился атаковать непріятеля. Слѣдуетъ замѣтить, что съ пунктовъ его наблюденій большой редутъ невозможно было пока разглядѣть. Принявъ упомянутое рѣшеніе, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія. Ставъ самъ во главѣ полка, передъ 2-мъ баталіономъ, онъ, съ саблей на-голо, повелъ его на штурмъ, причемъ былъ тутъ раненъ, но остался въ строю. Стремительно, грозной тучей бросились впередъ лейбъ-гренадеры и, не смотря на жесточайшій огонь противника, съ одного размаха овладѣли малымъ редутомъ и перекололи почти всѣхъ его защитниковъ. Эта атака, вмѣстѣ съ предшествующими потерями, обошлась полку около 200 чел. убитыми и болѣе 400 ранеными. Много раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ не выходили изъ строя, въ томъ числѣ между прочими и командующій 2-мъ баталіономъ капитанъ Засуличъ. Во время атаки картечная пуля ударила его наискось въ животъ, сорвала часть мундира и сильно контузила. Онъ упалъ почти безъ чувствъ, но потомъ оправился и прибрелъ къ своему баталіону. Занявши малый редутъ, лейбъ-гренадеры находились уже въ весьма близкомъ разстояніи отъ главнаго непріятельскаго укрѣпленія и подъ сильнѣйшимъ изъ него огнемъ.

Оставаться въ такомъ положеніи тоже было тяжело, и потому флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, спустя, впрочемъ, значительный промежутокъ времени, рѣшился повести общую атаку и противъ большаго редута. Самъ онъ сталъ передъ 1-мъ баталіономъ, рядомъ съ собою приказалъ идти барабанщику и бить атаку. Офицеры впереди своихъ частей съ саблями на-голо.

Можно себѣ представить, какъ турки отвѣтили на это движеніе; не мало храбрыхъ лейбъ-гренадеровъ пало подъ ударами непріятельскаго свинца. Тутъ же былъ смертельно раненъ командиръ баталіона пол-

ковникъ Аспелундъ. Барабанщикъ, бывшій при командующемъ полкомъ, сраженный пулей, палъ рядомъ съ послѣднимъ; тогда флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій надѣваетъ на себя барабанъ и бьетъ атаку, впереди полка; видя, что это не дѣйствуетъ, онъ выхватываетъ саблю и воодушевляетъ людей, но всякая попытка къ движенію сокрушается убійственнымъ огнемъ. Дѣйствія лейбъ-гренадеровъ имѣли чрезвычайно важное значеніе на общій ходъ дѣла, и потому-то я на нихъ остановился. Кромѣ того, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ боя, всѣ говорили объ ихъ смѣлыхъ атакахъ. Въ такія искреннія минуты, чужая слава всегда великодушно признается.... Занявши малый редутъ, лейбъ-гренадеры сразу подошли къ главной непріятельской позиціи на такое близкое разстояніе, что достаточно было одной счастливой перебѣжки, чтобы овладѣть ею.

Притомъ турки тогда не могли уже защищать своихъ передовыхъ траншей и должны были сдать ихъ намъ безъ боя (кромѣ тѣхъ ложементовъ, которые атаковалъ 4 й стрѣлковый баталіонъ). Прочіе полки 2-й дивизіи дѣйствовали съ геройской храбростью, на другихъ пунктахъ поля сраженія; окончательныя ихъ атаки тоже встрѣчали смертоносный отпоръ.

Между тѣмъ вечерѣло; бой совершенно замолкъ. Въ непріятельскомъ редутѣ появились огни; вспыхнули шалаши, зажженные, вѣроятно, нашей артилеріей. Тяжелыя думы бродили въ головѣ. Какъ! первое наше серьезное дѣло; и вдругъ нерѣшительный результатъ.... Говорятъ, генералъ-адъютантъ Гурко обдумывалъ приказаніе, общій смыслъ котораго заключался въ томъ, чтобы, съ наступленіемъ темноты, вывести войска изъ сферы ружейнаго огня, окопаться тамъ на ночь, и съ разсвѣтомъ возобновить атаку.

Среди этихъ тяжкихъ думъ, мы вдругъ слышимъ издали, со стороны лейбъ-гренадеръ, слабые звуки барабана и какъ будто бы «ура!» Мы вскочили съ своихъ мѣстъ, стали напряженно прислушиваться; крики растутъ все сильнѣе и сильнѣе, наши подхватываютъ.... Настрадавшая грудь высоко подымается, вырываются дикіе, болѣзненно-рѣзкіе, но грозные для врага крики, и все сливается въ сплошной ревъ, въ потрясающій стонъ.... А какія воодушевленныя лица, какое счастье въ глазахъ! Вся масса, какъ одинъ человѣкъ, подымается и лавой несется на противника. Тщетно послѣдній открываетъ неумолкаемую, торопливую пальбу. Ураганъ ожесточенныхъ людей несся на него съ неудержимой силой. Въ то время, какъ на другомъ фасѣ, со стороны полковъ Лейбъ-Гренадерскаго, Московскаго, Павловскаго, говорятъ, былъ выброшенъ бѣлый флагъ, у насъ его не было видно, и ближай-

шіе къ намъ стрѣлковые баталіоны совмѣстно съ сосѣдними частями на штыкахъ ворвались въ редутъ. Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ Кушелевъ вскочилъ на брустверъ и едва успѣлъ крикнуть: «ребята, за....» какъ повалился навзничъ; та же участь постигла слѣдовавшихъ за нимъ людей; оказалось, что турецкій офицеръ, сидя за брустверомъ, мѣткими выстрѣлами билъ на поваль всякаго, кто передъ нимъ появлялся. Скоро, впрочемъ, онъ получилъ должное возмездіе. Не долго продолжалась штыковая работа, но груды турокъ завалили все внутреннее пространство. Такъ какъ непріятельскіе шалаши, расположенные по внутренней крутости бруствера, загорѣлись, то не мало раненыхъ погибли въ нихъ мученической смертью. Общая картина была поразительна: огромные огненные языки отъ пылавшихъ шалашей, повозокъ; клубы дыма, отъ тлѣвшихъ кожъ, горѣвшихъ животныхъ, палатокъ; безпрерывный трескъ лопавшихся патроновъ, и надъ всѣмъ этимъ—громкій гулъ ликующаго, счастливаго побѣдителя. На томъ фасѣ, гдѣ, какъ говорятъ, былъ выкинутъ бѣлый флагъ, какъ только наши ворвались въ редутъ, къ первому попавшемуся офицеру вышелъ адъютантъ паши и палъ на колѣни, прося пощады. Немедленно было отдано приказаніе прекратить бой, и тотчасъ послѣ этого появился Хифзи-паша, а за нимъ уцѣлѣвшія части бывшихъ въ редутѣ семи таборовъ, и начали бросать оружіе, сдаваясь въ плѣнъ.

Между тѣмъ, послѣ первыхъ минутъ восторга, войска начали разбираться, горнисты затрубили въ разныхъ направленіяхъ, и пошли неумолкаемые крики: «Московскіе сюда! Стрѣлки собирайся!» и т. п. Разумѣется, не легко было разобраться; пережитыя ощущенія были слишкомъ сильны, всякій пока занятъ былъ собою, говорили сразу всѣ, никто другъ друга не слушалъ, многіе незнакомые бросались цѣловаться и какой-то офицеръ, увидѣвши меня, обратился въ сильномъ возбужденіи съ просьбой: «Полковникъ, примите начальство надъ нашимъ полкомъ; изъ него осталось два слабыхъ баталіона, я молодой офицеръ, штабсъ-капитанъ, оказываюсь старше всѣхъ; я неопытенъ...» Пришлось успокоить молодаго человѣка и убѣдить его, что, вѣроятно, найдется кто нибудь постарше его и что, во всякомъ случаѣ, теперь все дѣло уже очень просто — стать на бивакъ, гдѣ прикажутъ, разобраться, сосчитаться и лечь спать.

Простившись съ генераломъ Эллисомъ, я пошелъ разыскивать отрядный штабъ. Я нашелъ всѣхъ у бугра, гдѣ стояла во время боя батарея. Генералъ Гурко отдавалъ приказанія относительно расположенія войскъ на бивакѣ и мѣръ охраненія въ теченіе ночи, а затѣмъ отправился въ д. Горній-Дубнякъ. Покончивши свое дѣло, я тоже туда

направился и расположился вмѣстѣ со Ставровскимъ въ опустѣвшей избѣ. И говорить нечего, что долго-долго не могли мы уснуть, дѣлясь пережитыми впечатлѣніями.

Между тѣмъ въ деревнѣ вспыхивали безпрерывные пожары. Причина ихъ заключалась частью въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ людей, нагрянувшихъ за топливомъ и подстилкой и желавшихъ согрѣться въ свѣжую октябрскую ночь; частью же просто вслѣдствіе нѣкоторой страсти къ разрушенію, которое является какъ одно изъ неизбѣжныхъ психическихъ послѣдствій боя. Генералъ Гурко долженъ былъ даже выслать отъ конвоя особые разъѣзды по деревнѣ съ самыми широкими полномочіями для прекращенія пожаровъ.

На другой день генералъ-адъютантъ Гурко объѣхалъ поле сраженія и благодарилъ части за ихъ доблестное поведеніе. По мѣрѣ приближенія къ редуту попадалось все болѣе и болѣе убитыхъ. Удивительныя встрѣчались позы у умершихъ людей: иной лежитъ на боку, причемъ противоположная рука какъ стрѣла вытянулась кверху; другой схватился обѣими руками за голову и такъ заснулъ вѣчнымъ сномъ; одинъ стрѣлокъ Московскаго полка, какъ стоялъ у дерева нацѣлившись, такъ и застылъ на мѣстѣ, только ружье вывалилось изъ рукъ; у турокъ очень много убитыхъ лежали на спинѣ съ ногами и руками поднятыми кверху—это, вѣроятно, жертвы штыковыхъ ударовъ прямо въ сердце. Часто попадались значительныя лужи крови, вытекшей изъ ранъ, повсюду лежало множество разбросаннаго, то цѣлаго, то переломаннаго и разбитаго оружія. Много нашихъ ружейныхъ ложъ было сломано въ шейкѣ—работа значитъ шла не штыкомъ, а прикладомъ. Вездѣ, гдѣ лежали групы раненыхъ, валялось множество разнаго хлама, изорванныхъ мундировъ и т. п. остатковъ одежды, которую приходилось распарывать, обрывать при перевязкахъ. Внутреннее пространство редута было буквально завалено трупами, особенно вдоль бруствера— тамъ громоздились цѣлыя групы; тутъ же валялся перебитый скотъ: лошади, быки, овцы, козлы и т. п. Наиболѣе тягостное впечатлѣніе производили черные обгорѣлые трупы, съ запекшейся бѣлой пѣной у рта... На кавальерѣ, гдѣ помѣщались орудія, я видѣлъ зарѣзаннаго турками солдата Московскаго полка. Наши достойные противники нашли-таки время изувѣчить человѣка, хотя катастрофа для нихъ уже совершалась. У турецкихъ орудій, съ видимыми слѣдами поврежденій отъ нашихъ выстрѣловъ, поставленъ былъ нашъ часовой. Брустверъ редута былъ сложенъ очень хорошо изъ дерницъ и имѣлъ почти отвѣсныя отлогости. Впереди его находился ровъ, а вдоль внутренней стороны устроено было множество шалашей изъ дерева и земли.

Въ караулкѣ, на шоссе, помѣщался перевязочный пунктъ лейбъ-гренадерскаго полка; рѣдко раздавался здѣсь стонъ. Страдальцы и умиравшіе молчаливо лежали около избы, на носилкахъ, покрытые своими шинелями. Кругомъ валялись груды изорванной одежды. Медики усиленно работали. Генералъ Гурко обнялъ и поцѣловалъ полковника Любовицкаго, который вышелъ къ нему на встрѣчу, поддерживаемый подъ руки. Тутъ же стояла кучка офицеровъ человѣкъ въ 11 — остатки полковаго состава въ 40 человѣкъ. Между ними также нѣкоторые были ранены, но не выходили изъ строя.

Во многихъ мѣстахъ поля сраженія уже были вырыты общія могилы и кругомъ нихъ снесены и расположены стройными рядами убитые. Невдалекѣ находились и могилы офицеровъ. Долго еще послѣ того въ теченіе нѣсколькихъ дней раздавались печальные звуки похороннаго марша на площадкѣ передъ редутомъ; склонивъ головы, офицеры провожали своихъ товарищей....

Послѣ занятія Горняго-Дубняка мы укрѣпились къ сторонѣ Плевны и выставили отрядъ на шоссе по направленію къ Телишу, который, какъ извѣстно, былъ атакованъ неудачно тоже 12-го октября. Противъ Телиша заняли позицію полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Рекогносцируя эту мѣстность, генералъ Гурко, подозвавши меня къ себѣ, указалъ общее направленіе нашей позиціи и приказалъ составить проектъ ея укрѣпленія. Я немедленно приступилъ къ дѣлу; осмотрѣвши мѣстность на лѣвомъ флангѣ, я отправился къ противоположному концу, гдѣ находился пространный лѣсъ, среди котораго рѣзко выдѣлялась поросшая густымъ кустарникомъ высота. Пробираясь среди чащи, я весь изодрался, а осмотрѣвши мѣстность долженъ былъ придти къ печальному заключенію, что огромное лѣсное пространство передъ высотою необходимо было вырубить, такъ какъ иначе невозможно было обезпечить этого фланга.

Впослѣдствіи тамъ была устроена отличная двухъ-ярусная артилерійская оборона, а также траншеи для стрѣлковъ. Возвращаясь назадъ, я замѣтилъ, что на опушкѣ лѣса слѣдилъ за мною конный черкесъ, который, видя, вѣроятно, близость нашихъ войскъ, не рѣшился сдѣлать нападенія или выстрѣлить. Возвратившись на шоссе, я нашелъ тамъ начальника инженеровъ арміи генерала Деппа, который предложилъ мнѣ относительно подробностей укрѣпленія позиціи условиться съ саперными офицерами, назначенными на работы. Старшимъ оказался лейбъ-гвардіи Саперпаго баталіона штабсъ-капитанъ Чудовскій, съ которымъ мы и отправились пѣшкомъ вдоль позиціи, взявши съ собой нижнихъ чиновъ для разбивки укрѣпленій. При этомъ меня поразило

какъ наши люди быстро обстрѣлялись и поняли въ одинъ день гораздо болѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ мирнаго обученія сущность примѣненія въ бою къ мѣстности. Нѣкоторые изъ людей двигались впереди насъ и сами останавливались: «здѣсь хорошо для ложемента», замѣчали они,—и почти всякій разъ безошибочно. Только къ вечеру успѣли мы покончить нашу работу. Ничего-не ѣвши со вчерашняго вечера, я совершенно заморился. Между тѣмъ саперамъ подвезли кое-что. Тотчасъ разложенъ былъ костеръ, достали мѣдный чайникъ и скоро былъ готовъ чай; оказался недостатокъ лишь въ сахарѣ; но жажда была такъ велика, что мы скоро потеряли счетъ выпитымъ стаканамъ чаю.

Составивъ кроки позиціи, я поѣхалъ къ генералу Гурко ([1]). Проектированныя укрѣпленія состояли изъ нѣсколькихъ батарей, двухъ люнетовъ и ложементовъ для цѣпи съ резервами. Послѣдніе помѣщались приблизительно на линіи батарей, а цѣпь вынесена была впередъ шаговъ на 450—500. Цифра эта уже казалась намъ святотатствомъ противъ мирныхъ понятій: обыкновенно на маневрахъ стрѣлки высылались шаговъ на 150—200 передъ батареею, и потому читатель долженъ оцѣнить нашу храбрость — такъ радикально нарушить мирныя нормы. Но генералъ Гурко не остановился на этомъ: разсмотрѣвши кроки, онъ одобрилъ проектъ укрѣпленій, но приказалъ цѣпь выдвинуть впередъ еще шаговъ на 400, а ложементы, назначенные нами для стрѣлковъ, предоставить резервамъ цѣпи. Замѣчаніе начальника отряда основывалось вполнѣ на дальности нынѣшняго огня пѣхоты и было совершенно вѣрно. Въ тотъ же день начались работы на позиціи и скоро мы были обезпечены и съ этой стороны. Тогда генералъ Гурко сталъ уже помышлять объ овладѣніи Телишемъ.

Потребовавъ меня къ себѣ, онъ приказалъ намъ втроемъ, а именно: командиру 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады полковнику Зиновьеву, начальнику штаба 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи полковнику Энкелю и мнѣ отправиться по направленію къ Телишу и выбрать мѣста для расположенія батарей, которыя должны были бомбардировать турокъ.

15-го октября, утромъ, мы собрались у полковника Зиновьева и отправились на рекогносцировку. Подъѣхавъ къ правому флангу нашихъ аванпостовъ, мы увидѣли, что турецкіе посты находятся въ весьма близкомъ разстояніи отъ нашихъ. Одиночные всадники стоятъ симетрически другъ противъ друга и зорко слѣдятъ за малѣйшимъ движеніемъ на противоположной сторонѣ. Офицеръ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка указалъ намъ мѣсто на правомъ флангѣ, откуда

([1]) См. Чертежъ I. Планъ окрестностей с. Горній-Дубнякъ.

мы превосходно могли разглядѣть позицію турокъ ([1]). По обѣ стороны шоссе тянулся сплошной брустверъ, отъ концовъ котораго шли назадъ перпендикулярные фасы; противъ праваго нашего фланга турки выдвинули новое укрѣпленіе и торопливо его строили. Далѣе вправо, на высотѣ, виднѣлся укрѣпленный лагерь.

Высмотрѣвъ здѣсь все, что намъ было нужно, мы отправились далѣе; причемъ Энкель и Зиновьевъ, пользуясь отдѣльными деревьями, взбирались на нихъ для своихъ наблюденій. Густой и высокій терновникъ нѣсколько скрывалъ наши движенія. Двигаясь влѣво отъ шоссе, мы были предупреждены гусарскимъ офицеромъ—быть осторожнѣе, подходя къ уланской цѣпи (съ южной стороны), такъ какъ тамъ постоянно гарцуетъ какой-то баши-бузукъ, который стрѣляетъ по всѣмъ прибывающимъ въ цѣпь. Не смотря на замѣчаніе, мы, по предложенію Энкеля, поѣхали впереди аванпостовъ и едва только поравнялись съ уланами, какъ раздались выстрѣлы и засвистѣли пули у самаго носа, такъ что иной разъ ощущалось даже движеніе воздуха. Пришлось отъѣхать шаговъ 30 за цѣпь, и тогда мы были оставлены въ покоѣ. Впрочемъ, такъ какъ мѣстность повышалась къ нашей сторонѣ, то мы еще лучше могли рекогносцировать, отъѣхавъ назадъ, что, повидимому, превышало соображенія нашего противника. Впослѣдствіи мы узнали, что вскорѣ за нами тамъ же проѣхалъ генералъ Гурко и тоже подвергся обстрѣливанію. Во избѣжаніе излишней тревоги, нашимъ аванпостамъ приказано было не отвѣчать на выстрѣлы турецкой цѣпи, и положеніе бѣдныхъ всадниковъ служить мишенью туркамъ было не особенно пріятно. Начальникъ отряда утвердилъ представленный ему проектъ размѣщенія нашихъ батарей, которыя и загремѣли на другой день.

Послѣ кровопролитнаго боя 12-го октября у Горняго-Дубняка, генералъ Гурко, прочно утвердившись на плевно-софійскомъ шоссе, окончательно сомкнулъ блокаду Плевны и прервалъ единственную, но превосходную комуникаціонную линію Османа.

Предпринимавшіеся до того набѣги нашей кавалеріи противъ шоссе были безплодны, вслѣдствіе чрезвычайно искусной организаціи обороны этого пути. Плевно-софійское шоссе, по своему устройству, рѣзко отличалось отъ тѣхъ путей, которые намъ до того приходилось видѣть въ Турціи. Довольно многочисленныя «мидхадовскія шоссе» представляютъ, по своему небрежному устройству, весьма ненадежные пути сообщенія. Софійское же шоссе было превосходно вымощено и имѣло такую ши-

([1]) См. чертежъ IV.

рину, что двѣ четырехконныя фуры совершенно свободно могли вездѣ разъѣхаться. Телеграфъ протянутъ былъ по всей линіи.

Когда набѣги нашей кавалеріи начали безпокоить турецкіе транспорты, двигавшіеся въ Плевно и обратно, Османъ организовалъ слѣдующимъ образомъ оборону шоссе. По обѣ его стороны была выдвинута рѣдкая кавалерійская цѣпь, за нею пѣхотная, укрывавшаяся въ ложементахъ. Далѣе, черезъ каждыя 5—10 верстъ (Дольній и Горній-Дубняки, Телишъ, Луковица и проч.) устроены были сильно укрѣпленные этапы, занятые довольно значительными гарнизонами изъ пѣхоты, кавалеріи и артилеріи. Каждымъ пунктомъ завѣдывалъ комендантъ, паша, а нѣсколько такихъ этаповъ находились подъ общимъ вѣдѣніемъ старшаго коменданта (см. чертежъ III, схематическій чертежъ обороны Софійскаго шоссе).

Транспорты передвигались небольшими частями: повозокъ 50—100. При нападеніи нашей кавалеріи, она всегда встрѣчала пѣхоту, борьба съ которой требовала времени, а между тѣмъ, транспортъ успѣвалъ укрыться въ ближайшемъ этапѣ.

Отсюда видно, что только съ приходомъ гвардіи, т. е. съ увеличеніемъ нашего Плевненскаго отряда, можно было рѣшиться перерѣзать этотъ жизненный нервъ арміи Османа, что и было исполнено, когда генералъ Гурко сталъ на шоссе и прочно тамъ утвердился. Тѣмъ не менѣе, оставаться въ такомъ положеніи, имѣя впереди себя Дольній Дубнякъ (сильный этапъ), а позади Телишъ, атака котораго 12-го октября не удалась, въ тактическомъ смыслѣ было невозможно. «Воздуху здѣсь мнѣ мало», говорилъ генералъ Гурко и, дѣйствительно, пребываніе корпуса на такомъ тѣсномъ пространствѣ было безпокойно; кавалерія не имѣла достаточнаго простора для дѣйствій, да и нашъ раіонъ фуражировокъ и реквизицій былъ стѣсненъ. Отсюда занятіе Телиша являлось необходимымъ.

Пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на окрестные этапы паденіемъ Горняго-Дубняка и избѣгая излишней потери людей, генералъ Гурко рѣшился покончить съ Телишемъ однимъ бомбардированіемъ (¹).

Съ этою цѣлью приказано было, 16-го октября, выдвинуть: три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады при лейбъ-гвардіи Московскомъ и Гренадерскомъ полкахъ на позицію по шоссе; три батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады, при Кексгольмскомъ гренадерскомъ императора австрійскаго и лейбъ-гвардіи Литовскомъ полкахъ, южнѣе Телиша, а гвардейской конной артилеріи за-

(¹) См. схематическій чертежъ (№ IV) расположенія нашихъ войскъ подъ Телишемъ 16-го октября.

нять позицію къ сѣверу и въ тылу Телиша. Канонада открылась въ 11 часовъ утра сперва гранатами, потомъ шрапнелью. Послѣ пристрѣлки, батареи дѣйствовали, преимущественно, залпами. Пальба должна была производиться до двухъ часовъ пополудни. Этимъ перерывомъ генералъ Гурко желалъ воспользоваться, чтобы предложить гарнизону капитуляцію, грозя, въ противномъ случаѣ, безустанно громить его изо ста орудій. Съ этою цѣлью были взяты, между прочимъ, пять плѣнныхъ турокъ, испытавшихъ всѣ ужасы дубнякскаго боя, и имъ вручено письмо къ телишскому пашѣ, съ условіями капитуляціи. Плѣнныхъ подвели къ цѣпи, откуда они двинулись, помахивая бѣлыми платками и обѣщая разсказать о массахъ и непобѣдимости русскихъ войскъ, собравшихся около Телиша. Такъ какъ въ $2^1/_2$ часа отвѣтъ не былъ полученъ, то канонада опять началась по всей линіи ([1]). Турецкія орудія, подбитыя нашей артилеріей, перестали отвѣчать, а пѣхота почти не стрѣляла, вѣроятно, за дальностью дистанцій и отсутствіемъ хорошихъ цѣлей, такъ какъ нѣкоторыя наши батареи и цѣпь окапались во избѣжаніе потерь.

Генералъ Гурко, верхомъ, въ сопровожденіи офицеровъ генеральнаго штаба выѣхалъ на одну изъ батарей, съ цѣлью видѣть дѣйствіе нашей артилеріи. Не прошло 20-ти минутъ, какъ замѣченъ былъ турецкій парламентеръ и позиція огласилась потрясающими криками «ура», возвѣщавшаго объ этой, почти безкровной для насъ, побѣдѣ. Артилеристы, по преимуществу, праздновали свой успѣхъ. «Матушка ты наша», говорилъ молодой канониръ, цѣлуя и обнимая свою девятифунтовку. Генералъ Гурко рысью направился, въ сопровожденіи конвоя, на шоссе, выславъ впередъ, для переговоровъ, свиты Его Величества генералъ-маіора Бреверна, князя Церетелева и Ставровскаго. Паша быстро согласился на капитуляцію и хлопоталъ только о правѣ сохраненія офицерами своихъ собственныхъ вещей. Когда же получилъ на это разрѣшеніе, то съ веселымъ духомъ передалъ себя въ наши руки.

Въ ожиданіи прибытія плѣнныхъ, генералъ Гурко (называемый турками «Гяурко-паша») остановился на шоссе, посреди общей радости и шумнаго говора. Здѣсь окончательно уяснилось стратегическое и моральное значеніе дубнякской побѣды: мотивируя свою сдачу, телишскій паша, между прочимъ говорилъ: «Если мой начальникъ (дубнякскій паша) сдался, то почему же и мнѣ не капитулировать?!»

Около часа времени мы простояли на шоссе въ ожиданіи плѣнныхъ,

([1]) Произошло небольшое недоразумѣніе: батареи 1-й бригады, замѣтившія передвиженіе турецкой пѣхоты, продолжали пальбу и появившіеся было турецкіе парламентеры поторопились снова спрятаться въ укрѣпленіе.

наконецъ показалась небольшая кучка, а позади длинная колонна семи таборовъ. Впереди, на жалкой клячѣ, ѣхалъ паша, въ сопровожденіи своихъ пѣшихъ слугъ и конныхъ адъютантовъ. Наружность паши была довольно комичная....

Подъѣхавъ къ генералу Гурко, онъ, съ веселой улыбкой, раскланялся, объяснилъ, что очень плохо говоритъ по французски, и затѣмъ, черезъ переводчика, перечислилъ составъ гарнизона (7 таборовъ и 4 орудія; кавалерійскій полкъ скрылся).

Послѣ того паша, въ сопровожденіи офицера, отправленъ былъ въ Горній-Дубнякъ. Таборы одинъ за другимъ я ввелъ между шпалеръ изъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, который конвоировалъ ихъ къ мѣсту ночлега — большому редуту у Дубняка, занятому нами 12-го октября. Офицеры (числомъ до 100) были выдѣлены и провели ночь особо на бивакѣ.

Плѣнные принадлежали преимущественно къ низаму и редифу; было, впрочемъ, и два баталіона мустахфиза. Особенно подавляющаго впечатлѣнія на лицахъ не было замѣтно: напротивъ, многіе курили, смѣялись, а офицеры положительно радовались, что избавляются, наконецъ, отъ бѣдствій войны. Здѣсь же забрано было пять англичанъ врачей съ бѣлой повязкой на лѣвой рукѣ. Эти господа были свидѣтелями тѣхъ варварствъ, которыя позволяли себѣ босняки и арнауты надъ нашими ранеными егерями 12-го октября. Они были готовы засвидѣтельствовать и подписать протоколъ (что и сдѣлали впослѣдствіи), паша же клялся, что онъ безсиленъ былъ остановить подвиги своихъ подчиненныхъ, и что, съ самаго начала войны, онъ не получалъ никакихъ приказаній изъ Константинополя относительно соблюденія гуманнаго обращенія съ ранеными и воспрещенія варварскихъ потѣхъ. Солдаты наши не скупились посылать проклятія многимъ изъ плѣнныхъ, обутымъ въ сапоги погибшихъ и замученныхъ егерей.

Пропустивъ плѣнныхъ, генералъ Гурко поѣхалъ въ очищенныя турецкія укрѣпленія. Тамъ обычная картина: убитые, раненые, разорванные гранатами на части люди, бѣгающія лошади и т. п. Особенно насъ поразила масса патроновъ, оставленныхъ турками въ укрѣпленіяхъ; цѣлыя груды ихъ валялись въ деревянныхъ ящикахъ, на протяженіи всего бруствера, а шоссе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было сплошь завалено ими, такъ что наши лошади давили ихъ въ огромномъ количествѣ. Немедленно по занятіи полками 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи укрѣпленій, генералъ Гурко приказалъ сдѣлать опись всему оставленному турками имуществу, собрать ружья, патроны, скотъ и пр., поставить, гдѣ нужно, караулы и т. п.

Главными нашими трофеями были четыре стальныя орудія. Такимъ образомъ, гвардія тогда пріобрѣла уже восьми-орудійную батарею, съ достаточнымъ количествомъ снарядовъ.

Поздно, въ темнотѣ, генералъ Гурко возвратился къ себѣ, прослѣдовавъ среди безчисленныхъ бивачныхъ огней нашей гвардіи, и могъ спокойно закончить этотъ хорошій день, стоившій намъ только нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ.

Немедленно начали обнаруживаться слѣдствія нашихъ двухъ побѣдъ на софійскомъ шоссе: Шефкетъ-паша, двигавшійся съ двѣнадцатью таборами и десятью орудіями къ Телишу, узнавъ о паденіи послѣдняго и Дубняка, быстро повернулъ назадъ и отступилъ передъ нашими конно-гренадерами.

Послѣ взятія Телиша пошли приготовленія къ завладѣнію Дольнимъ-Дубнякомъ. Штабъ отряда, по прежнему, остался въ Горнемъ-Дубнякѣ. Немедленно было установлено телеграфное сообщеніе съ главной квартирой и порядокъ службы во всѣхъ частяхъ отряда. Къ служебнымъ нашимъ обязанностямъ не мало присоединялось и личныхъ заботъ. Добыча фуража для лошадей становилась все труднѣе и труднѣе. Отдѣлены были для каждой части фуражировочные раіоны и за сѣномъ пришлось посылать верстъ за 20—25. Ячменя иной разъ можно было купить у болгаръ. Собственное продовольствіе тоже не мало насъ затрудняло. Къ этому времени прибылъ къ намъ маркитантъ гвардейскаго корпуса г. Львовъ; но, во-первыхъ, всѣ его запасы были разобраны на расхватъ, а во-вторыхъ, цѣны на большую часть продуктовъ стояли ни съ чѣмъ несообразныя, такъ, напримѣръ, книжка папиросной бумаги стоила 1 фр. (по курсу 40 к.), 1 ф. сыру 4 фр. 50 сант. (1 р. 80 к.) и т. п.

Войсковыя части тоже встрѣчали затрудненія не только въ хлѣбѣ, но даже и въ мясѣ. Генералъ Гурко установилъ цѣны на быковъ и приказалъ собирать скотъ съ населенія. Распредѣленіе между войсками этого скота производилось въ комендантскомъ управленіи, причемъ части выплачивали владѣльцу причитающіяся суммы, по взаимному уговору, а въ случаѣ несогласія, руководствовались установленными начальникомъ отряда цѣнами.

Распредѣленіе войскъ на занятой позиціи, служба ихъ, въ точности опредѣлялись *приказомъ по отряду отъ 18-го октября № 30.* Мы воспроизводимъ точную съ нея копію:

«I. Войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда принять слѣдующія распоряженія:

«а) 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи остаться на занимаемыхъ нынѣ

частями дивизіи мѣстахъ ([1]). Съ завтрашняго числа передовая позиція будетъ выдвинута впередъ примѣрно на двѣ версты.

«б) Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ съ одною батареею лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады перейти на позицію противъ Дольняго-Дубняка, занимаемую нынѣ кавалеріею генерала Арнольди и Румынскими войсками.

«в) 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи стать возлѣ бывшей позиціи турокъ у Горняго-Дубняка, имѣя одинъ полкъ съ одною батареею въ Телишѣ фронтомъ къ Софіи. Дивизіи расположиться слѣдующимъ образомъ: одному полку съ одною батареею стать на томъ мѣстѣ, на которомъ въ дѣлѣ 12-го октября стояла первоначально батарея 1-й бригады. 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, одному полку съ одной батареею стать правѣе редута, взятаго лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, одному полку съ одною батареею на эспланадѣ впереди главнаго турецкаго редута; наконецъ, одному полку съ одною батареею въ Телишѣ. Остальнымъ батареямъ лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады стать въ резервѣ позади полка, стоящаго правѣе Гренадерскаго редута.

«г) 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями перейти въ Куршевицу, впереди которой занять позицію и укрѣпить ее фронтомъ къ Плевнѣ.

«д) Баталіону лейбъ-гвардіи Московскаго полка съ одною батареею лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, находящимся на Медованской позиціи ([2]), присоединиться къ своимъ частямъ, причемъ батареѣ стоять рядомъ съ тою батареею, которая будетъ находиться въ резервѣ.

«е) Всему Медованскому отряду со всею артилеріею перейти на Волынскую гору. Такъ какъ 1-я бригада 3-й дивизіи будетъ стоять весьма близко отъ Медована, то для непосредственой защиты Медованской позиціи высылать ежедневно отъ этой бригады одинъ баталіонъ съ одною батареею. Позиціи на Волынской и Медованской горахъ и у Куршевицы поступаютъ подъ общее начальство генерала Каталея.

«ж) Всей 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, въ полномъ ея составѣ, перейти въ Махалету и Абаскіой.

«з) Всей кавалеріи, находящейся подъ начальствомъ генерала Арнольди, перейти въ Горній-Нетрополь.

«и) 4-му Маріупольскому гусарскому полку стать возлѣ деревни Горняго-Дубняка, влѣво отъ деревни. Артилеріи, находящейся при полку, присоединиться къ кавалерійскому отряду генерала Арнольди.

«к) Кіевскому гусарскому полку съ конною батареею стать возлѣ д. Куршевицы и находиться временно въ распоряженіи начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«л) Дивизіону Казанскаго драгунскаго полка вернуться къ отряду генерала Лошкарева.

([1]) Т. е. впереди Горняго-Дубняка. *А. П.*

([2]) Баталіонъ этотъ находился тамъ съ 12-го октября. *А. П.*

«м) Румынской пѣхотѣ, находящейся нынѣ на позиціи противъ Дольняго-Дубняка, по смѣнѣ на этой позиціи гвардейскою Стрѣлковою бригадою, перейти въ Горній-Нетрополь, гдѣ присоединиться къ IV румынской дивизіи полковника Боранеску.

«н) Кавказской казачьей бригадѣ перейти въ Телишъ и находиться въ подчиненіи начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«о) 3-й Гренадерской дивизіи, по прибытіи ея, стать на позиціи у Горняго-Нетрополя, гдѣ и укрѣпиться.

«п) Обоимъ полкамъ Каларашей стать между Горнимъ и Дольнимъ-Нетрополемъ на позиціи генерала Чернозубова.

«р) 6-й гвардейской Донской казачьей батареѣ стать возлѣ д. Горняго-Дубняка и быть въ моемъ непосредственномъ распоряженіи.

«с) Моя главная квартира будетъ находиться въ дер. Горній-Дубнякъ.

«Всѣ перемѣщенія частей, согласно вышеизложеннаго, исполнить завтра, 19-го октября; при этомъ частямъ, которыя будутъ смѣняться другими, не уходить съ занимаемыхъ ими позицій раньше смѣны ихъ другими частями.

«II. Всѣмъ войскамъ, стоящимъ на бивакахъ, приступить немедленно къ устройству прочныхъ и теплыхъ землянокъ для войскъ, причемъ землянки эти должны быть выстроены не ближе 600 шаговъ отъ укрѣпленій, чтобы между ними и укрѣпленіями оставалось широкая полоса совершенно свободнаго пространства. Землянки должны быть построены для полуроты каждая, и длинною своею стороною должны быть поставлены перпендикулярно фронту.

«III. Начальники частей должны обращать постоянное вниманіе на соблюденіе строгаго порядка и всѣхъ гигіеническихъ условій.

«Ежедневно два раза въ день выводить части, не занятыя работами, въ полной аммуниціи въ ружье и производить небольшое строевое ученье. Время вывода частей на ученье вполнѣ зависитъ отъ начальниковъ частей, причемъ слѣдуетъ стараться, чтобы онѣ выходили не въ одни и тѣ же часы. Въ д. Горній-Дубнякъ строжайше запрещается впускать отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ. Для соблюденія порядка въ деревнѣ ежедневно наряжать отъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій по одной ротѣ, которымъ держать вокругъ деревни цѣпь. Цѣпь эта не должна впускать въ деревню отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ и отнюдь не задерживать офицеровъ.

«По тревогѣ войскъ отнюдь не поднимать.

«Обо всякомъ наступленіи непріятеля будетъ извѣстно заблаговременно и для вывода войскъ послѣдуетъ распоряженіе начальника оборонительной линіи.

«Въ случаѣ наступленія, по приказанію начальника передовой линіи, обозамъ изготовиться къ наступленію, но не трогаться безъ особаго приказанія.

«IV. Войскамъ принять слѣдующія мѣры предосторожности:

«1) Всѣмъ частямъ, занимающимъ передовую линію главной укрѣпленной позиціи, имѣть впереди себя, въ разстояніи около $1^1/_2$ версты, сторожевыя цѣпи изъ одной роты отъ каждаго полка. Въ передовыхъ ложементахъ имѣть по одной ротѣ. Въ ложементахъ главной линіи имѣть тоже по одной ротѣ. На батареяхъ имѣть по одному взводу.

«Всѣми тремя ротами, находящимися на передовой линіи, командовать одному штабъ-офицеру, назначаемому по очереди начальникомъ передовой линіи.

«На главномъ караулѣ сторожевой цѣпи лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ назначать ежедневно по 15 человѣкъ отъ Маріупольскаго гусарскаго полка и на главный караулъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 15 человѣкъ Кіевскаго гусарскаго полка. Между лѣвымъ флангомъ сторожевой цѣпи главной позиціи и правымъ флангомъ гвардейской Стрѣлковой бригады (бывшей румынской) выставить сторожевую цѣпь изъ трехъ взводовъ Маріупольскаго гусарскаго полка. Такимъ образомъ, отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи наряжать девять ротъ и по одному взводу отъ каждой батареи, а отъ Маріупольскаго гусарскаго полка одинъ эскадронъ.

«2) Такія же мѣры предосторожности имѣть въ укрѣпленной позиціи, которую займетъ 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Такъ какъ на этой позиціи въ передовой линіи будетъ находиться одинъ полкъ, а другой будетъ въ резервѣ, то отъ этой бригады будутъ выходить только три роты. Въ помощь сторожевой цѣпи бригады наряжать одинъ взводъ отъ Кіевскаго гусарскаго полка въ распоряженіе командира роты.

«3) Въ промежутокъ между правымъ флангомъ сторожевой цѣпи 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и деревнею Тверненъ содержать цѣпь отъ Кіевскаго гусарскаго полка, для чего наряжать три взвода между правымъ флангомъ и дер. Тверненъ.

«4) Деревня Тверненъ должна быть занята однимъ баталіономъ отъ 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи при двухъ орудіяхъ.

«5) Между лѣвымъ флангомъ бывшей румынской позиціи, нынѣ позиціи гвардейской Стрѣлковой бригады, и правымъ флангомъ укрѣпленной позиціи, которую займетъ 3-я гренадерская дивизія впереди Горняго-Нетрополя содержать кавалерійскую сторожевую цѣпь отъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и отъ кавалерійскаго отряда генерала Арнольди. Въ цѣпь назначать одинъ полкъ съ одною конною батареею. Такимъ образомъ, ежедневный нарядъ отъ войскъ уменьшается до послѣдней крайности и затѣмъ частные начальники должны озаботиться о дарованіи войскамъ возможно бо̀льшаго спокойствія и удобства. Бдительность сторожевыхъ постовъ должна быть доведена до возможно большей степени, причемъ только при этой бдительности и возможно достиженіе полнаго спокойствія въ войскахъ.

«V. Наблюденіе за лѣвымъ берегомъ р. Искера возлагается на 2-ю

гвардейскую кавалерійскую дивизію и на Кавказскую бригаду полковника Черевина. Для сего въ деревню Княжа выставить два эскадрона драгуновъ отъ гвардейской кавалерійской дивизіи и въ дер. Чумаковицы одну сотню отъ Кавказской бригады; сверхъ того, ежедневно высылать небольшіе разъѣзды по дорогѣ въ Чумаковицы, Іеникіой, Княжу и Рахову.—Штабу 2-й кавалерійской дивизіи озаботиться собраніемъ статистическихъ данныхъ о количествѣ зерноваго фуража, муки, скота и сѣна въ дд. по Искеру и за этою рѣкою. Свѣдѣнія эти крайне необходимы для организаціи продовольствія войскъ на счетъ страны.

«VI. Частямъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и артилеріи этихъ бригадъ озаботиться немедленно устройствомъ хлѣбопекарныхъ печей въ дер. Чириково. 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи устроить хлѣбопекарныя печи въ Петерницѣ.

«VII. Полевую почту и казначейство гвардейскаго корпуса перевести въ дер. Горній-Дубнякъ.

«VIII. Дивизіоннымъ лазаретамъ остаться на своихъ мѣстахъ.

«IX. Полковымъ об зомъ оставаться при своихъ частяхъ. Въ случаѣ наступленія непріятеля, обозамъ приготовиться къ выступленію, но безъ особаго приказанія отнюдь не выступать.

«X. Командамъ, назначаемымъ на фуражировки, быть въ полной боевой амуниціи. Въ прикрытіе фуражировъ отъ частей пѣшей артилеріи, назначать вооруженныя пѣхотныя команды. Ни одна фуражировочная партія безъ офицеровъ быть не должна.

«Подписалъ: командующій войсками отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко*.»

Для того, чтобы парализовать всякія попытки Османа-паши къ сношеніямъ за предѣлами блокадной линіи, отданъ былъ *приказъ* (*20 го октября № 32*) слѣдующаго содержанія:

«Въ настоящее время совершилось полное обложеніе арміи Османа-паши въ Плевнѣ. Для успѣха дальнѣйшихъ операцій противъ Плевны необходимо отрѣзать всякое сообщеніе Османа-паши извнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ Плевну, такъ и изъ Плевны будутъ высылаться въ большомъ количествѣ тайные эмисары съ тѣмъ, чтобы получать свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается внѣ Плевны и согласовать свои дѣйствія съ другими отрядами. Поэтому предписываю быть крайне бдительными на сторожевыхъ постахъ и рѣшительно никого не пропускать черезъ посты. Сверхъ того, высылать въ тылу расположенія войскъ патрули, которымъ задерживать всѣхъ подозрительныхъ лицъ и доставлять въ комендантское управленія въ Горный-Дубнякъ. Въ Свинарской балкѣ имѣть постоянный караулъ изъ одного взвода пѣхоты отъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и одного взвода казаковъ отъ Донскаго казачьяго № 4-го полка. Этому караулу постоянно высылать небольшіе патрули, пѣшіе и конные, и постоянно осматривать кусты и лѣса, прилагающіе къ балкѣ. Въ особенности надо быть бдительнымъ въ Медованскомъ отрядѣ и въ кавалеріи генерала Лошкарева.»

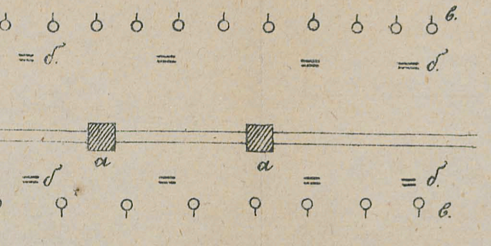
Занявши новую позицію, генералъ-адъютантъ Гурко считалъ ее только подготовительной и намѣревался атаковать Дольній-Дубнякъ. По свѣдѣніямъ, тамъ находилось около семи таборовъ пѣхоты съ 5—6 орудіями, но такъ какъ войска эти легко могли быть усилены изъ Плевны, то, для вѣрности успѣха, генералъ-адъютантъ Гурко рѣшился выждать прибытія 3-й гренадерской дивизіи и полагалъ произвести атаку Дольняго-Дубняка 22-го октября.

Утромъ 20-го октября меня призвалъ къ себѣ начальникъ штаба генералъ-маіоръ Нагловскій и объявилъ, что генералъ Эллисъ просилъ прислать меня къ нему для содѣйствія въ разъясненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу укрѣпленія позиціи. Я отправился туда немедленно и прибылъ часамъ къ 8-ми утра. Мы уже собрались было идти осматривать позицію, какъ прибѣжалъ офицеръ съ аванпостовъ и объявилъ, что турки очистили свою позицію. Отправивъ объ этомъ донесеніе генералъ-адъютанту Гурко, мы поѣхали на позицію. Тамъ узнали слѣдующее: 20-го, на разсвѣтѣ, командиръ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго баталіона, флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ, обходя свои передовые посты, замѣтилъ полную тишину, спокойствіе и отсутствіе людей на непріятельской позиціи у Дольняго Дубняка [1]. Такъ какъ занятая нашими стрѣлками позиція рѣшительно командовала непріятельской, и притомъ мѣстность между обоими противниками была совершенно открытая, то наблюденія полковника Гриппенберга не допускали, повидимому, никакихъ сомнѣній. Для окончательной повѣрки своего неожиданнаго открытія, онъ немедленно выслалъ впередъ патруль изъ охотниковъ, который безпрепятственно вошелъ въ непріятельскій редутъ; тогда, вслѣдъ за патрулемъ, была двинута впередъ стрѣлковая цѣпь, а генералъ Эллисъ отправилъ на поддержку 2-го баталіона стрѣлковъ Императорской Фамиліи и два орудія. Къ этому времени сосѣднія части замѣтили тоже отступленіе и хлынули впередъ со всѣхъ сторонъ. Оказалось, что позиція была очищена непріятелемъ въ теченіе ночи. Чтобы скрыть свое отступленіе, турки разложили большіе костры, пѣли пѣсни, шумѣли и т. п.; подъ покровомъ этихъ хитростей, они сначала убрали всю артилерію и повозки, а затѣмъ ушла пѣхота. Такое рѣшеніе съ ихъ стороны должно признать удачнымъ. Османъ не могъ сомнѣваться, что дольне-дубнякскій гарнизонъ будетъ разгромленъ и положитъ оружіе, а это, при непосредственномъ сосѣдствѣ Дольняго-Дубняка съ Плевной, должно было оказать деморализующее вліяніе на плевненскую армію, и потому лучше

(1) См. чертежъ № V.

Черт. III.

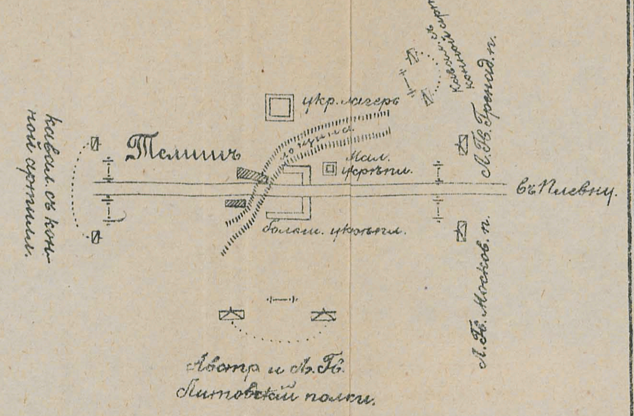
Схематическій чертежъ обороны Софійскаго шоссе.

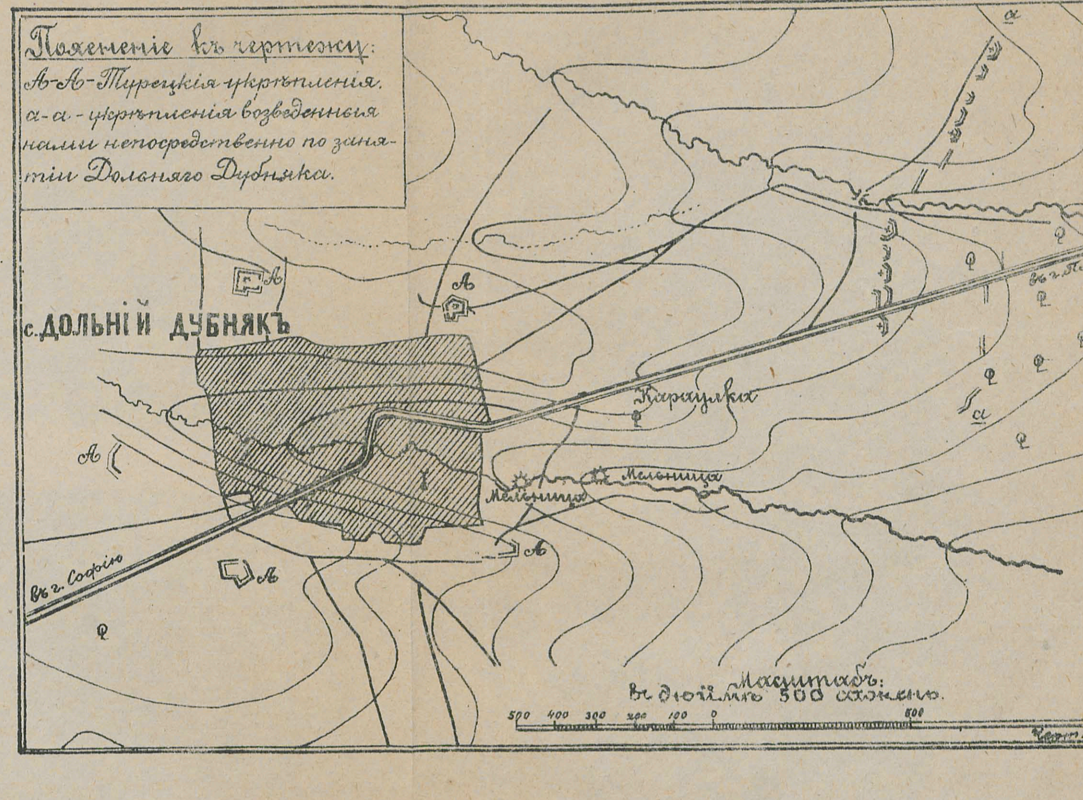
Поясненіе къ чертежу: а - этапы, б - пѣхотные отряды, в - кавалерійская цѣпь (черкесы)

Черт. IV.

Схематическій чертежъ расположенія нашихъ войскъ подъ Телишомъ 16го Октября.

Черт. V.

Черт. VI.

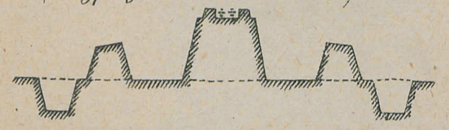
Схематическій чертежъ редута.

Черт. 1.

Черт. 2.

(Разрѣзъ по линіи А.В)

Примѣчаніе: Брустверъ и кавальеръ внутри редута затушеваны на чертежѣ.

было заранѣе очистить опасный пунктъ, тѣмъ болѣе, что позиція у Дольняго-Дубняка была неудобна для турокъ. Мѣстность тутъ полого спускается къ р. Виду и открыта; въ центрѣ турецкой позиціи лежала д. Дольній-Дубнякъ, фланги же были усилены укрѣпленіями и редутами, расположенными одинъ за другимъ на разстояніи около $^3/_4$ версты (1).

Редуты по постройкѣ принадлежали къ тому типу, который встрѣчается постоянно на этапахъ (2). Особенность ихъ заключается въ томъ, что рвы чрезвычайно круты, такъ что взобраться по эскарпу весьма затруднительно, а центральныя батареи высоко подняты (это большею частью искусственно обдѣланные естественные холмы) и представляютъ отличную цѣль для нашей артилеріи. Очищая позицію, турки не оставили намъ ни малѣйшаго трофея, и наши солдатики подобрали только человѣкъ пять больныхъ, которые, вѣроятно, были позабыты въ ночной темнотѣ, а можетъ быть и нарочно брошены. Такимъ-то образомъ, мы безъ потерь заняли укрѣпленную непріятельскую позицію, для атаки которой такъ усердно готовились. Разумѣется, было бы пріятно, если бы кавалерія своевременно открыла отступленіе непріятеля, «пощипала бы его», но что же дѣлать — пришлось утѣшиться фактомъ прибытія къ Осману «лишнихъ ртовъ».

Послѣ занятія Дольняго-Дубняка, нашъ отрядъ подвинулся къ Виду, а кавалерійскіе аванпосты дошли почти до самой рѣки; за ними стояла пѣхотная сторожевая цѣпь, а далѣе весь отрядъ, который укрѣпился на столько прочно, что всѣ усилія Османа должны были бы разбиться о земляныя сооруженія, за которыми засѣли наши доблестные полки.

Разумѣется, характеръ укрѣпленій на нашей позиціи былъ весьма разнообразенъ: тутъ встрѣчались и люнеты, и редуты, и прочіе верки, начертаніе которыхъ обусловливалось мѣстностью и требованіями обороны; но наиболѣе употребительными сооруженіями были эполементы для батарей и ложементы для пѣхоты. При этомъ передовые стрѣлковые ложементы были вынесены шаговъ на 900 впередъ батареи; за ними располагались закрытія для поддержекъ и, наконецъ, приблизительно на линіи батарей—резервные ложементы (3).

(1) См. приложенный планъ дольне-дубнякской позиціи (чертежъ № V), гдѣ нанесены возведенныя впослѣдствіи нашимъ отрядомъ укрѣпленія. Впрочемъ, на планѣ не всѣ они указаны. А. П.

(2) См. чертежъ № VI.—Схематическій чертежъ редута.

(3) См. чертежъ № V.—Планъ окрестностей с. Дольній-Дубнякъ.

20-го же октября отрядный штабъ былъ перенесенъ въ Дольнiй-Дубнякъ и всѣ мы переѣхали туда же.

Распредѣленiе войскъ было также измѣнено слѣдующимъ *приказомъ отъ 21 го октября*:

«Вслѣдствiе отступленiя непрiятеля отъ сел. Дольнiй-Дубнякъ, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда занять слѣдующее новое расположенiе:

«А. 1) 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизiи съ ея артиллерiей продвинуться впередъ и занять позицiю правымъ флангомъ на высотѣ Медованской горы, такъ что фронтъ позицiи будетъ нѣсколько позади выхода изъ Картожабенскаго ущелiя.

«2) 1-й гвардейской пѣхотной дивизiи занять укрѣпленную позицiю версты 1½ впереди Дольняго-Дубняка фронтомъ къ выходу изъ Гривицкой долины. При этомъ имѣть въ боевой линiи три полка и всѣ шесть батарей. Четвертому полку оставаться въ частномъ резервѣ. На обоихъ флангахъ построить сомкнутыя укрѣпленiя, на одинъ баталiонъ и четыре орудiя каждый.

«3) 2-й гвардейской пѣхотной дивизiи и гвардейской Стрѣлковой бригадѣ стать въ общiй резервъ и расположиться около деревни Дольнiй-Дубнякъ на южной ея окраинѣ. Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ состоять подъ начальствомъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизiи.

«4) Гвардейскому Саперному баталiону стать при выходѣ изъ дер. Дольняго-Дубняка, на окраинѣ ея, обращенной къ Плевнѣ.

«5) 3-й гренадерской дивизiи расположиться слѣдующимъ образомъ: одной бригадѣ съ тремя 9-ти фунтовыми батареями стать на укрѣпленной позицiи на правомъ флангѣ румынской позицiи; другой же бригадѣ съ тремя 4-хъ фунтовыми батареями стать въ резервѣ у дер. Горнiй-Нетрополь на западной ея окраинѣ фронтомъ къ Плевнѣ. На правомъ флангѣ позицiи гренадерской бригады построить сомкнутое укрѣпленiе.

«6) Кiевскому гусарскому полку съ конною батареею стать на р. Видѣ, позади 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизiи.

«7) Марiупольскому гусарскому полку стать у дер. Дольнiй-Дубнякъ, на западной ея окраинѣ.

«8) Донскому казачьему № 4-го полку стать рядомъ съ Марiупольскимъ гусарскимъ полкомъ.

«9) Всему Астраханскому драгунскому полку присоединиться къ 9-й кавалерiйской дивизiи; дивизiону Казанскаго драгунскаго полка стать на правомъ флангѣ отряда генерала Бремзена на Волынской горѣ.

«10) Обоимъ полкамъ Каларашей стать впереди Демиркiоя, между р. Видомъ и лѣвымъ флангомъ укрѣпленной румынской позицiи.

«1) 6-й гвардейской казачьей Донской батарѣ стать вмѣстѣ со 2-й гвардейскою пѣхотною дивизiею, по указанiю штаба дивизiи, и оставаться въ моемъ непосредственномъ распоряженiи.

«12) Всѣмъ остальнымъ частямъ остаться на мѣстахъ, указанныхъ въ приказѣ за № 30-мъ ([1]).

«Б. 1) Впереди укрѣпленныхъ позицій, въ разстояніи около $1^1/_2$ версты отъ нихъ, держать пѣшую сторожевую цѣпь, въ которую наряжать: впереди позиціи 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи *двѣ* роты, по одной отъ каждаго полка; впереди позиціи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи *три* роты, по одной отъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго; впереди позиціи гренадерской дивизіи *двѣ* роты, по одной отъ каждаго полка бригады, занимающей позицію; впереди румынской позиціи *три* роты, по усмотрѣнію начальника 4-й дивизіи. При этомъ правый флангъ цѣпи отъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и лѣвый флангъ румынской цѣпи должны непремѣнно упираться въ р. Видъ. Такимъ образомъ ежедневно въ цѣпь будутъ выходить по 10-ти ротъ. Цѣпи всѣхъ ротъ должны быть въ общей между собой связи и должны окопаться.

«2) Впереди сторожевой пѣхотной цѣпи, въ разстояніи около одной версты отъ нея, выставить отдѣльные кавалерійскіе пикеты, по одному взводу въ 12 рядовъ каждый, и непремѣнно при офицерѣ. Впереди цѣпи 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи выставить два пикета отъ Кіевскаго гусарскаго полка; впереди цѣпи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи два пикета отъ Маріупольскаго гусарскаго полка; впереди цѣпи гренадерской дивизіи два пикета отъ Казачьей бригады и впереди румынской цѣпи три пикета отъ Калярашей, всего ежедневно будетъ наряжаться по 9-ти пикетовъ; каждый пикетъ долженъ выставить впередъ на разстояніе около 500—600 шаговъ по три поста. Пикеты должны постоянно патрулировать между собою. Такимъ образомъ впереди пѣхотной сторожевой цѣпи образуется кавалерійская сторожевая цѣпь.

«Обѣ цѣпи должны наблюдать мѣстность впереди съ возможно большей бдительностью и не пропускать никого ни изъ Плевны, ни въ Плевну; перебѣжчиковъ же доставлять въ ближайшіе пѣхотные караулы, откуда доставлять ихъ въ комендантское управленіе въ дер. Дольній-Дубнякъ.

«Затѣмъ отъ остальной кавалеріи аванпостной цѣпи не держать.

«3) На укрѣпленныхъ позиціяхъ ежедневно наряжать отъ каждаго полка по одной ротѣ въ передовую линію (стрѣлковую) ложементовъ и по двѣ роты въ главную линію ложементовъ (на высотѣ батарей). Всѣ орудія батарей, назначенныхъ занимать укрѣпленія, держать въ построенныхъ батареяхъ, прислугу же и лошадей посылать въ укрѣпленія только для одного взвода. Орудія, раньше чѣмъ обнаружится наступленіе непріятеля, не заряжать.

«Такимъ образомъ отъ каждаго пѣхотнаго полка наряжать ежедневно по четыре роты, а отъ каждой пѣшей батареи высылать по одному взводу.

«Работы по возведенію укрѣпленій вести съ полною энергіей.

«4) На Копаной-могилѣ и у караулки, при выходѣ изъ дер. Дольній-

([1]) Онъ приведенъ мною выше. *А. П.*

Дубнякъ, устроить постоянные офицерскіе наблюдательные пункты отъ 1-й гвардейской пѣхотной и отъ 3-й гренадерской дивизій. Офицерамъ на этихъ наблюдательныхъ пунктахъ вести журналы всего ими замѣченнаго на сторонѣ непріятеля и ежедневно, съ наступленіемъ вечерней темноты, присылать копіи въ штабъ ввѣреннаго мнѣ отряда. Для веденія журналовъ завести тетрадки, и офицерамъ, по окончаніи своего дежурства, подписываться подъ вписанными ими наблюденіями.

«5) Командиру 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, полковнику Маргюшову, опредѣлить своимъ дальномѣромъ разстоянія до различныхъ предметовъ, лежащихъ впереди всѣхъ батарей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, и сообщить командирамъ батарей результаты своихъ опредѣленій.

«Затѣмъ, сдѣлать ему то же самое и для трехъ батарей 3-й гренадерской дивизіи ([1]).

«6) Начальникомъ всей артилеріи ввѣреннаго мнѣ отряда назначается начальникъ артилеріи гвардейскаго корпуса, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Бревернъ.

«В. Такъ какъ съ замкнутіемъ блокадной линіи у Плевны роль кавалеріи подъ Плевной значительно сократилась, то обратить ей полное вниманіе на западъ. Для сего: 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи освѣщать сильными разъѣздами мѣстность между слѣдующими пунктами: Острова и Рахова на сѣверѣ, Враца-Раховской дорогой—на западѣ и Каменополь и Кулино—на югѣ. 4-й кавалерійской дивизіи освѣщать теченіе рѣки Искера отъ д. Луковицъ до его впаденія въ Дунай. Вообще всѣ движенія, какъ войскъ, такъ и транспортовъ непріятеля, въ мѣстности между Искеромъ и р. Огостъ, должны быть своевременно открываемы.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ 2-я гвардейская кавалерійская, такъ и 4-я кавалерійская дивизіи должны озаботиться сборомъ рогатаго скота для войскъ гвардіи, гренадерской дивизіи и румынскихъ войскъ, для чего имѣть постоянно на готовѣ въ Махалетѣ и Трестеникѣ по 150 штукъ рогатаго скота. Всѣмъ войскамъ, нуждающимся въ рогатомъ скотѣ, давать знать объ этомъ въ штабъ отряда заблаговременно, и тогда штабъ будетъ дѣлать распоряженіе о пригонкѣ нужнаго количества скота въ Горній-Нетрополь и въ Дольній-Дубнякъ. Покупать самимъ скотъ строжайше воспрещается. Сверхъ того, обѣимъ кавалерійскимъ дивизіямъ принять самыя энергическія мѣры для сбора въ мѣстности за р. Искеромъ муки, для того, чтобы раздавать ее войскамъ для перепеченія ея въ хлѣбъ. Если муки не найдется, то забирать хлѣбъ въ зернѣ, заставлять болгаръ молоть ее на мельницахъ и свозить муку въ Дольній-Дубнякъ и Горній-Нетрополь. Для печенія хлѣбовъ 3-й гренадерской дивизіи устроить немедленно печи въ Семеретъ—Трестеникѣ. Реквизиціи какъ муки, такъ и скота

([1]) Дальномѣръ этотъ давалъ вполнѣ удовлетворительные результаты. Впослѣдствіи имъ пользовались и на Балканахъ. *А. П.*

должны быть совершенно правильны и за все должно платить деньги. Грабежи въ окрестной мѣстности будутъ преслѣдуемы со всею строгостію военныхъ законовъ.

«Остальные пункты приказа отъ 18-го октября за № 30 остаются въ полной силѣ и безъ всякаго измѣненія.

«Подписалъ: командующій войсками гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*».

Попытки Османа къ сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ вызвали новое *распоряженіе отъ 22-го октября*:

«Послѣднее время передовыми постами и разъѣздами захвачено нѣсколько человѣкъ эмисаровъ, пробиравшихся съ бумагами къ Осману-пашѣ. Хотя эти эмисары и арестованы, но бумаги съ ними бывшія уничтожены при ихъ задержаніи. Такъ какъ надо ожидать, что въ настоящее время турки будутъ часто посылать подобныхъ эмисаровъ, то чрезвычайно важно брать всѣ бумаги при нихъ находящіяся. Между тѣмъ нижніе чины, не понимая важности этихъ бумагъ, не обращаютъ на нихъ никакого вниманія и не доставляютъ ихъ въ комендантское управленіе. По этому предписывается всѣмъ ротнымъ, эскадроннымъ и сотеннымъ командирамъ непремѣнно лично растолковать ввѣреннымъ имъ чинамъ важное значеніе этихъ бумахъ, даже самыхъ, повидимому, ничтожныхъ лоскутковъ, тщательно осматривать задерживаемыхъ людей и все доставлять въ Дольній-Дубнякъ въ комендантское управленіе. Слѣдуетъ внушить также, что необходимо отбирать и доставлять по начальству даже чистые листы бумаги, такъ какъ иногда пишутъ особыми чернилами, которыя обыкновенно не видны, но при нѣкоторыхъ пріемахъ съ ними чернила чернѣютъ и дѣлаются видимыми, а также сохранять и предоставлять всѣ безъ исключенія вещи, найденныя на лазутчикѣ, потому что какой либо важный письменный документъ можетъ быть вшитъ въ одежду или вдѣланъ или запрятанъ въ какую либо вещь, какъ-то въ палку, въ подстельку сапоговъ и т. п.»

Наша кавалерія, между тѣмъ, овладѣвала все бóльшимъ и бóльшимъ пространствомъ територіи къ западу. Для ознакомленія войскъ съ ходомъ дѣлъ въ сосѣднихъ отрядахъ, генералъ-адъютантъ Гурко поручилъ полковнику Сухотину составлять сводки изъ донесеній и помѣщать ихъ въ приказаніяхъ при паролѣ. Такъ, въ приказаніи отъ 24-го октября были объявлены слѣдующія извѣстія:

«По донесеніямъ отъ высланныхъ отрядовъ видно, что вчера, 22-го октября, дивизіонъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка занялъ Джурилово, предварительно выбивъ изъ окрестныхъ селеній черкескія и баши-бузукскія партіи и завладѣлъ транспортомъ въ 100 повозокъ и нѣсколькими сотнями штукъ рогатаго скота; другой дивизіонъ того же полка занялъ Княжа (на дорогѣ изъ Врацы въ Рахово) и имѣетъ отдѣльные пикеты въ Бѣло-

слатинѣ и въ Крушевицѣ. Конно-гренадерскій полкъ имѣетъ пикеты у Койноре и у Луковицы и входитъ въ связь съ румынами, занимающими д. Вадинъ (на Дунаѣ, по дорогѣ къ Рахову); остальные полки гвардейской кавалеріи находятся въ Магалетѣ. Кавказская бригада генерала Черевина дошла до Петревена и выслала разъѣзды до Яблоницы и далѣе по шоссе къ Орханіэ; послѣдніе сообщили, что турки очистили сильную позицію у Яблоницы и что они бѣгутъ къ Орханіэ; наши разъѣзды слѣдуютъ по пятамъ.

«Отрядъ генералъ-маіора Давыдова, четыре баталіона, семь сотенъ съ артилеріею, пришелъ изъ Ловчи до Турскаго Извора и занялъ однимъ баталіономъ Тетевенъ; отрядъ получилъ приказаніе на сегодня двинуться къ Яблоницѣ; отрядъ этотъ съ сегодняшняго числа подчиненъ генералъ-адъютанту Гурко.

«Отрядъ генерала Бремзена сильно укрѣпился на горахъ къ сѣверо-востоку отъ Тырнина».

Занятіе територіи къ западу имѣло чрезвычайно важное для насъ значеніе въ продовольственномъ отношеніи, отдавая въ наши руки еще мало разоренный край; кромѣ того, кавалерія захватила не мало турецкаго провіанта; все это свозилось въ д. Магалету (на Искерѣ) и въ Трестеникъ. Для своза продуктовъ начальники 2-й гвардейской и 4-й кавалерійскихъ дивизій должны были собрать возможно болѣе воловьихъ и буйволовыхъ подводъ между Видомъ и Искеромъ, а также къ западу оттуда.

Такъ какъ 1-я гвардейская пѣхотная дивизія заняла обширную позицію, то я прикомандированъ былъ къ штабу этой дивизіи.

Ежедневно мы выѣзжали для различнаго рода распоряженій по возведенію укрѣпленій. Инженерными работами завѣдывалъ полковникъ Мазюкевичъ. Въ штабѣ, кромѣ меня, находились еще полковникъ баронъ Каульбарсъ и капитанъ Протопоповъ. Послѣдній, въ часы досуга, составлялъ, по имѣвшимся у него источникамъ, описанія балканскихъ проходовъ и илюстрировалъ ихъ отличными чертежами.

IV.

Проектъ Забалканскаго похода Западнаго отряда. Поѣздка въ главную квартиру и къ Государю Императору.

Съ занятіемъ гвардіей софійскаго шоссе, положеніе Османа-паши стало, дѣйствительно, критическимъ. Едва лишь турки сдали намъ Дольній-Дубнякъ, какъ весь отрядъ генерала Гурко былъ придвинутъ къ Виду и завершилъ «желѣзное кольцо обложенія», связавшись направо съ дивизіей генерала Скобелева 2-го, а налѣво съ румынами. Войска приступали немедленно къ возведенію укрѣпленій на занятой позиціи; пошла спѣшная, энергическая работа, и скоро мы уже были не только готовы встрѣтить попытку Османа къ прорыву, но, можно сказать, пламенно желали этого, будучи увѣрены въ своихъ силахъ и крѣпости нашей позиціи.

Между тѣмъ, за извилистыми берегами Вида все было тихо, ничто не обнаруживало признаковъ общаго движенія; каждое утро мы напряженно разглядывали въ бинокли своего противника, который, по обыкновенію, усиленно рылся въ землѣ, изрѣдко перестрѣливаясь съ 3-й гвардейской дивизіей, а нависшій вдали надъ котловиной туманъ и отлогія высоты скрывали отъ взоровъ заколдованную Плевну съ ея ближайшими окрестностями.

Скоро ли станетъ пробиваться Османъ? На долго ли у него хватитъ продовольствія?—вотъ вопросы, которые, естественно, занимали каждаго изъ насъ. Показанія въ этомъ смыслѣ, собираемыя различными путями, были весьма разнообразны и часто противорѣчивы, а между тѣмъ нѣкоторые безспорные факты указывали, что блокада затянется на долго. Такъ, напримѣръ, съ нѣкоторыхъ пунктовъ занятой нами позиціи часто можно было наблюдать у Плевны огромнѣйшія стада скота, служившія, очевидно, для продовольствія арміи. Мѣстность, уступленная намъ турками, послѣ нашихъ успѣховъ на шоссе, была покрыта посѣвами кукурузы.

*

Послѣдняя осталась несобранной, хотя была уже созрѣвшей и притомъ любима турками. Изъ этого факта можно было также заключить, что предусмотрительный Османъ достаточно, вѣроятно, снабженъ продовольствіемъ, если уступилъ намъ одинъ изъ богатыхъ источниковъ.

Рядомъ съ этимъ у насъ имѣлись совершенно достовѣрныя свѣдѣнія, что Мехметъ-Али торопливо формируетъ въ Софіи шестидесятитысячную армію, назначеніе которой хотя и невозможно было въ точности опредѣлить, но, несомнѣнно, она должна была сильно затруднить наши операціи. Если бы блокада затянулась, то Мехметъ-Али могъ явиться на выручку къ Плевнѣ и атаковать, одновременно съ Османомъ, нашу блокадную армію. Но если бы турецкій паша и не рискнулъ на подобное движеніе, то, оставаясь въ предгоріяхъ Балкановъ и на ихъ высотахъ, онъ могъ упрочить организацію своей арміи, широко снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ, и твердою рукою оборонять грозную естественную преграду. Чтó оставалось дѣлать въ нашемъ положеніи?

Какъ Главнокомандующій, такъ и генералъ Гурко были вполнѣ оріентированы среди этихъ обстоятельствъ. Необходимо было немедленно, не теряя времени, двинуться противъ Мехмета-Али и постараться разбить его армію по частямъ, прежде чѣмъ она успѣетъ окончить свою организацію! Такая задача уже сама по себѣ имѣла чрезвычайно важное значеніе. Но успѣхъ предпріятія, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ быть развитъ дальше и повести къ рѣшительному обороту дѣлъ на всемъ театрѣ войны еще до паденія Плевны.

Въ то время, о которомъ я говорю, штабъ нашего отряда помѣщался въ Дольнемъ-Дубнякѣ. 24-го октября меня потребовалъ къ себѣ начальникъ отряда. Квартира его и штабъ помѣщались въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, до основанія разоренномъ турками, какъ и всѣ постройки деревни. Окна въ домѣ выбиты, двери частью сорваны съ петель, во дворѣ разный хламъ. Тутъ же толпилась масса пріѣзжаго люда, ординарцы, вѣстовые и проч. Такъ какъ къ генералу всякій офицеръ могъ являться безъ доклада и не стѣсняясь своимъ костюмомъ, то я прошелъ въ его комнату.

— «Здравствуйте, полковникъ!» встрѣтилъ меня генералъ-адъютантъ Гурко. «Я пригласилъ васъ съ важною цѣлью. Вотъ пакетъ. Прошу васъ съѣздить съ нимъ къ Великому Князю Николаю Николаевичу, и если понадобится, то и къ Государю Императору. Такъ какъ заранѣе невозможно предвидѣть всѣхъ возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы на мое предложеніе, то я разсчитываю—приба-

вилъ улыбаясь генералъ—на ваше краснорѣчіе, которымъ вы должны побѣдить. Съ содержаніемъ моего предложенія я васъ сейчасъ познакомлю, а если нужно будетъ разъяснить какія нибудь детали, то обратитесь къ Дмитрію Станиславовичу (начальникъ штаба; генералъ-маіоръ Нагловскій).

Затѣмъ, генералъ-адъютантъ Гурко развернулъ карту Болгаріи и приступилъ немедленно къ объясненіямъ. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

«По свѣдѣніямъ, которыя я имѣю, говорилъ генералъ-адъютантъ Гурко, точно также какъ и по моимъ личнымъ рекогносцировкамъ и наблюденіямъ за противникомъ, можно думать, что Османъ еще долго продержится—мѣсяцъ, пожалуй и два. А между тѣмъ достовѣрно извѣстно, во-первыхъ, о существованіи укрѣпленій, хотя пока и не приведенныхъ въ опредѣленную оборонительную систему, по пути отъ насъ къ Орханіэ и Софіи; во-вторыхъ, о томъ, что Мехметъ-Али организуетъ въ Софіи сильную армію. Пока еще армія эта намъ не страшна. Но пройдутъ недѣли три, четыре, и мы можемъ быть атакованы соединенными силами Османа и Мехмета. Не ожидать же намъ такого сюрприза. Надо непремѣнно помѣшать организаціи новой арміи. Понятно, что чѣмъ скорѣе мы къ этому приступимъ, тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе и съ меньшими потерями мы достигнемъ цѣли. Далѣе, мнѣ извѣстно, что Радецкій много теряетъ на Шипкѣ отъ холодовъ и бурь, которые тамъ уже наступили. Если не ошибаюсь, у него каждый день выбываетъ изъ строя среднимъ числомъ по сто человѣкъ. При счастьѣ, мы бы могли ему помочь.

«Мой планъ заключается въ томъ, чтобы собрать сколько можно свободныхъ войскъ, двинуться по шоссе къ Балканамъ, разбить находящуюся въ періодѣ организаціи армію Мехмета-Али, перейти Балканы, а затѣмъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Если Софія будетъ сильно занята непріятелемъ, то мнѣ придется двинуться туда и покончить съ турками, чтобы не оставлять въ тылу у себя сильнаго противника. Балканскіе перевалы я во всякомъ случаѣ долженъ буду охранять особымъ отрядомъ. Если же въ Софіи не будетъ значительныхъ непріятельскихъ силъ, или если она вовсе не будетъ имъ занята, то, перейдя Балканы, я сосредоточу свои силы, снабжусь продовольствіемъ и боевыми припасами, обезпечу свой тылъ и немедленно двинусь по долинѣ Гіопса, на выручку къ Радецкому [1]. Дальнѣй-

[1] Надо замѣтить, что главнокомандующій, имѣя въ виду движенія за Балка-

шія предположенія уже не поддаются точнымъ соображеніямъ, а потому я ихъ и развивать не стану. Теперь является вопросъ: какими средствами осуществить мой планъ? Въ моемъ распоряженіи, на лѣвомъ берегу Вида, находится около 83-хъ баталіоновъ, 100 эскадроновъ и 250 орудій. Съ тѣхъ поръ, какъ кровью моего отряда завоевано софійское шоссе и трудами его укрѣплена позиція, замкнувшая окончательно Османа, можно обойтись здѣсь меньшими силами. Чтобы защищать эту позицію и отбросить вылазку турокъ, потребуется меньшихъ усилій, чѣмъ ихъ нужно было для завоеванія и укрѣпленія нашей позиціи. Кромѣ того, сколько мнѣ извѣстно, 2-я гренадерская дивизія въ настоящее время не имѣетъ еще строго опредѣленнаго назначенія и двигается гдѣ-то между Плевной и Тырновымъ. Ее можно сюда притянуть. Далѣе, 3-я пѣхотная дивизія теперь раздѣлена: 2-я бригада ея находится уже въ балканскихъ предгоріяхъ и вступила въ связь съ моей кавалеріей. Она будетъ естественнымъ моимъ авангардомъ; что же касается до 1-й бригады этой дивизіи, то пока пускай она остается въ Ловчѣ. Когда же мы перевалимъ черезъ Балканы и двинемся къ Шипкѣ, то, какъ стратегическое значеніе Ловчи тогда уничтожится, полезно было бы эту бригаду перебросить ко мнѣ на встрѣчу, черезъ Трояновъ перевалъ, что ли. Фондъ моего отряда составятъ 1-я и 2-я гвардейскія дивизіи съ гвардейской стрѣлковой бригадой и сапернымъ баталіономъ, которые и будутъ замѣнены 2-й гренадерской дивизіей. Прочая пѣхота теперешняго моего отряда, въ томъ числѣ и 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, останутся подъ Плевной. Изъ кавалеріи я прошу—гвардейскую, Кавказскую казачью бригаду и Казанскій драгунскій полкъ. Тутъ останутся румынскіе рошіоры и прочія части нашей армейской кавалеріи—этого вполнѣ достаточно съ занятіемъ нами значительной части територіи Болгаріи къ западу отъ Плевны и въ виду предполагаемаго движенія. Выпросите мнѣ также, если можно, одинъ саперный баталіонъ: онъ будетъ весьма полезенъ отряду. Доложите Великому Князю, что я въ рапортѣ перечисляю *minimum* тѣхъ силъ, съ которыми берусь выполнить предполагаемую операцію; но что, само собою разумѣется, я съ величайшей радостью и благодарностью возьму всякій лишній баталіонъ или эскадронъ, который бы мнѣ прибавили сверхъ перечисленныхъ тамъ войскъ.

ны, отправилъ въ Сербію уже въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, генеральнаго штаба полковника Бобрикова, съ предложеніемъ плана совокупнаго дѣйствія сербской арміи съ нашей по направленію къ Софіи, когда мы приступимъ къ самому акту перевала черезъ горы. *А. П.*

«Теперь коснусь вопроса о продовольствіи отряда и снабженіи его боевыми припасами. Я уже отдалъ приказъ, чтобы войска копили сухари. Ко времени выступленія надѣюсь собрать пятидневный запасъ сухарей въ обозѣ и шестидневный на людяхъ, итого на 11 дней. Такъ какъ, при изобиліи скота въ странѣ, вполнѣ возможно увеличить мясную порцію, то дневную дачу сухарей я сокращу на половину, и, такимъ образомъ, отрядъ будетъ обезпеченъ хлѣбомъ на 22 дня. Кромѣ того, какъ вы знаете, кавалерія наша захватила турецкій транспортъ съ провіантомъ; да и достать муки на западѣ можно; все это будетъ свезено къ д. Радомирцамъ, гдѣ я устрою обширное хлѣбопеченіе, и куда уже мною отправлены команды хлѣбопековъ. Что касается патроновъ, то, кромѣ имѣющихся на людяхъ, я прикажу выдать имъ еще на руки столько, сколько каждый можетъ помѣстить въ карманахъ; вообще же каждый человѣкъ долженъ быть снабженъ не менѣе какъ 105-ю патронами. За отрядомъ будутъ слѣдовать летучіе парки съ полнымъ комплектомъ боевыхъ припасовъ. Снарядившись такимъ образомъ, мы двинемся къ Балканамъ, оставляя при себѣ обозъ такъ долго, какъ это окажется возможнымъ.

«Всѣхъ нашихъ подвижныхъ запасовъ, надѣюсь, вполнѣ будетъ достаточно для дѣйствій при перевалѣ черезъ Балканы. Послѣ того, съ занятіемъ Софіи, я устрою, изъ мѣстныхъ средствъ, временную базу для операцій противъ Шипки. Въ Софіи имѣются склады и запасы для турецкихъ войскъ; окрестная страна и самый городъ тоже представляютъ хорошій источникъ для снабженій, а потому я считаю продовольствіе моего отряда обезпеченнымъ».

Послѣ этого, генералъ Гурко, сдѣлавъ еще нѣсколько частныхъ поясненій, предложилъ мнѣ отправиться переговорить съ начальникомъ штаба, генералъ-маіоромъ Нагловскимъ, что я и исполнилъ.

День клонился къ вечеру; я долженъ былъ выѣхать только на утро. Рядъ тревожныхъ мыслей волновалъ меня и отнималъ время у необходимаго отдыха. Вполнѣ сочувствуя проекту генерала Гурко, я старался предугадать то впечатлѣніе, съ которымъ онъ будетъ встрѣченъ въ главной квартирѣ. Выясняя себѣ мое личное положеніе въ этомъ дѣлѣ и роль, которую мнѣ приходилось исполнить, я заранѣе опасался тѣхъ возраженій, которыя могли явиться изъ соображенія общаго положенія дѣлъ на театрѣ войны. Понятно, что нашъ походъ долженъ былъ находиться въ связи съ общими предположеніями и видами Главнокомандующаго, со взаимнымъ расположеніемъ и обстановкой обѣихъ воюющихъ сторонъ, а между тѣмъ нѣкоторыя данныя въ

этомъ смыслѣ мнѣ были неизвѣстны—отсюда рядъ опасеній и сомнѣній, не дававшихъ мнѣ покоя.

Главная квартира находилась въ то время въ д. Боготѣ, верстахъ въ 25-ти отъ Дольняго-Дубняка, а Государь Императоръ—въ д. Порадимѣ (12 верстъ отъ Богота). Рано утромъ, 25-го октября, я былъ уже на конѣ. Кабуры у сѣдла наполнены сухарями и флягой съ ромомъ, а сопровождавшій меня казакъ навьюченъ необходимымъ для насъ фуражнымъ запасомъ. Путь мой сначала до Вида пролегалъ впереди нашей аванпостной цѣпи, потомъ по тылу расположенія 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, которая рѣдко, но непрерывно перестрѣливалась съ турками. Затѣмъ, я въѣхалъ въ дикое, скалистое Картожабинское ущелье. На днѣ его бѣжитъ ручей въ каменистомъ ложѣ, а по сторонамъ висятъ утесистые, отвѣсные, сплошь каменные бока ущелья. Дорога, а потомъ тропинка безпрестанно перебѣгали съ одной стороны ручья на другую. Вода во многихъ мѣстахъ такъ подмыла скалистые берега, что огромные каменистые массивы казались висящими на воздухѣ, и я со своимъ казакомъ часто верхомъ проѣзжалъ подъ этими грозными естественными навѣсами. Въ пещерахъ скалъ кое-гдѣ видны были пріютившіеся разоренные болгары; въ иныхъ мѣстахъ такія пещеры служили для нихъ постояннымъ мѣстомъ жительства, для чего открытая сторона закладывалась камнями и оставлялась свободной только входная дверь. Остатки съѣденной кукурузы—единственной почти пищи несчастныхъ людей—и громкій собачій лай открывали, обыкновенно, присутствіе подобнаго убѣжища. Поднявшись вверхъ по отлично разработанной нашими войсками дорогѣ, я очутился въ кавалерійскомъ лагерѣ генерала Лашкарева (9-я кавалерійская дивизія). Особенный, своеобразный запахъ, свойственный всѣмъ старымъ бивакамъ, цѣлыя тучи мухъ, огромныя скирды фуража, ряды коновязей, солдатскія палатки, нѣсколько полуземлянокъ, полубараковъ, служившихъ убѣжищемъ для офицеровъ—вотъ обстановка, въ которой я очутился и которая такъ извѣстна всѣмъ, кому приходилось дѣлать кампанію. Знакомые и боевые сотоварищи встрѣтили меня съ обычнымъ русскимъ гостепріимствомъ. Вопросы: «куда ѣдете, зачѣмъ»? посыпались, конечно, со всѣхъ сторонъ. Нетрудно было придумать достаточно правдоподобную причину.

Вскорѣ на отдаленномъ горизонтѣ показался Боготъ. Не только вся деревня, но и окраины ея были набиты различными учрежденіями, войсковыми частями, штабными офицерами, маркитантами, обозами и т. п. Оріентироваться тамъ было далеко не легко. Благодаря лишь

случайности я скоро отыскалъ квартиру адъютанта Главнокомандующаго, полковника Скалона. Самъ онъ былъ у Великаго Князя. Я слѣзъ съ лошади и пробрался къ ставкѣ Его Высочества. Въ обширномъ дворѣ помѣщалась громадная войлочная юрта Великаго Князя Николая Николаевича; недалеко въ сторонѣ раскинутъ былъ шатеръ, служившій столовой Его Высочества, гдѣ обѣдали также чины главной квартиры. Во дворѣ виднѣлось еще нѣсколько юртъ и палатокъ, а въ избахъ тутъ же помѣщались службы Его Высочества и начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій. Дежурный офицеръ вызвалъ ко мнѣ полковника Скалона, которому я въ общихъ чертахъ передалъ (что поручено мнѣ было генераломъ Гурко) цѣль моего пріѣзда и просилъ немедленно представить меня Главнокомандующему. Полковникъ Скалонъ обрадовалъ меня заявленіемъ, что Великій Князь самъ уже имѣетъ это дѣло въ виду, и что идея забалканскаго похода и выручки арміи генерала Радецкаго давно уже занимаетъ Главнокомандующаго. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ введенъ къ Его Высочеству.

— «Здравствуй, Пузыревскій! что скажешь?» — встрѣтилъ меня Главнокомандующій.

— Я присланъ отъ генерала Гурко съ пакетомъ, содержаніе котораго мнѣ извѣстно. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ отряда поручилъ мнѣ просить разрѣшенія Вашего Высочества лично представить нѣкоторыя разъясненія по вопросу, съ которымъ, быть можетъ, связано быстрое окончаніе войны, а также честь и слава нашего оружія.

— «Очень радъ, очень радъ!» отвѣтилъ Великій Князь, и началъ читать рапортъ. Прервавъ чтеніе, Его Высочество замѣтилъ:

— «А знаешь, мнѣ мысль Гурко очень нравится, потому что она сходится въ основаніи съ моими предположеніями. Я самъ думаю послѣ паденія Плевны послать за Балканы 12 дивизій пѣхоты и четыре кавалеріи, двинувши часть войскъ по софійскому шоссе на Орханіэ»....

Затѣмъ Великій Князь продолжалъ чтеніе.

Когда Его Высочество кончилъ, я доложилъ, что генералъ-адъютантъ Гурко перечислилъ въ рапортѣ только *minimum* силъ, съ которыми онъ берется вести операціи, и что будетъ благодаренъ за всякій лишній баталіонъ, который ему прибавится.

— «А что бы онъ еще желалъ получить»?

Я назвалъ 3-ю пѣхотную дивизію (которая въ рапортѣ не была упомянута), Казанскій драгунскій полкъ, саперный баталіонъ и пр. Великій Князь нѣсколько задумался относительно очищенія (по перехо-

дѣ нами Балкановъ) Ловчи, съ сожалѣніемъ отказался дать, за неимѣніемъ свободнаго, саперный баталіонъ, но охотно согласился удовлетворить всѣ остальныя просьбы генералъ-адъютанта Гурко. Въ заключеніе Главнокомандующій прибавилъ:

— «Я совершенно согласенъ съ проектомъ Гурко, но, во-первыхъ, надо будетъ съѣздить къ Государю—знаешь, это вѣдь большое дѣло; а во-вторыхъ, я посовѣтуюсь еще съ начальникомъ штаба. Теперь же пойдемъ обѣдать».

— Ваше Высочество прикажете мнѣ сопровождать васъ къ Государю?

— «Какъ-же, какъ-же. Я завтра возьму тебя съ собою».

Затѣмъ Великій Князь вышелъ изъ юрты во дворъ, гдѣ уже собралось болѣе 100 человѣкъ къ обѣду. Шатеръ биткомъ набился обѣдающими. Закусочный столъ плотно осаждался со всѣхъ сторонъ. Руки, вооруженныя вилками и ложечками, протягивались между толпой и повисали въ воздухѣ въ ожиданіи удобной минуты. Такъ какъ каждый изъ обѣдающихъ занималъ обыкновенно опредѣленное мѣсто, то пріѣзжему, новому лицу, трудно было пріютиться. Усѣвшись, наконецъ, и осмотрѣвшись, я могъ ясно разглядѣть всѣхъ начальниковъ различныхъ отдѣловъ полеваго штаба. Изъ числа не-военныхъ о-бокъ со мною сидѣлъ князь Черкасскій, а напротивъ Нелидовъ, которые вели между собою оживленную бесѣду, исключительно на французскомъ языкѣ.... Никто, повидимому, не стѣснялся присутствіемъ Великаго Князя, и шумный говоръ гудѣлъ надъ столовой. По окончаніи обѣда Великій Князь вскорѣ ушелъ, а за нимъ толпой двинулись и остальные. Среди шумнаго говора разныхъ групъ я услышалъ, что меня зоветъ знакомый голосъ. То былъ голосъ генерала Левицкаго; я явился. «Его Высочество требуетъ васъ къ себѣ», сказалъ онъ.

Въ юртѣ я уже засталъ Великаго Князя и начальника штаба, генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, который сидѣлъ за однимъ столикомъ съ Его Высочествомъ. Мы съ генераломъ Левицкимъ остались стоя. Его Высочество приступилъ немедленно къ чтенію привезеннаго мною проекта. Начальникъ штаба молчаливо слушалъ чтеніе, а генералъ Левицкій отъ времени до времени отрицательно вздрагивалъ головой, что меня немало смущало. Когда Его Высочество окончилъ, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій замѣтилъ:

— «Это идея хорошая, надо ее внимательно обдумать. Мысль хорошая, очень хорошая».

Великій Князь перевелъ глаза на генерала Левицкаго.

— «Ваше Высочество—началъ генералъ; мнѣ кажется, что проектъ

генералъ-адъютанта Гурко неосуществимъ. Мы все время хлопочемъ о томъ, чтобы не удлинять нашей операціонной линіи, а между тѣмъ новое предложеніе неизбѣжно влечетъ къ этому. Удлиненіе операціонной линіи для насъ крайне невыгодно. Кромѣ того, я не знаю, какъ удастся генералу Гурко обезпечить себя продовольствіемъ, патронами и зарядами.

Зная предположенія генерала Гурко въ послѣднемъ отношеніи, я изложилъ въ общихъ чертахъ рядъ мѣръ, принятыхъ и предположенныхъ въ этомъ смыслѣ. Относительно же опасеній, сопряженныхъ съ удлиненіемъ операціонной линіи, было обращено вниманіе генерала Левицкаго на то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ предлагается движеніе не всей арміи, а только части ея, отдѣльнаго отряда, который, сверхъ того, при успѣхѣ своихъ операцій, соединится съ шипкинскимъ отрядомъ генерала Радецкаго и будетъ базироваться одинаково съ послѣднимъ. Если же отрядъ генерала Гурко не пойдетъ дальше Балкановъ, то тогда онъ будетъ почти въ такомъ же положеніи (въ смыслѣ длины операціонной линіи), какъ и другія войска, находящіяся на Балканахъ.

Главнокомандующій, внимательно выслушавъ всѣ объясненія, замѣтилъ, обращаясь къ помощнику начальника штаба.

— «Все что ты говоришь, вообще вѣрно, но къ настоящему случаю не вполнѣ приложимо. Нѣтъ! Идея похода сходится съ моими предположеніями. Такъ завтра мы ѣдемъ въ Порадимъ»!

Счастливый такимъ благопріятнымъ ходомъ дѣлъ, я отправился ночевать къ товарищамъ въ болгарскую избу. Бесѣда, послѣ продолжительной разлуки и массы пережитыхъ впечатлѣній, затянулась до глубокой ночи.

Въ 9 часовъ утра другаго дня (26-го октября) я уже находился у ставки Главнокомандующаго. Вскорѣ подана была коляска, запряженная четверней. Великій Князь сѣлъ рядомъ съ начальникомъ штаба, а я напротивъ. Его Высочество, узнавъ, что я участвовалъ въ бою подъ Горнимъ-Дубнякомъ, сталъ подробно разспрашивать о различныхъ его эпизодахъ и дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ время незамѣтно прошло, и скоро коляска, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по узкимъ проулкамъ Порадима, остановилась у открытыхъ воротъ двора, гдѣ помѣщалось жилище Его Величества Государя Императора. Великій Князь съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ отправились къ Его Величеству, а я остался во дворѣ, гдѣ расхаживали нѣкоторые изъ лицъ, составлявшихъ свиту Государя. Черезъ нѣсколько минутъ вы-

бѣжалъ изъ покоевъ лакей и сталъ выкликать меня по фамиліи: «пожалуйте къ Его Величеству».

Государь Императоръ помѣщался въ обыкновенномъ болгарскомъ сельскомъ домикѣ. Изъ маленькихъ сѣней я вошелъ въ комнату среднихъ размѣровъ, полъ которой былъ устланъ ковромъ. На окнахъ висѣли простенькія занавѣски, а посрединѣ комнаты стоялъ большой, покрытый сукномъ, столъ, съ разложенными на немъ картами. На противоположной ко входу сторонѣ стола сидѣли: военный министръ, Главнокомандующій и генералъ-адъютантъ Непокойчицкій; лѣвѣе Его Величества находился свободный стулъ, на который, послѣ привѣтствія, Государь указалъ мнѣ сѣсть.

Послѣ того Великій Князь немедленно сталъ читать проектъ генералъ-адъютанта Гурко, а Государь, надѣвъ очки въ черепаховой оправѣ, слѣдилъ за чтеніемъ по картѣ. Въ самомъ началѣ чтенія Его Величество обратился къ Великому Князю Николаю Николаевичу:

— «Виноватъ, что прерву, изволилъ сказать Государь Императоръ; знаешь, Я получилъ отъ Шувалова, изъ Лондона, любопытное письмо; правда, оно писано еще до нашей кавказской побѣды. Англичане предлагаютъ мирное посредничество на условіи ограниченія правъ Румыніи и содержанія турецкаго гарнизона въ Бѣлградѣ!

Послѣ того чтеніе опять продолжалось. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о формированіи софійской арміи и угрожающемъ для насъ ея значеніи, Его Величество снова изволилъ обратиться къ Великому Князю.

— «Я очень радъ—замѣтилъ Государь—что Гурко такъ серьезно смотритъ на эту армію. Изъ тѣхъ немногихъ словъ, которыя онъ Мнѣ сказалъ при свиданіи, Я думалъ, что онъ легко къ ней относится».

— Мнѣ казалось—отвѣтилъ Главнокомандующій—что онъ всегда оцѣнивалъ ее серьезно. Онъ только говорилъ, что послѣ Горняго Дубняка и Телиша турки въ паникѣ, и Шевкетъ-паша бѣжалъ въ Орханіэ съ 12-ю баталіонами передъ нашимъ конно-гренадерскимъ разъѣздомъ.

— «Во всякомъ случаѣ—замѣтилъ Государь—Я очень радъ, очень радъ, что онъ такъ смотритъ на дѣло».

По окончаніи чтенія рапорта генералъ-адъютанта Гурко, немедленно прочтена была также записка генералъ-адъютанта Тотлебена. Въ этой запискѣ, не указывая опредѣленныхъ цѣлей, а также деталей и практическихъ подробностей исполненія, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ предлагалъ вообще начать наступательныя дѣйствія. Главнокомандую-

щій, прочтя эту записку, замѣтилъ, что по духу она сходится съ предложеніемъ генералъ-адъютанта Гурко.

Послѣ того Государь Императоръ возбудилъ вопросъ относительно продовольствія и снабженія боевыми припасами отряда, который предполагалось двинуть за Балканы. Такъ какъ мнѣ въ точности были извѣстны всѣ мѣры, принятыя уже съ этою цѣлью, а также и тѣ, къ выполненію которыхъ предположено было приступить немедленно по полученіи разрѣшенія двинуться, то я и доложилъ соображенія генерала Гурко, причемъ Его Величество одобрительно кивнулъ головою. При обсужденіи проекта было также выражено опасеніе относительно возможности встрѣтить у Орханіэ нѣчто въ родѣ Плевны.

— По тѣмъ свѣдѣніямъ—доложилъ я на это—которыя мы имѣемъ отъ плѣнныхъ лазутчиковъ, и перебѣжчиковъ, рѣшительно невозможно заключить, чтобы у Орханіэ былъ устроенъ лагерь подобно плевненскому. Поэтому, чѣмъ мы скорѣе туда двинемся, тѣмъ менѣе турки будутъ имѣть возможности укрѣпиться. Еще менѣе успѣютъ они снабдить свой лагерь достаточнымъ гарнизономъ, обезпеченнымъ боевыми и продовольственными припасами. При отсутствіи послѣдняго условія укрѣпленнымъ лагеремъ легче овладѣть, дѣйствуя на сообщенія.

Послѣ этого были разъяснены еще нѣкоторыя подробности дѣла. Затѣмъ, Великій Князь обратился къ Его Величеству: «Пузыревскаго можно отпустить»?

— «Да, ты можешь ѣхать—сказалъ мнѣ Государь Императоръ.— Кланяйся отъ Меня Гурко и скажи, что Я его благословляю. Желаю вамъ всякаго успѣха».

Я вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ покоевъ показался Его Величество и всѣ лица, участвовавшія въ совѣтѣ.

Въ это время назначено было отслужить, по случаю побѣды при Деве-Бойну, молебствіе при почетной конвойной ротѣ, куда отправился Государь Императоръ, Великій Князь и вся свита. Такъ какъ я пріѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Главнокомандующимъ, то тоже пошелъ на молебенъ. По окончаніи его Государь уѣхалъ верхомъ съ Великимъ Княземъ, кажется въ госпиталь, а я остался у воротъ дома Его Величества, гдѣ и разговорился съ прибывшимъ изъ рущукскаго отряда адъютантомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, полковникомъ Васмундомъ, назначеннымъ командиромъ лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона. Вскорѣ вернулись изъ поѣздки Государь Императоръ и Великій Князь. Замѣтивъ насъ, Его Величество слѣзъ

съ лошади, приблизился къ намъ и, положа руку на плечо Васмунда, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— «Попроси Гурко поберечь ихъ (Государь разумѣлъ гвардію). Вѣдь это любимыя Мои дѣти; Я ихъ люблю не только какъ Государь, но какъ и бывшій начальникъ дивизіи и корпусный командиръ. Слава Богу, они доказали, что не бѣлоручки, и честно, мужественно поддержали свое доблестное имя, хотя, къ сожалѣнію, съ большими потерями»! Далѣе Государь не могъ отъ волненія продолжать рѣчь.

— Въ этихъ потеряхъ, сказалъ я, Ваше Величество, можно утѣшиться отчасти тѣмъ, что гвардія теперь презираетъ противника, единственной защитой которому служитъ его огонь.

— «Это правда, замѣтилъ Государь. Это важный результатъ. Ну, прощай. Кланяйся отъ Меня Гурко. Дай Богъ вамъ успѣха и счастія»!

Послѣ этого Государь обнялъ насъ съ Васмундомъ и ушелъ къ себѣ.

Передъ отправкой, я былъ приглашенъ къ столу Его Величества. Столовая была устроена во дворѣ Государя Императора, подъ просторнымъ навѣсомъ. Въ этотъ день Его Величество не присутствовалъ за общимъ столомъ и завтракалъ у себя въ покояхъ съ Великимъ Княземъ и еще съ нѣсколькими лицами.

Бѣлый мягкій хлѣбъ показался мнѣ необычайно вкуснымъ, и я быстро объѣлъ своихъ сосѣдей. Уже около мѣсяца я жилъ исключительно на сухаряхъ, которыми изодралъ себѣ съ непривычки десна. А единственнымъ, неизмѣннымъ блюдомъ моимъ былъ каждый день супъ изъ баранины. Казакъ мой пріобрѣлъ стадо въ 23 головы барановъ, которыхъ мы съ товарищемъ, подполковникомъ Ставровскимъ, и гоняли за собою повсюду. Пища, за неимѣніемъ посуды, приготовлялась въ водопойномъ ведрѣ, т. е. въ ведрѣ, изъ котораго поились лошади. Узнавши о нашихъ продовольственныхъ неудобствахъ, одинъ изъ моихъ сосѣдей снабдилъ меня на дорогу нѣсколькими бѣлыми хлѣбами и разнообразной холодной закуской. Послѣ завтрака я отправился, уже вмѣстѣ съ полковникомъ Васмундомъ, къ Боготу. Тамъ я засталъ депешу отъ генерала Нагловскаго съ вопросомъ относительно принятыхъ рѣшеній. Я немедленно отвѣчалъ: «Послѣдовало полное согласіе». Утромъ слѣдующаго дня я явился къ начальнику штаба за письмомъ къ генералъ-адъютанту Гурко, а потомъ къ Великому Князю—за послѣдними приказаніями.

— «Ну, кланяйся Гурко—сказалъ Его Высочество. Ты знаешь въ чемъ дѣло. А когда вы возьмете Софію, то.... и сербы начнутъ дѣйствовать»!

— Это извѣстіе будетъ самымъ неожиданнымъ и пріятнымъ сюрпризомъ для начальника отряда.

— «Смотри-же, будьте молодцами!

— Ваше Высочество! мы теперь такъ воодушевлены, что сдѣлаемъ все, что только въ силахъ человѣческихъ!

— «Знаю, знаю—сказалъ улыбаясь Главнокомандующій. Васъ теперь надо сдерживать, а не подталкивать»! Съ этими словами Великій Князь простился и отпустилъ меня.

Черезъ минуту я былъ уже на конѣ и радостно торопился во-свояси. Куда какъ привѣтливѣе показалось теперь Картожабинское ущелье!

Въ Дубнякѣ я прямо, не слѣзая съ лошади, отправился къ генералу Гурко. Его не было дома; по обыкновенію, онъ отправился въ объѣздъ войскъ и на рекогносцировку. Я зашелъ къ генералу Нагловскому. Едва я началъ разсказъ о своихъ странствованіяхъ, какъ пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Гурко.

— «Ну что, полковникъ? Успѣшно-ли?»

— Болѣе, чѣмъ ожидали, ваше превосходительство!

— «Дмитрій Станиславовичъ, воскликнулъ генералъ,—слышите? болѣе чѣмъ ожидали! Ну, разсказывайте! Пойдемте ко мнѣ»!

Генералъ Гурко, затворивъ дверь, подробно сталъ разспрашивать о дѣлѣ......

Закипѣла усиленная, энергическая работа по приготовленію къ походу. Кто зналъ тайну, съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія счастливой минуты—начала движенія.....

Въ отрядѣ, между тѣмъ, распространился слухъ, будто бы я ѣздилъ съ тайнымъ порученіемъ къ Осману-пашѣ....

V.

Отъ Плевны до Балкановъ.

Сборы въ походъ.—Распоряженія по продовольствію.—Снаряженіе вьюковъ.—Балканскія предгорья.—Рекогносцировка къ Правцу.—Движеніе къ Правцу колонны генерала Рауха 9-го—11-го ноября.—Бой 11-го ноября.—Ханъ-Правецъ.—Движенія къ Этрополю. — Попытка рекогносцировки прохода черезъ Большие Балканы.

Съ полученіемъ разрѣшенія двинуться къ Балканамъ, отрядъ нашъ немедленно началъ изготовляться къ дальнему походу. Начальникъ отряда обратилъ особенное вниманіе на обезпеченіе войскъ продовольствіемъ какъ на мѣстѣ, такъ и при дальнѣйшемъ движеніи. Съ этою цѣлью были сдѣланы, между прочимъ, слѣдующія распоряженія.

«Такъ какъ въ скоромъ времени можно ожидать наступленія дурной погоды, при которой подвозъ сухарей неминуемо затруднится въ высшей степени, то предписываю войскамъ особенно бережливо расходовать получаемые ими сухари. При усиленной дачѣ мяса, расходъ сухарей долженъ быть очень малъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю высылать команды для сбора кукурузы и замѣнять ею часть сухарной дачи. Изъ подвозимыхъ же на интендантскихъ транспортахъ сухарей образовать запасы, которые можно было бы расходовать въ крайнихъ случаяхъ» (Парольное приказаніе 26-го октября 1877 г.).

Въ парольномъ же приказаніи отъ 29-го октября 1877 года говорилось:

«Коменданту въ Петерницѣ маіору Мередиху. Начальникъ отряда приказалъ озаботиться сборомъ зерноваго хлѣба и скота для войскъ. Зерновой хлѣбъ свозить для перемола въ ближайшія мельницы и затѣмъ, удержавъ для войскъ медованскаго отряда третью часть смолотаго хлѣба, остальныя двѣ трети сдавать коменданту въ Чириково, лейбъ - гвардіи Павловскаго полка—капитану Анищенкову. Въ виду того, что для своза изъ дер. Петерницы въ ближайшія мельницы и въ Чириково хлѣба необходимы подводы, начальникъ отряда приказалъ всѣ взятыя изъ д. Петерницы подводы отправить обратно въ названную деревню и затѣмъ уже изъ этой деревни подводъ больше не брать».

Относительно устройства хлѣбопеченія въ Радомирцахъ и накопленія сухарей въ войскахъ были отданы слѣдующія приказанія:

«1) Приступить немедленно къ устройству въ Радомирцѣ хлѣбопекарныхъ печей для 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій съ ихъ артилеріею, для гвардейской стрѣлковой бригады и для 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи

съ ея артилеріею. Мѣра эта вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что около Радомирцъ есть много мельницъ и что доставка туда муки изъ Искера гораздо удобнѣе и легче чѣмъ въ Чириково. Печи эти должны быть готовы отнюдь не позже вечера 1-го ноября.

«2) Въ виду приближающейся распутицы можно ожидать, что въ скоромъ времени прекратится всякій подвозъ сухарей изъ Систова. Поэтому еще разъ подтверждается войскамъ, что необходимо копить сухарный запасъ. Вслѣдствіе этого предписывается, чтобы къ вечеру 1-го ноября во всѣхъ частяхъ войскъ гвардіи образовался бы десяти-дневный запасъ сухарей. Кормить же людей слѣдуетъ все это время печонымъ хлѣбомъ, причемъ войскамъ самимъ озаботиться пріобрѣтеніемъ муки у жителей окрестныхъ деревень. Вообще для облегченія дѣятельности полеваго интендантства, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ очень трудна, войска должны сами изыскивать средства для покупки муки и для сбереженія сухарнаго запаса» (Парольное приказаніе 27-го октября 1877 г).

Въ приказаніи отъ 1-го ноября говорилось:

«На кавалерію Западнаго отряда возложено начальникомъ отряда собраніе подводъ и пшеничнаго зерна въ раіонѣ между рр. Искеромъ и Скитомъ, для чего въ населенные пункты на означенномъ пространствѣ командированы офицеры, которымъ приказано выдавать жителямъ квитанціи въ количествѣ и родѣ забраннаго, съ объясненіемъ, добровольно или силою забраны подводы, мука и зерно. Собранные такимъ образомъ продукты и подводы, по сосредоточеніи въ деревни Магалетѣ, интенданту 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи направлять транспортами съ конвоемъ въ д. Радомирцы въ распоряженіе свиты Его Величества генералъ-маіора Брока; туда же назначенъ интендантскій чиновникъ для принятія муки и зерна и выдачи вознагражденія за поставленныя добровольно: за кило пшеничной муки 5 руб. звонкою монетою и за кило пшеничнаго зерна 3 руб. 50 коп., а за поставленныя подводы по два франка въ сутки. За забранное же у жителей силою уплачивать въ половинѣ вышеозначенной цѣны въ наказаніе за сопротивленіе. Всѣмъ болгарамъ при выдачѣ квитанцій за забранное или добровольно поставленное подтверждать, чтобы они, или довѣренные отъ селеній, сопровождали транспортъ съ поставленными продуктами до д. Радомирцы, гдѣ они и получатъ слѣдуемое вознагражденіе отъ интендантскаго чиновника, по удостовѣреніи симъ послѣднимъ дѣйствительности поставленнаго съ выданною офицерамъ квитанціей, и суточныя за подводы, которыя по уплатѣ суточныхъ не распускаются, а продолжаютъ подвозить хлѣбные продукты изъ д. Магалетъ и другихъ пунктовъ впредь до дальнѣйшихъ о семъ распоряженій. Записки, представляемыя болгарами или ихъ повѣренными за взятые продукты и подводы, принимать къ уплатѣ только при удостовѣреніи въ истинности доставки въ д. Радомирцы».

Мы, офицеры, тоже начали энергически готовиться къ походу. Приказано было всѣмъ обзаводиться вьюками. Въ Петербургѣ мы мало ду-

мали о возможности подобнаго способа перевозки вещей. Въ книжкахъ такъ убѣдительно говорится о неудобствѣ вьюковъ, о томъ, что имъ всегда слѣдуетъ предпочесть повозки, и проч. и проч. При такомъ взглядѣ практическія условія похода ускользали отъ вниманія; вдобавокъ вьюкъ въ Петербургѣ стоитъ очень дорого—около 160 руб. Это уже совсѣмъ не по карману для огромнѣйшаго большинства офицеровъ, и рѣдко кто обзавелся имъ. Пришлось теперь устроиваться «домашними средствами». Прежде всего подъ вьюкъ мы со Ставровскимъ рѣшились взять упряжныхъ лошадей, а въ телѣгу какъ-то впрягли пріобрѣтенныхъ буйволовъ. Что же касается вьючнаго сѣдла, то я былъ такъ счастливъ, что случайно нашелъ у себя во дворѣ деревянный его остовъ, брошенный турками; вмѣсто же потника приказалъ сшить мѣшокъ и набить его соломою. Два саквояжа послужили чемоданами. Другіе офицеры, приблизительно, такъ же снарядились; тотъ же, кто не могъ добыть ленчика, ограничивался просто однимъ лишь мѣшкомъ или попоной или, наконецъ, обыкновеннымъ запаснымъ сѣдломъ, сверхъ которыхъ перебрасывался вьюкъ.

Такъ какъ я впослѣдствіи былъ доволенъ снаряженіемъ своего вьюка, то перечислю все, что въ немъ помѣщалось: пять смѣнъ бѣлья (можно бы ограничиться 3-мя—4-мя), шесть носовыхъ платковъ, дюжина носковъ, сюртукъ, брюки, пара сапоговъ, умывальныя принадлежности, приборъ для чаю (съ маленькимъ самоваромъ), двѣ жестяныя тарелки, ложка, ножъ и вилка (послѣднія три вещи складныя), ½ ф. чаю, 6 ф. сахару, нѣсколько фунтовъ сухарей и холодной закуски, 1,000 штукъ папиросъ и два полотнища офицерской походной палатки. Все это помѣщалось въ двухъ саквояжахъ и ящикѣ. Сверхъ же сѣдла, паралельно спинѣ лошади, накладывалась легкая деревянная постель съ принадлежностями. На другой лошади ѣхалъ мой деньщикъ, имѣя при себѣ свои вещи, двѣ саквы фуража и фунтовъ 10 сѣна. Вьюкъ, снаряженный такимъ образомъ, слѣдовалъ за мною до самаго Константинополя. Въ теченіе всего похода, я видѣлъ только три раза свою повозку и пользовался этими случаями, чтобы пополнить свои запасы. На мнѣ, кромѣ одежды и обыкновеннаго оружія, находились: револьверъ съ запасомъ патроновъ, бинокль (три окуляра) и сумка, по прусскому образцу, для картъ, плановъ, письменныхъ принадлежностей и проч. (очень практичная). Въ числѣ послѣднихъ отлично сослужили свою пользу такъ называемыя «вѣчныя перья». Не смотря на сырость, которую они не любятъ, за весь походъ у меня израсходовано 10 перьевъ, хотя я все время кореспондировалъ довольно обильно.

Въ расположеніи нашихъ войскъ подъ Плевной были сдѣланы нѣ-

которыя измѣненія, а именно: въ приказѣ по отряду отъ 29-го октября говорилось:

«Съ постройкою новыхъ редутовъ, къ сѣверо-востоку отъ Волынской горы, и расширенія, вслѣдствіе этого, фронта позиціи медованскаго отряда, предписываю:

1) Одному баталіону лейбъ-гвардіи Литовскаго полка занять деревню Тырненъ.

2) Лейбъ-гвардіи Волынскому полку и тремъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка занять позицію на Волынской горѣ.

3) Назначить одну роту отъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, въ прикрытіе батареи на Медованской горѣ, причемъ батарея и прикрывающая ее рота подчиняются начальнику передовой оборонительной линіи на Волынской горѣ.

4) Оба новыхъ редута занять С.-Петербургскому гренадерскому короля Фридриха Вильгельма III полку, съ переводомъ бивака того полка въ дер. Картожабъ. Новые редуты именовать: лѣво-фланговый—редутомъ Мирковича, право-фланговый —редутомъ Старынкевича.

5) Кексгольмскому гренадерскому императора австрійскаго полку составить общій резервъ войскъ медованскаго отряда и стать въ ущельяхъ между Медованскою и Волынскою горами, продолжая попрежнему высылать ежедневно одинъ баталіонъ для занятія передовыхъ постовъ на свою бывшую позицію.

6) На позицію, занимавшуюся до сего времени Кексгольмскимъ гренадерскимъ императора австрійскаго полкомъ, высылать ежедневно къ 2-мъ часамъ дня, по распоряженію начальника дольно-дубнякскаго отряда, по очереди, по два баталіона отъ полковъ 2-й гвардейской дивизіи и лейбъ-гвардіи Егерскаго полка для занятія этой позиціи.

7) Начальникомъ передовой оборонительной линіи на Волынской горѣ назначается генералъ-маіоръ Мирковичъ.

«Начальникомъ позиціи на редутахъ Мирковича и Старынкевича—назначается генералъ-маіоръ Курловъ.

«Подлинный подписалъ командующій войсками гвардіи и кавалеріею Западнаго отряда. Генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Относительно дѣйствій сосѣднихъ отрядовъ продолжались сообщенія свѣдѣній; такъ, отъ 26-го октября было объявлено:

«Конно-гренадеры заняли Каменополь и выслали сильные разъѣзды къ Врацѣ; лейбъ-гусары захватили 90 повозокъ и нѣсколько штукъ рогатаго скота отъ убѣжавшихъ турокъ, заняли Габоре и выслали сильные разъѣзды на Врбицу и Вероску (помянутые пункты къ сторонѣ Врацы). Кавказская казачья бригада заняла, 24-го октября, Оссиково и выслала разъѣзды къ Орханіэ; летучій отрядъ флигель-адъютанта Орлова, изъ Осеикова,

выслалъ сильныя партіи на Этрополь (въ Балканахъ) и къ Правецу. Бригада генерала Давыдова отъ 3-й пѣхотной дивизіи заняла Яблоницу.

«Вечеромъ, 28-го октября, отрядъ генералъ-лейтенанта Скобелева овладѣлъ первымъ кряжемъ Зеленыхъ горъ, а въ ночь съ 28-го на 29-е октября укрѣпилъ занятую позицію, не смотря на двукратный переходъ турокъ въ наступленіе. 28-го же октября, отрядъ генералъ-маіора Леонова—полки Конно-Гренадерскій, Лейбъ-Драгунскій и Лейбъ-Уланскій Его Величества съ конною батареею—овладѣлъ съ бою городомъ Врацей; при этомъ послѣ артилерійской канонады всѣ полки спѣшились, выбили 800 человѣкъ пѣхоты изъ ложементовъ, а одинъ дивизіонъ Конно-Гренадеровъ ударилъ на ложементы въ конномъ строю. Какъ пѣхота, такъ и 300 черкесовъ бѣжали, оставивъ большой транспортъ съ продовольственными запасами, предназначавшимися для орханійскихъ войскъ. Въ тотъ же день лейбъ-гвардіи Московскій полкъ занялъ селеніе Оссиково (на шоссе). 29-го, утромъ, 3-я гвардейская пѣхотная дивизія заняла гору впереди бывшей своей позиціи и успѣла построить редутъ.

«Какъ овладѣніе городомъ Врацей, такъ и возведеніе редута произведено съ ничтожными потерями».

Между тѣмъ, 3-го ноября, рано утромъ, смѣнила насъ прибывшая, кажется наканунѣ, 3-я гренадерская пѣхотная дивизія, занявшая постепенно и тихо, чтобы турки не замѣтили, позицію 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Итакъ, прощай заколдованная Плевна! Съ радостнымъ чувствомъ снялись мы съ позиціи и начали вытягиваться по шоссе.

Впереди шла 2-я гвардейская пѣхотная дивизія со стрѣлковой бригадой; за нею, въ переходѣ, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, при которой я состоялъ. Первый ночлегъ нашъ былъ назначенъ въ Т е л и ш ѣ. Подъѣзжая къ нему, мы съ Каульбарсомъ и Протопоповымъ отправились осматривать ту позицію, на которой такъ несчастливо дѣйствовали егеря; свернувъ съ шоссе влѣво, мы скоро подъѣхали къ траншеямъ, лежавшимъ противъ юго-восточнаго фаса телишскихъ укрѣпленій. Оторванныя части мундировъ, разбросанные патроны и, наконецъ, три большія общія могилы указали намъ мѣсто дѣйствія полка. Изъ ближайшаго осмотра мѣстности оказалось, что если бы провести полкъ лѣвѣе саженей на двѣсти по лощинѣ, а батарею поставить на рѣзко возвышавшемся позади хребтѣ, то полкъ не понесъ бы, вѣроятно, столько потерь; кромѣ того, онъ зашелъ бы въ тылъ туркамъ, гдѣ укрѣпленіе было открыто.

Рядомъ съ могилами, стая одичалыхъ собакъ терзала какой-то остовъ животнаго и дико озлилась на насъ....

Мы отправились на ночлегъ въ разоренную избу. Къ вечеру, когда войска раскинулись бивакомъ по хребтамъ и долинамъ, и зажглись бивачные безчисленные огни, мы всѣ любовались по истинѣ восхитительной картиной.

На слѣдующее утро мы было собрались уже двигаться, какъ узнали, что ночью пришла депеша, приказывавшая: пріостановить наше движеніе въ виду ожидаемой вылазки Османа изъ Плевны. Для насъ это распоряженіе осталось непонятнымъ: или мы нужны подъ Плевной, тогда не-зачѣмъ было насъ и двигать, или тамъ можно обойтись имѣющимися войсками—тогда наша остановка излишняя.

Къ $11^1/_2$ часамъ пришло приказаніе продолжать движеніе къ д. Радомирцамъ. Съ этого перехода мы вступили уже въ Балканскія предгорья. Дорога то поднималась на горы, то спускалась въ долины, причемъ на Балканы открывались чудеснѣйшіе виды; вдали передъ намъ высились громадныя массы Траяна и Калофера, а непосредственно передъ глазами, на обширномъ пространствѣ, раскинулись предгорья съ мягкими очертаніями, покрытыя рощами, лугами и виноградниками. Хотя днемъ было еще тепло (нѣсколько дней передъ тѣмъ, одинъ солдатъ купался), но зелень почти вся исчезла, и общая картина носила отпечатокъ какой-то суровости. Если прибавить къ этому слабую населенность страны, всеобщее ея разореніе (турецкое населеніе бѣгало отъ насъ, а болгарское отъ турокъ), то станетъ понятно, что роскошь природы не могла вполнѣ побороть въ насъ грустныхъ размышленій. Въ Радомирцѣ мы ночевали въ избѣ и тутъ же мы разстались съ нашими обозами: далѣе уже пошли на вьюкахъ.

Слѣдующій (т. е. 6-го ноября) переходъ вышелъ всего въ 10 верстъ. Шоссе было такъ же удобно, какъ и прежде, такъ что артиллерія шла въ два орудія. Природа такъ же сурово-величественна, какъ и на предъидущихъ переходахъ; но горы становились все громаднѣе и и громаднѣе и доходили до высоты 3,000 ф. Воздухъ прелестный, дышется полною грудью, солнце согрѣваетъ умѣренно, но кругомъ пустыня, разореніе и безмолвіе....

Бивакомъ мы стали позади деревни Яблоницы, въ которой помѣстился генералъ Гурко со штабомъ. Впереди селенія стала 2-я гвардейская дивизія со стрѣлками.

Населеніе насъ встрѣчало дружелюбно, но оно было ограблено турками и не могло быть намъ особенно полезнымъ; приходилось попрежнему довольствоваться фуражировками и случайными добычами. До чего турки безцеремонны съ несчастнымъ населеніемъ, видно изъ того,

что въ Радомирцахъ турки, вымогая деньги у болгаръ, зарѣзали семь человѣкъ, и мы видѣли одинъ трупъ, терзаемый на дорогѣ собаками.

Въ Яблоницѣ распространился слухъ, что будто бы мы надолго тамъ пріостановимся, и что приказаніе объ этомъ исходитъ изъ полеваго штаба. Едва ли это не была военная хитрость. Между тѣмъ, генералъ-адъютантъ Гурко собралъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, объявилъ имъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ относительно укрѣпленія занятой нами позиціи. Тутъ же онъ произнесъ энергическую рѣчь, въ которой предложилъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не позволялъ себѣ легкомысленныхъ сужденій вкривь и вкось относительно хода нашихъ дѣйствій, причемъ замѣтилъ: «впослѣдствіи меня будетъ судить исторія; теперь же единственные судьи моихъ дѣйствій главнокомандующій и Государь Императоръ, и пока эта голова на плечахъ (онъ указалъ на свою голову), она одна будетъ распоряжаться». Затѣмъ, очертивъ предстоящія отряду трудности, генералъ-адъютантъ Гурко желалъ получить ручательство командировъ частей, что войска выдержатъ съ честью и твердостью предстоящія имъ гигантскія усилія. Разумѣется, всѣ единодушно отвѣчали, что ручаются за свои части, и, какъ событія впослѣдствіи показали, то было ручательство силы, увѣренной въ своей мощи.

Въ Яблоницѣ былъ отданъ нижеслѣдующій приказъ, относительно распредѣленія нашихъ войскъ на отряды и службы въ каждомъ изъ нихъ:

«Войска ввѣреннаго мнѣ отряда формируются въ слѣдующіе три отряда:

«1) *Передовой отрядъ*, подъ начальствомъ командира 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Дандевиля. Въ составъ этого отряда войдутъ слѣдующія части:

1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—8 баталіоновъ; 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ; 4-я батарея лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады—8 орудій; одна 9-ти-фунт. и двѣ 4-хъ-фунт. батареи 3-й артилерійской бригады—24 орудія; Кавказская казачья бригада—12 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій; Сводная Драгунская бригада—8 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій; Сводная Донская казачья бригада—6 сотенъ и 6 конныхъ орудій; 19-я Донская казачья батарея—6 конныхъ орудій.

Всего: 14 баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудія, 26 эскадроновъ и сотенъ и 24 конныхъ орудія.

Такъ какъ 9-ти-фунт. батарея 3-й артилерійской бригады еще не прибыла въ ввѣренный мнѣ отрядъ, то взамѣнъ ея предписываю командировать временно въ составъ передоваго отряда еще одну батарею лейбъ-гвардіи 2 й артилерійской бригады.

«2) *Правый летучій отрядъ*, подъ начальствомъ командующаго 2-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею, генералъ-маіора Леонова.

Въ составъ этого отряда войдутъ:

Лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій полкъ — 4 эскадрона; лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ—4 эскадрона; лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ—4 эскадрона; лейбъ-гвардіи Уланскій Его Величества полкъ—4 эскадрона; 2-я, 3-я и одинъ взводъ 6-й батареи гвардейской конной артилеріи — 14 конныхъ орудій.

Всего: 16 эскадроновъ и 14 конныхъ орудій.

«3) Наконецъ *главныя силы*, подъ командой начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютанта графа Шувалова, состовятъ резервный яблоницкій отрядъ, въ составъ котораго войдутъ:

1-я гвардейская пѣхотная дивизія—16 баталіоновъ и 48 пѣшихъ орудій; 2-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—8 баталіоновъ; гвардейская стрѣлковая бригада—4 баталіона; пять батарей лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады—40 пѣшихъ орудій; лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ—1 баталіонъ; лейбъ-гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ — 4 эскадрона; лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ—4 эскадрона; 5-я и два взвода 6-й батареи гвардейской конной артилеріи — 10 конныхъ орудій; 1-я конно-горная батарея—6 конныхъ орудій.

Всего: 29 баталіоновъ, 88 пѣшихъ орудій, 8 эскадроновъ и 16 конныхъ орудій.

«Изъ этого отряда одна батарея лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады временно командируется въ составъ передоваго отряда. Передовому отряду расположиться у Голѣмы Болгарскій-Изворъ, имѣя авангарды на укрѣпленныхъ позиціяхъ по орханійской и этропольской дорогамъ. Правому летучему отряду базироваться на Врацу и дѣйствовать въ западной части Болгаріи.

«Яблоницкому отряду стать въ окрестностяхъ деревни Яблоницы.

«Войскамъ яблоницкаго и передоваго отрядовъ приступить къ укрѣпленію занимаемыхъ ими позицій и немедленно построить шалаши на случай наступленія зимняго времени.

«Главное наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ, какъ въ частяхъ, такъ и въ занимаемыхъ ими раіонахъ, возлагаю на начальниковъ отрядовъ.

«Для передачи приказаній и донесеній устроить слѣдующія полевыя конныя почтовыя линіи: 1) отъ Тетевена до Голѣмы Болгарскій-Изворъ—отъ сводно-донской казачьей бригады; 2) отъ Голѣмы Болгарскій-Изворъ до Яблоницы—отъ сводной драгунской бригады; 3) отъ Яблоницы до Старосело (на Большомъ Искерѣ)—отъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка; 4) отъ Старосела до Врацы—отъ частей праваго летучаго отряда; 5) отъ Яблоницы до Радомирцы—отъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка; 6) отъ позиціи авангар-

довъ передоваго отряда до Голѣмы Болгарскій-Изворъ и отъ позиціи у дер. Умковицы (Оссиково) до Яблоницы—отъ Кавказской казачьей бригады.

«Каждая изъ упомянутыхъ выше линій должна быть подъ начальствомъ офицера, который отвѣчаетъ за знаніе нижними чинами своихъ обязанностей, за правильность разстановки постовъ, которые должны отстоять другъ отъ друга на три версты, и за скорость передачи приказаній и донесеній. На каждомъ посту должно быть по пяти человѣкъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть за старшаго. Пересылка частныхъ писемъ и посылокъ по полевой конной почтѣ строжайше запрещена. Смѣна людей на постахъ должна быть черезъ каждые три дня.

«На укрѣпленныхъ позиціяхъ всѣ батареи должны быть перенумерованы, и на батареяхъ должны быть таблички съ указаніемъ нумера батареи. Всѣ позиціи должны быть раздѣлены на участки, и на каждомъ участкѣ должны быть таблички съ надписью части, предназначенной для занятія участка. Профили укрѣпленій должны быть достаточной величины, изъ за которыхъ людямъ было бы удобно производить стрѣльбу.

«Сторожевая служба должна вестись съ полною бдительностью. Отъ насъ къ непріятелю никого ни подъ какимъ предлогомъ не пропускать; напротивъ того, отъ непріятеля пропускать всѣхъ, но предварительно препровождать въ штабы начальниковъ отрядовъ. Устройство сторожевой службы возлагается на отвѣтственность начальниковъ отрядовъ.

«Никакихъ, ни дневныхъ, ни ночныхъ, тревогъ на бивакахъ не допускать. Внушить всѣмъ людямъ, что никакихъ нечаянныхъ нападеній на биваки быть не можетъ, а потому людей выводить по приказаніямъ, а не по сигналамъ тревоги. Ночью соблюдать полнѣйшую тишину. Музыкѣ не играть и зори не трубить. Въ случаѣ какой-либо тревоги всѣмъ начальствующимъ лицамъ принимать самыя энергичныя мѣры къ прекращенію ея. Виновные же въ поднятіи тревоги будутъ предаваемы военному суду.

«Всѣмъ начальствующимъ лицамъ постоянно и бдительно слѣдить за соблюденіемъ всѣхъ гигіеническихъ мѣръ.

«Разрѣшается выдавать людямъ полную дневную дачу сухарей.

«Всѣмъ начальникамъ частей представить прямо въ штабъ отряда вѣдомость о больныхъ съ указаніемъ рода болѣзней, и затѣмъ каждое воскресенье представлять вѣдомость о движеніи болѣзненности въ теченіе истекшей недѣли.

«Къ 8-му ноября представить вѣдомости о боевой силѣ частей.

«Всѣ сотни, команды и отдѣльные казаки Донскаго казачьяго № 4-го полка должны быть немедленно отправлены въ штабъ полка въ Дольній-Дубнякъ. Казаки этого полка, содержащіе конную почту отъ Яблоницы до Радомирцы, должны быть немедленно смѣнены лейбъ гвардіи Гусарскимъ полкомъ и отправлены въ Дольній-Дубнякъ. Такимъ образомъ, къ югу отъ Радомирцъ не должно быть ни одного казака Донскаго казачьяго № 4-го полка».

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Отдавши эти распоряженія, генералъ-адъютантъ Гурко сталъ обдумывать дальнѣйшія операціи. Еще 8-го ноября рано утромъ онъ потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ обрекогносцировать дорогу на дд. Видраръ и Калугерово и далѣе въ обходъ правецкой позиціи турокъ. Вмѣстѣ со мною были отправлены баталіонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, подъ начальствомъ полковника графа Граббе, и эскадронъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра Норда. Половина этихъ войскъ должна была остаться въ Видрарѣ и войти разъѣздами въ связь налѣво съ Московскимъ полкомъ, а другая половина ($^1/_2$ эскадрона, 2 роты) двинуться далеко, въ д. Своды, для обезпеченія праваго фланга нашего расположенія. До Видрара я дошелъ съ упомянутымъ отрядомъ, а далѣе уже мнѣ предстояло розыскать и изслѣдовать дорогу. Болгары въ Видрарѣ приняли насъ съ величайшимъ радушіемъ; относительно же дороги единодушно отвѣчали, что удобнаго пути въ требуемомъ направленіи не имѣется. Послѣ долгихъ распросовъ и недоразумѣній, мнѣ удалось, наконецъ, узнать, что на Калугерово и Лаковицы есть не-то дорога, не-то тропа, по которой смѣлые люди иной разъ рискуютъ пробираться въ своихъ одноколкахъ. Взявши проводниками двухъ мѣстныхъ жителей, охотно предложившихъ свои услуги, и въ прикрытіе взводъ лейбъ-гусаровъ, подъ начальствомъ корнета Панчулидзева, я отправился въ трудный путь. Дорога оказалась ужаснѣйшей. Ниже я опишу ее.

Въ дѣйствительности, разстояніе отъ Видрара до Калугерово было больше (верстъ 12—14), нежели показывала карта. Болгарская деревенька Калугерово незадолго была брошена жителями, такъ какъ въ окрестностяхъ ея показывались черкесы. Уже при полной темнотѣ, съ опасностью на каждомъ шагу, мы проѣхали въ д. Лаковицу и нѣсколько впередъ, далѣе. Тамъ мы ежеминутно могли наткнуться на черкесовъ, которые бы обратили вниманіе на неожиданное появленіе русскихъ въ этомъ направленіи и пожалуй, усилили бы наблюденіе; между тѣмъ мы должны были тщательно скрыть наше движеніе. Поэтому, высмотрѣвши дальнѣйшее направленіе пути по ущелью и распросивши у неутомимо сопровождавшихъ насъ пѣшкомъ двухъ болгаръ о характерѣ его, мы возвратились обратно. Въ Калугеровѣ я далъ привалъ гусарамъ. Деревня оказалась не безъ запасовъ: тутъ былъ и фуражъ, и куры, и свиньи. Слѣзши съ лошадей, гусары быстро нанизали на пики нѣсколько поросятъ и куръ и привьючили къ сѣдламъ. Разложили нѣсколько костровъ и заварили въ котелкахъ чай. Отдохнувши съ полчаса, мы двинулись дальше. Въ Видрарѣ я разстался съ

гусарами, присоединившимися къ своему эскадрону, и отправился въ Яблоницу со своимъ казакомъ.

Ночью, среди множества перелѣсковъ и расходящихся дорогъ, я сбился съ пути и далеко выѣхалъ къ сторонѣ турокъ. Набревши на шоссе, я попалъ наконецъ къ аванпостамъ авангарда, стоявшаго въ Оссиковѣ, и только къ утру прибылъ въ Яблоницу, проведя на конѣ цѣлыя сутки. Едва я сталъ располагаться у себя, какъ былъ немедленно потребованъ къ начальнику отряда. Генералъ-адъютантъ Гурко торопился узнать о результатахъ моей рекогносцировки, такъ какъ предполагалось начать наступленіе въ тотъ же день. У генерала я засталъ командующихъ 1-й и 2-й пѣхотными дивизіями, генералъ-адъютанта графа Шувалова и генералъ-маіора Рауха, и другихъ старшихъ начальниковъ, которымъ онъ разъяснялъ предстоявшія намъ дѣйствія. На вопросъ начальника отряда относительно обрекогносцированной мною дороги, я крайне затруднялся дать опредѣленный отвѣтъ. До того я еще не имѣлъ вовсе опыта въ горной войнѣ; трудно было сдѣлать точное заключеніе: пройдетъ ли артилерія по осмотрѣнной мною трущобѣ, или нѣтъ. При условіяхъ мирной практики, напримѣръ въ Красномъ Селѣ, я, конечно, объявилъ бы прямо, что дорога «непроходима», но тутъ вопросъ стоялъ иначе: или брать позицію въ лобъ, или обойти ее. Поэтому я въ подробности описалъ осмотрѣнный путь, выяснивъ его неудобства, и на категорическій вопросъ: «пройдетъ ли артилерія?» рѣшился отвѣтить утвердительно, замѣтивъ при этомъ, что это будетъ стоить величайшихъ усилій и, во всякомъ случаѣ, возможно только для 4-хъ-фунтовыхъ орудій. Совѣщаніе окончилось около 11 часовъ утра, а въ первомъ часу по-полудни намъ пришлось уже выступать. Я едва имѣлъ время, чтобы перекусить что нибудь. Почти всю послѣдующую ночь мнѣ тоже не пришлось спать, такъ что съ 8 часовъ утра 8-го до 6 часовъ вечера 10-го ноября, т. е. изъ 58 часовъ, я пробылъ на лошади 54 часа и не спалъ двѣ ночи сряду. Третья же ночь, какъ увидитъ читатель, далеко не могла дать необходимаго отдыха.

Движеніе колонны генерала Рауха въ обходъ правецкихъ позицій турокъ 9-го—11-го ноября составляетъ операцію, которая отнынѣ должна доставить одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ современной войны, столь богатой личными геройскими подвигами, блестящимъ мужествомъ и необычайной стойкостью нашихъ войскъ въ перенесеніи всевозможныхъ тяжестей. Всѣ доблести русскаго солдата проявились въ этой операціи въ такой высокой степени, что самое простое, спо-

койное ея описаніе неизбѣжно должно носить въ себѣ особый отпечатокъ.

Вслѣдствіе общихъ соображеній, рѣшено было атаковать правецкія укрѣпленія турокъ двумя колоннами (подъ общимъ начальствомъ графа Шувалова): одна изъ нихъ, свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса 1-го, должна была наступать по шоссе изъ Яблоницы къ Правецу и демонстрировать съ фронта; другая же, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха—обойти турокъ съ лѣваго фланга и тыла и произвести главную атаку.

Составъ послѣдней колонны былъ слѣдующій: л.-гв. Семеновскій полкъ, 1-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые баталіоны, команда л.-гв. Сапернаго баталіона, три сотни Кубанскаго казачьяго полка, л.-гв. Донская батарея, взводъ Донской № 8-го батареи и два конно-горныя орудія. За начальника штаба въ колонну былъ назначенъ я. Само собою разумѣется, что никакого колеснаго обоза при отрядѣ не было, даже лазаретныя линейки остались въ тылу; офицерскія вещи, перевязочныя принадлежности и динамитъ слѣдовали на вьюкахъ. Сухарей люди имѣли достаточный запасъ на себѣ, въ мѣшкахъ; патроны—въ сумкахъ и карманахъ, всего по 90 патроновъ на человѣка.

Кстати будетъ замѣтить, что, начиная съ движенія противъ Горняго Дубняка до настоящаго времени, мы и не видѣли ранцевъ. Вообще нужно думать, что вопросъ о болѣе сообразномъ съ современнымъ требованіемъ войны снаряженіи войскъ долженъ выступить на первый планъ. Дѣйствительно, солдатъ каждый день на бивакѣ и въ бою, прежде всего и настоятельнѣе всего, нуждается въ сухаряхъ и патронахъ, которыхъ, при развитіи огнестрѣльнаго боя, разстрѣливается немало, какъ бы бережно и экономно ни производился огонь. Если у солдата разорвался сапогъ, мундиръ и т. п., то онъ всегда имѣетъ возможность починить его на бивакѣ; въ случаѣ же необходимости, отъ времени до времени, въ періоды относительнаго спокойствія или перерыва дѣйствій, къ войскамъ можно подвозить требуемое количество предметовъ обмундированія и снаряженія; таскать же на солдатѣ вторую пару сапоговъ, бѣлье, брюки, гимнастическія рубахи и т. п., значитъ истощать напрасно его силы, въ то время, когда требуется величайшее ихъ напряженіе для боевыхъ цѣлей.

Путь отъ Яблоницы до д. Видраръ былъ болѣе или менѣе удобенъ и не требовалъ разработки; далѣе, участокъ дороги между д. Видраръ и Калугерово оказывался самымъ неудобнымъ и рѣшительно непроходимымъ безъ серьезныхъ улучшеній. Дорога шла сначала по лѣвому берегу Малаго Искера, потомъ переходила на правый

и вилась узенькой лентой надъ пропастями, до облачной высоты. Перебѣгая съ одного хребта на другой, обходя глубокія ущелья и лощины, лѣпясь почти по отвѣснымъ уступамъ горъ, дорога представляла крутые, длинные, часто около версты протяженія, подъемы и спуски. Нерѣдко полотно дороги состояло изъ сплошнаго камня, поднимавшагося въ видѣ лѣстницы со ступеньками около одного фута высотою, или же загораживалась на половину каменнымъ уступомъ, такъ что при движеніи повозка нагибалась къ сторонѣ пропасти, и одно колесо значительно поднималось выше другаго. Въ иныхъ мѣстахъ дорога имѣла видъ корыта, вымощеннаго большими плитками, которыя, какъ будто сильно всколебленныя, приняли самое разнообразное положеніе. Въ двухъ-трехъ пунктахъ часть полотна была сорвана горными потоками, и колесное движеніе окончательно прерывалось. Надо къ этому прибавить, что передъ д. Калугерово и за нею до д. Лаковицы, дорога нѣсколько разъ пересѣкала Малый Искеръ и ручей Правецъ, которыя, какъ и всѣ горныя рѣки, текутъ стремительно, имѣютъ каменистое ложе и глубокія впадины, незамѣтныя подъ водою. Не смотря на всѣ указанныя неудобства дороги, рѣшено было воспользоваться ею, такъ какъ мѣстные жители не могли указать другаго обходнаго пути, удобнаго въ стратегическомъ смыслѣ. Для приспособленія же дороги къ движенію и возможному улучшенію ея, придана была къ колоннѣ команда саперовъ; кромѣ того, всѣ люди могли быть употреблены для работъ, а операція была поручена генералъ-маіору Рауху, пріобрѣвшему уже достаточную опытность въ движеніяхъ подобнаго рода, участіемъ въ лѣтнемъ забалканскомъ походѣ, когда совершенъ былъ знаменитый переходъ черезъ Хаинкіойскій перевалъ, считавшійся турками недоступнымъ.

До д. Видраръ движеніе происходило (9-го ноября, съ часу пополудни) въ обыкновенномъ походномъ порядкѣ.

У деревни отрядъ былъ остановленъ на нѣсколько часовъ, чтобы дать отдыхъ людямъ, въ виду предстоящихъ трудностей, а также съ цѣлью дать время разставить въ надлежащихъ мѣстахъ рабочія команды и начать исправленіе пути. Костры воспрещено было разводить, чтобы не открыть движенія туркамъ; съ этою же цѣлью не дозволялось сначала, на первой половинѣ пути, производить взрывы динамитомъ; самое же движеніе должно было происходить ночью.

Отъ Видрара движеніе было организовано генераломъ Раухомъ слѣдующимъ образомъ: въ 8 часовъ вечера долженъ былъ выступить головной отрядъ изъ одной сотни кубанцевъ и л.-гв. 1-го стрѣлковаго баталіона, назначенный для прикрытія работъ; за нимъ непосредствен-

но слѣдовали рабочіе отъ каждой части, которые и были разставляемы съ хвоста сапернымъ офицеромъ поручикомъ Романовымъ на указанныхъ мѣстахъ, гдѣ и производили работы подъ руководствомъ саперовъ. За головнымъ отрядомъ, въ 11 часовъ ночи, выступали главныя силы, имѣя впереди 4-й баталіонъ Императорской фамиліи; затѣмъ, слѣдовали семеновцы, двѣ сотни кубанцевъ, наконецъ вьюки. Артилерія распредѣлена была по всей колоннѣ, причемъ каждому баталіону приданы были по два орудія, которыя, такъ сказать, и должны были быть перевозимы усиліями всѣхъ людей баталіона. Впослѣдствіи генералъ Раухъ рѣшилъ нѣсколько иначе организовать движеніе артилеріи, а именно: къ каждому орудію и зарядному ящику приданы были по 40 человѣкъ, изъ которыхъ 20 назначались собственно для работы при орудіяхъ, а 20 несли оружіе своихъ товарищей. Команды эти находились въ вѣдѣніи офицеровъ, которые такимъ образомъ уже и становились отвѣтчиками за движеніе ввѣренныхъ имъ орудій.

Въ глубокой тишинѣ, при слабомъ лунномъ освѣщеніи, отрядъ началъ движеніе; рабочіе уже были разставлены и успѣли разработать часть пути. Не смотря на относительно значительный составъ отряда, движеніе происходило въ глубокой тишинѣ; только грохотъ орудій изрѣдка эхомъ раздавался по ущельямъ дикихъ предгорій Балкановъ. Крутые, почти отвѣсные склоны высотъ покрыты на всемъ указанномъ протяженіи дубовыми порослями или рѣдкимъ лѣсомъ; въ чащахъ этихъ лѣсовъ, по обѣимъ сторонамъ Малаго Искера, разбросано нѣсколько болгарскихъ калибовъ (хуторовъ), жители которыхъ не убѣжали передъ турецкимъ нашествіемъ, благодаря только неприступности своихъ убѣжищъ. Болгары повсюду встрѣчали насъ съ величайшимъ любопытствомъ и радушіемъ и охотно служили намъ проводниками, не требуя за это никакого вознагражденія.

Скоро отрядъ растянулся на значительное разстояніе: дорога позволяла идти только рядами, а торчащіе камни, промоины и косогоры заставили даже вытягиваться гуськомъ. Артилерія уже съ первыхъ шаговъ потребовала помощи пѣхоты; особенно приходилось осторожно двигаться на крутыхъ поворотахъ, такъ какъ уносы, загнувъ по дугѣ, вытягивались потомъ по прямой линіи, и такимъ образомъ орудіе легко могло быть сорвано въ пропасть. Потребовались величайшія усилія людей, поддерживавшихъ орудія руками и на лямкахъ, чтобы удерживать ихъ на полотнѣ дороги. Послѣ перваго перехода на правый берегъ Искера, отрядъ почти сразу началъ подыматься по нависшей надъ пропастью дорогѣ до высоты облаковъ, которыя и скрыли его въ своемъ мракѣ. Горныя орудія двигались достаточно свободно; четырехъ-фунтовыя кон-

ныя на всѣхъ подъемахъ и поворотахъ требовали помощи пѣхоты; что же касается зарядныхъ ящиковъ, то они составляли истинное мученіе для отряда; очевидно, конструкція ихъ отвѣчаетъ только дѣйствіямъ въ культурныхъ, равнинныхъ странахъ, притомъ, если лошади достаточно сбережены и сохранили свои силы. При отсутствіи одного изъ указанныхъ условій, четырехколесный зарядный ящикъ является лишь тягостной обузой для войскъ, и всякій разсчетъ скорости движенія оказывается рѣшительно невозможнымъ. Иногда переходъ въ пять-шесть верстъ исполняется въ теченіе 10—12 часовъ, такъ какъ на всѣхъ сколько нибудь значительныхъ подъемахъ приходится большую часть пути нести ящики на плечахъ пѣхоты.

При нашемъ движеніи, не смотря на то, что въ колоннѣ не было девяти-фунтовыхъ орудій, движеніе ящиковъ безпрерывно задерживало отрядъ; къ тому же одинъ изъ нихъ съѣхалъ съ дороги, а другой сорвался въ пропасть на глубину саженей двадцати. При этомъ ревность людей была столь велика, что они предлагали вынести снаряды на себѣ, въ башлыкахъ, но это не было разрѣшено, въ виду опасности подобнаго способа переноски. Дружными усиліями ящикъ на слѣдующій день былъ вытащенъ и прибылъ къ своему мѣсту. При паденіи ящика, большая часть лошадей были освобождены изъ упряжи, но одну изъ нихъ дышломъ подняло на воздухъ и опрокинуло назадъ. Особенно трудно было двигаться лошадямъ по каменистымъ мѣстамъ, когда полотно дороги покрыто было твердо сидѣвшими въ почвѣ и торчавшими болѣе чѣмъ на футъ высотою камнями; напрягая усилія для движенія тяжести, лошади ступали куда-попало и калѣчились; нѣсколько лошадей сорвали подковы вмѣстѣ съ частью копытъ, до крови, и продолжали везти орудія и ящики; всѣ мы невольно отворачивались отъ этой тяжелой картины. Артилеристы, конфузясь, что такъ сильно затрудняютъ движеніе отряда, подавали примѣръ въ общихъ дружныхъ усиліяхъ и бодромъ настроеніи духа. Замѣчательно, что какъ со стороны солдатъ, такъ со стороны офицеровъ, не только не слышно было ни малѣйшаго ропота, но, напротивъ, всѣ считали, такъ сказать, для себя вопросомъ чести провезти успѣшно ввѣренныя имъ орудія и гордились понесенными трудами.

Среди указанныхъ геройскихъ усилій, отрядъ, къ часу пополудни, 10-го ноября, сталъ сосредоточиваться (кромѣ одного баталіона Семеновскаго полка и четырехъ орудій, которыя нѣсколько отстали) у с. Калугерово, пройдя въ 14 часовъ 12 верстъ. Дальнѣйшій путь до с. Лаковицы, хотя былъ нѣсколько лучше (безъ большихъ подъемовъ), но потребовалъ также разработки. Относительно дороги изъ Лаковицы

приходилось уже ограничиться лишь распросными свѣдѣніями, такъ какъ рекогносцировка этой части пути не могла быть произведена заблаговременно, въ виду скрытности движенія. Первоначальное предположеніе — идти по ущелью Правеца — было оставлено, такъ какъ колонна вышла бы противъ фронта турецкихъ укрѣпленій, а потому генералъ Раухъ рѣшился свернуть вправо, по дорогѣ, указанной мѣстными жителями. Для обезпеченія же пути отступленія, прикрытія отставшихъ орудій и вьюковъ, у д. Лаковицы оставленъ былъ одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и полсотни казаковъ; за офицера генеральнаго штаба назначенъ былъ туда поручикъ Редигеръ.

Представшіе передъ нами, съ первыхъ же шаговъ, крутые подъемы на новомъ пути заставили болѣзненно сжаться сердце, и невольно рождалось сомнѣніе, что въ этотъ день уже не удастся атаковать турокъ. Стянувши въ Лаковицахъ колонну, генералъ Раухъ двинулся далѣе. Былъ уже шестой часъ пополудни, когда мы прошли версты $1^1/_2$ отъ Лаковицы. Лошади находились въ работѣ и безъ клочка сѣна съ 12 часовъ дня 9-го числа, т. е. тридцать часовъ; люди сдѣлали ночной переходъ отъ Яблоницы въ 27—28 верстъ безъ сна, безъ отдыха, безъ горячей пищи и неся на своихъ плечахъ артилерію, а между тѣмъ дорога перебѣгала съ одной кручи на другую, съуживаясь въ иныхъ мѣстахъ до ширины тропинки, т. е. требовала на каждомъ шагу разработки и громадныхъ усилій для перевозки артилеріи. Оставалось еще до турецкихъ позицій верстъ шесть, т. е. можно было разсчитывать прибыть къ мѣсту назначенія лишь далеко за полночь, ввязаться въ ночное дѣло и, пожалуй, вести совершенно изолированный бой, такъ какъ демонстративная канонада въ сосѣднихъ отрядахъ уже прекратилась. Въ такихъ обстоятельствахъ генералъ Раухъ рѣшился остановиться на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня продолжать движеніе въ обходъ туркамъ.

Бивакъ пришлось выбрать на хребтѣ, окруженномъ громадными, мрачными, поросшими дубомъ высотами, имѣя путь отступленія на лѣвомъ флангѣ, обезпеченномъ до нѣкоторой степени семеновскимъ баталіономъ, оставленнымъ у с. Лаковицы. Такъ какъ противникъ могъ атаковать отрядъ почти по всѣмъ направленіямъ, то бивакъ охранялся круговою цѣпью аванпостовъ, съ резервами и пикетами кавалеріи, расположенными на отдаленныхъ командующихъ высотахъ. Отрядъ сталъ постепенно стягиваться посреди наступавшей темноты. Костры, разумѣется, были воспрещены, и не прошло болѣе получаса, какъ весь бивакъ,

освѣщаемый слабымъ луннымъ свѣтомъ, пробивавшимся сквозь облака и туманъ, погрузился въ мертвую тишину; кто гдѣ стоялъ, тутъ и повалился какъ снопъ; только часовые медленно прохаживались на своихъ мѣстахъ, и въ дежурныхъ частяхъ изрѣдка перешептывались. Заморенныя лошади тоже повалились безъ корма.

Для меня эта была одна изъ тревожнѣйшихъ ночей за всю кампанію. Послѣ перенесенныхъ трудовъ и безсонной ночи, нервное напряженіе людей стояло на очень высокой степени; при малѣйшемъ неосторожномъ крикѣ, случайномъ выстрѣлѣ и т. п., могла подняться тревога, могла распространиться паника; наконецъ, турки легко могли открыть наше присутствіе, и тогда весь планъ потерпѣлъ бы существенный ущербъ. Одно нѣсколько лишь успокоивало: впереди, на пикетахъ, стояли зоркіе, несравненные кубанскіе казаки, которыми командовалъ храбрый подполковникъ Клуге-фонъ-Клугенау; это обезпечивало, по крайней мѣрѣ, отъ внезапнаго нападенія противника. Страшная усталость осилила мои думы, и я, обойдя весь бивакъ, чтобы попросить командировъ частей предупредить своихъ людей спать спокойно, не тревожиться попустому, ибо они охраняются надежно, зарылся въ сѣно, и только что сталъ дремать, какъ былъ разбуженъ генераломъ Раухомъ. Оказалось, что пріѣхалъ ординарецъ отъ графа Шувалова съ слѣдующимъ приказаніемъ:

«Наше расположеніе слѣдующее: на лѣвомъ флангѣ, спустившись въ долину Орханійскую, на перекресткѣ дорогъ Этрополь-Орханіэ—три баталіона Московскаго полка (Гриппенбергъ). Надъ перекресткомъ этихъ дорогъ господствуютъ шесть нашихъ орудій (4 ф.) (на нашемъ лѣвомъ флангѣ).

«Правый флангъ на высотахъ правѣе шоссе (западнѣе, фронтомъ къ турецкимъ позиціямъ) два стрѣлковыхъ баталіона и баталіонъ московцевъ.

«Завтра 11-го ноября Гриппенбергъ будетъ стараться дать вамъ руку. Турокъ: три орудія и около четырехъ таборовъ. Имѣйте въ виду, что высоты надъ Правецомъ тоже укрѣплены. Прошу увѣдомить меня: 1) о вашихъ предположеніяхъ на 11-е ноября; 2) въ какомъ разстояніи вы находитесь отъ перекрестка дорогъ Этрополь и шоссе Орханіе; 3) въ которомъ часу можете начать движеніе; 4) въ какомъ именно направленіи предполагаете наступать.

«Генералъ Гурко желаетъ начать операціи 11-го ноября по возможности ранѣе. Генералу Эллису, стоящему на шоссе, фронтомъ къ турецкому расположенію, я предпишу наступать тогда, когда вы и Гриппенбергъ завяжете дѣло.

«Я принялъ начальство надъ вашей колонной и колонной генерала Эллиса; буду находиться вначалѣ на горѣ X ([1]), а потомъ въ расположеніи полковника Гриппенберга, и начну дѣло, но еще не атаку, около 8 утра».

Подписалъ: *Графъ Шуваловъ*.

Совѣтъ относительно подачи руки лейбъ-гвардіи Московскому полку слѣдовало, конечно, понимать въ смыслѣ общаго указанія характера нашихъ дѣйствій; фактическое осуществленіе такой связи возможно было только по окончательномъ разбитіи турокъ и изгнаніи ихъ къ сторонѣ Орханіэ.

На другой уже день генералъ Раухъ получилъ отъ начальника штаба, генералъ-маіора Нагловскаго, записку, которая вполнѣ согласовалась съ принятыми рѣшеніями: идти по избранной дорогѣ противъ фланга и частью лишь тыла турокъ, и, сбивши ихъ съ позиціи, войти лѣвымъ флангомъ въ связь съ графомъ Шуваловымъ, а затѣмъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Въ запискѣ этой говорилось:

«Генералу Рауху. Начальникъ отряда желаетъ, чтобы ввѣренная вашему превосходительству колонна атаковала лѣвый флангъ турецкой позиціи, съ легкимъ обходомъ тыла. На лѣвомъ флангѣ турецкой позиціи есть высота, которая командуетъ всею турецкою позиціею и ее анфилируетъ. Высота эта турками не занята. Если колонна вашего превосходительства займетъ эту гору и обнаружитъ обходъ тыла, то есть полная надежда прогнать турокъ. Обходить позицію и выходить въ тылу ея на шоссе рисковано, можно попасться между двухъ огней. Въ колоннѣ генерала Эллиса все благополучно; онъ свезъ на позицію 12 орудій и окопался; въ другихъ колонахъ тоже все благополучно; потеря сегодня три раненыхъ».

Подписалъ генералъ-маіоръ *Нагловскій*.

Утромъ, 11-го ноября, съ началомъ разсвѣта, отрядъ поднялся на ноги и двинулся далѣе; въ авангардѣ слѣдовала сотня кубанцевъ; затѣмъ оба стрѣлковые баталіона, прикрывавшіе саперовъ, и рабочія команды отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Къ бывшимъ при главныхъ силахъ четыремъ орудіямъ еще съ вечера притянуты были двигавшіяся въ хвостѣ колонны два горныхъ орудія, а также сдѣлано было распоряженіе о прибытіи остальныхъ двухъ орудій отъ с. Лаковицы. Такъ какъ въ теченіе 11-го ноября, къ сторонѣ Орханіэ, не было слышно канонады ([2]), которая могла бы привлечь вниманіе непріятеля,

([1]) Къ приказанію приложено было кроки, на которомъ и обозначена была гора X.

([2]) Наканунѣ храбрые гвардейскіе драгуны, какъ извѣстно, потерпѣли катастрофу у Новачена, наткнувшись на засаду. *А. П.*

то для обезпеченія движенія съ праваго фланга выдвинута была на развѣтвленіи дороги къ Орханіэ 5-я рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и полусотня кубанцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ мы вошли уже въ прочную связь съ отрядомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса 1-го и присоединили всѣ оставшіяся позади орудія, то для прикрытія оставшихся у с. Лаковицы двухъ зарядныхъ ящиковъ, запасныхъ лафетовъ и вьюковъ, осталась только одна рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; прочія же роты успѣли подойти къ отряду въ 11-мъ часу утра.

Между тѣмъ, сотня кубанцевъ, слѣдуя въ головѣ, была встрѣчена въ 11-мъ часу утра ружейными выстрѣлами.

Въ это время я выѣхалъ впередъ, съ цѣлью узнать причину раздавшихся выстрѣловъ. По пути я встрѣтилъ казака съ донесеніемъ отъ командира сотни, который писалъ: «Не доходя версты четыре до шоссейной дороги вправо, въ узкомъ ущельѣ, замѣчены турецкіе ложементы, посты и пѣхотная цѣпь, которые открыли по насъ ружейный огонь». Тогда я предложилъ командиру лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона, флигель-адъютанту полковнику Васмунду, немедленно выдвинуть вправо на высоту двѣ роты и оттѣснить противника. Роты Его Величества и 2-я поднялись и стали карабкаться чуть не на отвѣсныя горы. Генералъ Раухъ утвердилъ мои распоряженія. Стрѣлки наши скрылись въ чащѣ лѣсовъ и подымались на высоты, то хватаясь за сучья, то опираясь на ружья. Но вотъ на кручѣ, изнемогая въ усиліяхъ подняться на утесъ, показался одинъ солдатъ, за нимъ другой, и далѣе, въ видѣ какого-то клина, расширявшагося книзу, ползла вся масса людей, казавшаяся издали кучей муравьевъ. Поднявшись наверхъ, полковникъ Васмундъ пріостановилъ на нѣкоторое время движеніе, чтобы дать отдыхъ людямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высмотрѣть мѣстность и расположеніе непріятеля.

Обстановка представлялась въ слѣдующемъ видѣ: вправо и влѣво отъ пути слѣдованія тянулся рядъ высокихъ горъ, разсѣченныхъ глубокими ущельями, съ крутыми и обрывистыми скатами, покрытыми густымъ дубовымъ лѣсомъ. Высоты влѣво отъ дороги были заняты непріятелемъ слабо; вправо же турки занимали три горы. На склонѣ первой была разсыпана цѣпь стрѣлковъ; на второй замѣтно было движеніе отдѣльныхъ колоннъ; а на третьей горѣ, которая занята была всего сильнѣе, непріятель засѣлъ въ ложементахъ; съ этой высоты онъ продольно обстрѣливалъ лощину, такъ что разработку дороги приходилось производить подъ ружейнымъ огнемъ. При этомъ въ лейбъ-

гвардіи 4 мъ стрѣлковомъ Императорской фамиліи баталіонѣ былъ сбитъ пулею крестъ съ орла знамени и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Бывшій съ нами румынскій офицеръ, флигель-адъютантъ принца Карла, находилъ, что мы стоимъ «подъ свинцовымъ дождемъ», хотя послѣ Горняго-Дубняка этотъ «дождь» былъ игрушкой. Проводникъ болгаринъ, попавшій подъ огонь, стоялъ спокойно и радостно ожидалъ конца. Бывшій при отрядѣ священникъ, кажется 1-го Стрѣлковаго баталіона, пошелъ со своею частью въ стрѣлковую цѣпь.

Между тѣмъ, рота Его Величества лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго баталіона, послѣ кратковременнаго отдыха, была разсыпана въ цѣпь, причемъ ей приказано было стараться охватить лѣвый флангъ непріятеля. 2-я рота слѣдовала въ резервѣ и, во избѣженіе потерь, также была разсыпана. Стрѣлки, руководимые полковникомъ Васмундомъ, отлично примѣнялись къ мѣстности. Смотря снизу вверхъ, можно было ясно замѣтить, какъ при наступленіи покажется впереди за хребтикомъ одинъ-два человѣка, долго высматриваютъ, переходятъ съ одного мѣста на другое, затѣмъ манятъ къ себѣ товарищей, масса прибываетъ, залегаетъ за закрытіемъ, затѣмъ сильный, но непродолжительный ружейный огонь и энергическое «ура»!—сопровождающееся всегда успѣхомъ.

Турки отступили на вторую гору, понеся при этомъ значительный уронъ отъ нашего огня, такъ какъ имъ пришлось подниматься по совершенно обнаженному скату. Получивъ отъ полковника Васмунда донесеніе о ходѣ дѣла и о предстоящей главной атакѣ, генералъ Раухъ приказалъ 3-й и 4-й ротамъ баталіона Его Величества присоединиться къ передовымъ, а баталіону Императорской фамиліи, прикрывавшему работы, двинуться на поддержку баталіона Его Величества. Для прикрытія работъ была выслана 16-я рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, разсыпавшаяся по скату горы лѣвѣе дороги и смѣнившая 3-ю роту лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона.

По прибытіи подкрѣпленій, войска расположились слѣдующимъ образомъ: въ первой линіи, лѣвѣе роты Его Величества лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго баталіона, стояла 2-я рота, потомъ 3-я, а 4-я рота расположилась въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ. Правѣе баталіона Его Величества стала 4-я рота лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона, получившая приказаніе обогнуть лѣвый флангъ непріятеля. Въ резервѣ за ней слѣдовала 2-я рота, а прочія роты баталіона Императорской фамиліи должны были, совмѣстно съ лейбъ-гвардіи

1-мъ Стрѣлковымъ Его Величества баталіономъ, сбить непріятеля съ фронта. Въ такомъ порядкѣ, около 2-хъ часовъ дня, стрѣлки начали наступленіе.

Движеніе подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, по крутой и высокой горѣ, представляло значительныя затрудненія; тѣмъ не менѣе, оно продолжалось безостановочно. Стрѣлки, руководимые полковниками Васмундомъ и флигель-адъютантомъ графомъ Клейнмихелемъ, молодецки наступали, пользуясь каждымъ закрытіемъ, чтобы выпустить мѣткую пулю. Такъ какъ у непріятеля не было на второй горѣ ложементовъ, то онъ не выдержалъ рѣшительнаго натиска стрѣлковъ и, хотя и въ полномъ порядкѣ, началъ отходить на третью гору, гдѣ были сосредоточены его главныя силы. Постоянно останавливаясь и засѣдая въ глубокихъ лощинахъ, непріятель тщетно старался задержать нашихъ стрѣлковъ. Преслѣдуемый по пятамъ и обходимый съ фланговъ, онъ, наконецъ, взобрался на третью гору. Здѣсь турки, не останавливаясь на гребнѣ, спустились шаговъ на 50—70 по противоположному скату и, засѣвъ въ траншеяхъ, ожидали нашего появленія на гребнѣ. Стрѣлки ползкомъ взобрались на гребень высоты. Лишь только появились первыя ихъ групы, турки открыли бѣшеную, неумолкаемую, но безвредную стрѣльбу. Выждавъ прибытія подкрѣпленій, полковникъ Васмундъ и графъ Клейнмихель лично повели ввѣренные имъ баталіоны; загремѣло дружное «ура»! и стрѣлки бросились въ штыки. Турки, обратившись въ безпорядочное бѣгство, покатились съ кручъ, ограничивавшихъ ихъ позицію съ тыла. Сброшенные съ горъ и преслѣдуемые по пятамъ, они, уже не отстрѣливаясь, бѣжали по направленію къ Орханіэ. Стрѣлки продолжали наступленіе по скатамъ высотъ и постепенно спустились внизъ къ шоссе, въ Орханійскую долину.

Во время этихъ дѣйствій, семеновцы на лѣвомъ флангѣ позиціи дружно содѣйствовали стрѣлкамъ. Разсыпанная по лѣвому скату ущелья 16-я рота, поддерживавшая связь съ лейбъ-гвардіи 1-мъ Стрѣлковымъ Его Величества баталіономъ, находилась все время подъ сильнымъ огнемъ изъ турецкихъ ложементовъ крайняго праваго фланга. При этомъ съ нашей стороны приказано было стрѣлять лишь лучшимъ стрѣлкамъ, такъ какъ до турецкихъ ложементовъ было болѣе 950 шаговъ. При дальнѣйшемъ наступленіи одна полурота двинулась съ фронта, а другая—въ обходъ праваго фланга непріятеля. Для поддержанія этой роты двинута была 15-я рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. По прибытіи ея, обѣ роты продолжали дальнѣйшее движеніе, прошли оставленный турками первый лагерь и, подойдя ко второму еще занятому непріятелемъ, завязали съ нимъ перестрѣлку и быстро

прогнали его мѣткимъ огнемъ. При послѣдующихъ дѣйствіяхъ, обѣ роты пріостановились на краю обрыва, съ цѣлью преслѣдованія бѣжавшихъ огнемъ, а также, чтобы выбить непріятеля, засѣвшаго впереди въ трехъ ложементахъ, что и удалось.

Генералъ Раухъ, получивъ въ это время извѣстіе, что непріятель занимаетъ еще свои лагери внизу на шоссе, противъ лѣваго нашего фланга, приказалъ 13-й и 14-й ротамъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившимся въ головѣ колонны, вытѣснить турокъ изъ лагерей и тѣмъ самымъ дать возможность войскамъ, дѣйствовавшимъ съ фронта, начать наступленіе. Обѣ роты двинулись въ указанномъ направленіи: 13-я—вправо, 14-я—влѣво, и послѣдовательно заняли три лагеря, оставленные турками. Четвертый укрѣпленный лагерь былъ еще занятъ непріятелемъ, который пытался сопротивляться, но, увидя цѣпь 13-й роты съ фронта, а 14-ю у себя въ тылу, очистилъ лагерь послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Съ наступленіемъ темноты, движеніе на этомъ пунктѣ пріостановилось.

Между тѣмъ, часу въ 6-мъ пополудни, главныя силы съ артилеріею подошли, наконецъ, къ позиціи. Немедленно было выдвинуто два горныхъ орудія для обстрѣливанія отступавшихъ турокъ, а также укрѣпленія, изъ котораго они дѣйствовали артилерійскихъ огнемъ изъ двухъ орудій по нашимъ стрѣлкамъ, спустившимся внизъ. Но дистанція оказалась значительно больше дальности выстрѣла горнаго орудія. Поэтому вызвана была лейбъ-гвардіи Донская № 6-го батарея, которой и удалось обстрѣлять хвостъ отступавшихъ непріятельскихъ колоннъ и обоза. Для прикрытія артилеріи и усиленія цѣпи стрѣлковыхъ баталіоновъ, высланъ былъ на правый флангъ позиціи 1-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Рота Его Величества и 2-я рота спустились внизъ для поддержки стрѣлковъ, гдѣ и попали подъ артилерійскій огонь вышеупомянутыхъ двухъ непріятельскихъ орудій; двѣ остальныя роты 1-го баталіона остались для прикрытія артилеріи. Прочія части отряда составили общій резервъ. Дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля оказалось рѣшительно невозможнымъ за наступленіемъ глубокой темноты, почему войска отряда расположились въ боевомъ порядкѣ на занятыхъ высотахъ. Къ неописанному чувству побѣды надъ врагомъ и природою присоединилось еще обаятельное впечатлѣніе картины, развернувшейся передъ нами съ занятыхъ высотъ. Внизу подъ ногами, вправо и влѣво, разстилалось сплошное море облаковъ; только кругообразныя высоты, подобно островкамъ, чернѣлись одиноко или разбросанными групами; биваки войскъ, расположенныхъ подъ облаками, ясно обозначались заревомъ, блестѣвшимъ на поверхности по-

слѣднихъ; скоро и мы зажгли костры и, не смотря на неимовѣрную усталость, отдались наслажденіямъ созерцанія окружавшей насъ картины.

Къ вечеру были притянуты на бивакъ части, оставленныя для охраненія тыла и фланга. Уже въ 8-мъ часу вечера на лѣвомъ флангѣ показалась на горѣ небольшая сомкнутая непріятельская часть. Командиръ 14-й роты, поручикъ Домерщиковъ, быстро двинувъ цѣпь впередъ, окружилъ непріятеля и предложилъ ему сдаться на капитуляцію. Послѣ нѣкотораго колебанія, турецкій офицеръ отдалъ свою саблю, и весь отрядъ, въ числѣ одного офицера и 40 нижнихъ чиновъ, положилъ оружіе.

Потери наши въ дѣлѣ, благодаря вполнѣ разумному веденію боя стрѣлками, были ничтожны, всего 30 человѣкъ. Что же касается турокъ, то на позиціи было похоронено нами 137 человѣкъ; сюда надо еще прибавить раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ былъ одинъ англичанинъ, въ красномъ мундирѣ, весь пронизанный нашими штыками. Кромѣ того, намъ достался турецкій лагерь, два значка, много оружія, патроновъ, галетъ и проч. Еще болѣе важны были стратегическіе разультаты обхода и боя; непріятель долженъ былъ очистить сильную правецкую позицію и въ безпорядкѣ бѣжалъ.

На другой день, 12-го ноября, часовъ въ 10 утра, генералъ Раухъ получилъ отъ имени генералъ-адъютанта графа Шувалова за подписью его начальника штаба, полковника Паренсова, слѣдующее приказаніе:

«12 ноября, 9 часовъ утра. Генералу Рауху. Генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ приказалъ:

«1) Укрѣпленную турецкую позицію, взятую вами, занять гвардейской Стрѣлковой бригадой, лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ и двумя 9-ти ф. батареями. Позицію укрѣпить.

«Съ этою цѣлью къ вамъ отправляется Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эллисъ, командиръ лейбъ-гвардіи Саперпаго баталіона полковникъ Скалонъ и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Энгельгардтъ.

«2) Весь бивакъ переходитъ въ Ханъ-Правецъ, куда спустить и Семеновскій полкъ по смѣнѣ его Стрѣлковой бригадой и Московкимъ полкомъ.

«3) Къ Этрополю отправляется рекогносцировка подъ начальствомъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка полковника барона Мейендорфа, вслѣдъ за симъ прибывающему къ Ханъ-Правецъ.

«Въ этой рекогносцировкѣ долженъ принять участіе подполковникъ Пузыревскій и баталіонные адъютанты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, которымъ спуститься немедленно къ Ханъ-Правецъ и поступить въ распоряженіе барона Мейендорфа».

Согласно этому приказанію, я собралъ адъютантовъ и отправился въ Ханъ-Правецъ (¹). На шоссе я нашелъ графа Шувалова, со штабомъ. Графъ объявилъ мнѣ, что рекогносцировочная партія уже давно отправилась на работу, и что мнѣ не удастся ее нагнать, а потому и разрѣшилъ мнѣ возвратиться обратно на позицію. Карабкаясь наверхъ, я проѣзжалъ мимо нѣкоторыхъ изъ занятыхъ нами турецкихъ укрѣпленій. При взглядѣ на нихъ, нетрудно было оцѣнить важность успѣха, достигнутаго обходнымъ движеніемъ: сильные ложементы, блиндированныя батареи, неизбѣжные у турокъ редуты дорого бы стоили намъ при фронтальной атакѣ.

Въ тотъ же день мы получили слѣдующую диспозицію на 13-е ноября:

«Завтра, 13-го ноября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда произвести наступленіе на Этрополь. Для сего:

«1) Лейбъ-гвардіи Гренадерскому полку, Великолуцкому пѣхотному полку, двумъ баталіонамъ Псковскаго полка, 9-ти фунтовой батареѣ лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, двумъ 4-хъ фунтовыхъ батареямъ 3-й артилерійской бригады, Екатеринославскому Драгунскому полку, тремъ сотнямъ Казачьей бригады и двумъ коннымъ батареямъ 16-й конной и 19-й казачьей составить лѣвую колонну, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля, и атаковать Этрополь съ восточной стороны (9 баталіоновъ пѣхоты, 24 пѣшихъ орудій, 7 эскадроновъ и сотенъ и 12 конныхъ орудій).

«2) Лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, одному баталіону Псковскаго полка, 1-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, тремъ сотнямъ Кавказской бригады и одному взводу конно-горной батареи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Его Высочества Принца Ольденбургскаго, составить среднюю колонну и атаковать Этрополь съ сѣверной стороны (7 баталіоновъ пѣхоты, 8 пѣшихъ орудій, 3 сотни и 2 конныхъ орудія).

«3) Лейбъ-гвардіи Семеновскому полку, лейбъ-гвардіи Финляндскому и двумъ батареямъ лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, двумъ взводамъ конно-горной батареи, Донской казачьей № 8-го батареѣ и одной сотнѣ Кавказской казачьей бригады, подъ общимъ начальствомъ генералъ маіора Рауха, составить правую колонну и, слѣдуя по дорогѣ изъ Правецъ въ Этрополь—атаковать турецкую позицію съ сѣверо-западной, а если окажется возможнымъ, то и съ западной стороны (8 баталіоновъ пѣхоты, 16 пѣшихъ орудій, одна сотня и 10 конныхъ орудій).

(¹) «Ханъ» значитъ постоялый дворъ. Ханъ-Правецъ расположенъ на самомъ шоссе, а деревня Правецъ—въ верстѣ отъ него.

(Всего для атаки назначается 24 баталіона, 48 пѣшихъ орудій, 11 эскадроновъ и сотенъ и 24 конныхъ орудія).

«Общее командованіе правою и среднею колоннами возлагается на генералъ-адъютанта графа Шувалова.

«Правая колонна должна выступить съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы около 10-ти часовъ утра можно было вступить въ дѣло.

«4) Предписывается всѣмъ начальникамъ частей употребить всевозможныя усилія для того, чтобы установить артилерію на позиціяхъ.

«5) Для обезпеченія атаки со стороны могущаго послѣдовать наступленія турокъ отъ Орханіе образуется особая колонна изъ гвардейской Стрѣлковой бригады, лейбъ-гвардіи Московскаго полка, двухъ батарей лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, трехъ эскадроновъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка, пяти сотенъ Кавказской бригады и двухъ взводовъ 6-й Донской гвардейской казачьей батареи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса. Колоннѣ этой занять укрѣпленную позицію впереди Правецъ фронтомъ къ Орханіэ. Отъ этой колонны выслать завтра, 13-го ноября, въ 8 часовъ утра, всю кавалерію съ конной артилеріею для производства усиленной рекогносцировки къ сторонѣ Орханіэ (8 баталіоновъ пѣхоты, 16 пѣшихъ орудій, 8 эскадроновъ и сотенъ и 4 конныхъ орудія).

«Въ общемъ резервѣ на бывшей позиціи лейбъ-гвардіи Московскаго полка, позади д. Усиковицы, остаться лейбъ-гвардіи Егерскому полку, лейбъ-гвардіи Павловскому полку, пяти батареямъ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, одной батареѣ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, одному эскадрону лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и 5-й батареѣ гвардейской конной артилеріи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера (8 баталіоновъ пѣхоты, 54 орудія и 1 эскадронъ.)

«6) Казачьей бригадѣ остаться въ Голѣмъ Болгарскомъ Изворѣ.

«7) Въ началѣ дѣла я буду находиться на позиціи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, куда и присылать всѣ донесенія.

«8) Для болѣе быстрой передачи приказаній, установить конную почту, отъ укрѣпленной позиціи на орханійской дорогѣ до позиціи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (по дорогѣ отъ Правеца въ Этрополь), отъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка.

«9) Перевязочные пункты устроить въ Ханъ-Брусенѣ, въ Оссиковѣ и въ д. Правецъ. Распредѣленіе медицинскихъ средствъ возлагается вполнѣ на усмотрѣніе корпуснаго доктора, статскаго совѣтника Энкгофа.»

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Я былъ назначенъ въ колонну генералъ-маіора Рауха. Вмѣстѣ съ адъютантомъ штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, поручикомъ Алексѣевымъ, мы спустились въ д. П р а в е ц ъ и розыскали себѣ избу, еще не совсѣмъ разнесенную, надѣясь отдохнуть послѣ перенесенныхъ трудовъ. Люди наши вымели комнату, затопили ее, и я впервые,

послѣ четырехъ тяжкихъ дней, снялъ съ себя сапоги. Мы дѣтски радовались нашему благополучію, и едва около 12 часовъ ночи стали засыпать. «Пожалуйте къ генералу»—раздался вдругъ голосъ. Можно вообразить, на сколько пріятно подѣйствовалъ на насъ этотъ призывъ. Но дѣлать нечего, пришлось проститься съ постелью. Генералъ Раухъ показалъ мнѣ вышеприведенную диспозицію, которая была получена только вечеромъ 12-го ноября. Нужно было немедленно сдѣлать соотвѣтствующія по отряду распоряженія, и я провозился почти до 3-хъ часовъ утра, а въ 4 мы должны были выступить — еще одна ночь прошла безъ сна.

Въ темнотѣ, 13-го утромъ, въ 4 часа, мы собрались у костра, подлѣ ставки графа Шувалова, и приготовлялись къ выступленію. Въ это время вдругъ получается извѣстіе, что колонна генерала Дандевиля, послѣ трехдневной борьбы съ противникомъ и благодаря чрезвычайно искуснымъ маневрамъ, овладѣла Этрополемъ. Такимъ образомъ, вмѣсто боя намъ предстояло мирное вступленіе въ этотъ городокъ.

Отъ Правеца до Этрополя всего верстъ 10—12. Не смотря на незначительность разстоянія, мы двигались почти цѣлый день, такъ какъ артилерія застрявала раза три и задерживала общее движеніе.

Съ одного изъ переваловъ намъ открылись сразу громадные массивы Балкановъ, покрытые уже снѣгомъ. Картина была сурово-величественная и невольно наводила на мысль: чтò-то намъ придется испытать среди этихъ трущобъ дикой, грозной природы? Внизу передъ нами, въ видѣ небольшой котловины, разстилалась горизонтальная Этропольская равнина, въ концѣ которой, у подножья горъ, по обѣ стороны Малаго Искера, раскинулся маленькій городокъ Этрополь, не болѣе какъ грязное мѣстечко. Улицы узенькія, вымощенныя булыжникомъ, съ огромными выбоинами, лужами и т. п. Домики небольшіе, въ то время разоренные ушедшими турками. Посреди города, частью заливая улицу, протекаетъ Искеръ.

Само собою разумѣется, что достать тамъ чего нибудь, кромѣ хлѣба, масла, яицъ и фуража, рѣшительно было невозможно. Въ городѣ имѣется церковь Архангела Михаила, гдѣ и была отслужена обѣдня въ присутствіи всего начальства. Одинъ изъ гражданъ обратился къ генералу Гурко съ привѣтственной рѣчью, принятой присутствующими съ величайшимъ воодушевленіемъ.

Всѣ мы расположились въ порядочной комнатѣ, причемъ добродушныя хозяйки съ восторгомъ насъ принимали, стараясь услужить всѣми средствами. Братья и мужья ихъ частью перерѣзаны, частью попали

въ плевненское сидѣніе, куда турки погнали ихъ съ подводами. Вспоминая родныхъ, болгарки обливались слезами. Наканунѣ, турецкій паша предлагалъ имъ бѣжать вмѣстѣ съ войсками, но онѣ заявили, что желаютъ умереть тамъ, гдѣ родились; тогда турецкій генералъ нѣкоторыхъ казнилъ, а другихъ взялъ заложниками и ушелъ въ горы. Вообще, горное населеніе, какъ по своему типу, такъ и по смѣлости, значительно отличается отъ придунайскихъ болгаръ; видно, что въ горахъ не такъ легко держать въ желѣзныхъ рукавицахъ населеніе, какъ въ доступныхъ частяхъ страны. Характеръ поселеній въ горахъ тоже нѣсколько иной: все чаще и чаще попадаются отдѣльные колибы (хутора); зажиточности особой я тамъ не замѣтилъ; природа хотя роскошна, но почва, удобная для обработки, попадалась довольно рѣдко.

15-го ноября, генералъ-адъютантъ Гурко потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ, взявши прикрытіе отъ Екатеринославскаго драгунскаго полка, отправиться на рекогносцировку черезъ Стригловскій перевалъ къ д. Буново, по ту сторону Великихъ Балкановъ.

Вмѣстѣ со мною отправленъ былъ и князь Церетелевъ. Мы должны были проѣхать черезъ перевалъ, по занятіи его направленными туда нашими войсками; но они въ это время не прошли еще и половины пути. Такимъ образомъ, въ этотъ день рекогносцировка не могла состояться (Объѣхать турецкую позицію не было никакой возможности по окончательной непроходимости мѣстности). На другой день я снова поднялся, обогналъ Псковскій пѣхотный полкъ и на одной изъ горныхъ площадокъ слѣзъ съ лошади, чтобы высмотрѣть въ бинокль турецкія укрѣпленія, находившіяся на самомъ перевалѣ.

Черезъ минуту—другую блеснулъ огонекъ, хлынулъ клубъ дыма и засвистѣла граната, потомъ другая; это были первые выстрѣлы, раздавшіеся съ турецкаго укрѣпленія. Псковскій полкъ еще не поднялся; я возвратился назадъ, чтобы доложить генералу Гурко объ открытіи, сдѣланномъ мною относительно вооруженія турецкихъ укрѣпленій артиллеріей.

На возвратномъ пути, я услышалъ влѣво жесточайшую ружейную перестрѣлку: это генералъ Дандевиль былъ атакованъ въ горахъ турками. Такимъ образомъ, непріятель не только не думалъ очищать Балкановъ, какъ мы сначала предполагали, но, повидимому, собирался твердо ихъ отстаивать...... и началось тогда тяжкое «балканское сидѣніе».

VI.

На Балканахъ.

Подъемъ на горы артилеріи и снарядовъ. — Жизнь на Балканахъ.—Дѣйствія лѣвой колонны генерала Рауха. — Поѣздка на позицію къ генералу Дандевилю. — Постройка укрѣпленій.—Перестрѣлка съ турками.—Переѣздъ во Врачешъ.—Лютиковская позиція.—Вѣсть о паденіи Плевны.—Рекогносцировка Умургача.—Приготовленія къ переходу черезъ Балканы.

Послѣ занятія Этрополя, для преслѣдованія турокъ выслань былъ лейбъ-гвардіи Преображенскій и Екатеринославскій драгунскій полки подъ начальствомъ генералъ-маіора Краснова. Драгуны отбили нѣсколько орудій и зарядныхъ ящиковъ, часть обоза и пр. Преслѣдованіе продолжалось до перевала, и затѣмъ отрядъ вернулся назадъ, причемъ не были выяснены сила, расположеніе и прочность занятія войсками турецкихъ укрѣпленій.

Для овладѣнія переваломъ, 15-го ноября былъ двинутъ впередъ къ Шандорнику (лѣвая гора) и Вратешкѣ (правая гора) передовой отрядъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля. Отрядъ слѣдовалъ въ двухъ колоннахъ: правая, подъ личнымъ начальствомъ генерала Дандевиля, въ составѣ которой находились: Великолуцкій пѣхотный полкъ, два эскадрона Екатеринославскаго драгунскаго полка и два орудія 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады; въ лѣвой, подъ начальствомъ командира Псковскаго полка полковника Зубатова—Псковскій пѣхотный полкъ, два эскадрона Екатеринославскаго драгунскаго полка и четыре орудія 16-й конной батареи.

16-го ноября, возвращаясь съ рекогносцировки, какъ упомянуто въ предъидущей главѣ, я слышалъ частую стрѣльбу на правой горѣ (Вратешкѣ). Прежде чѣмъ отправиться въ Этрополь къ генералу Гурко, я рѣшился проѣхать къ генералу Дандевилю, чтобы узнать о происходившемъ. Подъемъ на гору былъ невообразимо труденъ; кое-гдѣ разложены были въ лѣсу, покрывавшемъ крутые скаты Балкановъ, костры или просто подожжены были громадныя деревья на корню; раненые попадались очень часто, носильщики, со своими тяжелыми ношами,

осторожно спускались по скользкой крутой тропѣ. Поворотъ за поворотомъ, подъемъ за подъемомъ—просто конца не видать этимъ невыносимымъ горамъ! Между тѣмъ наступила полная темнота; по дорогѣ стали чаще и чаще попадаться камни; въ иныхъ мѣстахъ доходишь до отчаянія—бросишь лошадь на произволъ судьбы и только слегка поддерживаешь ее на поводу, чтобы не шлепнуться со всего розмаху. Наконецъ я добрался до передоваго орудія, у котораго находились генералъ Дандевиль, командиръ артилерійскаго взвода штабсъ-капитанъ Адасовскій и другіе офицеры. Всѣ еще находились подъ веселымъ возбужденіемъ блистательно отбитой атаки. Оказалось, что турки, узнавъ о нашемъ движеніи, рѣшились атаковать генерала Дандевиля во время подъема на гору. Имѣя около пяти таборовъ, они ожесточенно бросились на два баталіона Псковскаго полка и стали окружать маленькій отрядъ со всѣхъ сторонъ. Положеніе нашихъ было критическое: противникъ съ трехъ сторонъ, пули крестятъ по всѣмъ направленіямъ, офицеры уже выхватили револьверы, чтобы съ честью умереть на орудіяхъ... Но въ самую тяжкую минуту подоспѣлъ бывшій сзади баталіонъ Псковскаго полка, потребованный генераломъ Дандевилемъ. Баталіонъ этотъ бросился противъ лѣваго фланга турокъ и отбросилъ ихъ съ урономъ.

Достаточно было туркамъ минутнаго успѣха, чтобы поварварствовать вволю. Я самъ видѣлъ нашихъ раненыхъ съ отрѣзанными ушами, перерѣзаннымъ горломъ и т. п. Такія дѣйствія вполнѣ совмѣстимы съ понятіями о воинской чести нашихъ бывшихъ противниковъ.

17-го ноября обѣ колонны усилены были гвардейскими войсками, причемъ на позицію противъ Шандорника они прибыли только къ утру слѣдующаго дня. Я назначенъ былъ состоять въ колоннѣ генерала Рауха, подъ команду котораго поступили войска на лѣвой горѣ (Шандорникъ). Чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, генералъ Раухъ, утромъ 17-го ноября, отправился къ генералу Дандевилю на Вратешку. Турки обстрѣливали правую гору весьма частымъ артилерійскимъ огнемъ. Два орудія 5-й гвардейской батареи отвѣчали имъ довольно энергически. Съ позиціи генерала Дандевиля намъ открылась неожиданная картина—непрерывный рядъ турецкихъ укрѣпленій. На самой высшей точкѣ (Шандорникъ) находилось укрѣпленіе Гильдисъ-табія; отъ него на постепенно спускающемся хребтѣ, до самаго Арабъ-Конака, расположено было, отлично видныхъ, нѣсколько редутовъ. Всѣ укрѣпленія вооружены были артилеріей. Нетрудно было рѣшить, гдѣ нахо-

дился ключъ турецкой позиціи: съ занятіемъ «Гильдисъ-табіи» мы становились на правомъ непріятельскомъ флангѣ, рѣшительно командовали бы всей турецкой позиціей и угрожали бы пути отступленія противника. Турки тогда должны были бы очистить всѣ укрѣпленія до Арабъ-Конака. Никто изъ насъ не предполагалъ, что намъ надолго придется засѣсть въ горахъ.

Въ отрядномъ штабѣ еще 18-го ноября предполагали дѣйствовать безостановочно, что видно, напримѣръ, изъ предписанія генералу Рауху отъ 18-го ноября 1877 г. № 6,072, въ которомъ генералъ-маіоръ Нагловскій писалъ: «Начальникъ отряда приказалъ, по взятіи Арабъ-Конака, ввѣренному вашему превосходительству лѣвому отряду слѣдовать къ Стрыглу только съ одною пѣхотою, безъ артиллеріи».

Между тѣмъ, во время нашего пребыванія 17-го ноября на позиціи у генерала Дандевиля, раздалась вдругъ ружейная стрѣльба у Шандорника, и мы замѣтили движеніе кучки нашей пѣхоты. Какъ впослѣдствіи оказалось, это были три роты Псковскаго пѣхотнаго полка, который дѣйствовалъ на лѣвой горѣ. Подымаясь вверхъ безостановочно, увлекаясь личной инициативой и мужествомъ, роты бросились противъ турецкаго укрѣпленія. Въ окончательномъ результатѣ дѣла нельзя было, къ сожалѣнію, не сомнѣваться... Во время приближенія ихъ къ турецкому укрѣпленію, на Шандорникъ нашло облако и скоро наши храбрецы скрылись въ его густой мглѣ. Пальба все усиливалась, огоньки часто засверкали посреди облака, затѣмъ «ура», и на нѣсколько минутъ роковая тишина.

Стрѣльба снова возобновилась, и мы увидѣли, наконецъ, беззавѣтныхъ псковцевъ, медленно съ пальбой отходившихъ назадъ и разсыпавшихся въ видѣ стрѣлковой цѣпи въ нѣсколько шереногъ. Оказалось, что они не только достигли до турецкаго укрѣпленія, но и ворвались въ него и стали уже было сталкивать орудія, но подошедшія подкрѣпленія дали туркамъ несоразмѣрное превосходство силъ, и наши храбрецы были выбиты. Между тѣмъ, генералъ Дандевиль, видя эту неожиданную атаку псковцевъ и не сомнѣваясь, что она будетъ отбита, выдвинулъ два баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка: одинъ, чтобы принять на себя отступающія роты Псковскаго полка, а другой для демонстраціи противъ сосѣднихъ укрѣпленій, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ Гильдисъ-табіи и лишить возможности дѣйствовать сосредоточенно. Псковцы отошли благополучно, понеся, впрочемъ большія потери: около 140 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими.

Измайловцы, исполнивши свою задачу, тоже возвратились на позицію, потерявъ четырехъ убитыми и 28 ранеными. Изъ числа офицеровъ въ псковскихъ ротахъ ранено два, въ Измайловскомъ полку одинъ. Общій ходъ дѣла, завязка, цѣли и результаты изложены мною съ полной достовѣрностью. Послѣ этого читатель оцѣнитъ надлежащимъ образомъ показаніе «Очевидца», состоявшаго въ арміи Мехмеда-Али и напечатавшаго свой разсказъ объ оборонѣ Этропольскихъ Балкановъ турецкими войсками въ берлинскомъ журналѣ «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine».

Переводъ этой статьи помѣщенъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1878 г. № 9 й. Вотъ краткая выписка изъ этой статьи, касающейся вышеизложеннаго дѣла:

«Вслѣдъ за симъ, около 12 часовъ дня, усмотрѣно было необычайно движеніе въ русскихъ войскахъ, стоявшихъ къ сѣверу отъ правофлангового турецкаго укрѣпленія. Небольшіе казачьи разъѣзды, прикрывая свой правый флангъ со стороны орханійскаго дефиле, расположились за отдѣльными групами деревьевъ; другіе, болѣе значительные кавалерійскіе отряды, силою до одного эскадрона, спустившись въ помянутое дефиле, стали выдвигатъ передовые посты въ предѣлахъ турецкаго оборонительнаго раіона; между тѣмъ какъ другіе непріятельскіе отряды двинулись по дорогѣ, ведущей въ долину сухой рѣки.

«Артилерійская стрѣльба, въ теченіе утра производившаяся съ обѣихъ сторонъ довольно медленно, въ это время оживилась; но въ 12¾ час. русскія орудія совершенно прекратили огонь. Густыя цѣпи непріятельскихъ стрѣлковъ вышли изъ укрывавшаго ихъ лѣса и двинулись по направленію на Гильдисъ-табію; въ разстояніи 400—500 метровъ за ними слѣдовали резервы, которыхъ насчитывалось до пяти баталіоновъ (¹). Противъ нихъ-то оба орудія, стоявшія на сѣверномъ фронтѣ помянутаго редута, направили весьма оживленный, но довольно безплодный огонь.

«Перестрѣлка между русскою цѣпью, наступавшею перебѣжками, и турецкими войсками, занимавшими Гильдисъ-табію, началась въ разстояніи около 1,000 метровъ отъ названнаго редута. Обороняющіеся, сначала отвѣчавшіе на огонь съ дальнихъ дистанцій, совершенно прекратили стрѣльбу, когда русскіе подошли на 400—500 метровъ къ укрѣпленію; затѣмъ, когда противникъ подвинулся на самое близкое разстояніе, противъ него открытъ былъ убійственный огонь.

«Натискъ русскихъ совершенно не удался; нѣсколько стрѣлковъ ихъ, взобравшихся на брустверъ (въ 4 метра вышиною) и открывшихъ огонь

(¹) Всего участвовало въ атакѣ три роты. *А. П.*

внутрь укрѣпленія, были заколоты штыками. Три турецкихъ баталіона бросились преслѣдовать русскихъ, но, будучи вскорѣ остановлены, сопровождали отступающихъ ружейными выстрѣлами. Между тѣмъ непріятельскія войска успѣли уже отойти на 2,000 метровъ отъ редута. Подъ огнемъ гранатъ изъ Гильдисъ-табіи, они собрались, устроились и вновь были отведены за лѣсную опушку.

«Послѣ отбитія штурма съ сѣверной стороны Гильдисъ-табіи, предпринята была русскими вторичная атака ([1]) съ восточной стороны, противъ южнаго фронта и горжи редута и расположеннаго около него турецкаго лагеря. Эта атака, которую надлежало бы произвести одновременно съ первою, тоже окончилась неудачно. Пять русскихъ ([2]) баталіоновъ, двинувшихся было впередъ съ крикомъ «ура!» вскорѣ поспѣшно отступили къ лѣсу, въ совершенномъ разстройствѣ. Мѣстность, по которой они сначала двигались, перестроившись въ ротныя колонны, весьма благопріятствовала наступленію, будучи покрыта лѣсомъ; но для послѣдняго натиска роты опять соединились въ баталіонныя колонны ([3]) (?) и въ такомъ порядкѣ должны были пройти разстояніе около 500 метровъ, подъ огнемъ турецкаго укрѣпленія, по совершенно открытой мѣстности.

«Общій уронъ русскихъ, по турецкому исчисленію, доходилъ до 250 или 300 ([4]) человѣкъ».

По окончаніи дѣла, турки начали снова ожесточенно обстрѣливать позицію генерала Дандевиля; гранаты то ложились на батареѣ и по сосѣдству отъ нея, то далеко перелетали, вѣроятно посланные на угадъ по предполагаемому мѣсту расположенія резервовъ—одинъ изъ любимѣйшихъ турками способовъ обстрѣливанія. Но голодъ и холодъ взяли свое, и наши тутъ же за скатомъ скоро начали разогрѣвать чайники; артилеристы любезно согрѣли насъ благодѣтельнымъ напиткомъ. Одинъ генералъ Красновъ, оставаясь все время на самомъ гребнѣ высоты, тщательно выслѣживалъ, что́ дѣлается у противника. Къ вечеру мы съ генераломъ Раухомъ вернулись къ подножію Балкановъ, на такъ называемый «драгунскій бивакъ», гдѣ и переночевали.

На другой день начался подъемъ войскъ на лѣвую гору и къ 19-му числу отрядъ генерала Рауха сосредоточился на Шандорникской позиціи. Составъ его былъ слѣдующій: полки—лейбъ-гвардіи Преображенскій, лейбъ-гвардіи Семеновскій, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, 11-й пѣхотный Псковской (въ командованіе которымъ вступилъ энер-

([1]) Читатель знаетъ уже смыслъ этой «атаки». *А. П.*

([2]) Два баталіона. *А. П.*

([3]) Это невѣрно. *А. П.*

([4]) 175 человѣкъ (съ офицерами). *А. П.*

гическій, распорядительный подполковникъ Кобордо), одинъ эскадронъ Екатеринославскаго драгунскаго полка, 2-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и четыре орудія 16-й конной батареи (два остальныхъ орудія остались внизу, на драгунскомъ бивакѣ).

Много было уже говорено и писано о степени проходимости Балкановъ, причемъ часто утверждали, что можно въ любомъ направленіи ихъ провести черту, послать пѣхоту, и она перейдетъ нѣкогда считавшійся, на большемъ своемъ протяженіи, недоступный Балканъ.

Все это, конечно, справедливо, если не принимать въ соображеніе времени года, срока, въ теченіе котораго должно быть исполнено движеніе, и числительности войскъ. А между тѣмъ, въ военныхъ операціяхъ, вышеуказанныя условія имѣютъ первостепенную важность. Мы это узнали личнымъ опытомъ, когда пришлось подниматься на Шандорникъ, съ артилеріей, по дорогѣ, уже существовавшей и которой пользовалась турецкая армія.

Верстахъ въ семи—восьми за Этрополемъ, дорога, идущая сначала въ западномъ направленіи, поворачиваетъ влѣво и здѣсь-то начало подъема къ Шандорнику. Весь подъемъ составляетъ семь—восемь верстъ протяженія и идетъ по скату, покрытому густымъ строевымъ буковымъ лѣсомъ. Конечно, подобный путь можетъ быть только въ Турціи названъ «дорогою»; въ сущности, это тропа, незамѣтно вьющаяся среди деревьевъ. Почва на всемъ протяженіи состоитъ изъ какого-то гнилаго, мѣстами легко распадающагося, камня и глины, какъ продукта разложенія горныхъ породъ. Вслѣдствіе почти постоянной сырости, господствующей на этихъ высотахъ, безпрерывно посѣщаемыхъ облаками, почва имѣетъ чрезвычайно рыхлый характеръ, и, при малѣйшемъ дождѣ, превращается въ необъятное море грязи. Послѣ же прохода турецкихъ и нашихъ войскъ по дорогѣ, на ней появились, въ буквальномъ смыслѣ слова, цѣлыя рѣки, состоявшія изъ желтой глинистой грязи и мелкихъ каменьевъ. Часто потокъ этой, своего рода, лавы сворачивалъ съ пути, прорывъ для себя выходъ, и медленно спускался въ боковые овраги и глубокія лощины. Подъемы на дорогѣ иногда такъ круты, что, ѣдучи верхомъ, приходилось держаться за холку лошади. Кони наши трусливо взбирались на высоты: ступая въ лужу, они могли попасть или на скользкій камень, или на круглую гальку, которая выворачивается подъ копытомъ, и такимъ образомъ требуется величайшее усиліе, чтобы удержать на поводьяхъ падающую лошадь. А между тѣмъ, медленно ступая, переходя съ од-

ного гребня на другой, кажется никогда не дождешься конца этого опостылѣвшаго подъема.

Само собою разумѣется, что подъемъ артилеріи на лошадяхъ оказывался тамъ рѣшительно невозможнымъ, и она была поднята волами и геройскими усиліями людей. Зарядныхъ ящиковъ, этой истинной нашей обузы въ горахъ, и не пытались перевозить; снаряды доставлялись на рукахъ....

Въ каждое 4-хъ и 9-ти-фунтовое орудіе впрягалось четыре—шесть паръ воловъ и назначалась команда для пособія. За недостаткомъ же воловъ, орудія перевозились исключительно людьми, которые тянутъ за дышло, лямки, отвозы, накатываютъ колеса и т. п. На каждое орудіе необходимо было около одной роты пѣхоты. Нѣсколько дней подрядъ можно было созерцать медленное движеніе изогнувшихся въ поясъ людей, загрязненныхъ съ головы до ногъ и обливавшихся обильнымъ потомъ; орудіе шло то цѣпляясь за деревья, то попадая въ глубокія выбоины, послѣ чего непремѣнно слышалось дружное «разъ, два, три—бери»! Орудіе по прошествіи полусутокъ приплетается, наконецъ, на позицію; при неблагопріятныхъ случайностяхъ время это чуть-ли не удвоивается.

17-го ноября были подняты на горы два взвода конной № 16-го батареи.

18-го ноября, въ 4 часа по полудни, 2-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, получила приказаніе перейти на бивакъ Екатеринославскаго драгунскаго полка, съ тѣмъ чтобы на другой день подняться на горы. Переходъ этотъ былъ крайне труденъ и утомителенъ по случаю наступившей темноты и чрезвычайно дурной каменистой пересѣченной дороги, причемъ приходилось проходить въ бродъ горный ручей до 20 разъ. Люди и лошади были страшно утомлены, тѣмъ не менѣе, вначалѣ 10 часа вечера, батарея достигла драгунскаго бивака и стала на ночлегъ.

Утромъ 19-го ноября двинулся въ горы весь Преображенскій полкъ, который, дойдя до драгунскаго бивака, долженъ былъ втащить на горы 2-ю батарею. Тотчасъ по прибытіи полка къ упомянутому биваку, батарея двинулась далѣе въ горы. Съ первыхъ же шаговъ пришлось отпречь всѣхъ уносныхъ лошадей и двигать далѣе орудія и зарядные ящики только на коренныхъ лошадяхъ и на людяхъ, для чего весь Преображенскій полкъ былъ распредѣленъ по-ротно на всѣ орудія, передки и зарядные ящики.

Погода до 11-ти часовъ утра была пасмурная, при сильномъ вѣтрѣ; съ 11-ти же часовъ утра пошелъ сильный дождь, продолжавшійся до 9-ти часовъ вечера. Движеніе по едва доступной и для пѣшехода горной тропѣ и частью по устраиваемой въ то время лейбъ-гвардіи Сапернымъ баталіономъ новой еще не оконченной дорогѣ было преисполнено невѣроятными трудностями, и люди утомлялись до полнаго изнеможенія, не будучи въ состояніи отходить отъ орудія ни на шагъ изъ опасенія, что послѣднее скатится въ кручу.

Ночь застала батарею въ пути, но уже не далеко отъ предназначенныхъ ей позицій. Приказано было остановить движеніе за буквальною невозможностью продолжать его, и батарея вмѣстѣ съ полкомъ остановилась тамъ, гдѣ застала ихъ темнота. Дождь страшно распустилъ глинистую почву, и скаты горъ, по которымъ пролегала дорога, были такъ круты, что не дозволили людямъ ложиться. Вслѣдствіе того, всѣ они провели ночь безъ сна, стоя у огней и близъ орудій, которые были кое-какъ подперты камнями, бревнами и привязаны къ ближайшимъ деревьямъ.

20-го числа погода была ясная, по временамъ облачная. Движеніе началось немедленно съ разсвѣтомъ, и къ 11-ти часамъ дня первый дивизіонъ былъ поставленъ въ лѣсу, на площадкѣ горнаго гребня, занятаго нашими войсками; 2-й дивизіонъ былъ придвинутъ на другую подобную же площадку, правѣе и около 200 футовъ выше первой. Для перваго дивизіона были уже насыпаны небольшіе ложементы, 2-й же дивизіонъ былъ поставленъ пока за скатомъ гребня. Въ ночь съ 20-го на 21-е число, гвардейскіе саперы обратили ложементы 1-го дивизіона въ батарею, такъ называемую «лѣсную», и построили новую батарею для 2-го дивизіона. «Лѣсная» батарея была расположена на выступѣ горы въ густомъ буковомъ лѣсу. Между нею и Шандорникомъ находился глубокій, поросшій лѣсомъ оврагъ, занятый окопавшимися по всей линіи нашими передовыми постами. Деревья, сквозь сучья которыхъ производилась стрѣльба, вполнѣ маскировали эту часть нашей позиціи. На лѣсной батареѣ находился взводъ 16-й конной батареи при полковникѣ Ореусѣ, принявшемъ общее командованіе надъ упомянутой батареей. Одинъ взводъ 16-й конной батареи былъ поставленъ на пригоркѣ, позади лѣснаго фланга позиціи, на такъ называемой батареѣ Ореуса, и при немъ одинъ баталіонъ 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка, для прикрытія дороги въ городъ Этрополь.

Позиція эта вполнѣ удовлетворяла своему назначенію; она состояла изъ естественнаго редута, съ крутыми скалистыми оврагами въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, окружавшихъ ее съ трехъ сторонъ.

Между тѣмъ какъ на двухъ горахъ, Шандорникѣ и Вратешкѣ, начальствовали генералы Раухъ и Дандевиль, на правомъ нашемъ флангѣ всѣ войска были подчинены генералъ-адъютанту графу Шувалову. Въ приказѣ отъ 19-го ноября было сказано:

1.

«Войска, собранныя на Софійскомъ шоссе между Правцемъ и Арабъ-Конакомъ, подчиняются генералъ-адъютанту графу Шувалову. Войска эти слѣдующія: Гвардейская Стрѣлковая бригада, 4 баталіона; лейбъ-гвардіи Московскій и Павловскій полки—8 баталіоновъ; 1-я, 3-я и 6-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады—24 орудія; вся 2-я гвардейская артилерійская бригада—48 орудій; двѣ батареи 3-й артилерійской бригады—16 орудій; гвардейская драгунская бригада и полки лейбъ-гвардіи Уланскій и лейбъ гвардіи Гусарскій—16 эскадроновъ; 2-я, 5-я и 6-я батареи гвардейской конной артилеріи—14 орудій; Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона; 8-я и 15-я донскія казачьи батареи—12 орудій; всего 12 баталіоновъ пѣхоты, 88 пѣшихъ орудій, 20 эскадроновъ, 26 конныхъ орудій. Всѣ эти войска составятъ правый орханійскій отрядъ. Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эллисъ 1-й остается начальникомъ авангарда праваго отряда.

«На генералъ-адъютанта графа Шувалова возлагается задача: 1) вести наступленіе противъ позиціи у Арабъ-Конака и 2) охранять Орханійскую долину съ праваго фланга.»

2.

«Командиръ 4-го Екатеринославскаго драгунскаго полка полковникъ Ребиндеръ назначается начальникомъ комуникаціонной линіи между гор. Этрополемъ и передовыми позиціями на высотахъ Шандорника и Вратешки».

«Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко*.»

Ходъ атаки псковцевъ 17-го ноября показали, что турки, не смотря на грозныя укрѣпленія, не особенно сильны на занятой ими позиціи: три роты Псковскаго полка едва не овладѣли важнѣйшимъ изъ этихъ укрѣпленій, которое мы тогда называли шандорникскимъ редутомъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ ложементъ сильной профили, приспособленный для артилерійской обороны, причемъ каждое орудіе было ограждено траверсами, образовавшими родъ маленькихъ редутиковъ при ложементѣ. Кромѣ того, къ самому укрѣпленію можно было, повидимому, подобраться безъ особенныхъ потерь, такъ какъ оно было расположено на высотѣ, имѣвшей чрезвычайно крутые скаты, т. е. образовавшихъ значительныя мертвыя пространства вблизи

укрѣпленія. Постоянное почти присутствіе облаковъ, окружавшихъ высоту, еще болѣе способствовало скрытности приближенія атакующаго. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, генералъ Раухъ рѣшился было атаковать Шандорникъ 20-го ноября. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ на передовую позицію старшихъ начальниковъ, до баталіонныхъ командировъ включительно, и указалъ каждому направленіе, по которому каждая часть должна была двинуться. Офицеры Псковскаго полка, участвовавшіе въ атакѣ 17-го ноября, вызвались сами показывать путь войскамъ, назначеннымъ для штурма. Самую атаку предполагалось повести въ слѣдующемъ порядкѣ. Съ утра должна была начаться бомбардировка турецкаго укрѣпленія и продолжаться до 12-ти часовъ дня. Затѣмъ рѣшено было двинуть: съ праваго фланга лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, съ лѣваго лейбъ-гвардіи Преображенскій — въ обходъ праваго фланга турокъ, а въ общемъ резервѣ—11-й пѣхотный Псковскій полкъ. По занятіи редута предполагалось немедленно ввести въ укрѣпленіе четыре орудія 16-й конной батареи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Раухъ написалъ 19-го ноября генералу Дандевилю записку, прося его поддержать атаку, какъ артилерійскимъ огнемъ, такъ и демонстраціей. Въ тотъ же день полученъ былъ отвѣтъ, помѣченный $6^1/_2$ часовъ вечера, въ которомъ генералъ Дандевиль писалъ:

«У меня на позиціи 10 орудій 9-ти фунтовыхъ, ожидающихъ только ясной погоды, чтобы бомбардировать Шандорникъ (главный редутъ) и другіе. Стало быть, начнемъ вмѣстѣ. Сигналъ—ясная погода и отсутствіе тумана на главномъ редутѣ.

«Поддержимъ вашу атаку и пѣхотою, лишь было бы ясно. Московскій полкъ въ связи со мною разъѣздами и аванпостами. Къ разсвѣту жду еще 6 орудій, но они спеціально назначаются для Арабъ-Конака и выдвигаются впередъ праваго фланга, когда будетъ ясно. Сегодня, за туманомъ, бомбардировки не было и только пристрѣлка орудій.—Сигналъ бомбардировки, еще (повторяю)—ясная погода и частая пальба съ вашей стороны».

Итакъ, всѣ приготовленія для штурма сдѣланы!

Но отъ 20-го числа была получена записка генеральнаго штаба полковника Сухотина слѣдующаго содержанія: «генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ: до особаго приказанія, движенія на Мирково не предпринимать». Самъ же генералъ-адъютантъ Гурко, прибывши къ намъ на позицію, отмѣнилъ приказаніе относительно штурма и приказалъ заняться укрѣпленіемъ позиціи и усиленнымъ бомбардированіемъ противника.

Тогда уже мы могли заключить, что на основаніи общихъ со-

ображеній, намъ придется въ теченіе нѣкотораго времени ограничиться пассивнымъ пребываніемъ на высотахъ въ виду противника.

20-го же числа получена была записка отъ генерала Нагловскаго: «Начальникъ отряда приказалъ прислать въ Этрополь два баталіона пѣхоты, взамѣнъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, такъ какъ съ отправленіемъ этого полка въ Орханіэ, въ Этрополѣ нѣтъ болѣе резерва». Вслѣдствіе этой записки, были спущены внизъ два баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Затѣмъ, генералъ Раухъ отдалъ 20-го ноября по отряду слѣдующее приказаніе:

«Войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда занять слѣдующее расположеніе:

«1) На крайнемъ правомъ флангѣ, за батареею полковника Геринга (наивысшая), расположиться одному баталіону лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; баталіону этому стать бивакомъ и выставлять по одной дежурной ротѣ въ прикрытіе къ батареѣ.

«2) Двумъ ротамъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка стать въ прикрытіе къ батареѣ полковника Ореуса (средняя или лѣсная).

«3) Шести ротамъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, лейбъ-гвардіи Саперному баталіону и одному баталіону 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка расположиться въ общемъ резервѣ, выдвинувъ одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка нѣсколько впередъ въ видѣ частнаго резерва праваго фланга общаго расположенія. Общему резерву эшелонироваться по обѣ стороны дороги, начиная отъ теперешняго бивака лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и къ низу.—Остальные два баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка получатъ особое назначеніе.

«4) Аванпосты содержать слѣдующимъ образомъ: а) одному баталіону 11-го пѣхотнаго полка стать при двухъ орудіяхъ полковника Ореуса, находящихся на нижней позиціи, и охранять аванпостами лѣвый флангъ общаго расположенія; б) одному баталіону 11-го пѣхотнаго полка прикрыть аванпостами правый флангъ общаго расположенія и держать связь съ отрядомъ генерала Дандевиля; впереди центра аванпосты содержать одному баталіону лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, связываясь вправо и влѣво съ аванпостами, выставляемыми отъ 11-го пѣхотнаго полка.

«5) Всѣмъ войскамъ разрѣшается устраивать закрытія отъ ружейныхъ пуль.»

Съ 21-го началась правильная бомбардировка турецкихъ укрѣпленій. Баталіоны по очереди отправлялись внизъ на бивакъ драгунскаго полка; здѣсь каждый нижній чинъ получалъ на руки одну гранату и съ этимъ грузомъ возвращался на гору. Если принять въ соображеніе, что наша 9-ти-фунтовая граната вѣситъ около 29 фунтовъ, то можно себѣ представить трудъ пѣхотинца, тащившагося съ такимъ грузомъ на вершины

Балкановъ по тропѣ, передъ отвратительнымъ состояніемъ которой блѣднѣетъ всякое описаніе!

Замѣчу, что позиція отряда генерала Рауха составляла крайній лѣвый флангъ нашего расположенія на Балканахъ; справа къ ней непосредственно примыкала позиція генералъ-маіора Дандевиля, тянувшаяся паралельно средней части непріятельскаго расположенія. Наконецъ, на крайнемъ правомъ флангѣ и верхомъ (т. е. по обѣ стороны) на софійскомъ шоссе противъ форта Арабъ-Конакъ пролегала позиція генералъ-маіора Эттера. Общее командованіе надъ всей балканскою позиціей было ввѣрено генералъ-адъютанту графу Шувалову. 21-го числа, въ $7^3/_4$ часа утра, открытъ былъ огонь по непріятельскому редуту на вершинѣ горы Шандорникъ и по работамъ въ ложементахъ влѣво отъ него. Сперва верхняя и лѣсная батареи стрѣляли шрапнелью, но около 12-ти часовъ дня верхней батареѣ приказано стрѣлять шарохами, для того чтобы сбить непріятельскія орудія. Огонь приходилось вести при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ: непріятельскій редутъ превышалъ лѣсную батарею на 400 фут. при дальности выстрѣла въ 650 саж., а верхнюю слишкомъ на 200 фут. при той же дальности. Наблюденіе за паденіемъ снарядовъ при такихъ условіяхъ было трудно для верхней и почти невозможно для лѣсной батареи, тѣмъ не менѣе стрѣльба шла успѣшно. Непріятель дѣятельно отвѣчалъ изъ трехъ орудій. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ съ верхней батареи заставили замолчать одно изъ непріятельскихъ орудій къ часу дня, а въ три часа противникъ совершенно прекратилъ огонь. Стрѣльба залпами продолжалась во всю ночь, черезъ опредѣленные промежутки времени. 22-го числа приказано было стрѣлять по-орудійно. Непріятель весь день не отвѣчалъ.

Въ тотъ же день утромъ остальные два баталіона Преображенскаго полка были отправлены на подкрѣпленіе и въ распоряженіе генералъ-маіора Дандевиля, такъ какъ турки атаковали войска наши, занимавшія софійское шоссе; въ ночь съ 22-го на 23-е число одинъ взводъ артилеріи былъ переведенъ на верхнюю батарею. Съ утра 23-го ноября было приступлено къ окончательному укрѣпленію занимаемой нами позиціи. Кромѣ того, стрѣльба снизу вверхъ оказалась мало дѣйствительною, а потому на высотѣ правѣе и значительно впереди верхней батареи, футовъ 150 выше послѣдней, заложена была новая батарея на два орудія, и въ слѣдующую затѣмъ ночь орудія были ввезены туда при участіи 1-го баталіона Семеновскаго полка. Правѣе этой новой батареи, а также влѣво отъ нея, были вырыты ложементы. Передъ фронтомъ позиціи, начиная отъ верхней батареи и въ обхватъ лѣваго

фланга лѣсной батареи, были устроены засѣки и завалы изъ срубленныхъ деревьевъ. Ложементы и засѣки были устроены и вокругъ высоты, на которой расположена была батарея Ореуса. Устройство заваловъ сопряжено было съ значительными затрудненіями, такъ какъ вслѣдствіе недостатка топоровъ пѣхота должна была рубить деревья тесаками. Болѣе толстые стволы были опрокидываемы при помощи взрывовъ динамитомъ, работа, которою съ большимъ успѣхомъ руководилъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона капитанъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ, оставшійся съ одною ротою названнаго баталіона при отрядѣ. Остальная часть сапернаго баталіона была отправлена въ распоряженіе генералъ-адъютанта графа Шувалова. Вся наша позиція была почти сплошь пакрыта густымъ буковымъ лѣсомъ. Стволы вѣковыхъ буковъ, опрокинутые бурей и пережившіе свой вѣкъ, лежали вдоль и поперекъ между другими еще свѣжими деревьями.

Многіе стволы бука достигали до $1^1/_2$ аршинъ въ діаметрѣ, и для того чтобы сложить такую громадину, въ одномъ случаѣ потребовался взрывъ 17 фунтовъ динамита. Для связи съ отрядомъ генералъ-маіора Дандевиля, была разработана саперами, при помощи преображенцевъ, дорога около $1^1/_2$ версты длиною, отъ занимаемой нами позиціи войскъ праваго фланга. 23-го числа погода была туманная, и редутъ Шандорникъ былъ видѣнъ только по временамъ и не на долго. Непріятель усердно работалъ, исправляя и усиливая свои постройки. Въ первомъ часу дня нѣсколько прояснилось и немедленно началась очень жаркая орудійная перестрѣлка; непріятель отвѣчалъ шрапнелью изъ трехъ орудій; особенно сильный непріятельскій огонь былъ направленъ на лѣвый флангъ верхней батареи и на лѣсную батарею, причемъ были ранены пять нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, стоявшихъ въ дежурной части при батареѣ. Гранаты иногда падали даже на бивакъ, не причинивъ, къ счастью, никакого вреда. Спустившаяся около $3^1/_2$ часовъ туча прикрыла обоихъ противниковъ и заставила насъ прекратить огонь.

24-го ноября, утромъ, можно было сдѣлать только два выстрѣла; затѣмъ приказано было прекратить стрѣльбу, которая уже не возобновлялась вслѣдствіе тумана и работъ по усиленію позицій, какъ въ этотъ день, такъ равно и въ послѣдующія числа, 25 го и 26-го ноября.

24-го ноября было приступлено къ постройкѣ редута, на томъ мѣстѣ, гдѣ уже до того на самой верхней площадкѣ была устроена батарея на два орудія. Редутъ былъ устроенъ на баталіонъ, и постройка его окончена только 26-го ноября. Всѣ 9-ти-фунтовыя орудія были

распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ редутѣ — два, а на верхней батареѣ полковника Геринга—шесть. Такимъ образомъ, въ лѣсной батареѣ остались только два 4-хъ фунтовыхъ конныхъ орудія, для которыхъ былъ построенъ особый эполементъ съ цѣлью фланкировать подступы къ редуту, и въ верхней батареѣ ([1]).

Теперь скажу нѣсколько словъ о характерѣ нашихъ работъ и о нашемъ бытѣ въ горахъ.

По доставкѣ артилеріи, нужно было устроить для нея батареи, прикрытія для охраняющей ея пѣхоты, для резервовъ, помѣщенія для снарядовъ и пр. Начинаются утомительныя земляныя работы, которыя тѣмъ труднѣе, что, во-первыхъ, приходилось работать или ночью, или когда найдетъ облако, а во-вторыхъ, потому что противникъ занималъ командующую позицію и приходилось дефилировать всѣ насыпи. При всемъ томъ, весь бивакъ находился подъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ турокъ. Такъ какъ мы расположены были въ лѣсу, то нерѣдко гранаты, ударившись о деревья, разрывались и осыпали насъ даже вопреки намѣренію нашего противника.

Въ нѣсколькихъ палаткахъ офицеры, возвращавшіеся съ работъ къ себѣ, находили на постеляхъ осколки гранатъ или пули картечной гранаты. Къ счастью, турки были не назойливы и отвѣчали исключительно лишь на нашъ огонь, а ружейной пальбы вовсе не открывали. Такимъ образомъ, если мы желали спокойно работать, то стоило лишь молчать нашей артилеріи, и турки навѣрно насъ не побезпокоятъ.

Кромѣ возведенія батарей, ложементовъ, редутовъ и проч., намъ приходилось устраивать и засѣки въ лѣсу. При этомъ-то особенно чувствовался недостатокъ топоровъ въ нашихъ войскахъ; приходилось пускать въ ходъ тесаки, которые почти совершенно безсильны при рубкѣ твердыхъ, толстыхъ буковыхъ деревьевъ, представляющихъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ древесныхъ породъ. Вообще не только въ топорахъ, но и въ прочемъ шанцевомъ инструментѣ мы чувствовали недостатокъ, а кирки полезно бы, казалось, измѣнить. Находящійся въ войскахъ образецъ кирки не соотвѣтствуетъ необходимымъ требованіямъ при разработкѣ каменистаго грунта, а потому приходилось употреблять почти исключительно большія кирки, имѣвшіяся въ саперномъ батальонѣ.

Какъ я уже сказалъ выше, намъ приходилось устраивать на нашей позиціи засѣки; при недостаткѣ топоровъ и несоотвѣтственности

([1]) Свѣдѣнія относительно работъ пополнены мною изъ статьи барона Каульбарса (помѣщенной въ газетѣ «Правда»), съ которымъ мы жили вмѣстѣ на Балканахъ. *А. П.*

для этой цѣли тесаковъ, мы должны были обратиться къ динамиту. Для этого, на извѣстной высотѣ дерева привязывается нѣсколько патроновъ; одинъ изъ нихъ вскрывается и въ него помѣщается фитиль. Работающій при этомъ саперъ зажигаетъ фитиль и быстро отбѣгаетъ къ прочимъ людямъ, находящимся шагахъ въ полутораста. Послѣ непродолжительнаго, но томительнаго ожиданія, слѣдуетъ оглушительный взрывъ, какъ выстрѣлъ изъ пушки, и дерево... не всегда валится, хотя заряды бываютъ въ три—четыре фунта. Одно буковое дерево, въ аршинъ діаметромъ, потребовало заряда въ 17 фунтовъ динамита. Говорятъ, что береза, ель и проч. слабыя древесныя породы срѣзываются динамитомъ какъ бритвой, но букъ сопротивляется, и динамитъ дѣлаетъ въ немъ или только углубленіе, или валитъ его, расщепивъ на нѣсколько футовъ.

Итакъ, укрѣпленіе позиціи, работы днемъ и ночью, сторожевая служба, стрѣльба въ безоблачное время — вотъ наша, такъ сказать, позиціонная дѣятельность. Что же касается нашего «домашняго быта», обстановки жизни на позиціи, то все это было на столько необычайно, что можетъ послужить одной изъ важнѣйшихъ характеристикъ зимняго похода черезъ Балканы. Вѣчная мгла и днемъ и ночью окутывала насъ. Платье, вещи, палатки и проч., все это пропиталось сыростью и никогда не высыхало; почва сочилась подъ ногами, и, за отсутствіемъ подстилки, людямъ приходилось ложиться прямо въ грязь, состоящую изъ размокшей глины и слоя прогнившихъ буковыхъ листьевъ. Нѣсколько разъ въ день мы испытывали своеобразное ощущеніе, находясь въ самомъ средоточіи образованія дождя, съ каждаго листа, съ каждой вѣтки падали на насъ громадныя капли зарождающагося дождя, приходилось дышать постояннымъ паромъ, который осаждался на всемъ: на платьѣ, на усахъ, бородѣ, и держалъ ихъ постоянно въ состояніи обильной влажности. Иногда къ утру палатка покрывалась толстымъ слоемъ снѣга, который, подъ вліяніемъ дневной теплоты и дождя, быстро таялъ, окончательно превращая весь бивакъ въ непроходимую грязную лужу. Чтобы пройти съ одного конца бивака на другой, мы вооружались прочными посохами, служившими, кромѣ того, пособіемъ при движеніяхъ по крутымъ склонамъ, на которыхъ расположенъ былъ нашъ бивакъ, или, вѣрнѣе, боевая позиція.

За отсутствіемъ сухаго дерева, на костры употреблялся окружавшій насъ въ изобиліи сырой букъ. Послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ попытокъ, удавалось наконецъ разжечь костеръ; но являлась другая бѣда: вѣтеръ въ горахъ безпрерывно мѣнялъ направленіе; вслѣдствіе этого дымъ крутился по всему биваку, причемъ никакъ нельзя

было принаровиться къ нему, расположившись у костра, почему глаза наши сильно страдали отъ ѣдкаго дыма. Вотъ условія нашего отдыха послѣ дневныхъ и ночныхъ работъ.

Разумѣется, для маркитантовъ подобная обстановка слишкомъ непривлекательна, и мы питались солдатской пищей, употребляя сухари, мясо и чай. У нѣкоторыхъ счастливчиковъ сохранились еще петербургскіе запасы, или же они получили ихъ по какому нибудь счастливому случаю. Наилучшими консервами оказались слѣдующіе: офицерскія галеты; онѣ хотя не особенно вкусны и уступаютъ въ этомъ отношеніи другимъ видамъ, но приготовленныя безъ масла и сливокъ, отлично сохраняются. Точно также оказались превосходными по вкусу галеты, приготовленныя изъ муки съ отрубями; сливки - консервы тоже очень хороши; они сохраняются превосходно и придаютъ пріятный вкусъ чаю, приготовленному на плохой водѣ. Но особенно любимый у насъ консервъ—это кофе со сливками. На стаканъ горячей воды достаточно небольшой чайной ложки состава и два куска сахару, причемъ получается отличный, питательный кофе. Всѣ виды мясныхъ консервовъ оказались болѣе или менѣе неудовлетворительными, и были нерѣдкіе случаи заболѣванія отъ ихъ употребленія. Вообще въ теченіе кампаніи, мы, офицеры, не встрѣчали особеннаго затрудненія въ добываніи свѣжей говядины, да надо полагать, что при всякой европейской войнѣ менѣе всего мы будемъ чувствовать недостатокъ въ этомъ припасѣ. Такимъ образомъ запасы мясныхъ консервовъ оказываются излишними. Весьма любимымъ продуктомъ оказался шеколадъ: при небольшомъ объемѣ и прочности сохраненія, онъ въ небольшихъ дозахъ утоляетъ чувство голода. Воды на позиціи у насъ почти не было; небольшой ключъ осаждался съ утра до вечера чающими очереди и окруженъ былъ моремъ грязи; во время же пальбы онъ обстрѣливался гранатами. Поэтому снѣгъ служилъ однимъ изъ лучшихъ источниковъ для добыванія воды. За фуражомъ приходилось посылать чуть ли не на цѣлые переходы въ сторону, и легко понять, чего это стоило, припомнивъ, что для этого приходилось спускаться съ Большихъ Балкановъ и затѣмъ подниматься на самый верхъ. Бѣдные наши кони, какъ вьючные, такъ и верховые артилерійскіе, совершенно заморены были этими безпрестанными путешествіями.

Но всѣ вышеизложенныя тягости далеко не ослабляли энергію войскъ: они положительно гордились, что на ихъ долю выпала честь дѣлать такой славный походъ! При этомъ всѣ участники похода горѣли общимъ естественнымъ желаніемъ — поскорѣе спуститься въ долины и нѣсколькими ударами покончить съ врагомъ.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ предметахъ нашего походнаго снаряженія.

Палатки офицерскія, двускатныя, имѣютъ важное преимущество—*легкость*; во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ онѣ уступаютъ турецкимъ. Послѣднія, какъ извѣстно, конусообразной формы и сшиты изъ двойныхъ треугольныхъ холщевыхъ полотнищъ, сходящихся узкимъ концомъ къ верху. Тамъ оставлено отверстіе, въ которое вставляется центральный шестъ, служащій общимъ упоромъ для всей палатки. Затѣмъ, внизу, кругомъ, придѣланы веревочныя петли, въ которыя продѣваются маленькіе колышки, распирающіе палатку. Важныя достоинства этихъ палатокъ заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ не промокаютъ. Можно сказать положительно, что еслибы мы были обезпечены всегда на войнѣ прочной крышей, то половины тягостей военнаго времени не существовало бы. Второе удобство турецкой палатки заключается въ томъ, что она позволяетъ стоять во весь ростъ. Оцѣнить эту выгоду можетъ только тотъ, для кого жизнь въ палаткѣ постоянная необходимость. Постоянно согнутое положеніе въ нашей двускатной палаткѣ чрезвычайно утомительно. Турецкая палатка даже слишкомъ высока; безъ всякихъ неудобствъ ее можно было бы сдѣлать ниже, что значительно облегчило бы ея вѣсъ—главный недостатокъ этихъ палатокъ. Въ видахъ облегченія вѣса турецкой палатки, можно было бы дѣлать ее не двойной, а одиночной, но изъ улучшеннаго матеріала.

Одинъ изъ недостатковъ нашихъ палатокъ заключался еще въ томъ, что некуда развѣсить платья; между тѣмъ въ турецкой—центральный шестъ служитъ отлично для указанной цѣли: стоитъ только вбить въ него нѣсколько гвоздей, или же, при изготовленіи его, не обрѣзывать снизу боковыхъ вѣтвей. Въ турецкой палаткѣ описаннаго вида совершенно свободно помѣщается два человѣка, а при необходимости найдется мѣсто и для третьяго.

Кровать. Наиболѣе распространены были среди офицеровъ у насъ гутаперчевые мѣшки. Удобства ихъ заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что они очень укладисты, а во-вторыхъ, въ ихъ непромокаемости. Но за то постели этого рода: 1) требуютъ подстилки, которую не всегда можно найти; 2) быстро охлаждаются отъ почвы; 3) легко доступны для всякаго рода ползающихъ насѣкомыхъ; 4) не могутъ служить сидѣніемъ. Кровати-гармоники типъ, хорошо извѣстный охотникамъ. Онѣ: 1) легки; 2) укладисты, но за то: 1) ломки; 2) очень низки, и потому не могутъ служить тоже для сидѣнія (весьма важное условіе въ походной жизни, по невозможности возить стулья); 3) наконецъ, вслѣд-

ствіе незначительной ихъ высоты, всѣ почвенныя испаренія непосредственно вдыхаются пользующимся такой кроватью.

Желѣзныя кровати, при всѣхъ своихъ испытанныхъ достоинствахъ, не могутъ имѣть примѣненія въ снабженіи младшихъ офицеровъ вслѣдствіе значительнаго (болѣе пуда) вѣса этихъ кроватей. Остаются, наконецъ, деревянныя кровати, которыя: 1) легки (около 25-ти фунтовъ); 2) не требуютъ особаго тюфяка; 3) можно обойтись безъ подушки, такъ какъ головная часть дѣлается наклонной; 4) почти на половину своей длины служатъ сидѣньемъ. Недостатокъ этихъ кроватей заключается въ ихъ относительной непрочности—недостатокъ, легко устранимый при болѣе раціональномъ ихъ устройствѣ.

Изъ одежды я упомяну лишь о *шведскихъ курткахъ*, состоящихъ изъ лайковой кожи и подбитыхъ фланелью. Куртки эти въ огромномъ количествѣ распространены были между офицерами гвардіи. И, дѣйствительно, онѣ превосходно предохраняли какъ отъ холода, такъ и отъ пронизывающаго вѣтра въ горахъ.

Неразрѣшимымъ для насъ оставался вопросъ, какъ предохранить отъ холода руки и ноги. При постоянной сырости воздуха, слякоти, грязи или наоборотъ—снѣгѣ, оставаясь при этомъ цѣлыя недѣли на воздухѣ и не имѣя возможности просушиться, всѣ средства оказывались безполезными, и мы не знали какъ помочь горю. Нѣкоторые сшили себѣ рукавицы и пріобрѣли надежную защиту отъ холода, но за то уничтожили свободу движенія пальцевъ.

Во время нашей жизни въ горахъ произошло событіе весьма обыкновенное въ мирной жизни войскъ, но принявшее совершенно особый оттѣнокъ, благодаря той обстановкѣ, въ которой мы тогда находились.

26-го ноября георгіевскій праздникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ праздникъ 2-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады. По этому случаю положено было отслужить молебенъ на самой батареѣ, находящейся на наивысшемъ пунктѣ нашей позиціи, въ 600 саженяхъ отъ перваго и сильнѣйшаго турецкаго редута. Къ 10-ти часамъ утра прибылъ на батарею начальникъ позиціи, генералъ-маіоръ Раухъ, собрались свободные отъ службы георгіевскіе кавалеры полковъ: лейбъ-гвардіи Семеновскаго, Псковскаго пѣхотнаго, 16-й конной батареи и всѣ чины 2-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады. Посреди глубокой мглы началось молебствіе, къ концу котораго пріѣхалъ верхомъ генералъ-адъютантъ Гурко, со всѣмъ своимъ штабомъ.

Во время провозглашенія многолѣтія, облако вдругъ исчезло, и

шандорникскій турецкій редутъ совершенно ясно показался на горизонтѣ. Когда же затѣмъ провозглашены были дорогіе русскому сердцу тосты и раздалось потрясающее «ура», то турки, пораженные необычнымъ крикомъ, въ огромной массѣ показались на редутѣ и въ ложементахъ. Надо замѣтить, что батарея была заложена и построена во время тумана и оказалась совершеннымъ сюрпризомъ для турокъ; поэтому можно было ожидать, что они откроютъ по ней убійственный ружейный и артилерійскій огонь. Но, по непонятной причинѣ, турки остались спокойными зрителями нашего торжества; у нашихъ артилеристовъ сильно чесались руки; соблазнъ былъ великъ: «вотъ бы теперь залпъ шрапнелью»! послышались голоса; но наши работы были не окончены, не слѣдовало дразнить безпечнаго противника, а потому стрѣльба была воспрещена. Генералъ Гурко осмотрѣлъ внимательно произведенныя работы, и отправился дальше. Черезъ нѣсколько минутъ снова нашло облако и все приняло обычную физіономію.

Между тѣмъ, 23-го ноября, былъ отданъ слѣдующій приказъ по отряду:

«1) Занятая войсками ввѣреннаго мнѣ отряда позиція противъ Шандорника и Арабъ-Конака раздѣляется на два участка,—правый и лѣвый фланги. Правый флангъ, къ западу отъ шоссе; лѣвый—къ востоку отъ шоссе. Начальникомъ праваго фланга назначается Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эттеръ; начальникомъ лѣваго фланга—генералъ-маіоръ Дандевиль. Общее командованіе всѣми войсками на позиціи возлагается на генералъ-адъютанта графа Шувалова.

«2) Позицію предписываю занять слѣдующими войсками:

«а) *Правый флангъ*—2-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи при двухъ батареяхъ 2-й гвардейской артилерійской бригады.

«б) *Лѣвый флангъ*—2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи и лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, при трехъ батареяхъ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, при одной батареѣ 2-й гвардейской артилерійской бригады и при 4-хъ орудіяхъ 16-й конной батареи. Такимъ образомъ вся позиція будетъ занята 18-ю баталіонами, 6-ю девяти-фунтовыми орудіями и 4-мя конными орудіями.

«4-й Екатеринославскій Драгунскій полкъ съ двумя конными орудіями 16-й конной батареи оставляется въ распоряженіи генералъ-адъютанта графа Шувалова. Отъ войскъ лѣваго фланга держать постоянно въ Этрополѣ гарнизонъ изъ одной роты.

«3) Въ общій резервъ отдѣляются: 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, гвардейская Стрѣлковая бригада; три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, три батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской

бригады, двѣ батареи 3-й артилерійской бригады, четыре кавалерійскихъ полка 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, при трехъ конныхъ батареяхъ, Астраханскій драгунскій полкъ, 15-я Донская казачья батарея, 8-я Донская казачья батарея и конно-горная батарея. Резервомъ этимъ (всего 20 баталіоновъ, 64 пѣшихъ орудія, 20 эскадроновъ, 34 конныхъ орудій) командовать генералъ маіору Рауху и расположить его въ окрестностяхъ Орханіэ и Врачеши. Лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ временно остается въ распоряженіи генералъ-адъютанта графа Шувалова.

«4) Главная квартира отряда переѣдетъ въ Орханіэ.

«5) Немедленно, не теряя ни одной минуты времени, предписываю приступить къ укрѣпленію занятыхъ позицій такимъ образомъ, чтобы онѣ сдѣлались неприступными. Общее наблюденіе за возведеніемъ укрѣпленій возлагается на флигель-адъютанта полковника Скалона.

«При возведеніи укрѣпленій предписываю принять слѣдующіе принципы:

«а) На каждомъ участвѣ позиціи имѣть, въ видѣ главныхъ опорныхъ пунктовъ, нѣсколько редутовъ, въ особенности на флангахъ.

«б) Батареи и ложементы на главной позиціи, составляющей главную оборонительную линію, должны имѣть сильныя профили и достаточную высоту, чтобы люди могли ходить за брустверами не наклоняясь.

«в) Впереди главной линіи должны быть вынесены ложементы для стрѣлковъ, расположенныхъ не звеньями, а групами, т. е. взводами по новой терминологіи.—Ложементы должны быть вынесены довольно далеко, смотря по мѣстности и по разстоянію между главною оборонительною линіею и укрѣпленіями непріятеля.—Если ложементы для стрѣлковъ будутъ вынесены впередъ отъ главной оборонительной линіи на разстояніе болѣе 300 шаговъ, то позади ихъ устроить ложементы для поддержки цѣпи.

«Въ мѣстахъ, гдѣ укрѣпленія проходятъ въ лѣсахъ, устраивать засѣки и завалы. Для баталіона, стоящаго нынѣ между правымъ флангомъ позиціи генерала Дандевиля и шоссе, устроить непремѣнно обширный редутъ съ большою профилью и внутренними траверсами.

«Между всѣми участками позиціи устроить, внѣ выстрѣловъ и по возможности скрытно отъ взоровъ непріятеля, удобные пути сообщенія, по которымъ можно бы было даже ввозить орудія. Въ особенности устроить хорошіе въѣзды на позиціи отъ шоссе, такъ какъ по нимъ будутъ направляемы на позицію снаряды, продовольствіе и поддержки.

«Для производства всѣхъ этихъ работъ назначается 23, 24 и 25-е ноября. Во всѣ эти дни войска, назначенныя для отхода въ резервъ, остаются на позиціяхъ и принимаютъ участіе въ прикрытіи работъ и въ производствѣ ихъ. По окончаніи работъ я лично объѣду всѣ позиціи и отдамъ приказаніе объ отводѣ, въ теченіе ночи, резервовъ во Врачешъ и Орханіэ. Надѣюсь, что всѣ частные начальники приложатъ полную энергію къ производству этихъ необходимыхъ работъ въ возможно скоромъ

времени, такъ какъ отъ успѣха этихъ работъ зависитъ весь дальнѣйшій ходъ дѣйствій.

«Въ виду крайней трудности доставки боевыхъ припасовъ предписываю расходовать ихъ съ большою осторожностію. Для этого безъ особой нужды болѣе 30 артилерійскихъ снарядовъ въ день не выпускать.

«Огонь артилеріи направлять преимущественно для демонстрированія непріятельскихъ орудій. Для этого сосредоточивать огонь возможно большаго числа орудій, по одному редуту, затѣмъ по другому и т. д. Само собою понятно, что слѣдуетъ мѣшать работамъ непріятеля и обстрѣливать войска, когда они подвернутся подъ выстрѣлы».

«Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*».

Послѣ объѣзда позиціи начальникомъ отряда, я съ генераломъ Раухомъ, въ распоряженіе котораго былъ назначенъ, и со всѣмъ штабомъ 1-й дивизіи, спустился 26-го ноября внизъ. Трудно выразить наше блаженство, когда мы, наконецъ, очутились въ теплой комнатѣ въ Этрополѣ. Десять дней мы не раздѣвались днемъ и ночью; вся одежда и бѣлье отсырѣли, промокли, изгрязнились. Въ Этрополѣ у зажиточнаго хозяина, къ довершенію блаженства, можно было добыть еще яицъ и мягкаго хлѣба! Разумѣется, мы немедленно переодѣлись, пообѣдали и заснули какъ убитые до слѣдующаго дня. Изъ Этрополя мы отправились въ Орханіэ, гдѣ въ отрядномъ штабѣ получили необходимыя приказанія и затѣмъ переѣхали во Врачешъ. Войска, назначенныя въ составъ резерва, начали постепенно собираться и расположились въ Орханіэ, Врачешѣ, Скривенахъ и другихъ сосѣднихъ деревняхъ по квартирамъ и только части, назначенныя для дежурства или на передовыя позиціи, стояли бивакомъ. Читатель уже знаетъ, что мы занимали по обѣ стороны софійскаго шоссе позицію Арабъ-Конакъ-Шандорникъ. Но замѣчательно при этомъ, что правый нашъ флангъ былъ осаженъ верстъ на 10 назадъ къ Врачешу, гдѣ противъ насъ находились турки на такъ называемой «лютиковской позиціи». Случилось это такимъ образомъ, что при первоначальномъ движеніи генерала Эллиса отъ Орханіэ къ Арабъ-Конаку, часть турокъ осталась на правомъ нашемъ флангѣ около Лютикова. Имѣя сильно укрѣпленную позицію и особую комуникаціонную линію, по превосходно разработанной дорогѣ на Яблоницу и Софію, турки не отступили вмѣстѣ съ другими своими частями, а остались въ видѣ наблюдательнаго передоваго отряда. Такъ какъ они сохраняли пассивное положеніе и не безпокоили насъ, то и мы до времени не тревожили ихъ. Противъ праваго фланга этой позиціи были выдвинуты нами стрѣлки, а противъ лѣваго генералъ Гурко приказалъ намъ выстроить два редута, что было крайне необходимо,

такъ какъ турки могли сосредоточить значительныя силы за упомянутымъ передовымъ отрядомъ и оттуда дебушировать въ орханійскую долину. Сначала войсками противъ лютиковской позиціи командовалъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эттеръ, отъ котораго начальствованіе и перешло къ генералу Рауху.

Между тѣмъ наступило суровое зимнее время. Выступили мы въ походъ еще при лѣтнихъ жарахъ; полушубками не запаслись, фуфайки у людей поизносились въ теченіе осени; сапоги, при постоянныхъ передвиженіяхъ въ грязи и слякоти, при недостаткѣ мази для нихъ, совершенно изодрались, а ранцы со вторыми сапогами остались въ Боготѣ и не были подвезены, такъ что люди ко времени наступленія стужи оказались безъ обуви. Страдая отъ холода, они стали прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы не отморозить ногъ; пріобрѣтали кожи (невыдѣланныя), пользовались отбитыми у турокъ палатками, одеждою и наворачивали все это на ноги, обвязывали веревками и ремешками и въ такомъ видѣ шлепали по грязи или утопали въ снѣгу. Но импровизованный сапогъ часто съѣзжалъ съ ноги, обнаруживая голую пятку или пальцы, и послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы промокалъ насквозь, превращаясь въ грязный комъ. Между тѣмъ холода все усиливались, морозы въ 12°—15° были не рѣдкостью, снѣга выпали глубокіе и служба на аванпостахъ и въ дежурныхъ частяхъ становилась мучительной. Въ одномъ полку, по прибытіи на горы, въ первый день отморозилось 174 человѣка, во второй 96! Костры изъ сырого дерева, срубленнаго послѣ величайшихъ усилій, не горѣли, а лишь слабо тлѣли; чтобы согрѣться, люди пододвигались къ самому огню, засыпали тамъ и просыпались лишь тогда, когда прожжена была шинель и все платье, а огонь подбирался къ самому тѣлу, потерявшему въ значительной степени чувствительность. Шапки тоже были часто прожжены, козырки оборваны, лицо не мыто цѣлыя недѣли, волосы на головѣ и бородѣ отросли; однимъ словомъ, тогдашній нашъ солдатъ по наружному виду ничего почти не имѣлъ общаго со столь знакомымъ въ мирное время типомъ. Усиленная работа требовала и усиленной пищи, а между тѣмъ по трудности заготовленія и подвоза, сухарная дача была уменьшена на половину. Взамѣнъ того полагались усиленныя порціи мяса, но оно трудно уваривалось на плохихъ кострахъ и по недостатку времени при усиленной службѣ на аванпостахъ и при работахъ по возведенію укрѣпленій; кромѣ того, часто ощущался недостатокъ въ соли, и потому мясо многимъ опротивѣло и оставались одни сухари, которые, при такихъ условіяхъ, расходовались быстрѣе чѣмъ слѣдовало, а затѣмъ люди голодали. Надо, впрочемъ, поблагода-

рить турокъ: они часто помогали намъ въ продовольственномъ отношеніи. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Генералъ Эллисъ, занявъ Врачешъ, оказалъ отряду огромную услугу захватомъ всѣхъ имѣвшихся тамъ турецкихъ складовъ; на сколько они намъ были полезны, и какъ мы ими пользовались, видно изъ нижеслѣдующаго приказа, отъ 28-го ноября.

«1) По донесенію Свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера въ деревнѣ Врачеши найдены бывшіе турецкіе склады пшеничной муки, всего болѣе 20 тысячъ пудовъ. Для облегченія продовольствія войскъ ввѣреннаго мнѣ отряда попеченіемъ интендантства, предписываю войскамъ, входящимъ въ составъ отрядовъ генералъ адъютанта графа Шувалова и генералъ-маіора Рауха, приступить немедленно къ устройству въ Орханіэ хлѣбопекарныхъ печей. Печи эти должны быть построены въ возможной скорости, съ тѣмъ чтобы какъ можно скорѣе войска могли бы начать получать хлѣбъ вмѣсто интендантскихъ сухарей. Для наблюденія за порядкомъ и ходомъ хлѣбопеченія назначить отъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій по одному опытному штабъ или оберъ-офицеру и особыя команды отъ каждой части. Команды хлѣбопековъ отъ гвардейской Стрѣлковой бригады должны состоять въ вѣдѣніи офицера отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Гвардейскія артилерійскія пѣшія бригады тоже должны устроить себѣ въ Орханіэ печи и выслать команды хлѣбопековъ. Гвардейская кавалерія должна продолжать получать хлѣбъ изъ Врацы. Войска, входящія въ составъ отряда генерала Дандевиля, войска Златицкаго отряда, Кавказская казачья бригада и Екатеринославскій драгунскій полкъ, должны получать сухари отъ отряднаго интендантства изъ Осикова. При этомъ предписываю Свиты Его Величества генералъ-маіору Черевину войти въ соглашеніе съ гражданскимъ начальствомъ Этрополя съ тѣмъ, что не окажется ли возможнымъ устроить въ Этрополѣ хлѣбопеченіе при посредствѣ мѣстныхъ жителей для Кавказской казачьей бригады и Екатеринославскаго драгунскаго полка и условиться въ платѣ за доставляемый хлѣбъ. Артилерія, собранная нынѣ въ Осиковѣ, должна попрежнему получать сухари отъ интендантства. Лейбъ-гвардіи Саперному баталіону печь хлѣбъ при 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«2) 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи озаботиться пригонкою скота въ Орханіэ изъ города Врацы и его окрестностей, въ количествѣ 300 штукъ рогатаго скота за установленную цѣну, для раздачи войскамъ отрядовъ генералъ-адъютанта графа Шувалова и генерала Рауха. Что же касается до снабженія порціоннымъ скотомъ отрядовъ генерала Дандевиля, Златицкаго и Кавказской казачьей бригады, то предписываю коменданту Этрополя войти съ требованіемъ къ мѣстнымъ властямъ о безпрерывной доставкѣ скота за установленную цѣну. Если же этого соглашенія не послѣдуетъ, то предписываю Свиты Его Величества генералъ-маіору Черевину абрать силою скотъ въ городѣ Этрополѣ и окрестностяхъ, деревняхъ и

колыбахъ за половинную, противъ установленной, цѣну, въ количествѣ 300 штукъ, и передать въ вѣдѣніе коменданта Этрополя.

«3) Распоряженія о своевременномъ снабженіи войскъ какъ хлѣбомъ, такъ и порціоннымъ скотомъ возлагаю на начальниковъ отрядовъ. Вслѣдствіе этого всѣ начальники частей войскъ должны отоноситься съ своими требованіями не въ штабъ ввѣреннаго мнѣ отряда, а въ штабы генералъ-адъютанта графа Шувалова, генераловъ Дандевиля, Рауха и Брока. Упомянутые же штабы должны заблаговременно сообщать требованія войскъ о снабженіи порціоннымъ скотомъ комендантамъ Орханіэ и Этрополя, которые должны удовлетворять эти требованія и заблаговременно заготовлять средства къ удовлетворенію этихъ требованій.

«4) Для сбереженія здоровья войскъ, предписываю по возможности располагать ихъ по квартирамъ въ городахъ и деревняхъ. Тѣмъ же частямъ, которыя не могутъ быть расположены по квартирамъ, приступить немедленно къ устройству землянокъ.

«При расположеніи по квартирамъ предписываю принять къ непремѣнному и неупустительному исполненію всѣ правила расположенія войскъ по квартирамъ въ весьма близкомъ отъ непріятеля разстояніи. Въ особенности же принять мѣры противъ мародерства и расхищенія домовъ мирныхъ жителей. Дрова брать изъ окрестныхъ лѣсовъ и рощъ. Если же ихъ по близости нѣтъ, то разрѣшается рубить деревья по шоссе и, наконецъ, въ случаѣ крайности, можно рубить деревья въ садахъ. Отвѣтственность за правильнымъ исполненіемъ этого пункта возлагаю на начальниковъ частей и отрядовъ.

«5) Въ Орханіэ и Этрополѣ устроить пріемные покои для больныхъ и раненыхъ: въ Этрополѣ на 200 ч., а въ Орханіэ на 300 человѣкъ. Для того, чтобы не накоплялось много раненыхъ и больныхъ, по возможности эвакуировать ихъ, пользуясь всѣми отходящими повозками. Для того чтобы интендантъ могъ своевременно доставлять нужное число подводъ, предписываю медицинскому начальству доставлять отрядному интенданту своевременно свѣдѣнія о числѣ больныхъ и раненыхъ, подлежащихъ эвакуаціи. По полученіи этихъ свѣдѣній интенданту присылать по возможности нужное число подводъ.

«Предписываю быть крайне осторожнымъ въ выборѣ домовъ для размѣщенія лазаретовъ и тщательно избѣгать домовъ, гдѣ были заразительныя болѣзни.

«6) Для удовлетворенія разныхъ мелкихъ потребностей войскъ, при комендантскихъ управленіяхъ въ Этрополѣ и Орханіэ учредить небольшіе транспорты въ 10 вольнонаемныхъ мѣстныхъ подводъ каждый, съ платою по два франка въ день за каждую подводу. Съ удаленіемъ войскъ отъ Этрополя и Орханіэ болѣе двухъ переходовъ, транспорты эти отпускать, а формировать новые изъ окрестныхъ селъ. Вообще принять впредь за пра-

вило, чтобы при каждомъ комендантскомъ управленіи формировать подобные транспорты.

«6) Въ дер. Врачеши устроить особое комендантское управленіе. Комендантомъ въ Врачеши назначается лейбъ-гвардіи жандармскаго эскадрона шт. кап. Каменскій, въ распоряженіе котораго откомандировать отъ комендантскаго управленія въ Орханіэ 10 жандармовъ. Коменданта въ Этрополь назначить отъ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, по распоряженію генералъ-маіора Дандевиля.

«7) Въ распоряженіе комендантовъ Этрополя, Орханіэ и Врачеши назначить въ караулы необходимое число ротъ, по распоряженію генераловъ Дандевиля и Рауха.

«8) Вновь назначаемые коменданты должны принять отъ временныхъ комендантовъ, назначенныхъ отъ войскъ, по описи всѣ склады, магазины и запасы и донести въ штабъ отряда о числѣ принятыхъ запасовъ. Впередъ принять за непремѣнное правило при занятіи войсками пунктовъ, гдѣ находятся склады какихъ бы то ни было запасовъ, назначать временныхъ комендантовъ отъ первыхъ вступающихъ войскъ; эти временные коменданты должны безъ всякаго замедленія принимать и описывать всѣ склады и магазины и затѣмъ передавать ихъ по описи постояннымъ комендантамъ.

«9) Завѣдываніе всего тыла ввѣреннаго мнѣ отряда возлагаю на полковника лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Доманевскаго, въ распоряженіе котораго назначить по одному оберъ-офицеру отъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и отъ 3-й пѣхотной дивизіи. На обязанность завѣдующаго тыломъ возлагаю: исправленіе всѣхъ транспортовъ и полковыхъ обозовъ, отправку раненныхъ и больныхъ, наблюденіе за всѣми лазаретами, устройство въ тылу этапныхъ пунктовъ, которые вскорѣ будутъ замѣнены постоянными этапами съ постоянными комендантами и завѣдываніе всѣми комендантскими управленіями.

«По всѣмъ этимъ вопросамъ полковнику Доманевскому получать приказанія отъ начальника штаба отряда и входить къ нему съ личными докладами. Капитану Иванову, командированному отъ инспектора госпиталей во ввѣренный мнѣ отрядъ, поступить въ распоряженіе полковника Доманевскаго».

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Что касается насъ, офицеровъ, то мы тоже могли пополнить часть нашихъ запасовъ въ Орханіэ, у маркитанта гвардейскаго корпуса Львова, не смотря на цѣны можно сказать безобразныя; я ограничусь, сказавши лишь, что, напримѣръ, фунтъ бубликовъ стоилъ $2^1/_2$ франка, т. е. 1 руб. 20 коп. по курсу. Разумѣется, никто не останавливался передъ подобными расходами. Изъ предметовъ снаряженія, большинство имѣвшихъ самовары замѣнили ихъ металиче-

скими чайниками, такъ какъ послѣдніе гораздо удобнѣе: легко притрочить къ сѣдлу, въ нихъ легче приготовить чай и проч. О вкусѣ получаемаго при этомъ чая, конечно, никто не заботился.

28-го ноября, генералъ Раухъ выѣхалъ со штабомъ для осмотра лютиковской позиціи и выбора мѣста для редутовъ. Изъ офицеровъ генеральнаго штаба были: полковникъ баронъ Каульбарсъ и я; что же касается капитана Протопопова, то онъ часто былъ откомандировываемъ въ разные отряды; вскорѣ онъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Дандевиля, съ которымъ и совершилъ впослѣдствіи знаменитый переходъ черезъ Бабу-гору.

Двѣ рѣзко выдающіяся высоты прямо указывали мѣсто для расположенія нашихъ опорныхъ пунктовъ. Такъ какъ при этомъ оба укрѣпнія должны были заниматься лишь дежурными баталіонами, а резервы расположены были довольно далеко, по квартирамъ, да притомъ и высоты находились въ довольно значительномъ одна отъ другой разстояніи, то и рѣшено было построить два редута, т. е. тотъ видъ укрѣпленій, относительно преувеличенной репутаціи котораго въ нашемъ штабѣ постоянно высказывались справедливыя замѣчанія. Но въ данномъ случаѣ мы охотно признали ихъ умѣстность. Такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не было сначала ни одного сапера, то одинъ редутъ долженъ былъ строиться подъ руководствомъ полковника барона Каульбарса, а возведеніемъ другаго завѣдывалъ я. Этотъ случай снова послужилъ мнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости знанія для офицера генеральнаго штаба полевой фортификаціи въ такомъ же совершенствѣ, какъ стратегіи и тактики. Руководствуясь очертаніемъ высоты, я, 29-го ноября, разбилъ редутъ на одинъ баталіонъ и восемь орудій, и преображенцы приступили немедленно къ работѣ; впослѣдствіи молодой саперный офицеръ, назначенный въ распоряженіе генерала Рауха, часто смущался однимъ острымъ угломъ въ моемъ редутѣ... По скату высоты вырыты были ложементы, обстрѣливавшіе всѣ мертвыя пространства, и вскорѣ мы были совершенно готовы встрѣтить наступленіе противника. Во время работъ 29-го ноября, мы вдругъ услышали громкіе, восторженные крики на сосѣднемъ редутѣ барона Каульбарса; шапки летятъ кверху, общее волненіе; вотъ скачетъ къ намъ офицеръ; всѣ съ вопросомъ: «что, что»?—«Плевна пала! Плевна пала! Османъ сдался»!—«Правда ли, вѣрить ли? откуда извѣстіе»?—«Вѣрно, вѣрно—отвѣчаетъ добрый вѣстникъ—генералъ Гурко приказалъ сообщить по войскамъ».—«Братцы, крикнулъ кто-то изъ офицеровъ, Плевна сдалась, уррра!»

Восторгъ неописанный. Мы бросились цѣловаться другъ съ дру-

гомъ. Солдаты неистово гремѣли «ура». Турки выползли на своей позиціи и созерцали наше, непонятное для нихъ, торжество. «Давайте водки; коньяку»! потребовали отъ своихъ деньщиковъ офицеры и пошли тосты... Тяжелая гора свалилась съ плечъ, щемящее сердце отошло; радостная будущность всѣхъ воодушевила и подняла въ войскахъ нравственный духъ. Значитъ, зимовать въ страшныхъ Балканахъ не будемъ; значитъ, скоро впередъ и спустимся въ благословенныя долины; кампанія пойдетъ безостановочно, можетъ быть скоро окончится и домой— вотъ рядъ мыслей, возбужденныхъ паденіемъ Плевны.

Послѣдующіе дни мы оставались въ пассивномъ положеніи на своихъ позиціяхъ, въ ожиданіи подхода подкрѣпленій. Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что къ намъ должны придти: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 9-й армейскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Криденера. Время до ихъ прихода было занято подготовкой для перехода черезъ Балканы и рекогносцировками ихъ проходовъ.

2-го декабря прибылъ къ намъ во Врачешъ хорунжій князь Церетелевъ (бывшій секретарь нашего посольства въ Константинополѣ) и объявилъ мнѣ, что генералъ Гурко приказалъ намъ съ нимъ обрекогносцировать путь на Умургачскій перевалъ. Князь Церетелевъ, зная Турцію и болгарскій языкъ, занимался въ штабѣ отряда генерала Гурко собираніемъ свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности. Такъ какъ онъ, кромѣ того, участвовалъ въ лѣтнемъ забалканскомъ походѣ, то генералъ Гурко назначалъ его иногда на рекогносцировки вмѣстѣ съ офицерами генеральнаго штаба, чтобы, такъ сказать, путемъ сравненія судить о степени проходимости дорогъ сравнительно съ тѣми, по которымъ двигался прежде генералъ Гурко. Начальникъ отряда предполагалъ первоначально направить главныя силы на Умургачъ, а лѣвый боковой авангардъ—на Чурьякъ, по дорогѣ, изслѣдованной Ставровскимъ. Такое рѣшеніе основывалось, вѣроятно, на томъ справедливомъ соображеніи, что движеніе значительныхъ массъ вблизи турецкой арабъ-конакской позиціи легко могло быть открыто противникомъ. Но, какъ увидитъ читатель, это рѣшеніе было измѣнено: главныя силы были направлены на Чурьякъ, а черезъ Умургачъ прошла лишь небольшая колонна генералъ-лейтенанта Вельяминова.

При нашей рекогносцировкѣ мы должны были пробраться незамѣтно между двумя турецкими позиціями: лютиковской и арабъ-конакской, выдти въ тылъ первой изъ нихъ и на флангъ послѣдней. Чтобы мы не раскрыли себя, генералъ Гурко воспретилъ намъ брать прикрытіе, и мы должны были отправиться одни. Въ качествѣ же проводниковъ

князь Церетелевъ взялъ нѣсколько болгаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не привлекать на себя вниманіе турокъ и не быть открытыми, издали, мы съ княземъ Церетелевымъ одѣлись въ полушубки безъ погонъ и я замѣнилъ свою военную фуражку сѣрой, суконной, съ наушниками, которой еще ранѣе того снабдилъ меня отрядъ «Краснаго Креста». Волонтерами къ намъ вызвались два ординарца генерала Рауха, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикъ Редигеръ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка прапорщикъ Бибиковъ. Выѣхавши изъ Врачеша, мы проѣхали мимо нашихъ аванпостовъ, позади которыхъ, между прочимъ, я видѣлъ совершенно нагаго солдата, который вытирался и мылся снѣгомъ, раздѣвшись тутъ же въ полѣ. Проѣхавши версты двѣ во врачешскомъ ущельѣ, по дорогѣ относительно сносной, мы затѣмъ повернули вправо и стали подыматься на горы. Тамъ уже съ первыхъ нашихъ шаговъ дорога превратилась въ тропинку, усѣянную торчащими камнями или разбросанными въ изобиліи гальками. Каждый шагъ впередъ былъ труднѣе и труднѣе. Наконецъ мы двинулись по карнизу, вьющемуся по крутому скату горы. Подъемъ былъ чрезвычайно крутъ, а по самому полотну дорожки бѣжалъ ручеекъ, имѣя своимъ началомъ источникъ у самой дороги. Вода совершенно размыла тропу, причемъ вымытые ею изъ почвы камни здѣсь же лежали, скопившись въ огромномъ количествѣ. Лошадь, ступая ногой, погрузилась глубоко въ эти камни, не находила твердой опоры и часто падала, а подъемъ все круче и круче.... Добравшись до сѣдловины, мы двинулись по слѣдующей горѣ. Направо, въ тылу, вдругъ открылся передъ нами турецкій лагерь какъ на ладони. Мы могли не вооруженнымъ глазомъ отличать не только палатки, групы людей, но и одиночныхъ лицъ, движеніе ихъ рукъ, ногъ и пр.

По нашему счету выходило у турокъ на видимомъ нами участкѣ позиціи около пяти таборовъ. Превосходнѣйшая, разработанная ими, дорога вилась по горамъ, зигзагами, отходя отъ лѣваго фланга позиціи. Мы, разумѣется, не могли долго предаваться созерцанію турокъ; пять—десять баши-бузуковъ легко могли насъ отхватить и перестрѣлять по выбору, а потому мы двинулись дальше. Снѣгъ не позволялъ намъ различать хорошенько дороги, она часто терялась, и проводники наши сбивались. Въ двухъ мѣстахъ дорога совершенно преграждалась скалистыми, остроконечными шапками, и мы едва, едва пробрались. Не доходя перевала версты полторы — двѣ, дорога входила въ густой лѣсъ.

Сваленныя деревья, росшія поперегъ пути вѣтви тоже мѣшали движенію. Разъ мы навострили уши; послышался шумъ въ лѣсу,

хрустнули вѣтви, затопали копыта и три.... оленя пересѣкли намъ путь, скрываясь въ чащѣ лѣсовъ и трущобъ балканскихъ. Далѣе, влѣво, вдругъ открылась арабъ-конакская позиція турокъ, начиная отъ самаго Шандорника. За грознымъ Арабъ-Конакомъ видѣнъ былъ турецкій лагерь и бивачные огни. Наконецъ вотъ и Умургачскій перевалъ, открытый, обнаженный отъ древесной растительности. Обильный снѣгъ едва въ состояніи былъ прибить и прикрыть густую, высокую прошлогоднюю траву. Съ самаго перевала намъ открылась великолѣпная картина: у подножья нашего разстилалась софійская долина, ограниченная съ юга высокими горами, позади которыхъ далеко блистали при солнечномъ свѣтѣ высоты Рило-Дага. Немного вправо высился могучій массивъ Витошъ планины, у подошвы которой скрылась подъ облаками желанная наша Софія. Мы невольно залюбовались величественной и суровой картиной. Солнце ярко свѣтило, но не грѣло на высотѣ въ 5,000 футовъ. Внизу раздавался свистъ людей, бродившихъ въ лѣсу; по шоссе замѣтно было движеніе повозокъ. Мы не могли удаляться впередъ, окончательно рискуя попасться въ руки турокъ, которые теперь окружали насъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Намъ и приказано было изслѣдовать собственно подъемъ, а что касается дальнѣйшаго пути, то узнать только направленіе.

Болгары провели насъ по самому перевалу и указали спускъ, по которому пошла наша тропа. Такъ какъ самый перевалъ былъ не защищенъ лѣсомъ, то, въ случаѣ мятелей и снѣжныхъ курановъ, движеніе на этомъ пространствѣ должно было представить особенныя трудности и опасности. Закусивши кое-чѣмъ, мы пустились въ обратный путь и благополучно прибыли къ вечеру въ Орханіэ. Я съ княземъ Церетелевымъ немедленно отправился къ начальнику отряда. Тамъ мы застали весь штабъ въ сборѣ передъ обѣдомъ. «А, сказалъ генералъ Гурко, при нашемъ входѣ, дорогіе гости, что скажете»?—«Мало хорошаго, ваше превосходительство», отвѣтилъ я.—«Что такъ»? спросилъ начальникъ отряда и нахмурился. Понятно, что при его твердомъ рѣшеніи вести по обдуманному уже плану операцію перехода, всякое препятствіе въ этомъ смыслѣ должно было дѣйствовать раздражающимъ образомъ и производить непріятное впечатлѣніе.

— «Безъ предварительной разработки пути черезъ Умургачъ не пройдетъ никакой отрядъ съ артилеріей, а главныя силы и совсѣмъ застрянутъ на долго», отвѣтилъ я.

— «Что, эта дорога лучше хаинкіойской»? обратился генералъ-адъютантъ Гурко къ князю Церетелеву.

— «Гораздо лучше, отвѣтилъ послѣдній къ моему изумленію.

— «А лучше Дельбокской?

— «И сравненія быть не можетъ».

— «Вѣдь не шоссе же мы ищемъ!» иронически замѣтилъ начальникъ отряда, обращаясь ко мнѣ.

Признаюсь, меня крайне взволновало это замѣчаніе, и я отвѣтилъ:

— «Ваше превосходительство, я произвожу уже не первую рекогносцировку и имѣю достаточно вѣрный масштабъ для оцѣнки проходимости пути. Положительно заявляю, что безъ разработки дороги отрядъ черезъ Умургачъ не пройдетъ!»

Генералу Гурко было, что и понятно, крайне непріятно это свѣдѣніе. Ко мнѣ подошелъ начальникъ штаба отряда, Д. С. Нагловскій, и предложилъ вопросъ:

— «Скажите, пожалуйста, А. К., пѣхота тамъ пройдетъ?»

— «Конечно. Я думаю, что пѣхота хоть на Монъ-Бланъ взойдетъ».

— «Но вѣдъ подъему артилеріи будетъ содѣйствовать пѣхота».

— «Это я, разумѣется, имѣлъ въ виду. Но я также принималъ въ соображеніе, что движеніе надо совершить по возможности быстро. Чтó говорить! и артилерію поднять можно, хотя всю даже, но потребуется мѣсяцъ времени».

— «Это невозможно! отвѣтилъ Д. С. Нагловскій».

Между тѣмъ, генералъ Гурко подозвалъ меня къ себѣ и предложилъ въ подробности разсказать объ осмотрѣнной дорогѣ.

— «Этого я только и прошу у вашего превосходительства, доложилъ я. Мнѣ бы ничего не стоило сказать, что путь проходимъ, но застрянетъ отрядъ—и вы меня же обвините».

— «Правда», отвѣчалъ улыбаясь генералъ Гурко.

Я подробно описалъ пройденный путь и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ во Врачешъ.

4-го декабря, чтобы окончательно увѣриться въ добытыхъ мною свѣдѣніяхъ, начальникъ отряда приказалъ генералу Рауху, командиру лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, полковнику Скалону, и мнѣ поѣхать вмѣстѣ и еще разъ осмотрѣть дорогу. Мы отправились, но уже со второй версты подъема генералъ Раухъ предложилъ вернуться назадъ, такъ какъ неудобопроходимость «дороги» была слишкомъ очевидна.

Тогда-то и рѣшено было окончательно направить главныя силы на Чурьякъ, по дорогѣ Ставровскаго, а на Умургачъ послать лишь сравнительно небольшую колонну генерала Вельяминова, предварительно разработавъ, сколько возможно, путь. Впослѣдствіи колонна эта встрѣтила при подъемѣ величайшія затрудненія, и генералъ Вельяминовъ нѣсколько разъ терялъ всякую надежду добраться до верху, но побуж-

денія генералъ-адъютанта Гурко: «идти, идти и идти!» были причиной, что колонна, послѣ неимовѣрныхъ усилій, добралась до перевала, но внизъ на д. Жиляву, вслѣдствіе страшныхъ снѣжныхъ заносовъ, генералъ Вельяминовъ не могъ спуститься, и колонна свернула съ Умургача на Чурьякъ. Генералъ-адъютантъ Гурко имѣлъ впослѣдствіи случай показать мнѣ, какъ онъ высоко цѣнилъ результаты моей рекогносцировки и мою настойчивость въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ стали постепенно подходить двигавшіяся изъ подъ Плевны наши подкрѣпленія: 3-я пѣхотная дивизія и 9-й армейскій корпусъ. Съ 8-го декабря преображенцы скрытно, но дѣятельно разработывали дорогу на Чурьякъ. Наступила минута совершенія гигантскаго шага черезъ Балканы...

VII.

Переходъ черезъ Балканы. Ташкисенскій бой. Бой у Враждебны. Занятіе г. Софіи.

Формированіе отрядовъ.—Диспозиція и приказаніе для перехода черезъ Балканы.—Движеніе въ горахъ. — Подъемъ артилеріи. — Двѣ ночи на перевалѣ. — Спускъ внизъ. — Чурьякъ. — Негашевское дѣло. — Атака Кавказской бригадой турецкаго транспорта.—На позиціи у Негашева. — Атака Ташкисенской позиціи.—Преслѣдованіе противника.—Ночное движеніе къ Враждебной.—Бой за мостъ.—На позиціи передъ Софіей.—Торжественная встрѣча въ Софіи.—Турецкое населеніе.

Прибывшія изъ подъ Плевны подкрѣпленія располагались въ городѣ Орханіэ и его окрестностяхъ. Предстоявшій переходъ черезъ Балканы требовалъ сформированія нѣскольких отдѣльныхъ отрядовъ, какъ въ видахъ демонстрацій на занятыхъ нами позиціяхъ, такъ и для движенія черезъ горы съ охватомъ противника.

Кромѣ того, необходимы были разныя административныя мѣропріятія относительно снабженія войскъ боевыми припасами и продовольствіемъ.

Въ этихъ видахъ отданы были слѣдующіе приказы:

ПРИКАЗЪ.

Въ г. *Орханіэ*, 10-го декабря 1877.

«Предписываю сформировать слѣдующіе отряды:

«I. 1-й и 4-й баталіоны гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталіона, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ—4 баталіона, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 баталіона, 1-я, 3-я и 6-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады по 4 орудія—12 орудій, 4 орудія одной изъ 4-хъ-фунтовыхъ батарей 31-й артилерійской бригады—4 орудія, Кавказской казачьей бригады—11 сотенъ, 4 конныхъ орудія; всего 13 баталіоновъ, 16 орудій, 11 сотенъ и 4 конныхъ орудія.

«Начальникомъ этого отряда назначается командующій 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей генералъ-маіоръ *Раухъ*.

II. Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ — 4 баталіона, Прусскій полкъ—4 баталіона, 3-я гвардейская и гренадерская артилерійская бригада—16 орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, одна сотня Кавказской казачьей бригады; всего 8 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, 5 эскадроновъ и сотня.

«Начальникомъ этого отряда назначается командиръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка генералъ-маіоръ *Мирковичъ*.

«III. Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—4 баталіона, Австрійскій полкъ—4 баталіона, 2-й и 3-й стрѣлковые баталіоны гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталіона, 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—8 орудій; всего 10 баталіоновъ, 8 орудій.

«Начальникомъ этого отряда назначается командиръ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ *Философовъ*.

«IV. 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, 31-й артилерійской бригады два дивизіона различныхъ батарей 4-хъ-фунтоваго калибра—8 орудій, 1-я и 2-я бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—16 эскадроновъ, 8 конныхъ орудій; всего 6 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, и 8 конныхъ орудій.

«Начальникомъ этого отряда назначается начальникъ 31-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ *Вельяминовъ*.

«V. 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи — 3 баталіона, одна батарея 31-й артилерійской бригады—8 орудій, Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, двѣ сотни Сводной казачьей бригады; всего 9 баталіоновъ, 8 орудій, 4 эскадрона и 2 сотни.

«Начальникомъ этого отряда назначается командиръ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ *Дандевиль*.

«VI. Три полка 3-й пѣхотной дивизіи—9 баталіоновъ, четыре батареи 5-й артилерійской бригады — 32 орудія, 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій; всего 9 баталіоновъ 32 пѣшихъ орудія, 7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій.

«Начальникомъ этого отряда назначается начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ *Шильдеръ-Шульднеръ*.

Сверхъ этихъ шести вновь сформированныхъ отрядовъ остаются слѣдующіе три, уже сформированные.

«VII. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ — 4 баталіона, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ—4 баталіона, три батареи 2-й артилерійской бригады—24 орудія, всего 12 баталіоновъ и 24 пѣшихъ орудія.

«Подъ начальствомъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-адъютанта графа *Шувалова*.

«VIII. Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ—4 баталіона, лейбъ гвардіи Егерскій полкъ—4 баталіона, три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады—24 орудія, четыре орудія 16-й конной батареи—4 орудія; всего 8 баталіоновъ, 28 орудій.

«Подъ начальствомъ командира 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Свиты Его Величества генералъ-маіора Его Высочества Принца *Ольденбургскаго*.

«IX. Лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ — 4 баталіона, Новоингерманландскій пѣхотный полкъ — $1^1/_2$ баталіона, два орудія Донской казачьей № 19-го батареи—2 орудія, двѣ сотни Сводной донской казачьей бригады—2 сотни; всего $5^1/_2$ баталіоновъ, 2 орудія и 2 сотни.

«Подъ начальствомъ командира 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Свиты Его Величества генералъ-маіора *Брока*.

2.

«Въ упомянутыхъ въ I, II, III и IV пунктахъ этого приказа дивизіонамъ артилеріи взять по одному ящику на орудіе, лошадей же подъ орудія и ящики выбрать самыхъ лучшихъ изъ всей батареи. Лошади должны быть хорошо подкованы и на заостренныхъ шипахъ.

3.

«Людямъ всѣхъ отрядовъ немедленно выдать сухарей по 18-е декабря включительно, считая по одному фунту на человѣка. Въ требованіяхъ на сухари показывать только тѣхъ людей, которые дѣйствительно состоятъ въ строю. На тѣхъ же людей, которые состоятъ въ полку, но въ строй не выходятъ, представлять особыя требованія и удовлетворять ихъ не сухарями, а печенымъ хлѣбомъ, выпекаемымъ изъ устроенныхъ хлѣбопекарныхъ печей, требуя муку изъ врачешскихъ складовъ.

«Предписываю всѣмъ начальникамъ частей подъ строгою ихъ отвѣтственностью отнюдь не допускать излишняго требованія сухарей, помня, что отъ правильности требованій будетъ зависѣть успѣхъ всей операціи.

«Войскамъ, обозначеннымъ въ п. VIII, сухарей не требовать, а довольствовать ихъ печенымъ хлѣбомъ. Организовать хлѣбопеченіе сообразно съ этимъ пунктомъ возлагается на полковника Доманевскаго.

«Войска, обозначенныя въ пунктахъ I, II, III, IV и V, должны быть снабжены водкою по три чарки на человѣка, дѣйствительно находящагося въ строю.

«Удовлетвореніе войскъ, какъ сухарями, такъ и водкою, должно быть непремѣнно окончено къ вечеру 12-го декабря.

«Сверхъ того, выдать людямъ, дѣйствительно находящимся въ строю, чаю и сахару по 18-е декабря включительно.

4.

«Всѣ батареи, какъ пѣшія, такъ и конныя, не вошедшія въ составъ упомянутыхъ въ настоящемъ приказѣ отрядовъ, должны быть собраны у дер. Ложени и парки батарей должны быть выстроены въ нѣсколько линій въ строгомъ порядкѣ, и такимъ образомъ, чтобы по первому требованію всякая батарея, въ какой бы линіи она ни стояла, могла бы выѣхать безъ всякой помѣхи какъ для себя, такъ и для другихъ батарей. Люди этихъ батарей должны быть размѣщены въ деревнѣ Ложени, которая

въ скоромъ времени будетъ очищена кавалеріею. Начальникомъ всей этой артилеріи назначить старшаго изъ батарейныхъ командировъ, по распоряженію начальника артилеріи отряда Свиты Его Величества генералъ-маіора Бреверна.

«Установку батарей въ полномъ порядкѣ и размѣщеніе людей въ деревнѣ возлагаю на начальника артилеріи отряда. Эта разстановка должна быть окончена въ теченіе 12-го декабря, для чего къ 8-ми часамъ утра всѣмъ батареямъ выслать линейныхъ фейерверкеровъ на шоссе къ деревнѣ Ложени.

5.

«Всѣ парки, какъ артилерійскіе, такъ и интендантскіе, должны быть немедленно выстроены у деревни Правецъ въ самомъ строгомъ порядкѣ. Всѣ повозки должны быть выстроены въ нѣсколько правильныхъ линій съ достаточными интервалами, съ тѣмъ чтобы, по первому приказанію, можно было бы тронуть ихъ въ ту или другую сторону, и чтобы движеніе это могло бы быть произведено въ самомъ строгомъ порядкѣ. Тоже относится и до обозовъ, находящихся въ деревнѣ Правецъ. Установка всѣхъ повозокъ около дер. Правецъ и поддержаніе порядка возлагается на полковника Шевича. Всѣ начальники парковъ, транспортовъ и обозовъ должны немедленно явиться къ полковнику Шевичу, представить ему строевые рапорты, и во все время пребыванія въ Правцахъ исполнять его приказанія. Приказы о движеніи тяжестей изъ Правецъ частные начальники должны передавать черезъ полковника Шевича. Предписываю полковнику Шевичу представить вечеромъ 12-го декабря рапортъ о числѣ людей, повозокъ и лошадей, находящихся у дер. Правецъ».

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

ПРИКАЗЪ.

Г. *Орханіэ*, 11-го декабря 1877 г.

«На дняхъ войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда предстоитъ движеніе черезъ Балканскія горы. При этомъ движеніи принять къ руководству и исполненію слѣдующее:

«1) Взятый на людяхъ запасъ сухарей расходовать подъ личною отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, которые обязаны на вечернихъ перекличкахъ лично дѣлать осмотръ сухарныхъ мѣшковъ. За преждевременное израсходованіе сухарной дачи начальники будутъ подвергаемы строгому взысканію. Передъ выступленіемъ объяснить людямъ всю важность сбереженія сухарей, и что по причинѣ горъ неизвѣстно, когда подойдутъ транспорты съ сухарями.

«2) Передъ выступленіемъ раздать людямъ трехдневную порцію мяса.

«3) Кавалеріи и артилеріи имѣть трехдневную дачу ячменя.

«4) По утрамъ выдавать людямъ по чаркѣ водки.

«5) Начальникамъ эшелоновъ предоставляется самимъ установить порядокъ движенія въ эшелонахъ, съ соблюденіемъ однако же слѣдующихъ условій: а) орудія и зарядные ящики прикомандировывать къ ротамъ, такъ чтобы на одну роту приходилось по одному орудію или одному ящику. При этомъ ротные командиры отвѣчаютъ за безостановочность движенія прикомандированныхъ къ нимъ орудій и ящиковъ; б) кавалеріи, кромѣ небольшой части, слѣдовать въ хвостѣ эшелоновъ; в) имѣющіеся при частяхъ вьюки вести вслѣдъ за своими частями, т. е. ротные вьюки за ротами, баталіонные за баталіонами и т. д.

«6) Никакихъ повозокъ не брать, за исключеніемъ аптечныхъ одноколокъ.

«7) Въ каждой части имѣть въ запасѣ лямки.

«8) Мѣры охраненія во время движенія должны состоять исключительно изъ пѣхотныхъ боковыхъ патрулей, во время ночлега изъ пѣшихъ секретовъ.

«9) Начальникамъ, передъ выступленіемъ въ походъ, подтвердить ввѣреннымъ имъ частямъ строжайшее воспрещеніе поднимать тревогу и въ особенности производить стрѣльбу вслѣдствіе тревоги: нижнимъ чинамъ объяснить, что при слѣдованіи по такимъ ущельямъ и трущобамъ, по какимъ намъ придется перевалить за Балканы, немыслимо серьезное нападеніе со стороны непріятеля, и только одиночные люди или небольшія партіи могутъ покушаться тревожить.

«Начальникамъ эшелоновъ и частей принять строгія мѣры къ сохраненію и поддержанію порядка во время движенія, и въ особенности наблюсти, чтобы колонны не растягивались, и чтобы нижніе чины не выходили изъ фронта».

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Для движенія черезъ горы была отдана по отряду нижеслѣдующая диспозиція:

ДИСПОЗИЦІЯ.

Въ г. Орханіэ, 11-го декабря 1877 г.

«13-го сего декабря, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда начать движеніе, съ цѣлью перехода черезъ Балканскія горы. Для сего:

1) *Авангарду*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, собравшись во Врачешѣ къ 5-ти часамъ утра 13-го декабря, выступить сего 13-го декабря въ $5^1/_2$ часовъ утра изъ Врачеши и, сдѣлавши привалъ до 11 часовъ дня, возлѣ бивака 8-го драгунскаго Астраханскаго полка, на софійскомъ шоссе, у начала вновь разработанной старой софійской дороги, ведущей на перевалъ, ровно въ 11 часовъ дня начать подъемъ на гору и слѣдовать

лишь съ небольшими остановками въ дер. Чурьякъ, гдѣ и остановиться на привалъ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Измайловскій—4 баталіона, 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталіона, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 баталіона, 1-я, 3-я и 6-я батареи 1-й гвардейской артилерійской бригады по 4 орудія отъ каждой—12 орудій, четыре орудія одной изъ 4-хъ-фунтовой батарей 3-й артилерійской бригады—4 орудія, Кавказская казачья бригада—11 сотенъ, 4 конныхъ орудія Всего 13 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, 11 сотенъ, 4 конныхъ орудія.

«14-го декабря, авангарду выступить въ 4 часа утра (пополудни) и слѣдовать черезъ Потопъ, Елесницу и Стольникъ на софійское шоссе, откуда, сдѣлавши поворотъ на лѣво, идти на такъ называемую позицію у Малины, гдѣ остановиться и построить боевой порядокъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, деревни Потопъ и Елесница заняты турецкою пѣхотою. Сила всей пѣхотной части, собранной въ двухъ этихъ пунктахъ, отъ 1 до 2 таборовъ (т. е. отъ 500 до 800 человѣкъ). По свѣдѣніямъ турки стоятъ по ночамъ очень небрежно. Необходимо постараться захватить ихъ врасплохъ и вытѣснить изъ обѣихъ деревень.

«Между деревнями Чурьякъ и Потопъ отходитъ влѣво ущелье, по которому идетъ дорога въ софійскую долину. На дорогу эту выставить, въ видѣ боковаго заслона, полкъ 31-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя 4-хъ-фунтовыхъ орудіями и съ одною сотнею казаковъ.

«2) *Первому эшелону*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Курлова, собравшись 13-го декабря, въ $5^1/_2$ часовъ утра, во Врачеши, за исключеніемъ Астраханскаго драгунскаго полка, который присоединится къ эшелону на своемъ бивакѣ, выступить изъ Врачеши въ 7-мь часовъ утра 13-го декабря и слѣдовать по софійскому шоссе къ мѣсту бивака Астраханскаго драгунскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ эшелону сдѣлать привалъ и начать дальнѣйшее движеніе черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ авангарда свернетъ съ шоссе. Эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими остановками до тѣхъ поръ, пока голова эшелона не догонитъ, въ окрестностяхъ Чурьяка, хвостъ авангарда.

Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ—4 баталіона, Прусскій полкъ—4 баталіона, четыре дивизіона отъ четырехъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—16 орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, одна сотня Кавказской казачьей бригады. Всего 8 баталіоновъ, 16 орудій, 5 эскадроновъ и сотенъ.

«14-го декабря эшелону выступить въ 6 часовъ утра и слѣдовать черезъ Потопъ и Елесницу въ Рожданіэ. Если же по донесеніямъ прямая дорога изъ Чурьяка въ Рожданіэ по ущелью отдѣляющемуся влѣво, не доходя до Потопа, окажется возможною для движенія артилеріи, то идти прямо на Рожданіэ, гдѣ и расположиться на ночлегъ.

«3) *Второму эшелону*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Философофова, собравшись 13-го декабря, къ 8 часамъ утра, во Врачеши, выступить изъ этой деревни тогда, когда получатся свѣдѣнія, что хвостъ авангарда

свернулъ съ софійскаго шоссе Прійдя на бивакъ драгунскаго Астраханскаго полка, эшелону остановиться на привалѣ для подъема въ гору черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ 1-го эшелона свернетъ съ шоссе направо. Затѣмъ эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими остановками до Чурьяка, гдѣ остановиться на привалъ.

Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—4 баталіона, Австрійскій полкъ 4 баталіона, 2-й и 3-й стрѣлковые баталіона гвардейской Стрѣлковой бригады—2 баталіона, два дивизіона отъ двухъ остальныхъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—8 орудій. Всего 10 баталіоновъ и 8 орудій.

«14-го декабря выступить черезъ часъ послѣ выступленія хвоста 1-го эшелона и слѣдовать черезъ Потопъ и Елесницу въ Стольникъ, гдѣ и расположиться на ночлегѣ.

«4) Общее командованіе надъ первымъ и вторымъ эшелонами возлагается на начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Каталея.

«5) Правой колоннѣ, подъ начальствомъ начальника 31-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, собравшись 13-го декабря, къ 5 часамъ утра, во Врачеши, выступить: пѣхотѣ со всей артилеріею въ $5^1/_2$ часовъ утра (а кавалеріи въ 5 часовъ вечера) и слѣдовать черезъ гору Умургачъ въ д. Жиляву.

1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, батарея 31-й артилерійской бригады—8 орудій, 1-я и 2-я бригады кавалерійской дивизіи—16 эскадроновъ. Всего 6 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, 8 конныхъ орудій.

Колоннѣ идти непрерывно до наступленія темноты, давая людямъ лишь необходимые отдыхи. На ночь расположиться тамъ, гдѣ застанетъ темнота. На другой день колоннѣ выступить въ 4 часа утра и слѣдовать на Жиляву. По приходѣ въ Жиляву, главное назначеніе колонны — составить заслонъ для главной колонны, со стороны Софіи и Кремиковицы; для этого, оставивъ въ Жилявѣ 4 баталіона, 4 орудія и 1 эскадронъ кавалеріи, выслать въ Чайнику и Яну по одному баталіону при 2-хъ орудіяхъ, а всю кавалерію и всю конную артилерію выслать впередъ, возложивъ на нее наблюденіе за Софіей, софійско-филипопольскомъ шоссе и выходами изъ горъ у Кремиковцы и Сельева (Сеславцы) если же бы оказалось, что турки удерживаютъ выходъ изъ ущелья у дер. Елесницы и тѣмъ заслоняютъ дебушированіе главной колонны, то слѣдуетъ отдѣлить часть пѣхоты съ артилеріею и кавалеріею для дѣйствія въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимающимъ Елесницу.

«6) По выходѣ въ софійскую долину, Астраханскому драгунскому полку слѣдовать немедленно черезъ Іени-ханъ въ Тырново и наблюдать шоссе въ Ихтиманъ, на софійско-филипопольскомъ шоссе. На Кавказскую казачью бригаду возлагается обязанность очистить отъ турецкихъ партій всю мѣстность къ югу отъ шоссе и расположиться на ночлегѣ въ деревнѣ Коджа.

«7) Отдѣльной этропольской колоннѣ, подъ начальствомъ генералъ-

маіора Дандевиля, выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра 13-го декабря и слѣдовать по дорогѣ въ Буново черезъ гору Баба.

2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, Воронежскій пѣхотный полкъ 3 баталіона, одна батарея 31-й артилерійской бригады—8 орудій.

«Взойдя на перевалъ, состоящій при этой колоннѣ кавалеріи спуститься въ Буново и выслать немедленно сильные разъѣзды въ Дольніе-Комарцы и по дорогѣ въ Златицу и разрушить телеграфъ, находящійся какъ на этой дорогѣ, такъ и на дорогѣ изъ Дольнихъ-Комарцовъ въ Петричево.

Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, двѣ сотни Сводной донской казачьей бригады, четыре конныхъ орудія донской казачьей № 19-го батареи, два орудія конной № 16-го батареи. Всего 9 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 6 эскадроновъ и сотенъ и 6 конныхъ орудій.

«Пѣхотѣ же съ пѣшей и конной артилеріею дѣйствовать съ утра 14-го декабря во флангъ и тылъ турецкой позиціи у Шандорника. Главное назначеніе колонны демонстраціями противъ праваго фланга турокъ привлечь ихъ вниманіе въ ту сторону и тѣмъ облегчить дѣйствія главной колонны. Въ случаѣ же отступленія турецкихъ войскъ на Петричево, энергичнымъ преслѣдованіемъ по возможности разстроить отступающія войска.

«8) Отрядамъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, Его Высочества Принца Ольденбургскаго и Свиты Его Величества генералъ-маіора Брока оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ, и зорко слѣдить за непріятелемъ, причемъ, въ случаѣ отступленія непріятеля, немедленно перейти въ наступленіе, занять очищаемыя позиціи и тѣснить непріятеля по пятамъ.

«9) Отряду генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера оставаться на позиціяхъ у Врачеши и Скривена и наблюдать за непріятелемъ, занимающимъ лютиковскую позицію и составлять заслонъ противъ этой позиціи.

Три полка 5-й пѣхотной дивизіи—9 баталіоновъ, 4 батареи 5-й артилерійской бригады—32 орудія, 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій. Всего 9 баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудія, 7 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій.

«10) Общее командованіе надъ отрядами Его Высочества Принца Ольденбургскаго, генералъ-адъютанта графа Шувалова и генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера возлагается на командира 9-го корпуса, генералъ-лейтенанта барона Криденера. Въ случаѣ, еслибы движеніе нашихъ войскъ побудило бы турокъ очистить лютиковскую позицію, то, отдѣливъ для занятія очищенной лютиковской позиціи одинъ полкъ и одну батарею, остальные два полка со всею кавалеріею и артилеріею двинуть по шоссе къ позиціи, занимаемой отрядомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова.

«11) Санитарныя средства отряда распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

«а) Всему наличному персоналу дивизіоннаго лазарета 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ авангарда главныхъ силъ на Чурьякъ и Елесницу; б) половинѣ персонала дивизіоннаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ правой колонны генерала Вельяминова; в) другой половинѣ дивизіоннаго лазарета 2-й гвардейской пѣхот-

ной дивизіи оставаться при отрядѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова; г) санитарному персоналу 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ перваго и втораго эшелоновъ главной колонны на Чурьякъ и Елесницу; д) летучимъ отрядамъ Краснаго Креста слѣдовать въ хвостѣ колоннъ генераловъ Вельяминова и Дандевиля. По выходѣ въ долину Софіи устроить перевязочные пункты въ Жилявѣ и Елесницѣ.

«12) Я буду находиться въ началѣ движенія въ головѣ 1-го эшелона главной колонны, по выходѣ же въ долину Софіи въ деревнѣ Стольникъ».

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, планъ перехода заключался въ слѣдующемъ:

Отряды Принца Ольденбургскаго и часть отряда графа Шувалова, оставаясь на позиціи Шандорникъ-Арабъ-Конакъ, во все время движенія должны были производить демонстраціи съ фронта, крѣпко зацѣпить турокъ, а въ случаѣ ихъ отступленія—преслѣдовать по пятамъ. Колонна генерала Дандевиля должна была слѣдовать по златицкому пути, потомъ перевалить черезъ Бабу-гору и дѣйствовать по направленію на Буково, въ тылъ турецкой позиціи. Генералъ Вельяминовъ имѣлъ назначеніемъ, переваливъ черезъ Умургачъ и выйдя на Жиляву, составить заслонъ противъ противника, занимавшаго Софію. Главныя силы имѣли путемъ движенія дорогу, разработанную преображенцами, и должны были, выйдя въ Чурьякское ущелье, занять софійское шоссе и дѣйствовать въ тылъ турецкой позиціи. Главныя силы состояли собственно изъ авангарда и двухъ эшелоновъ.

Замѣчу, что, по случаю болѣзни генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, начальство надъ его отрядомъ принялъ генералъ Похитоновъ, начальникъ артилеріи 9-го корпуса.

Я былъ назначенъ начальникомъ штаба авангарда. На основаніи полученной диспозиціи, было написано нижеслѣдующее приказаніе по авангарду, утвержденное генералъ-маіоромъ Раухомъ:

«*Приказаніе по авангарду на 13-е и 14-е декабря 1877 г.*
д. Врачешъ, 12-го декабря 1877 г.

«Во исполненіе диспозиціи по отряду, войскамъ, входящимъ въ составъ авангарда, вытянуться, къ $5^1/_2$ часамъ утра, завтра, 13-го декабря, по софійскому шоссе, имѣя голову колонны у турецкаго артилерійскаго склада, и двигаться въ слѣдующемъ порядкѣ: двѣ сотни Кавказской казачьей бригады, Козловскій пѣхотный полкъ съ 4-мя орудіями 3-й артиллерійской бригады и 4-мя конными орудіями кавказской артилеріи. При этомъ Козловскому пѣхотному полку выдѣлить въ голову колонны, за сотнями, одну стрѣлковую роту, а остальныя 14 ротъ употребить для содѣйствія

движенію артилеріи, для чего назначить ко всѣмъ *восьми зарядным ящикамъ и четыремъ пѣшимъ орудіямъ по одной ротѣ*, а къ *четыремъ коннымъ орудіямъ* по *полуротѣ*. Роты выдѣляютъ отъ себя команды по 40 человѣкъ для непосредственнаго содѣйствія артилеріи, причемъ 20 человѣкъ въ каждой командѣ назначаются для работъ и 20 несутъ оружіе своихъ товарищей. Каманды смѣняются по усмотрѣнію ротныхъ командировъ, на которыхъ возлагается полная и строжайшая отвѣтственность за правильность и безостановочность движенія артилеріи. За Козловскимъ полкомъ двигаются лейбъ-гвардіи 1-й и 4-й Стрѣлковые баталіоны съ лейбъ-гвардіи 1-й батареей, затѣмъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ съ лейбъ-гвардіи 3-й и 6-й батареями. На каждое орудіе и зарядный ящикъ въ стрѣлковыхъ баталіонахъ и въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку назначить по одной ротѣ. Организація командъ для работъ при орудіяхъ,—какъ выше уже помянуто.

«По приходѣ на драгунскій бивакъ сдѣлать привалъ до 11-ти часовъ утра, причемъ людямъ произвести варку и раздать по чаркѣ водки на человѣка. Дальнѣйшее движеніе продолжать въ вышеуказанномъ порядкѣ.

«Во все время движенія ротные и баталіонные командиры должны попеременно слѣдить, чтобы ввѣренныя имъ части ни подъ какимъ видомъ не растягивались. Въ видахъ самаго точнаго и строжайшаго исполненія настоящаго требованія, предписываю въ хвостѣ каждой роты оставить фельдфебелей, которые со всей энергіей должны подгонять отстающихъ и слѣдить, чтобы роты двигались, такъ сказать, ящиками. Спустившись черезъ перевалъ, слѣдуетъ принять мѣры для скрытности движенія; всякій шумъ и разговоръ должны быть прекращены, а по приходѣ на бивакъ въ *д. Чурьякъ огни ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяется разводить*: людямъ отъ биваковъ не удаляться, а передъ д. Чурьякъ строжайше воспрещать выходить кому бы то ни было. Мѣры охраненія бивака будутъ указаны на мѣстѣ.

«Вьюки имѣть за своими частями: ротные за ротами, баталіонные за баталіонами и т. д.

«14-го декабря продолжать движеніе въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Въ 4 часа утра выступить двумъ сотнямъ Кавказской казачьей бригады, за ними Козловскому пѣхотному полку съ 4-мя орудіями 3-артилерійской бригады; къ орудіямъ назначить надлежащее число рабочихъ отъ Козловскаго полка. Изъ числа этихъ частей: одной сотнѣ, 4-мъ орудіямъ и полку между д. Чурьякъ и Потопъ свернуть влѣво, по указанію штабсъ-капитана Милорадовича. Другой сотнѣ пріостановиться, оставаясь по возможности незамѣченной для противника, и выжидать приближенія передоваго отряда, въ головѣ котораго двигаться. Вслѣдъ за вышеупомянутыми частями двинуться *передовому отряду*, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Клейнмихеля, въ слѣдующемъ порядкѣ: лейбъ-гвардіи 1-й Стрѣлковый Его Величества баталіонъ, лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый

Императорской фамилии баталіонъ, четыре конныхъ орудія Кавказской артилеріи, 4-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. *За передовымъ отрядомъ* слѣдовать *главнымъ силамъ*, а именно: двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, 1-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, одному баталіону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, 3-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, 6-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, наконецъ, девяти сотнямъ Кавказской казачьей бригады.

«Если не послѣдуетъ особаго приказанія, то въ передовомъ отрядѣ назначить для пособія движеніямъ артилеріи достаточное число рабочихъ, а въ главныхъ силахъ выдѣлить къ каждому орудію и зарядному ящику по одной ротѣ.

«О прочихъ подробностяхъ движенія будетъ сказано на мѣстѣ.

«Я буду находиться въ головѣ колонны главныхъ силъ, куда и присылать всѣ донесенія».

Подписалъ: Начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ *Раухъ*.

Кромѣ того, 12-го декабря былъ отданъ нижеслѣдующій приказъ по отряду.

Приказъ.

«Городъ Орханіэ. 12-го декабря 1877 года.

1.

«При движеніи войскъ по вновь разработанной дорогѣ необходимо наблюдать строгій порядокъ и заботиться, чтобы ее не портить. Вслѣдствіе этого предписывается флигель-адъютанту полковнику Скалону на всѣхъ мѣстахъ дороги, болѣе всего подверженныхъ возможности испортить ее, поставить офицеровъ и команды саперовъ, для наблюденія за состояніемъ дороги.

«Въ случаѣ порчи ея, офицерамъ этимъ останавливать движеніе войскъ и исправлять дорогу своевременно. Вообще полковнику Скалону принять всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ нужными, для поддержанія дороги въ исправномъ видѣ. Всѣ начальники обязаны, во время слѣдованія, безпрекословно исполнять требованія саперныхъ офицеровъ.

2.

«При всѣхъ предстоящихъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ ввѣреннаго мнѣ отряда предписываю дѣйствовать густыми стрѣлковыми цѣпями, поддержанными нѣсколькими линіями ротныхъ колоннъ Вообще избѣгать дѣйствія густыми глубокими колоннами, а стараться принимать тонкій строй. На подготовку атакъ огнемъ обратить серьезное вниманіе. Турки не любятъ

обходовъ, а потому при всякой возможности пользоваться обходами и охватами фланговъ. На примѣненіе къ мѣстности обратить самое строгое вниманіе. Патроны беречь, помня, что зарядныхъ ящиковъ съ нами не будетъ. Въ туманы быть крайне бдительнымъ, чтобы не перестрѣлять другъ друга, а потому, прежде открытія огня, убѣждаться не своя ли часть, въ которую хотимъ стрѣлять.

«Для этого имѣть впереди и по бокамъ дозоры, которые должны убѣждаться, кто появляется вблизи части, которую они охраняютъ, свои или турки, и давать объ этомъ знать начальнику части. Самымъ наистрожайшимъ образомъ преслѣдовать самовольное открытіе огня въ частяхъ. Огонь долженъ быть вполнѣ въ рукахъ начальниковъ».

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Въ виду важности предстоящаго намъ движенія въ стратегическомъ отношеніи, а также трудностей перехода черезъ Балканы, генералъ Раухъ отдалъ слѣдующей *приказъ* по отряду:

«Войска авангарда! Вамъ выпала почетная и славная доля: въ головѣ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ спуститься со снѣжныхъ высотъ балканскихъ, чтобы поразить врага въ его неприступномъ убѣжищѣ.

«Нашъ Царь, вся Россія, весь свѣтъ слѣдятъ за вашими подвигами въ борьбѣ съ суровой природой и врагомъ, который укрылся на недоступныхъ кручахъ, не смѣя помѣряться съ вами силами въ открытомъ полѣ.

«Пойдемъ-же смѣло и бодро впередъ!

«Еще одно усиліе и, съ Божіею помощью, послѣдняя грозная преграда, подъ защитой которой укрылся непріятель, останется за нами.

«Я увѣренъ, что ни стужа, ни мятель, ни высокія горы, а тѣмъ болѣе непріятель, уже битый вами не одинъ разъ, ничто васъ не остановитъ.

«И такъ, на радость Царя, Россіи и за Христову вѣру бодро впередъ!»

Авангардъ, какъ сказано, долженъ былъ выступить 13-го декабря въ 5½ часовъ утра, сдѣлать привалъ у поворота дороги отъ шоссе до 11 часовъ и, затѣмъ, начать подъемъ на перевалъ. По диспозиціи предполагалось, что къ вечеру авангардъ сосредоточится на перевалѣ; затѣмъ, на слѣдующій день, въ 4 часа утра, двинется далѣе и врасплохъ атакуетъ небольшіе турецкіе отряды, находившіеся въ деревняхъ Чурьякѣ и Потопѣ. Какъ увидимъ далѣе, разсчеты эти далеко не оправдались; авангардъ собрался на перевалѣ только 15-го числа, а вся операція перехода потребовала около восьми сутокъ. Дорога, по которой намъ приходилось двигаться, какъ упомянуто выше, была разработана лейбъ гвардіи Преображенскимъ полкомъ, подъ руководствомъ и при участіи гвардейскихъ саперовъ. Люди сдѣлали все что возможно: путь былъ уширенъ и выровненъ; слишкомъ крутые подъемы обдѣланы ступеньками, чтобы нога не скользила; на извѣстныхъ пунктахъ раз-

ставлены были саперы, чтобы производить своевременно необходимыя починки и поправки, тѣмъ не менѣе, движеніе оказалось чрезвычайно утомительнымъ, во-первыхъ, вслѣдствіе вообще громадности самаго подъема, протяженіемъ верстъ въ 7—8; во-вторыхъ, вслѣдствіе крутизны скатовъ во многихъ мѣстахъ. Идя одинъ и опираясь на палку, я часто долженъ былъ хвататься за кусты и сучья, чтобы подняться кверху; понятно послѣ этого, какія трудности представляло поднятіе тяжестей; въ-третьихъ, вслѣдствіе оттепели и затѣмъ морозовъ образовалась гололедица, и люди падали на каждомъ шагу. При такихъ условіяхъ артилерія рѣшительно не могла двигаться на лошадяхъ; ихъ пришлось выпречь при самомъ началѣ движенія, сдать орудія и ящики пѣхотѣ. На каждое орудіе и ящикъ назначено было по одной ротѣ. Люди впряглись въ лямки, и началась тяжелая, утомительная работа подъема на уходившій, казалось, въ безконечность перевалъ. Медленно тянулась вереница орудій и ящиковъ: безпрерывно раздавалось: «Ну, ребята, дружнѣе, еще, еще немножко!» и съ величайшими усиліями грузъ выкатывался на вершину. Затѣмъ снова то же, и опять: «разъ, два, три,—бери!» кричалъ бодрившійся начальникъ; люди напирали сколько было мочи, но, усталые и изнеможенные, они скользили, падали—и орудіе, поднятое на нѣсколько шаговъ, начинало катиться назадъ. «Камень, подложи камень подъ колеса»—слѣдовала команда, и общими усиліями грузъ удерживался, наконецъ, на мѣстѣ.

Стемнѣло. Затрудненія при движеніи еще болѣе возрастали, особенно на крутыхъ поворотахъ или въ узкихъ мѣстахъ дороги; переднія орудія сбили вырѣзанныя кое-гдѣ ступеньки; пришлось ихъ снова возобновлять. Въ лейбъ-гвардіи 1-мъ Стрѣлковомъ Его Величества баталіонѣ лямка у заряднаго ящика оборвалась; онъ сорвался назадъ, причемъ одинъ рядовой былъ убитъ на повалъ, а трое получили увѣчья. Ночью холодъ сталъ усиливаться; костры были строго воспрещены, но, по невѣдѣнію или недоразумѣнію, блеснулъ огонекъ въ одномъ, другомъ мѣстѣ, и скоро вся дорога освѣтилась яркими кострами, непрерывно обозначавшими путь движенія колонны. Усталые люди, протащивъ 15—20 шаговъ орудіе, останавливались для отдыха, ложились тутъ же на дорогѣ и мгновенно засыпали. Но отдыхать было некогда: слышалась команда: «вставать, вставать!»—и опять безконечная работа. Генералъ Гурко обогналъ войска на походѣ и расположился со своимъ штабомъ и ординарцами на ночлегѣ около двухъ костровъ, спустившись шаговъ сто съ перевала.

Часу во второмъ ночи, два передовыхъ орудія, при которыхъ мнѣ пришлось двигаться, достигли, наконецъ, перевала. Генералъ Раухъ,

оставаясь на половинѣ подъема, распоряжался движеніемъ авангарда, который, какъ сказано выше, не смотря на общія гигантскія усилія, подымался весьма медленно. О снѣ, о дѣйствительномъ отдыхѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи: необходимо было торопиться, чтобы не открыть движенія туркамъ. Кто въ чемъ былъ, гдѣ стоялъ, тамъ, посреди сугробовъ снѣга, пользуясь невольными остановками, и могъ вздремнуть.

На перевалѣ генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ мнѣ выбрать бивакъ для подходившихъ войскъ, причемъ размѣстить ихъ скрытно. Исполнить это было не трудно, такъ какъ за самымъ переваломъ войска маскировались хорошо, но при этомъ, конечно, всѣмъ намъ пришлось оставаться въ снѣгу по колѣно. Всю ночь я бродилъ взадъ и впередъ, встрѣчая подходившія части, которыя прибывали чрезвычайно медленно. Разъ я попытался уснуть, но морозъ такъ хватилъ по ногамъ, что я долженъ былъ вскочить и бѣгать.

Въ эту ночь, какъ я, такъ и сопровождавшій меня старшій адъютантъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи Алексѣевъ, отморозили себѣ немного ноги. Согрѣться не было никакой возможности, и только когда я подошелъ къ костру, у котораго лежалъ генералъ Гурко со своимъ штабомъ, то тогда только сталъ немного отходить. Большую пользу принесло кожанное польто, надѣтое сверху; оно предохраняло отъ сырости и сохраняло нѣсколько теплоту. Голодъ тоже давалъ себя чувствовать. Сопровождавшій насъ кореспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», князь Шаховскій, великодушно подѣлился со мною запасомъ консервовъ. Я вскрылъ жестянку и... къ досадѣ въ ней оказались бобы!

Слѣдующій день пришлось опять провести на ногахъ. Такъ какъ вьюки остались назади, то нужно было довольствоваться кобурными запасами, т. е. сухарями; у нѣкоторыхъ счастливцевъ нашелся чай и сахаръ, а у солдатъ манерки; состряпали чай, съ запахомъ баранины, варившейся въ импровизованномъ самоварѣ, но отъ этого не уменьшалась благотворность его дѣйствія и жадные рты обжигались горячимъ напиткомъ.

Ночь съ 14-го на 15-е пришлось намъ провести снова на перевалѣ, въ снѣгу, вдобавокъ поднялась сильнѣйшая мятель; костры погасли, мелкій снѣгъ пролѣзалъ всюду, таялъ, пускалъ ручьи по лицу, шеѣ... Почти двое сутокъ мы уже не раздѣвались и несли на себѣ тяжелое теплое платье, грузные сапоги и все вооруженіе; плечи ломило отъ тяжести, ноги горѣли отъ наминокъ, пояса казались желѣзными обручами, образовавшими круговыя раны, холодъ пронизывалъ насквозь, а голодъ неотвязно преслѣдовалъ. По истинѣ, это была «незабвенная ночь».

Посреди мятели, въ 3 часа утра, 15-го декабря, мы начали спускаться съ тѣмъ, что было подъ рукою; надо было торопиться, такъ какъ донесенія говорили, что турки усиливаются передъ Чурьякомъ и въ Потопѣ. Впередъ выдвинута была Кавказская казачья бригада, а за нею Козловскій полкъ съ Донской № 8-го батареей. Спускать орудія пришлось тоже на лямкахъ, безъ лошадей.

Спускъ едва ли не тяжелѣе былъ подъема, вслѣдствіе чуть не отвѣсной крутизны скатовъ. Орудія подвязывались канатами къ придорожнымъ пнямъ, кустамъ, камнямъ и спускались, постепенно вытравливая веревки, подобно якорямъ. Между тѣмъ, генералъ-адъютантъ Гурко присылалъ гонца за гонцомъ, торопя авангардъ. Турки занимали позицію, обстрѣливавшую Чурьякское ущелье, и могли, наконецъ, разгадать все то, что̀ происходило передъ ихъ носомъ. Мы сами это хорошо понимали и не теряли ни одной минуты. Когда спустился внизъ Козловскій полкъ и донская батарея, генералъ Раухъ со штабомъ поскакалъ въ Чурьякъ. Въ этой деревнѣ ночевалъ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Разработавшіе дорогу преображенцы на разсвѣтѣ спустились въ Чурьякъ и расположились тамъ совершенно скрытно. Въ Чурьякѣ мы подъѣхали прямо къ квартирѣ генерала Гурко, который въ это время отсутствовалъ: вмѣстѣ со Ставровскимъ онъ производилъ рекогносцировку подъ ружейнымъ непріятельскимъ огнемъ. Черезъ ¼ часа генералъ вернулся и пригласилъ къ себѣ генералъ-маіора Рауха и меня. Начальникъ отряда объяснилъ намъ планъ нашихъ дѣйствій.

Мы должны были двинуться впередъ съ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ; за нами приказано слѣдовать: Кавказской казачьей бригадѣ съ батареей и Козловскому пѣхотному полку. Преображенцы должны были сбить турокъ, находившихся прямо передъ ущельемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣднее изгибается колѣномъ и дѣлаетъ поворотъ направо. По сбитіи турокъ, козловцы должны были повернуть направо по ущелью и занять деревни Елесницу и Потопъ, а казаки — выскакать на шоссе. Преображенцы, отдохнувшіе нѣсколько послѣ разработки дороги, бодро двинулись впередъ. Я былъ совершенно изнеможенъ; безсонныя ночи, проведенныя на перевалѣ, страшная усталость, зубная и ревматическія боли лишали меня всякой возможности дѣятельно приняться за работу.

И потому, оставаясь при генералѣ Раухѣ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ Ставровскаго, который отлично изучилъ тамъ мѣстность и пробирался уже ранѣе между черкесами, провести отрядъ, что онъ и взялъ на себя охотно.

Турецкій пикетъ внимательно слѣдилъ, когда преображенцы, свернувъ изъ ущелья налѣво, вереницей стали подыматься на гору по направленію къ деревнѣ Негашеву.

Отъ постояннаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, въ холодное время года, почти всѣ люди страдали катаромъ дыхательныхъ путей, потому во время подъема общій кашель въ полку былъ неумолкаемъ: можно сказать, что цѣлый полкъ непрерывно кашлялъ.

Турецкій пикетъ постепенно усиливался; видно было, какъ люди поскакали по всѣмъ направленіямъ, и скоро вся высота покрылась кавалеріей; но преображенцы быстро построились въ боевой порядокъ и смѣло, безъ выстрѣла, двинулись на турецкую цѣпь, открывшую безпорядочную трескотню съ значительнаго разстоянія. Противникъ скоро началъ отступать и ушелъ къ шоссе подъ мѣткимъ огнемъ нашей пѣхоты. Преображенцы потеряли всего двухъ человѣкъ ранеными. Какъ только турки были сбиты, генералъ Раухъ послалъ приказаніе козловцамъ двинуться на Потопъ, а казакамъ—на шоссе; кстати и жертва тамъ для нихъ уже была приготовлена: тянулся значительный обозъ со слабымъ прикрытіемъ.

Съ занятой нами позиціи всѣ движенія и дѣйствія славныхъ казаковъ видны были какъ на ладони.

Генералъ Черевинъ двинулъ свои сотни справа по одному, рысью, по горной тропѣ, пролегавшей въ тылу нашей позиціи, и вышелъ противъ лѣваго фланга. Здѣсь казаки собрались у своихъ огромныхъ знаменъ (въ каждой сотнѣ) и выстроились развернутымъ фронтомъ. Командующій Кубанскимъ полкомъ Клуге-фонъ-Клугенау, объѣзжая ихъ ряды, громко говорилъ: «шашками ихъ руби, шашками!» Наконецъ четыре сотни двинулись, постепенно усиливая алюръ; глубокій снѣгъ покрывалъ равнину, и лошади увязали по колѣно; строй постепенно терялъ правильность, шеренги перемѣшивались, и казаки длинной общей лавой поскакали на обозъ... Тамъ суматоха и страхъ. Прикрытіе, не долго думая—на утекъ, подводы пріостановились, болгары съ радостнымъ любопытствомъ смотрѣли на приближавшихся «братушекъ». Послѣдніе пронеслись по обозу, порубили отставшихъ изъ прикрытія, повернули обозъ къ позиціи и торжественно двинулись впереди его: въ послѣднемъ и заключалась маленькая ошибка.

По шоссе, со стороны Софіи, показались вдругъ нѣсколько эскадроновъ черкесовъ. Выстроившись въ боевой порядокъ, т. е. въ одну линію, они понеслись на обозъ... Вотъ, вотъ они его настигаютъ, хвостъ обоза уже въ ихъ рукахъ, они скачутъ далѣе, но алюръ постепенно уменьшается,—смѣлости не достало скреститься шашками, и, отхвативши

половину обоза, они поворачиваютъ его и уходятъ назадъ; болгарамъ достается не одна затрещина... Все это произошло чрезвычайно быстро. Наконецъ казаки замѣтили нападеніе черкесовъ... Немедленно всѣ бывшія при обозѣ сотни поворачиваются кругомъ, устраиваются, подкрѣпляются еще двумя сотнями и несутся снова на черкесовъ; послѣдніе не принимаютъ удара, бросаютъ обозъ и ускакиваютъ за деревню Ташкисенъ. Обозъ окончательно дѣлается добычей казаковъ. Мы посылаемъ къ нимъ за галетами, и день счастливо заканчивается. Теперь уже людямъ разрѣшается зажечь костры, и притомъ чѣмъ больше, тѣмъ лучше—пускай противникъ знаетъ, что мы твердой ногой стоимъ на софійскомъ шоссе. Въ тотъ же день были заняты Козловскимъ полкомъ, безъ выстрѣла, Потопъ и Елесница; турки ушли при нашемъ приближеніи, не оказывая сопротивленія.

На другой день, на занятой позиціи мы расположились фронтомъ къ Ташкисену, имѣя въ боевой линіи дежурныя части, а всѣ прочія постепенно подходившія войска сосредоточились на квартирахъ въ д. Негашевѣ. Жители встрѣчали насъ съ восторгомъ, цѣловали руки солдатамъ и сапоги. которые помогали снимать, предлагали свои скудные запасы въ наше распоряженіе. Положеніе наше на негашевской позиціи не было особенно безопаснымъ: войска спускались съ горъ весьма медленно, задерживаемыя артилеріею. Колонна генерала Вельяминова, какъ при подъемѣ, такъ и особенно при спускѣ, встрѣтила такія затрудненія, что не могла, за исключеніемъ, кажется, одного полка, выдти на Жиляву, а повернула къ Чурьяку. Колонна генерала Дандевиля, при подъемѣ на открытую Бабу-гору, попала въ глубочайшіе снѣга; пришлось прочищать дорогу; при дальнѣйшемъ движеніи отрядъ былъ захваченъ страшными мятелями и холодомъ, понесъ значительныя жертвы, а орудія занесены были совершенно снѣгомъ, такъ что ихъ пришлось впослѣдствіи откапывать при помощи болгаръ. Такимъ образомъ мы должны были сначала дѣйствовать оборонительно, въ ожиданіи сосредоточенія авангарда и главныхъ силъ.

16-го декабря приказано было оставить при авангардѣ лишь незначительную часть казаковъ, а остальныхъ отправить къ Стольнику, для обезпеченія нашего праваго фланга и для дѣйствій на шоссе. Въ тотъ же день вечеромъ отъ командира Кавказской казачьей бригады было получено генераломъ Раухомъ слѣдующее донесеніе:

«Согласно полученнаго мною приказанія, собравъ ночью высланные разъѣзды, я двинулся съ бивака въ составѣ оставшихся $7^1/_2$ сотенъ; при выходѣ въ долину непріятель открылъ орудійный огонь; дабы не подвергать безполезной потерѣ часть, я приказалъ держаться ближе къ позиціи нашей

пѣхоты и такимъ образомъ вышелъ на шоссе и повернулъ лѣвымъ плечомъ впередъ. На высотахъ Горной Малины, лѣвый боковой авангардъ мой, высмотрѣвъ пѣшую цѣпь непріятельскую, бросился незамѣтно на нее, причемъ убитъ былъ турецкій офицеръ, другой взятъ въ плѣнъ, изрублено около пяти человѣкъ и столько-же взято живыми. При слѣдованіи далѣе по шоссе, въ верстѣ отъ Горной Малины, непріятель показался съ лѣвой стороны и двигался по разнымъ направленіямъ.

«Одна часть, двигавшаяся на встрѣчу къ намъ по шоссе, быстро свернула вправо по направленію къ Ихтиману. Въ то же время услышаны были выстрѣлы впереди; оказалось впослѣдствіи, что тамъ произошла встрѣча съ нашей пѣхотою, двигавшеюся по шоссе, транспорта. Освѣтивъ мѣстность влѣво отъ шоссе на далекое разстояніе, имѣя перестрѣлку съ коннымъ непріятелемъ, бродившимъ по разнымъ селеніямъ въ этой мѣстности, и получивъ свѣдѣніе отъ казаковъ, прикомандированныхъ къ Козловскому полку, что транспортъ продолжаетъ двигаться къ Софіи, рѣшено было атаковать его. Выстроивъ пять сотенъ (одну на шоссе и по двѣ вправо и влѣво отъ него), казаки бросились впередъ. Сотня, двинутая по шоссе, немедленно завязала перестрѣлку съ хвостомъ колонны непріятельской; непріятель остановился и открылъ оживленную перестрѣлку, засѣвъ въ канавахъ шоссе; при этомъ оказалось, что это была пѣхота.

«Движеніемъ боковыхъ сотенъ, слѣдовавшихъ на рысяхъ, непріятельская колонна вынуждена была вновь отступить, но, пройдя версты три, боковыя четыре сотни врѣзались въ транспортъ и начали рубить пѣхоту. Обозъ весь забранъ, тѣлъ непріятельскихъ осталось на мѣстѣ болѣе 50. Вся пѣхота прекрасно одѣта. Турецкая кавалерія, слѣдовавшая при обозѣ, свернула влѣво, такъ что я вынужденъ былъ послѣднія двѣ сотни выслать противъ нее. Бросившіеся на турокъ осетины живо прогнали ихъ, причемъ положили на мѣстѣ около четырнадцати тѣлъ, въ томъ числѣ два офицера. Мы могли дойти только до высоты Бугарова; имѣя въ виду обратное слѣдованіе къ Стольнику съ обозомъ около 300 подводъ и 600 головъ (300 воловъ и 300 барановъ), я приказалъ слѣдовать обратно. На высотѣ, не доходя Стольника версты двѣ, непріятель вновь сталъ наступать противъ моего праваго фланга. Волы, утомленные, отказались везти; тогда рѣшено было выпречь ихъ и гнать въ Елесницу, куда пригнано и около 100 подводъ. Непріятель, видя, что мы не двигаемся съ шоссе, а, напротивъ, развертываемъ боевой порядокъ, медленно началъ отходить. Съ наступленіемъ темноты, я, оставивъ три сотни въ Стольникѣ (въ томъ числѣ одну на шоссе), пришелъ съ обозомъ и скотомъ въ Елесницу. Потеря наша не приведена въ извѣстность, но не болѣе двухъ казаковъ. Лошади и люди до крайности утомлены. Не откажите прислать еще кавалеріи и прикажите собраться всей бригадѣ; много пѣшихъ казаковъ. Обозъ заключаетъ въ себѣ галеты, ячмень, овесъ, муку, теплую одежду и обувь.

«Безчисленное количество повозокъ брошено на всемъ пути до Софіи;

тѣла непріятельскія не убраны, словомъ сказать, непріятель въ паникѣ. Сожалѣю, что наступившая темнота и утомленіе людей и лошадей не дозволили мнѣ далѣе преслѣдовать непріятеля. Мы были отъ Софіи въ разстояніи 15-ти верстъ, сдѣлавъ сегодня около 45-ти верстъ на рыси и карьерѣ. Что прикажете дѣлать со скотомъ и обозомъ? Часть скота я разрѣшилъ дать армейскимъ ротамъ, стоящимъ въ Елесницѣ».

16-го декабря 1877 года. Елесница 10 ч. вечера.

Подписалъ: генералъ *Черевинъ*.

«P. S. Пѣхоты было около $1^{1}/_{2}$ таборовъ, кавалеріи эскадрона четыре, безъ артилеріи».

Транспортъ приказано было не бросать, а употребить все стараніе, чтобы собрать его и отдать пѣхотѣ въ Елесницѣ.

17-го декабря начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Нагловскій, писалъ генералу Рауху:

«Начальникъ отряда приказалъ:

«1) Передать 8-ю донскую казачью батарею 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

«2) Приказать генералу Черевину наблюдать за мѣстностью между Елесницей, Кремиковицы и шоссе и дальше къ западу.

«Если возможно, то занять Кремиковицы и вообще нашумѣть въ тылу турокъ, занимающихъ лютиковскую позицію.

«2-я гвардейская кавалерійская дивизія прибыла и сегодня выходитъ на шоссе. Она будетъ дѣйствовать къ югу отъ шоссе и противъ главной турецкой позиціи».

Въ тотъ же день были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія и было получено отъ генерала Черевина донесеніе, что приказаніе имъ исполнено.

Между тѣмъ, на занятой нами позиціи мы укрѣпились, т. е. выстроили ложементы для стрѣлковыхъ цѣпей и ихъ резервовъ. Холодъ все время былъ весьма сильный (я, напримѣръ, отморозилъ себѣ носъ), и потому, хотя мы и стояли въ виду противника на орудійномъ выстрѣлѣ, но на позиціи были только дежурныя части (около $1^{3}/_{4}$ отряда), а прочія войска оставались, какъ упомянуто, на квартирахъ въ д. Негашевѣ.

Разумѣется, дежурныя части мѣнялись каждыя сутки, кромѣ полусотни кубанскихъ казаковъ, которые содержали передъ нашимъ фронтомъ и правымъ флангомъ аванпосты. Числительность бѣдной полусотни не превосходила 20-ти человѣкъ. Турки также созерцали насъ спокойно; только разъ вздумалось имъ пошумѣть: выдвинулось нѣсколько эскадроновъ черкесовъ, заиграли по всѣмъ направленіямъ рожки, и съ про-

тиволежащихъ высотъ спустилась густая пѣхотная цѣпь; но нѣсколько пущенныхъ нами гранатъ заставили ихъ постепенно обратиться вспять, что вызвало всеобщій смѣхъ среди нашихъ солдатъ.

Подъ командой генералъ-маіора Рауха собрались въ это время слѣдующія войска: лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, три баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка (одинъ баталіонъ при спускѣ съ горъ оставленъ заслономъ влѣво въ ущельѣ), лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый Императорской фамиліи баталіонъ, 1-я и 3-я батареи (по четыре орудія каждая) лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, полсотни казаковъ; кромѣ того, лейбъ-гвардіи 1-й Стрѣлковый Его Величества баталіонъ и два баталіона Козловскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ полковника Васмунда, занимали позицію на «Черномъ Верхѣ», правѣе насъ, а одинъ баталіонъ Козловскаго пѣхотнаго полка находился въ д. Елесницѣ.

18-го декабря генералъ-адъютантъ Гурко объѣхалъ нашу позицію и сообщилъ, что такъ какъ всѣ почти войска уже сосредоточились, то на другой день онъ поведетъ атаку противъ главной турецкой позиціи, причемъ самъ указалъ мѣсто для батарей нашего отряда. Вечеромъ я долженъ былъ отправиться въ отрядный штабъ за диспозиціей для боя на 19-е декабря.

Тамъ я засталъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, который предложилъ начальнику отряда дѣйствовать своимъ правымъ флангомъ активно, а не ограничиваться одной пассивной демонстраціей. Генералъ-адъютантъ Гурко согласился на это предложеніе, и графъ Шуваловъ долженъ былъ, втащивши 9-ти-фунтовыя орудія на гору, дѣйствовать въ тылъ турецкой ташкисенской позиціи и войти направо въ связь съ полковникомъ Васмундомъ.

Послѣдній долженъ былъ также дѣйствовать въ связи съ отрядомъ генерала Рауха, которому предназначена была атака ташкисенскихъ редутовъ и селенія Ташкисена. Южнѣе же шоссе, противъ праваго фланга турокъ, направленъ былъ отрядъ генерала Курлова; въ общемъ резервѣ у д. Малины остался отрядъ генерала Философова. Согласно этой диспозиціи было отдано генераломъ Раухомъ слѣдующее приказаніе по авангарду:

Приказаніе по авангарду на 19-е декабря 1877 г.

«Вслѣдствіе диспозиціи по отряду на 19-е декабря, войскамъ авангарда исполнить слѣдующее:

«1) Лейбъ-гвардіи Измайловскому полку съ тремя батареями лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, собраться завтра, 19-го декабря, *къ 6-ти ч.*

утра въ промежуткѣ позади высотъ, на которыхъ нынѣ расположена 3-я батарея.

«2) Лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, лейбъ-гвардіи 4-му Стрѣлковому баталіону Императорской фамиліи, баталіону 123-го пѣхотнаго Козловскаго полка, 1-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады собраться завтра, *къ 6-ти ч. утра*, въ промежуткѣ, позади высотъ, занимаемыхъ нынѣ 1-й батареей и двумя орудіями 3-й батареи лейбъ гвардіи 1-й артилерійской бригады.

«3) Всѣмъ войскамъ, какъ находящимся въ Негашевѣ, такъ и на позиціи, выступить съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы *непремѣнно* собраться на указанныя выше мѣста *къ 6-ти ч. утра*; причемъ частямъ, расположеннымъ въ Негашевѣ, и баталіону лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, занимающему позицію въ лощинѣ, выступить не позже 3 ч. утра 19-го декабря. Артилеріи начать спускаться съ высотъ заблаговременно, чтобы не замедлить общаго сосредоточенія.

«4) Перевязочные пункты устроить за флангами боеваго расположенія по усмотрѣнію старшаго врача лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

«5) Прочія распоряженія будутъ сдѣланы мною на мѣстѣ».

Генералъ-маіоръ *Раухъ*.

Ночью съ 18-го на 19-е, авангардъ по сосредоточеніи выступилъ съ негашевской позиціи впередъ къ холмамъ, на которыхъ должны были занять позицію 1-я и 3-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады. Не смотря на всѣ усилія, небольшое разстояніе, версты въ четыре, мы двигались до разсвѣта: снѣжные сугробы мѣшали артилеріи на каждомъ шагу; наконецъ, батареи были установлены. На правомъ флангѣ, для атаки Ташкисена, сталъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; лѣвѣе батарей, три баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый баталіонъ Императорской фамиліи; 1-й баталіонъ преображенцевъ и одинъ козловцевъ составили общій резервъ. Противникъ занималъ два редута на командующихъ высотахъ и д. Ташкисенъ съ окрестностями. Батарея полковника Кокорева (3-я) быстро опредѣлила разстояніе (около 1,000 саженей) до турецкихъ редутовъ, и затѣмъ, наша артилерія открыла чрезвычайно мѣткій огонь шрапнелью, то по-орудійно, то залпами; турки отвѣчали изъ четырехъ дальнобойныхъ и двухъ горныхъ орудій; надо отдать имъ справедливость — стрѣляли чрезвычайно мѣтко. Съ первыхъ же выстрѣловъ былъ убитъ казакъ изъ конвоя генерала Рауха; флигель-адъютантъ полковникъ Стрижевскій (командиръ 1-й батареи) все время стоялъ среди фонтана осколковъ, и одна турецкая граната попала прямо въ дуло одного изъ его орудій, но, къ счастью, не по-

мѣшала дальнѣйшей стрѣльбѣ, сплющивъ металъ въ наружную сторону, а не къ каналу.

Въ первомъ часу, послѣ залпа съ батареи полковника Кокорева, на одномъ изъ турецкихъ редутовъ раздался страшный трескъ и поднялся точно фейерверочный буракъ—это взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ; тотчасъ по всей нашей линіи раздался крикъ «ура», турки же завопили «аманъ, аманъ»! Канонада продолжалась еще около часу; мы ожидали дѣйствія колонны полковника Васмунда, наступавшаго лѣвѣе насъ.

Отъ батарей генералъ Раухъ со штабомъ отправился впередъ къ преображенцамъ; послѣдніе, расположившись въ мертвомъ пространствѣ, совершенно не терпѣли отъ выстрѣла противниковъ. Когда мы приближались къ стрѣлковой цѣпи, турки замѣтили насъ и немедленно пустили гранату. Я шелъ съ прусскимъ маіоромъ Лигницомъ, и только благодаря тому, что не разорвался снарядъ, упавшій въ 2—3 шагахъ, мы остались цѣлы. Нѣсколько послѣдующихъ гранатъ уже были менѣе мѣтки. Лѣвѣе, по лощинѣ, двигался лейбъ-гвардіи 4-й Стрѣлковый Императорской фамиліи баталіонъ; едва цѣпь подошла къ двумъ одиноко стоявшимъ деревьямъ, какъ граната шлепнулась въ самой ея серединѣ. Подбѣжавшіе съ носилками санитары тоже были осыпаны мѣткими снарядами. Все прикрытіе, бывшее при графѣ Клейнмихелѣ, перебито, въ томъ числѣ и вызвавшійся охотникомъ въ бой баталіонный казначей.

Баталіонъ раздѣлился пополамъ, и одна его часть примкнула ближе къ преображенцамъ, а другая взяла влѣво и прикрылась лѣсистой высотой. Направо внизу измайловцы дѣйствовали сначала демонстративно противъ д. Ташкисена: они вели рѣдкій, толковый огнестрѣльный бой и медленно, но постепенно подвигались впередъ. Отрядъ полковника Васмунда долго не появлялся, задержанный сильными мѣстными преградами. Это насъ сильно безпокоило: по диспозиціи мы должны были дѣйствовать въ связи съ этимъ отрядомъ, а между тѣмъ уже былъ второй часъ, чувствовалось, что атака созрѣла; турки, какъ замѣтилъ маіоръ Лигницъ, начали увозить орудія изъ редутовъ; тогда генералъ Раухъ рѣшился вести общую атаку. Батареи получили приказаніе открыть усиленную пальбу, пока не подойдетъ пѣхота близко къ редутамъ; чтобы артилерія и измайловцы могли оріентироваться относительно хода атаки, а также для развлеченія вниманія противника, 14-я рота (барона Корфа) лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка направлена была открыто по гребню хребта, на вершинѣ котораго были расположены турецкіе отряды, а прочія части были переведены генераломъ Раухомъ влѣво и наступали въ мертвомъ пространствѣ.

Съ высотъ на позиціи Преображенскаго полка отлично было видно движеніе измайловцевъ въ атаку. Давно ли былъ достопамятный Горный-Дубнякъ, а между тѣмъ, какая разница въ искусствѣ дѣйствій, въ умѣньѣ примѣнять формы строя къ свойствамъ нынѣшняго оружія и характера мѣстности! Вмѣсто церемоніальнаго движенія въ атаку съ подсчитываніемъ ноги: «лѣвой, правой», мы видимъ рѣдкую цѣпь, поддержка въ сильно разомкнутомъ строѣ, линіи одна отъ другой на значительномъ разстояніи.... Одно только не соразмѣрили—слишкомъ рано начали кричать «ура». Преображенцы съ такимъ же искусствомъ наступали—всякій кустикъ былъ эксплуатируемъ; двигаясь по страшной кручѣ, они выбирали преимущественно мертвыя пространства, во избѣжаніе излишнихъ потерь; только рота барона Корфа, какъ сказано, двигалась по открытому гребню. Полкъ до тѣхъ поръ еще не былъ въ горячемъ бою; офицеры и нижніе чины рвались въ дѣло: командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій, полковникъ графъ Граббе, флигель-адъютантъ, полковникъ Авиновъ и другіе, изнемогая отъ усталости, поддерживаемые подъ руки нижними чинами, шли впереди своихъ частей. Турки открыли сильнѣйшую трескотню; еще ранѣе былъ сбитъ гранатой крестъ со знамени, но баталіоны безостановочно шли впередъ, и противникъ бѣжалъ, не выждавъ удара въ штыки, что вызвало общія сожалѣнія. По занятіи редутовъ, намъ, по обыкновенію, достались: палатки, галеты, патроны и проч. Сами редуты состояли изъ груды камней, что слѣдуетъ объяснить какъ недостаткомъ вблизи хорошаго грунта, такъ и спѣшностью возведенія верковъ. Обыкновенно же, при достаточности времени, турки въ этомъ дѣлѣ обнаруживаютъ замѣчательное искусство и доходятъ, можно сказать, до безполезнаго излишества. Этому мы имѣли наглядныя доказательства на всемъ пути отъ Правеца до Врачеши. Брошенныя укрѣпленія носили самый разнообразный характеръ, но общая ихъ черта—необычайная тщательность отдѣлки: все размѣрено рейками и шнурами, а на скатѣ бруствера одного изъ ложементовъ д. Врачеши выдѣланы были даже желобки для помѣщенія ружейныхъ стволовъ!

Преображенцы преслѣдовали турокъ до слѣдующаго гребня, а затѣмъ были возвращены назадъ; измайловцы ворвались въ д. Ташкисенъ, перекололи засѣвшихъ и отстрѣливавшихся въ домахъ турокъ, прошли всю деревню и заняли ложементы впереди и правѣе ея у шоссе.

Къ вечеру, когда войска уже были размѣщены, послышался справа, на высотѣ, голосъ солдата изъ отряда генерала Курлова: «1-я

дивизія, наступайте; турки, около 3,000, бросаютъ оружіе и желаютъ сдаться».

Офицеры изъ цѣпи подтвердили слова кричавшаго.

Я хотѣлъ выѣхать впередъ для переговоровъ, но генералъ Раухъ рѣшительно удержалъ меня, зная по опыту предательство турокъ.

Вмѣсто этого онъ выдвинулъ впередъ баталіонъ л.-гв. Измайловскаго полка, и мы отправились вмѣстѣ для переговоровъ; но едва мы успѣли пройти шаговъ 200, какъ турки открыли сильнѣйшій ружейный огонь. Это одна изъ хитростей, тоже вполнѣ совмѣстимая съ понятіями о военной части у нашихъ бывшихъ противниковъ...

На слѣдующій день мы двинулись впередъ, съ цѣлью окончательно окружить турокъ, но они уже очистили арабъ-конакскую позицію и бѣжали на Петричево и Златицу. Часть войскъ была отправлена для ихъ преслѣдованія, а авангардъ возвратился къ Ташкисену.

Изъ перехваченныхъ телеграмъ Беккера-паши (бывшаго въ Ташкисенѣ) и начальствовавшаго на Арабъ-Конакѣ Шакира-паши, оказалось, что турки не знали своевременно о нашемъ движеніи; Беккеръ-паша телеграфировалъ сперва, что, къ величайшему его удивленію, «московы» вышли изъ Чурьякскаго ущелья, а затѣмъ, что «московы», развернувши огромныя силы, наступаютъ чрезвычайно быстро и грозятъ охватить его желѣзнымъ кольцомъ; результатомъ этой интимной переписки было поголовное бѣгство турокъ со всѣхъ балканскихъ позицій.

Ночью съ 20-го на 21-е мы получили приказаніе выступить немедленно и двинуться по софійскому шоссе къ д. Враждебной, гдѣ и занять мостъ черезъ Искеръ. Оказалось, между прочимъ, что турки выступили изъ софійскаго лагеря, атаковали 20-го числа, въ превосходныхъ силахъ, генерала Вельяминова, но были отброшены съ огромнымъ урономъ. Такимъ образомъ наша задача заключалась еще и въ томъ, чтобы поддержать, въ случаѣ надобности, генерала Вельяминова.

Мы выступили въ 2 часа ночи; движеніе, вслѣдствіе крутизны спусковъ, было весьма затруднительно и совершалось со скоростью двухъ верстъ въ часъ. Весь путь около Горняго-Бугарова былъ усѣянъ турецкими трупами, обломками повозокъ, всякимъ хламомъ—тутъ поработали наши кавказскіе казаки.

На шоссе, противъ д. Бугарова, находившейся вправо верстахъ въ двухъ, къ намъ на встрѣчу выѣхалъ генералъ Вельяминовъ со своимъ штабомъ и разсказалъ въ общихъ чертахъ свое славное дѣло съ турками. Съ шоссе отлично была видна подковообразная, возвышавшаяся посреди гладкой равнины, позиція, занятая нашими въ дѣлѣ 20-го декабря; мы могли также осмотрѣть убійственную, открытую мѣстность,

по которой наступали турки. Глядя на это поле сраженія, понятно становилось, почему наши потери были въ десять почти разъ меньше, нежели у противника (въ отрядѣ генерала Вельяминова выбыло изъ строя менѣе 250 человѣкъ, а у турокъ 800 убитыхъ и около 1,400 раненыхъ). У Бугарова къ намъ присоединились двѣ сотни кавказцевъ, которые и были выдвинуты впередъ, совмѣстно съ конно-гренадерскимъ взводомъ, находившимся при нашемъ отрядѣ еще со времени ташкисенскаго боя. Версты за 2$^1/_2$ до Враждебной, наша кавалерійская цѣпь была встрѣчена огнемъ турецкой регулярной кавалеріи и затѣмъ пѣхоты, перешедшей черезъ мостъ. Генералъ Раухъ выдвинулъ немедленно гвардейскую Стрѣлковую бригаду впередъ, преображенцевъ влѣво, а измайловцы были оставлены въ резервѣ. Преображенцы и наши несравненные стрѣлки развертывались и маневрировали какъ на ученьѣ. Турки, по обыкновенію, трещали поодиночкѣ и гремѣли залпами, но мѣткій огонь 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ, 6-й батареи 3-й гвардейской и гренадерской бригады, 3-й батареи л. гв. 1-й артилерійской бригады и обходъ Преображенскаго полка рѣшили дѣло—противникъ ушелъ въ Софію. Попытка сжечь мостъ черезъ Искеръ ему не удалась. Наши стрѣлки и бывшіе при отрядѣ гвардейскіе саперы потушили огонь и исправили мостъ.

Занявши позицію у Софіи и укрѣпившись на ней, мы ожидали прибытія еще части нашихъ войскъ, чтобы атаковать турокъ у Софіи. Атака назначена была на 24-е декабря, и генералъ Гурко произвелъ самъ рекогносцировку непріятельской позиціи, причемъ очутился въ тылу турецкихъ аванпостовъ; но еще 23-го прибѣжалъ болгаринъ, а затѣмъ прибыли и наши разъѣзды, сообщившіе, что турки очистили городъ и укрѣпленный лагерь. Впослѣдствіи мы узнали, что въ день выхода нашего изъ Чурьякскаго ущелья прибылъ въ Софію Сулейманъ, который высказалъ, что позиція у города недостаточно сильна, и рѣшился ее очистить. По полученіи свѣдѣній объ уходѣ турокъ изъ Софіи, генералъ Раухъ немедленно двинулся съ авангардомъ впередъ. Впереди шли, подъ моимъ начальствомъ, кавказскіе казаки, затѣмъ взводъ конной артилеріи и эскадронъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка, присоединившагося къ намъ на позиціи у Враждебной; затѣмъ слѣдовали главныя силы: преображенцы, семеновцы, измайловцы и егеря.

При самомъ входѣ въ городъ насъ встрѣтили: духовенство съ крестами, хлѣбомъ и солью, и огромныя массы народа, кричавшія «ура», «здорово братушки»; женщины бросали миртовыя вѣтви, подавали солдатамъ хлѣбъ и т. п. Авангардъ прошелъ безостановочно по дорогѣ на Радомиръ и занялъ позицію передъ ущельемъ.

Въ самой Софіи я отдѣлилъ взводъ гродненскихъ гусаровъ и направилъ его на Пиротъ для связи съ сербской арміей, которая подвигалась къ Софіи.

Прочіе полки съ распущенными знаменами вступили въ городъ. Генералъ Гурко, принявъ хлѣбъ-соль, отправился прямо въ соборъ, гдѣ болгарскимъ духовенствомъ былъ отслуженъ молебенъ. Послѣ этого одинъ изъ гражданъ произнесъ тутъ же рѣчь, на которую генералъ Гурко отвѣтилъ нѣсколькими словами. Въ тѣхъ мѣстахъ рѣчей, которыя производили особенное впечатлѣніе на слушателей, раздавались единодушные, громкіе и протяжные возгласы «аминь, аминь». Многіе выражали свое воодушевленіе аплодисментами и криками «браво».

Самый городъ Софія, съ культурно-европейской точки зрѣнія, представляется вполнѣ азіятскимъ городомъ: улицы узкія, кривыя, объ освѣщеніи и помину нѣтъ, вмѣсто магазиновъ жалкія лавчонки, масса лачугъ, и только нѣсколько правительственныхъ зданій приличнаго характера. Есть тутъ и лекарница (аптека), и три ресторана, но все это не лучше того, что можно встрѣтить въ нашихъ бѣдныхъ уѣздныхъ городахъ.

Войска наши размѣстились частью на передовыхъ позиціяхъ, частью въ самомъ городѣ и окрестныхъ деревняхъ.

Большая же часть отряда осталась въ окрестностяхъ Комарційской долины. Военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ флигель-адъютантъ князь Оболенскій, которому предстояло немало хлопотъ, чтобы поддержать порядокъ при столпленіи войскъ и жителей; вдобавокъ къ этому, множество турецкихъ семействъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ мѣстъ и слѣдовавшихъ за отступавшими войсками, вернулись назадъ и запрудили Софію.

Болгары, у которыхъ отобранъ былъ скотъ и повозки подъ свозъ тяжестей бѣглецовъ, пользуясь нашимъ приходомъ, просили возстановить права ихъ собственности—это тоже была не легкая задача.

Трудно выразить, какое блаженство мы испытывали, очутившись, наконецъ, въ городѣ, въ теплой избѣ.

Послѣ тяжелыхъ трудовъ, перенесенныхъ войсками, генералъ-адъютантъ Гурко благодарилъ ихъ въ нижеслѣдующемъ прочувствованномъ *приказѣ*, отданномъ въ г. Софіи.

«Войска ввѣреннаго мнѣ отряда!

«Разбивъ турокъ 12-го октября подъ Горнимъ-Дубнякомъ и 16-го октября подъ Телишемъ, вы окружили армію Османа-паши въ Плевнѣ, пересѣкли ей всѣ пути сообщенія, замкнули желѣзный кругъ, окружавшій

Плевну, и съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи Османа-паши сдѣлались вопросомъ времени. Вскорѣ, а именно 28-го октября, легкимъ кавалерійскимъ налетомъ вы взяли городъ Врацу. Передавъ затѣмъ завоеванныя вашей кровью позиціи вновь прибывшимъ войскамъ гренадерскаго корпуса, я повелъ васъ, 5-го ноября, противъ другой арміи Мехмета-Али, собиравшейся въ окрестностяхъ Орханіэ и шедшей на выручку арміи Османа-паши. Разбивъ турокъ 11-го ноября подъ Правцемъ и 12-го ноября подъ Этрополемъ, овладѣвъ послѣ блестящаго дѣла высотами Вратешки, 16-го ноября, и наконецъ разбивъ турокъ 21-го ноября, на высотахъ Арабъ-Конака, вы овладѣли почти всѣми Балканскими горами, вытѣснили турокъ изъ многихъ чрезвычайно сильныхъ позицій и прижали непріятеля къ самому краю Балканскаго хребта.

«Въ это же время вы съ бою овладѣли Златицкимъ переваломъ и стали твердою ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ.

«Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ морозовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непрогляднаго постояннаго тумана. Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на вашу долю. Вы все перенесли по истинѣ съ геройскою русскою стойкостію и твердостію. Вы втащили на горы, въ заоблачныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кручамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопою стояли на угрюмыхъ высотахъ Балкана.

«Наконецъ пришелъ часъ перехода черезъ Балканы. Дорогъ для движенія не было: кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ,—вы съ неимовѣрными трудами продѣлали себѣ дороги, и на высотахъ Умургача, Чернаго верха и Бабы горы, заблестѣли русскіе штыки и русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты.

«Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній и поразительные труды и терпѣніе составятъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы.

«19-го декабря вы спустились въ долину Софіи, причемъ завидная доля первому спуститься съ Балканскихъ горъ выпала старѣйшему въ нашей арміи петровскому Преображенскому полку, шедшему въ головѣ авангарда генерала Рауха. Въ тотъ же день вы мужественно атаковали ташкисенскую позицію, штурмомъ завладѣли турецкими редутами и трудно доступными горами, заставили армію Шакира бѣжать въ теченіе ночи съ крѣпкой Арабъ-конакской позиціи и открыли прямой путь сообщенія по орханійскому шоссе.

«Оставивъ 3-ю гв. пѣхотную дивизію и большую часть 9-го корпуса подъ начальствомъ барона Криденера для преслѣдованія бѣжавшихъ турокъ, я съ остальною частію отряда двинулся 21-го декабря противъ Софіи.

«Въ то время, когда большая часть отряда дралась съ главною арміею Шакира, меньшая часть, а именно пять баталіоновъ 9-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, имѣла блистательное дѣло при Горнемъ-Бугаровѣ, гдѣ небольшая горсть нашихъ храбрецовъ отбила атаки въ три раза сильнѣйшаго противника. Завладѣвъ съ боя 21-го декабря мостомъ черезъ р. Искеръ, у д. Враждебной, вы подошли къ Софіи, и одинъ видъ вашъ навелъ такой страхъ на турецкія войска, что они, будучи въ составѣ 25 баталіоновъ, не рѣшились защищать твердыни Софіи и бѣжали въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, бросивъ тысячи раненыхъ и больныхъ безъ всякаго призрѣнія и помощи.

«Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей кампаніи, переходъ черезъ Балканы, въ которомъ не знаешь: чему болѣе удивляться, храбрости ли и мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ, или же стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ въ борьбѣ съ горами, морозами и глубокими снѣгами.

«Пройдутъ года—и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордостію и торжествомъ скажутъ: «здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу суворовскихъ и румянцевскихъ чудо-богатырей».

«Спасибо вамъ, молодцы, за вашу геройскую службу, спасибо вамъ за то, что вы порадовали Царя и Россію и поднесли имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова.

«Считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать о трудахъ и заслугахъ командира 9-го корпуса генералъ-лейтенанта барона *Криденера*.

«Пользуюсь симъ приказомъ, чтобы выразить мою душевную и сердечную признательность начальнику штаба моего отряда, генералъ маіору *Нагловскому*. Его мудрымъ совѣтамъ и поразительному хладнокровію отрядъ во многомъ обязанъ добытыми нами блестящими результатами.

«Съ чувствомъ особаго удовольствія сердечно благодарю командующаго 2-ю гв. пѣхотною дивизію генералъ-адъютанта *графа Шувалова 2-го*, командира 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора *Дандевиля*, командующаго 1-ю гв. пѣхотною дивизіею генералъ-маіора *Рауха*, начальника артилеріи отряда свиты Его Величества генералъ-маіора *Бреверна*, начальника 31-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта *Вельяминова*, начальника штаба 9-го корпуса генеральнаго штаба генералъ-маіора *Липинскаго*, командира 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотный дивизіи Его Высочество *Принца Ольденбургскаго*, командира гв. Стрѣлковой бригады свиты Его Величества генералъ-маіора *Эллиса*, командира 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи свиты Его Величества генералъ-маіора *Брока*, командира 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи свиты Его Величества генералъ-маіора *Эттера*, командировъ полковъ: л.-гв. Московскаго флигель-адъютанта полковника *Гриппенберга*, С.-Петербургскаго Гренадерскаго короля прусскаго генералъ-маіора *Курлова*, л.-гв. Волынскаго генералъ-маіора *Мирковича*, л.-гв. Гренадерскаго, флигель-адъютанта полков-

ника *Любовицкаго*, л.-гв. Финляндскаго, полковника *Шмита*, л.-гв. Преображенскаго, флигель-адъютанта полковника *князя Оболенскаго* и 10-го Новоингерманландскаго полковника *графа Комаровскаго*, командира л.-гв. Сапернаго баталіона флигель-адъютанта полковника *Скалона*, командировъ стрѣлковыхъ баталіоновъ: 1-го Его Величества, полковника *Васмунда*, и 4-го Императорской фамиліи флигель-адъютанта полковника *графа Клейнмихеля*, и командующихъ полками: 11-го Псковскаго подполковника *Кобордо* и 12-го Великолуцкаго маіора *Беатера*, генеральнаго штаба полковника *Сухотина*; подполковниковъ: *Ставровскаго* и *Пузыревскаго*, и штабсъ-капитана *Протопопова*, и всѣхъ командировъ пѣхотныхъ полковъ, начальниковъ штабовъ дивизій, командировъ артилерійскихъ бригадъ, командировъ баталіоновъ, батарей и ротъ и всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

«Благодарю также командующаго 2-й гвардейской кавалерійскою дивизіею свиты Его Величества генералъ-маіора *Клодта*, начальника штаба этой дивизіи полковника *Бунакова*, командира сводно-драгунской бригады генералъ-маіора *Краснова*, командировъ полковъ: лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго свиты Его Величества генералъ-маіора *графа Ламсдорфа*, лейбъ-гвардіи Уланскаго свиты Его Величества генералъ-маіора *Эттера*, лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества, флигель-адъютанта полковника *барона Мейендорфа*, командующаго лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ полковника *Ковалевскаго*, командира 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи свиты Его Величества генералъ-маіора *графа Де-Бальмена*, командировъ полковъ: лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества флигель-адъютанта полковника *барона Притвица* и лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго Его Высочество *Принца Саксенъ-Альтенбургскаго*, командира Сводно-кавказской бригады свиты Его Величества генералъ-маіора *Черевина*, командира Владикавказскаго казачьяго полка полковника *Левиса*, командира Сводно-казачьей бригады генералъ-маіора *Курнакова*, командира 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка полковника *Ребиндера*, и всѣхъ командировъ кавалерійскихъ полковъ, командировъ дивизіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и командировъ конныхъ батарей, генеральнаго штаба капитана *Храповицкаго*, и всѣхъ вообще офицеровъ пѣхоты, артилеріи и кавалеріи. Сихъ послѣднихъ въ особенности за молодецкія и лихія развѣдки. Благодарю также штабъ и оберъ-офицеровъ всѣхъ штабовъ и офицеровъ, состоящихъ при мнѣ ординарцами. Благодарю полковника *Доманевскаго*, благодаря трудамъ и распорядительности котораго весь отрядъ никогда не нуждался въ предметахъ продовольствія.

«Благодарю за неутомимые и полезные труды по санитарной части отряднаго врача статскаго совѣтника доктора медицины *Энкгофа*, уполномоченнаго при летучихъ отрядахъ для гвардейскаго корпуса и этапѣ отъ Государыни Цесаревны колежскаго совѣтника *Петлина*, и всѣхъ врачей,

Лит. А. Я. Иванова, уголъ мал. Подъяческой ул. д. № 9½.

состоящихъ при дивизіонныхъ лазаретахъ, при частяхъ войскъ и въ санитарномъ отрядѣ Государыни Императрицы.

«Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ».

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Во время пребыванія нашего въ Софіи, съ нами вошли въ связь сербы, и я видѣлъ на улицѣ конвой Хорватовича, прибывшаго для свиданія съ генералъ-адъютантомъ Гурко. Впослѣдствіи сербы, напуганные движеніемъ Гафиза-паши, отошли назадъ, и связь съ ними у насъ прекратилась. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ познакомились съ европейскими консулами, съ леди Стрэнгфордъ, благотворившей въ турецкомъ госпиталѣ, и съ нѣкоторыми изъ зажиточныхъ жителей.

VII.

Отъ Софіи до С.-Стефано. Миръ.

Приказъ и диспозиція для выступленія. — Средніе Балканы. — Долина Марицы.- Татаръ-Базарджикъ.—Хаосъ разрушенія.—Филипопольскій бой 3-го января.—Филипополь.—Радушная встрѣча въ Станимакахъ.—Движеніе къ Адріанополю.—Погибшее населеніе. — Сплошные ряды труповъ. — Адріанополь. — Движеніе къ Силеври. — Нѣсколько дней въ Силеври. — Выступленіе къ демаркаціонной линіи.— Движеніе къ Беюкъ-Чекмедже.—Совмѣстный ночлегъ съ турками.—Санъ-Стефано.—Миръ.—Парадъ.

Если Софія со своимъ наружнымъ видомъ вполнѣ азіятскаго характера не оправдала нашихъ ожиданій, то горячимъ, радушнымъ пріемомъ христіанскаго населенія, согрѣвшаго и успокоившаго насъ послѣ мѣсячнаго пребыванія въ дикихъ, пустынныхъ, суровыхъ Балканахъ, оставила въ насъ одно изъ лучшихъ воспоминаній нынѣшней кампаніи.

Отдохнувъ дней 5—6, запасшись сухарями и т. п., мы выступили 29-го декабря на Филипополь, слѣдуя тѣмъ великимъ историческимъ путемъ, по которому нѣкогда двигались македонскія фаланги, римскіе легіоны и разношерстный сбродъ крестоносцевъ.

О туркахъ мы не имѣли точныхъ свѣдѣній; говорили, что часть ихъ занимаетъ Трояновы ворота; а тѣ, которые ушли изъ Софіи, отступили на Кюстендиль и Самаковъ.

Относительно сформированія отрядовъ для дальнѣйшаго движенія и слѣдованія разныхъ колоннъ отданы были по отряду слѣдующіе приказъ и диспозиція:

ПРИКАЗЪ.

25-го декабря 1877 г, отданный въ городѣ Софіи.

«1) По случаю кончины начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Каталея, предписываю вступить въ командованіе 3-й гвардейскою пѣхотною дивизіею генералъ-маіору Дандевилю.

«2) Вмѣсто генералъ-маіора Дандевиля предписываю вступить въ командованіе частями 3-й пѣхотной дивизіи, входящими въ составъ ввѣреннаго мнѣ отряда, полковнику графу Комаровскому.

«3) Для предстоящихъ ввѣренному мнѣ отряду операцій предписываю сформировать слѣдующіе отряды:

«а) Подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова (8 баталіоновъ, 12 сотенъ, 12 конныхъ орудій).

«8 баталіоновъ полковъ Тамбовскаго, Пензенскаго и Козловскаго, Кавказская казачья бригада, 4 орудія 2-й батареи гвардейской конной артилеріи, 2 орудія 5-й батареи гвардейской конной артилеріи и 8-я донская казачья батарея.

«б) Подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова. (38 баталіоновъ, 68 пѣшихъ орудій, 12 эскадроновъ, 8 конныхъ орудій).

«1-я гвардейская пѣхотная дивизія съ пятью батареями лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артилеріею, гвардейская стрѣлковая бригада, 3-я гвардейская и гренадерская артилерійская бригада; 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ четырьмя орудіями 3-й батареи гвардейской конной артилеріи, одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, Астраханскій драгунскій полкъ и 6-я донская гвардейская казачья батарея.

«в) Подъ начальствомъ командира 9-го корпуса (24 баталіона, 44 пѣшихъ орудія, 16 эскадроновъ и сотенъ, 14 конныхъ орудій).

«3-я гвардейская пѣхотная дивизія; Воронежскій, Костромской и Галицкій пѣхотные полки, 1-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, 31-я артилерійская бригада и четыре батареи 5-й артилерійской бригады; 2-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ двумя орудіями 5-й батареи гвардейской конной артилеріи; Екатеринославскій драгунскій полкъ, четыре сотни сводной казачьей бригады, 16-я конная батарея, 15-я и 19-я донскія казачьи батареи.

«г) Подъ начальствомъ Полковника Рыкачева (6 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій).

«2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи и двѣ батареи 5-й артилерійской бригады.

«д) Подъ начальствомъ полковника графа Комаровскаго ($7^1/_2$ баталіоновъ, 12 пѣшихъ орудій, 2 сотни).

«$1^1/_2$ баталіона Новоингерманландскаго полка; 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи; три батареи 3-й артилерійской бригады и двѣ сотни сводной донской казачьей бригады.

«Всего $83^1/_2$ баталіона, 132 пѣшихъ орудія, 42 эскадрона и сотенъ, 34 конныхъ орудія.

«1-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи не входитъ въ составъ отрядовъ и будетъ впослѣдствіи прикомандирована къ какому либо отряду, или же будетъ дѣйствовать отдѣльно, смотря по обстоятельствамъ.

«4) Предписываю полковнику Доманевскому снабдить всѣ эти отряды сухарями до 4-го января 1878 года включительно, считая по одному фунту въ день на человѣка; если же для удовлетворенія всѣхъ войскъ не хватитъ сухарей, то недостающее количество сухарей замѣнить равнымъ по вѣсу количествомъ крупъ.

«5) Предписываю всѣмъ начальникамъ отрядовъ немедленно снабдить части, входящія въ составъ отрядовъ, порціоннымъ скотомъ въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ на четыре дня. При дальнѣйшихъ движеніяхъ начальники отрядовъ должны заботиться о своевременномъ снабженіи частей порціоннымъ скотомъ, употребляя для сбора скота, въ случаѣ крайности, состоящія при отрядахъ кавалерійскія части. За собираемый у жителей скотъ уплачивать немедленно звонкою монетою. Всюду, гдѣ только окажется малѣйшая возможность, заставлять крестьянъ печь хлѣбъ и уплачивать за него деньги. Покупаемый хлѣбъ показывать къ зачету и тѣмъ сберегать сухари. При этомъ обращаю вниманіе всѣхъ начальниковъ, что при теперешнемъ крайне дурномъ состояніи дорогъ подвозъ сухарей встрѣчаетъ невообразимыя затрудненія и что поэтому необходимо пользоваться всякимъ представляющимся случаемъ сберегать сухари. Заботиться о сбереженіи сухарей есть долгъ чести и патріотизма всякаго начальника. Если частные начальники будутъ за все платить звонкою монетою и будутъ зорко слѣдить, чтобы не было грабежа въ войскахъ, то можно будетъ достать очень многое, потому что край богатый и не разоренный. Въ противномъ случаѣ, болгары будутъ разбѣгаться при нашемъ приближеніи и прятать свои запасы.»

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко*.

ДИСПОЗИЦІЯ.

Городъ Софія, 25-го декабря 1877 г.

«Войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда произвести наступленіе на Татаръ-Базарджикъ четырьмя колоннами по дорогамъ: а) изъ Софіи черезъ Пусто-Пасарель, Самаковъ, Банья и Зимчина; б) изъ Софіи и окрестностей Ташкисена по большому филипопольскому шоссе, черезъ Ихтиманъ и Трояновы ворота; в) изъ долины Камарційской и Петричева долиною рѣки Топольницы, черезъ Пойбренъ и Лесичево и, наконецъ, г) изъ Петричева черезъ Отлукіой и далѣе по шоссе въ Татаръ-Базарджикъ.

«По дорогѣ черезъ Самаковъ двинуться отряду генерала Вельяминова; по шоссе черезъ Ихтиманъ—отряду генералъ-адъютанта графа Шувалова; по долинѣ рѣки Топольницы—отряду генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера и наконецъ черезъ Отлукіой—отряду генералъ-лейтенанта барона Криденера.

«Такъ какъ каждая колонна можетъ встрѣтить на своемъ пути различныя препятствія, происходящія какъ отъ мѣстныхъ условій, такъ и отъ дѣйствій непріятеля, то въ настоящей диспозиціи будутъ указаны лишь общія цѣли для каждой колонны; подробности-же движеній и дѣйствій предоставляются усмотрѣнію отрядныхъ начальниковъ.

«1) *Отряду генерала Вельяминова* выступить изъ Софіи, авангарду 25-го декабря, а главнымъ силамъ рано утромъ 26-го декабря, и слѣдовать по указанной выше дорогѣ. Ближайшая цѣль дѣйствій, овладѣніе Самаковымъ, чтобы этимъ занятіемъ отрѣзать дорогу изъ Радомира и Дубницы въ Татаръ-Базарджикъ и тѣмъ не допустить турокъ, отступившихъ изъ Софіи на Радомиръ, соединиться съ арміею Шакира-паши, отступившей въ Татаръ-Базарджикъ. Когда эта цѣль будетъ достигнута, тогда отряду двинуться черезъ Банью къ Татаръ-Базарджику. При этомъ, такъ какъ есть точное основаніе предполагать, что турки будутъ защищать позицію у Трояновыхъ воротъ (возлѣ Капуджика), то отрядъ долженъ содѣйствовать колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова, наступающей по шоссе на Ихтиманъ, въ овладѣніе этою позиціею. Для этого отрядъ генерала Вельяминова долженъ оперировать противъ лѣваго фланга, и если можно, то и тыла турецкой позиціи. Въ Банью отрядъ долженъ прибыть 30-го декабря и для дѣйствія противъ трояновской позиціи ожидать приказаній изъ Ихтимана. Если выходъ изъ Баньи въ окрестности Татаръ-Базарджика окажется возможнымъ, то 30-го же декабря всѣ три регулярныхъ кавалерійскихъ полка, находящіеся при колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова, будутъ переведены изъ Ихтимана въ Банью. По соединеніи ихъ съ Кавказскою казачьею бригадою, всѣ пять полковъ, въ составѣ 24 эскадроновъ и сотенъ, должны будутъ, 31-го декабря, двинуться въ окрестности Татаръ-Базарджика, для дѣйствій въ тылу турецкой арміи. При этой кавалеріи отправить: взводъ 5-й батареи гвардейской конной артилеріи и четыре орудія 6-й донской гвардейской конной батареи.

2) *Отряду генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го.*

«а) 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, собравшись къ вечеру 28-го декабря у деревень Коджа, Новосело и Бѣлопоича, выступить утромъ 29-го декабря и перейти въ Ихтиманъ.

«б) гвардейской стрѣлковой бригадѣ выступить изъ Софіи 28-го декаб-

ря и, переночевавъ у Чифлика-Чардакли, перейти въ Тырново (Trnova); 30-го декабря бригадѣ перейти въ Ихтиманъ.

«в) 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и остальнымъ частямъ отряда выступить изъ Софіи утромъ 29-го декабря и перейти въ Іени-ханъ, 30-го декабря перейти въ Вакарель, а 31-го декабря въ Ихтиманъ (1).

«Баталіонъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка и 12 эскадроновъ кавалеріи, находящіеся при отрядѣ, уже отправлены въ Ихтиманъ, и если обстоятельства позволятъ, то завра, 26-го декабря, Ихтиманъ будетъ уже нами занятъ. Дальнѣйшія движенія и дѣйствія колонны будутъ вполнѣ зависѣть отъ обстоятельствъ.

«3) *Отрядъ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера* долженъ выступить съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы 30-го декабря быть въ Маковѣ, имѣя авангардъ въ Церивѣ. Цѣль дѣйствій колонны состоитъ въ содѣйствіи колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова къ овладѣнію позиціи у Трояновыхъ воротъ, оперируя противъ праваго фланга и тыла турецкихъ позицій.

«31-го декабря всѣ три упомянутыя выше колонны должны заняться возможно болѣе тщательною рекогносцировкою какъ турецкихъ позицій, такъ и путей, ведущихъ къ позиціямъ и въ долину р. Марицы. На основаніи этихъ рекогносцировокъ будетъ составленъ планъ атаки позиціи у Трояновыхъ воротъ.

«Но еслибы 30-го декабря оказалось, что турки покинули свои позиціи, то всѣмъ тремъ колоннамъ, не ожидая на то особаго приказанія, продолжать 31-го декабря свое движеніе на Татаръ-Базарджикъ.

«4) *Колонна генералъ-лейтенанта барона Криденера* должна выступить изъ мѣстъ своего расположенія съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы 30-го декабря быть въ Отлукіоѣ (Панаюриште). Цѣль дѣйствія колонны, оперируя на Татаръ-Базарджикъ, угрожать тылу турецкихъ позицій, а въ случаѣ отступленія турокъ ударить имъ во флангъ, и если окажется возможнымъ, то совершенно преградить имъ путь отступленія.

«1-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи прикомандировывается къ этой колоннѣ. По занятіи Отлукіоя, всѣ пять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ должны быть двинуты 31-го декабря въ долину рѣки Марицы, гдѣ, соединившись съ кавалеріею, вышедшею изъ Баньи, и дѣйствуя въ окрестностяхъ Татаръ-Базаржика въ тылу турокъ, отрѣзать подвозъ продовольствія къ трояновской позиціи, а если начнется отступленіе, задерживать ихъ и тѣмъ дать время всѣмъ четыремъ колоннамъ, выйдя въ долину Марицы, окружить ихъ со всѣхъ сторонъ.

«По соединеніи кавалеріи, дебуширующей изъ Отлукіоя, съ кавалеріею

(1) Въ резервѣ колонны графа Шувалова двинулась только 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; 2-я же бригада этой дивизіи оставлена была въ г. Софіи, для обезпеченія нашего тыла и фланга, и присоединилась къ 1-й бригадѣ только въ Санъ-Стефано. *А. П.*

выходящею изъ Баньи (всего 44 эскадрона и 20 конныхъ орудій), общее командованіе надъ нею возлагаю на Свиты Его Величества генералъ-маіора Клодта.

«Астраханскій и Екатеринославскій драгунскіе полки должны соединиться въ одну бригаду, при которой должна состоять 16-я конная батарея. При пяти полкахъ отправить взводы 5-й батареи гвардейской конной артилеріи и 16-ю конную батарею. Если же эта батарея по какимъ либо причинамъ не можетъ слѣдовать съ колонною, то назначить другую конную батарею.

«Вслѣдъ за движеніемъ кавалеріи 31-го декабря должна двинуться и вся пѣхота отряда генералъ-лейтенанта барона Криденера, и занять такую фланговую, относительно пути отступленія турокъ, позицію, съ которой можно было бы или двинуться въ тылъ турецкой позиціи у Трояновыхъ воротъ, если бы турки упорствовали въ удержаніи ея, или ударить во флангъ отступающихъ турецкихъ войскъ, или, наконецъ, во-время поддержать нашу кавалерію, если бы на нее обрушились турецкія войска.

«5) *Отряду полковника графа Комаровскаго* выступить немедленно и слѣдовать на Рахманли и Теке, гдѣ соединиться съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Карцова и поступить подъ его непосредственное начальство.

«Я буду находиться при колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го, и 30-го декабря надѣюсь быть въ Ихтиманѣ. Санитарныя средства распредѣлить слѣдующимъ образомъ: дивизіоннымъ лазаретамъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и 31-й пѣхотной дивизіи слѣдовать при колоннѣ графа Шувалова 2-го; дивизіоннымъ лазаретамъ 3-й гвардейской и 5-й пѣхотныхъ дивизій слѣдовать при колоннѣ генералъ-лейтенанта барона Криденера. Красному кресту отправить одинъ летучій отрядъ при колоннѣ генерала Вельяминова, а другой летучій отрядъ при колоннѣ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера. Отдѣленію дивизіоннаго лазарета 3-й пѣхотной дивизіи слѣдовать при отрядѣ полковника графа Комаровскаго.»

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Передъ нами разстилалась довольно обширная плоская софійская равнина, ограниченная съ обѣихъ сторонъ Балканами, причемъ справа одиноко и величественно возвышался громадный Витошъ. Всѣ окрестности сплошь были покрыты снѣгомъ; дорога завалена трупами убитыхъ турокъ, болгаръ и множествомъ падали; кругомъ господствовала мертвая тишина, отсутствіе признаковъ какой либо жизни, и только изрѣдка раздавались ружейные выстрѣлы—это болгары, добывшіе себѣ оружіе среди разгрома турокъ, тѣшились новинкой. Влѣво отъ насъ обрисовывались во всемъ своемъ суровомъ величіи Балканы, вдали виднѣлся достопамятный Шандорникъ, глядя на который невольно рождался вопросъ: неужели мы могли высидѣть тамъ цѣлый

мѣсяцъ, и цѣлой арміей перешагнуть этотъ колоссъ, перетащивъ при помощи людей каждое орудіе, каждый зарядный ящикъ.

Двигаясь до тѣхъ поръ всегда въ авангардѣ, на этотъ разъ, мы, наконецъ, попали въ резервъ. Хотя, такимъ образомъ, мы спокойно могли двигаться и не утомлять людей большими нарядами для сторожевой службы, но за то на ночлегахъ трудно было достать пищи, фуража и топлива. Лошади должны были довольствоваться чѣмъ попало: соломой, кукурузой или сакменнымъ запасомъ; сами мы сидѣли по преимуществу на сухаряхъ. Его Высочество Принцъ Ольденбургскій, при колоннѣ котораго (Преображенскій и Семеновскій полки, саперы и семь батарей) я слѣдовалъ, на одномъ ночлегѣ спалъ на голомъ полу, за неимѣніемъ подстилки. По дорогѣ намъ все еще попадались массы ящиковъ съ патронами, брошенныхъ турками.

Всѣ учебники тактики, всѣ мирные практики твердятъ постоянно: «ведите въ бою рѣдкій и мѣткій огонь». Между тѣмъ, боевая обстановка едва ли допускаетъ часто возможность слѣдовать этому совѣту.

Ошибки въ опредѣленіи разстояній, атмосферическія условія, безпрерывно измѣняющіяся разстоянія до цѣли, неизбѣжное волненіе людей, все это превращаетъ quasi-рѣдкую и мѣткую стрѣльбу въ слабый безвредный огонь.

Турки же, сдѣлавъ огромные, невѣроятные запасы патроновъ, рѣшили вести на столько сильную, неумолкаемую пальбу, чтобы даже при самой незначительной ея мѣткости обстрѣливать губительнымъ огнемъ наступающаго противника; звуковое впечатлѣніе подобной стрѣльбы имѣетъ тоже немаловажное значеніе. Такимъ-то путемъ турки желали обезпечить себя отъ случайности, называемой «рѣдкая и мѣткая пальба», и кто знакомъ съ нынѣшней войной, долженъ сознаться, что они достигли цѣли. Вѣрна ли ихъ система? Съ нашей точки зрѣнія, система эта нуждается въ весьма важной поправкѣ: понятно, что установка прицѣла и вообще прицѣлка необходимы (да и турки стрѣляютъ не на воздухъ), но съ такимъ разсчетомъ, чтобы обстрѣливать лишь нѣсколько зонъ (2—3) впереди лежащаго пространства, а не измѣнять высоту прицѣла черезъ каждые 25—50 шаговъ, что въ бою рѣшительно невозможно. Поставивъ прицѣлъ для обстрѣливанія извѣстной зоны, стрѣлокъ долженъ уже тогда вести частую стрѣльбу. При наступленіи вопросъ рѣзко измѣняется. Цѣль, которую представляетъ обороняющійся, большею частію ничтожна: во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ я

участвовалъ, мы могли различать за брустверами только красныя фески, пальба по которымъ была лишь напрасной тратой патроновъ.

Притомъ наступающій не можетъ имѣть при себѣ столько патроновъ, какъ обороняющійся. Поэтому ружейная подготовка атаки едва ли будетъ имѣть какое либо значеніе. Тутъ уже нужна артилерія, съ ея губительною шрапнелью. Если же противникъ засядетъ въ сильныхъ укрѣпленіяхъ, имѣющихъ закрытыя помѣщенія для людей, то придется обратиться къ навѣсному огню изъ полевыхъ мортиръ, которыя, не входя въ составъ полевыхъ батарей (универсальнаго характера), должны составлять принадлежность корпуснаго артилерійскаго резерва.

Первый ночлегъ нашъ былъ въ деревнѣ Іени-ханѣ, гдѣ виднѣются до сихъ поръ развалины большаго каменнаго хана (постоялаго двора), построеннаго еще въ 1670 году. Жители были большею частію въ бѣгахъ; въ теченіе почти трехъ лѣтъ, когда начались волненія, они находились въ постоянномъ страхѣ попасть подъ турецкій ножъ. Когда же мы перевалили черезъ Балканы, то эта опасность представилась въ болѣе осязательной формѣ; почти въ каждой деревнѣ, гдѣ проходила отступавшая турецкая армія, можно было найти нѣсколько труповъ зарѣзанныхъ болгаръ. Въ избѣ, гдѣ мы остановились, поголовно все семейство разболѣлось отъ постояннаго страха, видя, такъ сказать, въ теченіе нѣсколькихъ дней ятаганъ у своего горла.

Характеръ встрѣчавшихся поселеній такой же, какъ и въ сѣверной Болгаріи. Правда, здѣсь уже не было болѣе удушливыхъ землянокъ, но по бѣдности постройки избъ, скудости домашней утвари, и вообще первобытной простотѣ обстановки—рѣзкаго отличія между обѣими частями Болгаріи мы не замѣтили. Типъ населенія по южную сторону Балкановъ значительно лучше, нежели въ придунайской Болгаріи; народъ высокій, крѣпкій, красивый, населеніе чрезвычайно ограничено въ своихъ потребностяхъ, способно къ перенесенію всякихъ физическихъ невзгодъ; однимъ словомъ, это богатѣйшій матеріалъ для будущей національной арміи.

Появленіе наше было повсюду сигналомъ общаго празднества, и мы находили сердечный пріемъ. Слѣдующіе переходы: Ихтиманъ, Вакарель, Капуджикъ и Вѣтреново лежали въ среднихъ Балканахъ. Полотно дороги состояло изъ сплошнаго льда; подъемы и спуски продолжительны и круты; ѣзда верхомъ оказывалась невозможной, пришлось идти пѣшкомъ; артилерія, конечно, снова пошла на плечахъ людей.

Выйдя часовъ въ 8 утра (съ разсвѣтомъ), мы заканчивали 18-ти-

верстный переходъ иной разъ въ третьемъ, четвертомъ часу ночи. За позднимъ временемъ, малонаселенностью мѣстности и т. п. трудно было добыть подстилки и дровъ, и утомленные люди ложились прямо въ снѣгъ; но холодъ пробиралъ, приходилось вскакивать и бѣгать, чтобы обогрѣться, а затѣмъ, глядишь, и выступать пора. Послѣ этого понятно, почему отдѣльные люди отставали на нѣсколько дней, отставали отъ своихъ частей, и такимъ образомъ дивизія растягивалась верстъ на сто.

Средніе Балканы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы прошли, хотя и ниже великихъ Балкановъ, но такъ же непріютны, какъ и послѣдніе: они состоятъ изъ отдѣльныхъ хребтовъ и высотъ, довольно мягкихъ очертаній, разнообразно переплетающихся между собою и покрытыхъ лѣсами и кустарниками.

У такъ называемыхъ «Трояновыхъ воротъ» мы едва могли различить остатки римскихъ сооруженій.

Новый годъ мы встрѣтили весьма скромно въ пустынномъ Капуджикѣ.

Въ Вѣтреновѣ мы вышли на обширную равнину рѣки Марицы. Огромнѣйшія пространства по обѣ стороны шоссе состояли изъ рисовыхъ полей. Вся площадь была разрѣзана, съ цѣлью иригаціи, канавами на небольшіе участки въ нѣсколько саженъ въ сторонѣ. Въ самой долинѣ уже было гораздо менѣе снѣга, чѣмъ на предъидущемъ пространствѣ, а во многихъ мѣстахъ почва была совершенно обнажена; южное солнце привѣтливо грѣло, и дорога становилась удобнѣе для движенія. Сдѣлавъ хорошій переходъ, мы достигли г. Татаръ-Базарджика. Турки, кажется, наканунѣ только его очистили.

Здѣсь намъ въ обширныхъ размѣрахъ представилась картина военнаго погрома: разбитыя стекла, разломанныя двери, опустѣлые дома, на улицѣ трупы, падаль, подушки въ грязи, разрѣзанныя перины, изломанная мебель. Болгары со всѣхъ окрестностей, а также и бѣжавшіе изъ Базарджика, въ огромныхъ массахъ стекались въ городъ при нашемъ приближеніи и торопливо утилизировали остатки брошеннаго турками имущества. Множество лавокъ турки разграбили и зажгли часть домовъ—пожаръ исправно дѣлалъ свое дѣло. Мы остановились въ домѣ зажиточнаго и радушнаго болгарина, который оказался довольно образованнымъ человѣкомъ и хорошо зналъ всѣхъ выдающихся нашихъ дѣятелей въ этой войнѣ. Прежде всего онъ принесъ гравированный портретъ «Царя Александра» и повѣсилъ его въ нашей комнатѣ, затѣмъ сталъ съ величайшимъ интересомъ разспрашивать о генералахъ Гурко, Радецкомъ и Скобелевѣ. Особенно желалъ онъ по-

смотрѣть на перваго изъ нихъ, имя котораго чрезвычайно популярно было въ этой мѣстности.

Едва мы успѣли расположиться въ теплой, разрисованной зеленой и красною красками комнатѣ, какъ получено было приказаніе выдвинуться впередъ верстъ на восемь, въ д. Конаре-Дуванкіой, для сближенія съ передовыми войсками, которыя по дорогѣ на Филипополь встрѣтились съ арміею Сулеймана. Небольшой переходъ этотъ, какъ и всѣ ночныя движенія, былъ крайне утомителенъ и труденъ. Вообще изъ опыта настоящей войны мы вывели заключеніе, что наибольшая скорость ночнаго движенія можетъ быть принимаема въ двѣ версты, вслѣдствіе массы случайныхъ задержекъ и растягиванія колоннъ.

На другой день мы должны были передвинуться къ г. Филипополю. Подходя къ хану Адакіою, мы ясно слышали справа пальбу, которую велъ отрядъ графа Шувалова съ корпусомъ Сулеймана, занявшимъ фланговую позицію на правомъ берегу р. Марицы; отдѣливъ на помощь графу Шувалову двѣ батареи, мы продолжали дальнѣйшее движеніе, но едва прошли съ версту, какъ голова колонны была встрѣчена справа дальнимъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ изъ дальнобойныхъ непріятельскихъ орудій. Мы едва могли въ бинокль различать мѣсто расположенія турецкихъ батарей, а между тѣмъ снаряды ихъ далеко перелетали за нашу колонну, мѣшая движенію по шоссе и заставляя дѣлать огромные утомительные обходы.

Обыкновенно можно слышать противъ дальнобойныхъ орудій рутинное возраженіе, что по самому устройству человѣческаго глаза невозможно мѣтко стрѣлять на значительныя разстоянія. Въ горахъ мы убѣдились, что, при благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ, цѣли хорошо видны на 25 верстъ; во-вторыхъ, если мишеньки мирнаго времени уже плохо замѣтны съ 1,000 саженъ, то въ дѣйствительномъ бою непріятельскія колонны видны на гораздо болѣе значительномъ разстояніи, даже на совершенно горизонтальной мѣстности, а въ горахъ мы были бы очень благодарны за орудія, которыя давали бы намъ возможность спугивать турецкіе лагери на весьма большія разстоянія. Въ-третьихъ, опять мы слышимъ «мѣткая» стрѣльба, съ которою совершенно неправильно связывается понятіе о ея дѣйствительности. Наиболѣе мѣткая стрѣльба не есть еще непремѣнно и наиболѣе дѣйствительная: таковою будетъ, вслѣдствіе массы причинъ, всей обстановки, та стрѣльба, которая производитъ на противника, въ данную минуту, сильнѣйшее впечатлѣніе (напримѣръ, фланговый или тыльный выстрѣлъ). Отсюда видно, какъ важно въ бою возможно менѣе стѣсняться дистанціями. Кромѣ того, дальнобойныя орудія могутъ

заставить противника перестраиваться въ значительномъ разстояніи въ боевой порядокъ и тѣмъ самымъ стѣснять и задерживать его движенія.

Послѣ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, колонна развернула боевой порядокъ; батареи выѣхали на позиціи; преображенцы и семеновцы выдвинулись по обѣ стороны артилеріи, и мы завязали демонстративный бой, имѣя между собою и противникомъ глубокую р. Марицу. Тѣмъ не менѣе преображенцы сошлись шаговъ на 400 и вели жаркую перестрѣлку съ турками, причемъ потеряли до 90 человѣкъ, въ томъ числѣ ранеными трехъ офицеровъ: командира полка князя Оболенскаго, полковника фонъ-Стрезова (смертельно) и поручика Ладыжинскаго ([1]).

Дѣйствія отряда привлекли вниманіе противника и облегчили дѣйствія другихъ отрядовъ, обходившихъ турокъ.

Вечеромъ намъ приказано было передвинуться въ Филипополь, сѣверная часть котораго была занята нами, а южная турками; цѣпи, расположенныя у зданій, по обѣ стороны Марицы, дѣятельно перестрѣливались между собою, а турки пустили даже по населенному городу нѣсколько гранатъ.

Утомленныя наши войска стали бивакомъ, а прибывшія ранѣе насъ расположились по квартирамъ. Ночью съ 3-го на 4-е января турки очистили городъ, будучи отрѣзанными отъ того отряда, который сражался на фланговой позиціи.

Филипополь обширнѣйшій изъ всѣхъ занятыхъ нами до того времени городовъ; сѣверная его часть по лѣвую сторону Марицы совершенно азіятскаго характера: постройки глиняныя, небѣленыя, заборами выходятъ на кривыя узкія улицы. Въ южной же части мы впервыя въ Турціи встрѣтили частные дома вполнѣ европейской городской архитектуры. Одно изъ лучшихъ зданій это наше консульство, которое турки пощадили, не смотря на то, что разрушили много частныхъ построекъ и разграбили лавки.

Мостъ черезъ Марицу Сулейманъ приказалъ сжечь, и мы нашли уже только одиноко стоящіе каменные быки; у этихъ быковъ болгары кое-какъ набросали доски, сломанныя двери и т. п., и такимъ образомъ совершалось сообщеніе. Повозки и конные всадники должны

([1]) Когда колонна наша ввязалась въ дѣло, получено было приказаніе отъ графа Шувалова — расположиться бригадѣ въ резервѣ, за его отрядомъ. Приказаніе это уже не могло быть исполненно, такъ какъ пришлось бы выводить полки изъ жаркаго боя, что могло повліять на нихъ дурно въ нравственномъ отношеніи, а противникъ, пожалуй, счелъ бы себя побѣдителемъ. *А. П.*

были переѣзжать въ бродъ, глубиною выше брюха лошади. Между тѣмъ, саперы занялись устройствомъ моста для пѣшеходовъ и одиночныхъ всадниковъ. Христіанское населеніе, оставшееся въ городѣ, встрѣчало насъ съ сердечнымъ радушіемъ, но пока шелъ еще бой, опасалось проявлять его въ рѣзкихъ формахъ. Толпы мужчинъ, все въ красныхъ фескахъ, съ любопытствомъ смотрѣли на проходившихъ съ пѣснями русскихъ «аскеровъ» (воиновъ), а греки усердно торговали немногими остатками своихъ запасовъ. Женщины, завидя какую либо часть войскъ, усердно крестились и провожали словами: «помоги вамъ Богъ».

Между тѣмъ, сильный бой кипѣлъ неподалеку отъ города; разбитая и отброшенная въ горы, армія Сулеймана старалась пробраться по направленію къ Адріанополю и упорно дралась цѣлыхъ три дня. Чтобы поддержать сражавшихся, а затѣмъ охватить правый флангъ турокъ, нашъ отрядъ былъ двинутъ, 5-го февраля, сперва на д. Куклены, а затѣмъ на г. Станимакъ. Но переправа войскъ, черезъ Марицу, по тремъ плотамъ, помѣщавшимъ только по 20—25 человѣкъ, и по вышеупомянутымъ импровизованнымъ мостамъ по одному человѣку, на столько насъ задержала, что мы прибыли въ Куклены только ночью, когда бой затихъ (саперный мостъ не былъ еще готовъ); жителей въ деревнѣ не оказалось, но за то наши люди нашли огромные запасы орѣховъ, разныхъ сортовъ варенья и т. п.

На слѣдующій день, 6-го января, мы двинулись въ обходъ на Станимаки, но турки еще ночью очистили позиціи и скрылись въ горахъ. Часть ихъ отступила паралельно адріанопольскому шоссе; при ней былъ и самъ Сулейманъ.

Впослѣдствіи наша кавалерія настигла хвостъ отступавшихъ и отхватила 40 орудій (всего взято подъ Филипополемъ 114 орудій). Такимъ образомъ, собственно наше движеніе было совершенно не боеваго характера. Пройдя обширный лѣсъ, состоявшій исключительно изъ миндальныхъ и орѣховыхъ деревьевъ, мы вышли въ г. Станимаки, населенный греками. Собственно всѣ эти якобы греки болгарскаго происхожденія, а ихъ отцы и дѣды, такъ сказать, «перечислились» въ греки, потому что въ Турціи оказывалось выгоднѣе быть грекомъ, нежели болгариномъ. Такого восторженнаго пріема, какъ въ Станимакахъ, мы до того положительно нигдѣ не встрѣчали: духовенство и народъ вышли на встрѣчу съ хоругвями; раздавался неумолкаемый звонъ, жители угощали солдатъ чѣмъ могли, покупали на свои деньги вино, водку (ракія) и т. п.; при встрѣчѣ съ солдатами, они цѣловали имъ руки, а тѣ, войдя вполнѣ въ роль, ходили съ

выставленными впередъ руками и прямо направляли ихъ къ губамъ: «на, молъ, цѣлуй». Городокъ чистенькій, зажиточный, среди прелестной и раскошной природы, будетъ всегда намъ памятенъ.

На другой день мы передвинулись по прямой дорогѣ къ м. Папасли, на адріанопольскомъ шоссе, составивъ авангардъ отряда генералъ-адъютанта Гурко, расположеннаго въ Филипополѣ и окрестностяхъ. При этомъ движеніи мы открыли въ полѣ огромный запасъ вымолоченнаго риса (около 15,000 пудовъ); онъ былъ сложенъ въ продолговатыхъ кучахъ и покрытъ соломой.

Мѣстечко Папасли было совершенно разорено и безлюдно. Мы расположились на опустѣлой станціи желѣзной дороги; огромныя пачки билетовъ, масса конторскихъ книгъ валялись во всѣхъ комнатахъ. Въ такой обстановкѣ намъ пришлось отдыхать послѣ форсированнаго марша изъ Софіи въ Филипополь.

При дальнѣйшемъ движеніи отъ Папасли отрядъ генерала Рауха составилъ авангардъ. Отъ 8-го и 10-го января мы получили слѣдующія распоряженія относительно нашего движенія.

Приказъ. Г. Филипополь, 8-го января 1878 г.

«Войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда выступить изъ окрестностей города Филипополя утромъ 10-го сего января и перейти въ окрестности Хаскіоя по прилагаемому при семъ маршруту. При этомъ предписываю:

«1) 9-му корпусу двигаться по полотну желѣзной дороги, причемъ всю артилерію пустить по шоссе до Папасли въ хвостѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а отъ Папасли до Хаскіоя въ хвостѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«2) Вся кавалерія идетъ по проселочнымъ дорогамъ, которыя на картѣ не нанесены, а потому необходимо посылать впередъ особыя команды, подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ, для розысканія этихъ дорогъ и заблаговременнаго увѣдомленія о нихъ. Назначеніе кавалеріи—освѣщать и охранять правый флангъ общаго движенія.

«3) Всѣмъ обозамъ 1-го и 2-го разрядовъ слѣдовать при частяхъ по указанію начальниковъ дивизій; обозамъ же 3-го разряда слѣдовать отдѣльными колоннами по шоссе, начиная движенія 11-го ноября. Обозамъ 1-го и 2-го разрядовъ 9-го корпуса слѣдовать по шоссе за артилеріею корпуса.

«4) Артилерійскимъ паркамъ выступить 12-го января и слѣдовать по шоссе по тому-же маршруту.

«5) Всѣмъ коннымъ батареямъ и взводамъ, состоящимъ до настоящаго

времени при пѣхотныхъ частяхъ, собраться 10-го января въ Филипополь и слѣдовать всѣмъ вмѣстѣ въ хвостѣ гвардейской стрѣлковой бригады.

«6) До прибытія въ Филипополь Кіевскаго гусарскаго полка, оставить четыре сотни Кавказской бригады, расположивъ ихъ въ Дремендере и Станимаки, по двѣ сотни въ каждомъ пунктѣ. Сотнямъ этимъ быть въ распоряженіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, назначеннаго военнымъ губернаторомъ. Какъ только прибудетъ въ Филипополь Кіевскій гусарскій полкъ, то сотнямъ, собравшись вмѣстѣ, идти по шоссе въ Хаскіой и присоединиться тамъ къ бригадѣ.

«Я съ моимъ штабомъ выступаю изъ Филипополя 11-го января и ночую въ Каяли, а 12-го въ Хаскіоѣ».

Января.	1-я бригада 1-й гвард. пѣхотн. дивизіи.	2-я гвардейская пѣхотн. дивизія и гвард. стрѣл-ковая бригада.	3-я гвардейская пѣхотная ди-визія.	9-й корпусъ.	Бугскій улан-скій полкъ.	Кавказская ка-зачья бригада.	Драгунская бригада.
10	Каяли 28 вер.	Папасли 25 вер.	Папасли 22 вер.	Папасли 25 вер.	Кетель-никъ 22 в.	Тахтамо 32 вер.	Мусаджи-Кларъ 25 вер.
11	Хаскіой 24 вер.	Каяли 28 вер.	Каяли 28 вер.	Карагилар-ли 27 вер.	Мусаджи-Кларъ 25 вер.	Учбю-наръ 26 вер.	Гисароба 24 вер.
12		Хаскіой 24 вер.	Хаскіой 24 вер.	Буюкъ-Оренджикъ 23 вер.	Фертели 22 вер.	Сомокло 19 вер.	

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Приказъ. Г. Филипополь 10-го января 1878 г.

«Въ дополненіе къ приказу отъ 8-го января за № 2 предписываю:

«1) Такъ какъ 9-й корпусъ идетъ не по полотну желѣзной дороги, а по шоссе, то имѣть ему 13-го января ночлегъ не въ Буюкъ-Оренджикѣ, а въ Хаскіоѣ.

«2) Всѣмъ войскамъ, дойдя до Хаскіоя, не останавливаясь на дневку, идти дальше по шоссе къ Андріанополю, причемъ имѣть первый ночлегъ послѣ Хаскіоя въ Германлы, а второй для гвардейской пѣхоты въ Мустафа-Паша-Кепри-Су, а для 9-го корпуса въ Эбибіе (Гебидже), гдѣ и имѣть дневку.

«3) Кавалерія, слѣдующая изъ Филипополя, получитъ маршрутъ для дальнѣйшаго слѣдованія 11-го или 12-го сего января.»

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Кромѣ того были сдѣланы слѣдующія административныя распоряженія.

Приказаніе при паролѣ, 8-го января 1878 г. Г. Филипополь.

«Начальникъ отряда приказалъ: всѣ комендантскія управленія съ состоящими при нихъ командами, учрежденныя на этапныхъ путяхъ отряда, подчинить временнымъ губернаторамъ городовъ: Софіи и Филипополь; при этомъ губернатору перваго города подчиняются управленія на шоссе отъ г. Ихтимана къ западу, а также находящіяся у Арабъ-Конака и Ташкисена; губернатору же города Филипополя подчиняются всѣ комендантскія управленія г. Ихтимана и находящіяся къ востоку отъ этого города.

«Коменданты должны ежедневно доносить своимъ губернаторамъ по полевой почтѣ о положеніи дѣлъ въ окрестностяхъ ввѣренныхъ имъ этаповъ».

Приказъ. Г. Филипополь, 8-го января 1878 г.

«Частямъ войскъ ввѣреннаго мнѣ отряда прислать завтра, 9-го января, пріемщиковъ съ установленными требованіями и квитанціями, для принятія сухарей на 10 дней, считая съ 10-го сего января, по 1 фунту въ день на человѣка. Сухари принять лишь на людей, дѣйствительно стоящихъ въ строю; предѣльнымъ числомъ считать въ пѣхотномъ полку — 2,000 человѣкъ и въ пѣшей батареѣ — 150 человѣкъ. Частямъ, имѣющимъ получить сухари изъ складовъ, найденныхъ въ г. Филипополѣ, таковые будутъ отпущены по распоряженію временнаго военнаго губернатора города; остальнымъ же частямъ войскъ принять сухари съ интендантскихъ транспортовъ, по указаніямъ завѣдующаго отпускомъ сухарей штабсъ-капитана Скордули (жительствующаго на выѣздѣ изъ города по софійскому шоссе).

«Послѣднимъ частямъ имѣть въ виду трудность переправы принятаго провіанта въ бродъ черезъ р. Марицу; строющійся черезъ нее мостъ для движенія еще не готовъ.

«Изъ складовъ въ г. Филипополѣ провіантъ будетъ отпущенъ въ слѣдующія части: въ полки лейбъ-гвардіи Преображенскій, Семеновскій, Литовскій и Волынскій, въ полки Австрійскій, Прусскій, 17-й Архангелогородскій и 18-й Вологодскій, въ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, въ 3-ю батарею лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и въ лейбъ-гвардіи 2-ю артилерійскую бригаду.

«Прочимъ частямъ войскъ получить сухари съ транспортовъ, расположенныхъ у въѣзда въ городъ со стороны Софіи. Въ случаѣ недостатка

въ транспортахъ сухарей таковые замѣняются равнымъ по вѣсу количествомъ крупы».

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко.*

Приказъ. 10-го января 1878 г. Г. Филипополь.

«1) Предписываю изъ отбитыхъ у турокъ орудій сформировать дивизіонъ изъ 4-хъ орудій дальняго боя, и притомъ большаго калибра. Командиромъ этого дивизіона назначаю лейбъ гвардіи 1-й артилерійской бригады штабсъ-капитана Адасовскаго; остальныхъ офицеровъ, прислугу и ѣздовыхъ назначить изъ батарей, состоящихъ при отрядѣ, а также частію изъ парковъ, по усмотрѣнію начальника артилеріи отряда. Лошадей взять изъ артилерійскаго резерва, оставленнаго въ Орханіэ. Для довольствія формируемый дивизіонъ прикомандировать къ какой либо батареѣ. По окончаніи своего формированія дивизіону произвести практическую стрѣльбу, въ окрестностяхъ Филипополя, употребивъ для этого отъ 5-ти до 10-ти снарядовъ на орудіе.

«Орудія, ящики, снаряды, заряды и всѣ вообще принадлежности получить отъ военнаго губернатора г. Филипополя генералъ-лейтенанта Вельяминова, которому предписываю оказать полное содѣйствіе при формированіи дивизіона.

«2) Военному губернатору г. Филипополя, генералъ-лейтенанту Вельяминову, предписываю принять самыя энергичныя мѣры къ сбору въ Филипополь всѣхъ отобранныхъ у турокъ орудій, ружей, снарядовъ, ящиковъ и т. п.; по свозѣ всѣхъ предметовъ артилерійскаго вѣдомства въ городъ, передать ихъ въ вѣдѣніе начальника артилеріи, которому назначить особое лицо, для завѣдыванія этимъ имуществомъ».

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко.*

Послѣ трехдневнаго, весьма неудобнаго отдыха въ окончательно разоренномъ м. Папасли, мы двинулись 10-го января на Адріанополь. Составъ нашего отряда былъ прежній, т. е. полки Преображенскій и Семеновскій съ 1-ю и 6-ю батареями лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, причемъ отрядъ - этотъ составлялъ авангардъ войскъ генералъ-адъютанта Гурко, сосредоточившихся около г. Филипополя. Численность авангарда была незначительна, такъ какъ на пути къ Адріанополю мы были нѣсколько опережены войсками, двигавшимися съ Шипки. Идя къ Адріанополю, всѣ мы были убѣждены, что тамъ предстоятъ намъ весьма важныя, серьезныя военныя операціи.

Уже давно извѣстно было, что вокругъ города устроенъ весьма сильный укрѣпленный лагерь, состоявшій изъ 28 укрѣпленій временной профили; по дорогѣ постоянно встрѣчались болгары, возвращавшіеся

оттуда съ фортификаціонныхъ работъ. Хотя разбитіе арміи Сулеймана-паши и наводило на мысль, что едва ли турки въ состояніи будутъ оказать намъ стойкое, серьезное сопротивленіе подъ стѣнами своей второй столицы (и потому-то между прочимъ мы и двигались туда усиленными форсированными маршами), тѣмъ не менѣе трудно было полагать, что противникъ очиститъ безъ боя столь важный военно-политическій пунктъ, надъ укрѣпленіемъ котораго онъ трудился весьма продолжительное время. Упорство турокъ въ первый періодъ кампаніи, обширность средствъ, развернутыхъ ими сначала въ борьбѣ съ нами, невольно заставляли насъ быть осторожными въ своихъ предположеніяхъ относительно дальнѣйшаго хода кампаніи. Впослѣдствіи же оказалось, что турки сосредоточили, можно сказать, всѣ свои оборонительныя средства по сѣверную сторону Балкановъ и въ самыхъ горахъ. Двигаясь отъ Плевны до Арабъ-Конака, мы на каждомъ шагу встрѣчали массы тщательно отдѣланныхъ укрѣпленій, неприступныя позиціи, усовершенствованныя всѣми средствами инженернаго искусства; однимъ словомъ, вся страна была превращена въ обширную крѣпость.

Тамъ были и лучшія арміи, и лучшее вооруженіе, и несмѣтное количество патроновъ, и богатые продовольственные запасы. Далѣе не то уже мы видѣли по южную сторону Балкановъ. Укрѣпленія встрѣчались лишь изрѣдка; подъ Филипполемъ у турокъ не хватало патроновъ; армія Сулеймана вооружена была преимущественно ружьями Снайдера; все это для насъ было новинкой. Не готовится ли кровавая драма у Адріанополя?

Подъ вліяніемъ подобныхъ противорѣчивыхъ мыслей, мы выступили изъ д. Папасли въ Каялы, гдѣ былъ первый ночлегъ. Тамъ случайно, отъ казака, скакавшаго съ донесеніемъ, мы узнали, что Адріанополь очищенъ турками, что небольшой гарнизонъ его ушелъ съ приближеніемъ нашихъ передовыхъ кавалерійскихъ отрядовъ, и что населеніе встрѣтило съ хлѣбомъ и солью наши войска. Конечно, это неожиданное извѣстіе произвело въ отрядѣ взрывъ восторга: полетѣли шапки вверхъ, раздалось неумолкаемое «ура»... Тогда еще съ паденіемъ Адріанополя мы безусловно связывали окончаніе войны...

Начиная отъ Папасли и почти до самаго Адріанополя, на протяженіи около 150 верстъ, мы были невольными зрителями ужасающей, глубоко-трагической картины: весь путь былъ усѣянъ погибшими людьми самаго разнообразнаго возраста, преимущественно же дѣтьми и стариками. Никакое поле сраженія, съ грудами убитыхъ, разсѣченныхъ людей, не можетъ произвести того подавляющаго тягостнаго впечатлѣнія, какъ это нескончаемое кладбище, изъ котораго никакъ

мы не могли выбраться. Грудныя дѣти, сѣдые старики, молодыя истощенныя женщины, безсчетное количество падали,—все это почти сплошь ограничивало нашу дорогу съ обѣихъ сторонъ. Вотъ вы видите нѣсколько младенцевъ, совершенно нагихъ, съ почернѣвшимъ тѣломъ; вотъ далѣе старикъ турокъ съ бритой головой и сѣдою большою бородою,—онъ опрокинулся навзничь, и безсмысленные, будто стеклянные, глаза недвижно покоятся въ орбитахъ; а вотъ тутъ же, рядомъ, цѣлое семейство: мужъ, жена и двое малютокъ о-бокъ съ ободраннымъ буйволомъ—все это, поодиночкѣ и въ групахъ, замолкло въ непробудномъ вѣчномъ снѣ; морозъ сковалъ ихъ навсегда, и мертвая тишина царитъ надъ этой потрясающей картиной. У самаго шоссе вы видите грязныя лохмотья, нѣчто въ родѣ одѣяла; легкія его колебанія показываютъ, что подъ ними еще шевелится живое существо; по растрепаннымъ, длиннымъ волосамъ, выкрашеннымъ въ красновато-желтый цвѣтъ, и ногтямъ на рукахъ вы заключаете, что это молодая женщина—турчанка, она заслышала шумъ приближающихся войскъ, и подаетъ признаки жизни, морозъ еще не убилъ ее; солдаты подбираютъ ее въ лазаретный фургонъ...

На весьма незначительномъ разстояніи Каульбарсъ насчиталъ 20 труповъ грудныхъ дѣтей. Въ перемежку съ людьми и падалью (быки, буйволы, овцы, козы, лошади и т. п.) груды разнаго хлама, поломанныя повозки, изрубленныя оси, колеса и т. п. Все это, какъ я упомянулъ, сплошь покрывало обѣ стороны шоссе, но особенно пространство въ окрестностяхъ г. Хаскіоя.

Нерѣдко на всемъ переходѣ невозможно было найти мѣста для привала колонны, такъ какъ отдыхъ среди подобной обстановки былъ рѣшительно немыслимъ, да и водой, зараженной трупами, опасно было пользоваться. Между трупами попадались иногда и болгары, особенно въ деревняхъ, которыя просто загромождены были погибшими людьми и падалью до такой степени, что орудія и наши верховыя лошади не всегда могли обходить ихъ...

Изъ разспросовъ мы узнали слѣдующее: во время операцій нашихъ войскъ по сѣверную сторону Балкановъ, все мусульманское населеніе занятой нами територіи бѣжало, какъ извѣстно, на югъ. Тамъ, на пространствѣ отъ Филипополя до Адріанополя, бѣглецы расположились несмѣтными таборами по всему пути. Правительство увѣрило ихъ, что «Московъ» ни въ какомъ случаѣ къ нимъ не заберется, и что они находятся въ полной безопасности. Между тѣмъ, генералъ Гурко вдругъ перевалилъ со своимъ отрядомъ черезъ Балканы. Зимняя кампанія была крайне неожиданнымъ и непріятнымъ событіемъ даже для турецкой

арміи; что же касается населенія, то оно было поражено имъ какъ громомъ. Вѣстникъ, прискакавшій къ таборамъ съ извѣстіемъ, что «Московы» обошли Арабъ-Конакъ, произвелъ страшную панику среди многочисленныхъ бѣглецовъ; поднялся невообразимый хаосъ и общее смятеніе. Турки стали рубить свои повозки и, бросивъ стариковъ, дѣтей и всѣхъ слабыхъ на произволъ судьбы, бѣжали куда глаза глядятъ, преимущественно же по дорогѣ въ Адріанополь.

Когда же мы двинулись къ Филипополю и наши передовые разъѣзды прошли за городъ, то и все то, что было похрабрѣе и еще оставалось на мѣстахъ, тоже повально побѣжало; посреди такой сумятицы и страха въ общей толкотнѣ, погибло немало людей, а изъ брошенныхъ стариковъ и дѣтей почти никому не удалось избѣжать смерти отъ холода и голода. Бѣглецы, встрѣчая по дорогѣ болгаръ, убивали ихъ въ дикомъ озлобленіи, увеличивая тѣмъ число безплодныхъ жертвъ.

Въ добавокъ ко всему этому произошло еще печальное недоразумѣніе. Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й, при своемъ движеніи отъ Шипки на Адріанополь, получилъ свѣдѣніе объ огромномъ турецкомъ обозѣ, скопившемся около Хаскіоя. Полагая, что этотъ обозъ принадлежалъ арміи Сулеймана, разбитой подъ Филипополемъ, онъ выдвинулъ туда отрядъ подъ начальствомъ полковника Панютина. Говорятъ, что по разъѣздамъ нашимъ раздались выстрѣлы изъ обоза, а затѣмъ завязалась и свалка.... При движеніи нашемъ мы видѣли убитыми трехъ нашихъ драгуновъ; труповъ же турецкихъ солдатъ мы не замѣтили ни одного посреди значительнаго количества мертвыхъ тѣлъ мусульманскаго населенія.

Въ топографическомъ отношеніи, мѣстность отъ Каялы до Адріанополя не представляла рѣзкихъ особенностей и была довольно однообразна; шоссе перебиралось послѣдовательно черезъ рядъ небольшихъ горъ и холмовъ безлѣсныхъ и съ мягкими очертаніями. Обширныя рисовыя поля, пашни и пастбища сопровождали насъ на всемъ пути. Шелковичныя плантаціи, засаженныя тутовыми деревьями, постепенно увеличивались при дальнѣйшемъ движеніи и принимали видъ цѣлыхъ лѣсовъ у г. Мустафы-паши и Адріанополя. Характеръ построекъ въ населенныхъ пунктахъ былъ здѣсь весьма солидный, и дома въ деревняхъ часто выведены были изъ камня и покрыты черепичными крышами; но военный погромъ особенно отразился на этой мѣстности: всѣ деревни и города въ полномъ разрушеніи и почти безлюдные; изрѣдка только увидите выглядывающаго изъ разрушенной избы бол-

гарина или забытую, заброшенную старуху, охающую подъ бременемъ десятка недуговъ.

Встрѣчавшіеся по пути городки: Хаскіой, Мустафа-паша (особенно первый) носятъ признаки былаго довольства, но тогда уже это были на половину развалины. Въ Мустафѣ-пашѣ мы любовались превосходнымъ, древнимъ, чрезвычайно прочнымъ, каменнымъ мостомъ черезъ р. Марицу. Какъ по своему протяженію, такъ и по высотѣ готическихъ арокъ, мостъ этотъ дѣлаетъ честь ихъ строителю. Вѣроятно, туркамъ не хотѣлось разрушать такого капитальнаго сооруженія; всѣ же маленькіе мостики по дорогѣ были уничтожены, притомъ вполнѣ безсмысленно, такъ какъ имѣющіеся по сторонамъ шоссе объѣзды допускали вполнѣ безостановочность движенія.

Погода почти все время намъ благопріятствовала: холодъ постепенно уменьшался, снѣгъ исчезалъ, а въ одномъ переходѣ отъ Адріанополя совсѣмъ пропалъ; мягкій весенній воздухъ и теплые солнечные лучи (какъ въ первыхъ числахъ мая въ Петербургѣ) пріятно согрѣвали насъ.

Не безъ волненія подходили мы къ городу, этой турецкой «Москвѣ», какъ называли у насъ Адріанополь. Не смотря на набѣжавшія тучи и начавшійся дождь, намъ удалось замѣтить нѣсколько грозныхъ укрѣпленій, временной профили, входившихъ въ общую обширную оборонительную систему, а вдали, въ низинѣ, показались минареты и цѣлый лѣсъ тутовыхъ деревьевъ, окаймляющихъ городъ. Пройдя мимо укрѣпленія, шоссе спускается въ низину и идетъ подъ самыми высотами, кольцеобразно окаймляющими городъ съ сѣвера и востока; весь путь лежитъ въ мертвомъ пространствѣ, по отношенію къ ближайшимъ укрѣпленіямъ, и обстрѣливать его можно было бы развѣ изъ ложементовъ, которые надо, въ такомъ случаѣ, вырыть на крутомъ южномъ скатѣ вышеупомянутыхъ высотъ. Подъ самымъ городомъ масса падали, скопленіе грязи, и вонь постепенно увеличивалась. Сначала мы прошли грязное неопрятное предмѣстье, съ деревянными постройками и мелочною торговлею; затѣмъ два каменныхъ моста черезъ рукава Марицы и, наконецъ, вступили въ городъ. Невылазная грязь, отвратительные дома съ разными закоулками, узкія улицы, лавки съ навѣсами, открыто дѣйствующія кузницы, булочныя и т. п., множество минаретовъ, красныя фески и чалмы сразу намъ показали, что мы попали въ городъ истинно азіятскаго характера. Въ Адріанополѣ трудно встрѣтить даже что нибудь подобное тому, что мы видѣли въ Филипполѣ, гдѣ имѣется цѣлая улица, застроенная на европейскій ладъ; тутъ же чистокровная Азія. Изъ построекъ самыя замѣчательныя: ме-

чети Сулейнана и Селима, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и изяществу ихъ многочисленныхъ минаретовъ. Обращаетъ также на себя вниманіе громадная баня, вся изъ мрамора, съ высокими стрѣльчатыми сводами и маленькими кругленькими отверстіями на потолкѣ для свѣта; но азіятская грязь и вонь и тутъ наложили свою печать. Есть здѣсь и пасажъ (базаръ), довольное большое полутемное зданіе, съ широкимъ проходомъ посерединѣ и жалкими лавченками по сторонамъ. По случаю прихода войскъ, кипѣла оживленная дѣятельность, и жидки потирали руки отъ удовольствія.

На улицахъ, въ ожиданіи проѣзда Великаго Князя Главнокомандующаго, толпились массы народа; всѣ балконы и окна были заняты дѣтьми и женщинами. Населеніе самыхъ разнообразныхъ національностей: турки въ черныхъ чалмахъ, болгары въ черныхъ или темно-синихъ чалмахъ, греки и евреи въ красныхъ фескахъ перемѣшивались между собою. Турчанки въ бѣлыхъ балахонахъ и бѣлыхъ платкахъ (часто сильно загрязненныхъ), закрывающихъ лицо, чинно проходили мимо. Въ общей картинѣ, красныя фески рѣшительно преобладали, и это былъ первый городъ, гдѣ болгары замѣчались въ значительномъ меньшинствѣ.

Для встрѣчи Великаго Князя, преображенцы были перевезены изъ Мустафы-паши по желѣзной дорогѣ, на адріанопольской станціи которой и былъ выставленъ отъ полка почетный караулъ. Великій Князь Главнокомандующій торжественно въѣхалъ въ городъ, причемъ по всему пути слѣдованія былъ шумно привѣтствуемъ собравшимся народомъ. Впрочемъ, вслѣдствіе своего состава, населеніе города, въ сущности, индиферентно относилось къ намъ и, кажется, болѣе всего разсчитывало поживиться на счетъ дорогихъ гостей.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ во время нашего десятидневнаго пребыванія въ Адріанополѣ было, безспорно, заключеніе перемирія. Послѣ разнообразныхъ слуховъ, предположеній, радостная вѣсть разнеслась, наконецъ, 19-го числа вечеромъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдовало приглашеніе на молебенъ, въ конакъ, гдѣ помѣщалась квартира Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго.

При оглушительныхъ крикахъ «ура», Его Высочество объявилъ собравшимся во множествѣ офицерамъ о совершившемся событіи. Затѣмъ, всѣ присутствующіе отправились къ молебну, послѣ котораго начались восторженныя оваціи главнѣйшимъ дѣятелямъ войны.

Его Высочество Главнокомандующій съ своей стороны благодарилъ войска слѣдующимъ приказомъ:

Приказъ по дѣйствующей арміи.

Главная квартира г. Адріанополь, 24-го января 1878 г.

«Доблестные вожди и воины ввѣренной мнѣ арміи!

«Когда перешагнули вы черезъ Балканы, я, не смотря на вашу усталость, потребовалъ отъ васъ еще новыхъ усилій. И вы не пошли, а полетѣли!

«Менѣе нежели въ мѣсяцъ, вы перенеслись почти черезъ всю Турцію и подошли чуть ли не къ стѣнамъ Царьграда. По пути, какъ бы мимоходомъ, вы разнесли цѣлую армію турокъ у Филипополя, отнявъ у нея всю артилерію; налетомъ захватили вторую столицу непріятеля— Адріанополь, и появились на берегахъ Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей.

«Врагъ не выдержалъ и склонилъ свою побѣжденную голову. Онъ согласился на всѣ наши требованія, и я остановилъ васъ.

«Такіе блистательные, небывалые успѣхи одержаны не только вашимъ мужествомъ и безпримѣрною храбростью, но въ особенности вашею беззавѣтною готовностью перенести всѣ труды и лишенія. Васъ не остановили ни невылазная грязь, ни непогода, ни переходы въ бродъ черезъ рѣки по грудь въ водѣ, въ морозъ и холодъ. Не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ, герои, отъ самыхъ старшихъ начальниковъ до послѣдняго погонщика въ обозѣ. Всѣ вы исполнили свято свой долгъ, всѣ вы перенесли то, что подъ силу только богатырямъ.

«Отдыхайте же теперь и приготовьтесь возвратиться со славою домой; но если врагъ вздумаетъ не подписать требуемаго отъ него мира, будьте готовы снова ринуться въ бой, чтобы доканать его.

«А пока мы будемъ отдыхать, докажите, что русскіе богатыри, не имѣющіе себѣ равныхъ въ честномъ бою, служатъ примѣромъ порядка и твердой охраной для мирныхъ жителей, какой бы народности и вѣроисповѣданія они ни были, ихъ имущества и чести, и покажите, что не будетъ даже отдѣльныхъ случаевъ, которые могли бы наложить малѣйшее пятно на добытую потомъ и кровью новую славу русскаго оружія.»

Подписалъ: Главнокомандующій дѣйствующею арміею, Генералъ-Инспекторъ кавалеріи и по инженерной части *Николай*.

Между тѣмъ для управленія Адріанополемъ и занятымъ вокругъ него раіономъ назначенъ былъ на должность военнаго генералъ-губернатора командиръ 9-го корпуса генералъ-лейтенантъ Свѣчинъ, а помощникомъ ему начальникъ штаба того же корпуса генералъ-маіоръ Липинскій. Генералъ-лейтенантъ Свѣчинъ немедленно предписалъ рядъ

мѣръ для организаціи управленія городомъ и водворенія прочнаго порядка въ подвѣдомственномъ ему раіонѣ. Адріанополь былъ раздѣленъ на пять участковъ, которыми управляли особые военные начальники изъ строевыхъ офицеровъ. Въ отличіе чиновъ административнаго управленія городомъ и округомъ, они должны были носить на бѣлой повязкѣ зеленый крестъ на лѣвомъ рукавѣ одежды, а участковые начальники должны были имѣть у своей квартиры значокъ—бѣлый съ зеленымъ крестомъ.

По пути слѣдованія отъ г. Адріанополя къ Константинополю, учреждены были четыре этапа: 1) Адріанополь; 2) Хавса; 3) Баба-Эски; 4) Люле-Бургасъ. Въ каждый изъ этихъ этаповъ направлено было по одной ротѣ, командиры которыхъ были вмѣстѣ съ тѣмъ комендантами соотвѣтствующихъ этапныхъ пунктовъ.

Въ приказѣ военнаго генералъ-губернатора отъ 28-го января было сказано:

«Вновь объявляется, что какъ сѣно, такъ и дрова не могутъ никакою частію войскъ, никакимъ чиномъ пріобрѣтаться иначе какъ за деньги (кромѣ получающихъ натурою изъ складовъ отъ интендантства по асигновкамъ.) Сѣно, даже во дворахъ брошенныхъ турками, должно быть неприкосновенно, какъ частная собственность. Если же кто узнаетъ о существованіи склада, принадлежащаго правительству турецкому, то долженъ доложить ближайшему начальнику для немедленнаго приставленія караула и сдачи таковаго склада въ вѣдѣніе интендантства. О чемъ немедленно сообщить завѣдующему интендантской частію подполковнику Рейнботу.

«Сѣно въ окрестностяхъ Адріанополя довольно, но нужно только платить деньги, каковыя въ полкахъ несомнѣнно имѣются, ибо долгое время части довольствовались сѣномъ даровымъ или добытымъ по дешевымъ цѣнамъ.

«Дрова также можно найти, лишь бы покупались за деньги. Деньги же для покупки дровъ полки и части несомнѣнно имѣютъ. Слѣдовательно, допущеніе въ нѣкоторыхъ частяхъ рубки тутовыхъ деревьевъ или ломки домовъ и заборовъ можетъ быть объяснено только нераспорядительностью или совершеннымъ равнодушіемъ ближайшихъ начальниковъ, которые обязаны объяснять нижнимъ чинамъ, какой ущербъ наносятъ они, уничтожая тутовыя деревья.

«Сохраненіе частной собственности необходимо и во время выѣзда жителей изъ деревни въ городъ, и во время пути. Нужно вселить населенію увѣренность въ ихъ безопасности, чѣмъ несомнѣнно увеличится число пріѣзжающихъ на базары въ Адріанополь, что, въ свою очередь, отразится на удешевленіи продуктовъ. Въ видахъ этого разосланы по деревнямъ и округу объявленія на русскомъ, болгарскомъ, греческомъ и турецкомъ язы-

кахъ и войскамъ подтверждается о важности обезпечить свободное и безпрепятственное слѣдованіе жителей по дорогамъ.

«Патрулямъ и разъѣздамъ, кои устанавливаются по нижеслѣдующему разсчету, въ опредѣленной наблюденію мѣстности, обозопасить не только жилища, но и все имущество обывателей, арестовывая какъ нижнихъ чиновъ, такъ и жителей, кои позволятъ себѣ какое либо своеволіе, или покупая не платятъ деньги и даже не выдаютъ форменной квитанціи.

«Всѣхъ одиночныхъ людей изъ отсталыхъ разныхъ полковъ, шляющихся по окрестнымъ селеніямъ, безусловно забирать и отправлять подъ конвоемъ къ коменданту Адріанополя, а послѣднему представлять при рапортѣ помощнику моему для направленія дѣла по закону.

«Дабы и по городу не бродили одиночные люди вечеромъ и ночью, подтверждается вновь дѣлать въ частяхъ ежедневные переклички, ибо были случаи, что арестованные нижніе чины по нѣсколько дней сидѣли на гауптвахтѣ у коменданта, а за ними изъ части и не думали приходить. Для лучшаго наблюденія въ городѣ участковымъ военнымъ начальникамъ установить посты на перекресткахъ наиболѣе важныхъ улицъ, гдѣ можетъ быть большое скопленіе людей и экипажей.

«На улицахъ ночью на постахъ военной полиціи подавать свистки, дабы можно было чувствовать присутствіе полиціи. Участковымъ военнымъ вести дневники для внесенія туда ежедневно случающихся происшествій, пожаровъ, кражъ со взломомъ, разоренія домовъ и грабежей».

Для безопасности наблюденія за порядкомъ въ окрестныхъ селеніяхъ, мѣстность вокругъ Адріанополя была раздѣлена на четыре участка.

Циркулярнымъ письмомъ къ начальникамъ войскъ генералъ-лейтенантъ Свѣчинъ просилъ ихъ содѣйствія къ сбору статистическихъ свѣній о занятомъ краѣ:

«Его Императорское Высочество Великій Князь Главнокомандующій изволилъ найти необходимымъ составить возможно подробныя свѣдѣнія топографическія и статистическія о краѣ, занятомъ арміею. Для сего офицерамъ корпуса топографовъ приказано произвести съемку мѣстности Адріанопольскаго округа, начавъ таковую съ юго-восточной части; но какъ съемка эта можетъ быть исполнена лишь въ маломъ масштабѣ, не крупнѣе 2-хъ верстъ въ дюймѣ, и какъ при таковой съемкѣ обширнаго пространства, нельзя требовать собиранія другихъ данныхъ, что отняло бы много времени и замедлило бы самую съемку, то Его Императорское Высочество считаетъ удобнымъ воспользоваться предстоящимъ движеніемъ и размѣщеніемъ войскъ въ краѣ для пополненія нѣкоторыхъ топографическихъ подробностей, какъ-то: маршрутныхъ съемокъ дорогъ въ масштабѣ версты въ дюймѣ, и встрѣчаемыхъ позицій въ масштабѣ 250 саженъ въ дюймѣ; топографическимъ описаніемъ свойства дорогъ, переправъ черезъ рѣки, о фонтанахъ, качествѣ воды, а также собираніемъ свѣдѣній о числѣ домовъ, жителей въ селеніяхъ съ раздѣленіемъ ихъ по народностямъ, и на сколько

возможно по вѣроисповѣданіямъ, занятіе ихъ, свѣдѣній о торговлѣ, о сортахъ засѣваемыхъ хлѣбовъ, количествѣ сбора хлѣба и сѣна, опредѣлить время этихъ сборовъ и вообще всего могущаго быть полезнымъ для соображеній, при движеніи, размѣщеній и продовольствіи войскъ.

«Было бы желательно имѣть такія свѣдѣнія о приморскихъ портахъ и гаваняхъ. Его Императорское Высочество сознаетъ, что свѣдѣнія эти не могутъ быть совершенно точны, но во всякомъ случаѣ они могутъ хотя приблизительно ознакомить со средствами края и принести большую пользу въ будущемъ. При собраніи свѣдѣній полезно отмѣтить: какія изъ нихъ собраны лично, что извѣстно изъ разспросовъ, на какія можно положиться, какія менѣе вѣрны.

«Всѣ собранныя свѣдѣнія Его Высочество поручаетъ мнѣ собрать въ одно цѣлое, пополнить ихъ тѣми данными, которыя по всей вѣроятности можно будетъ найти въ Адріанополѣ.

«Его Императорское Высочество убѣжденъ, что во ввѣренной вашему превосходительству дивизіи не встрѣтится недостатка въ гг. офицерахъ, способныхъ къ выполненію вышеизложеннаго предложенія, и увѣренъ, что полезная цѣль сего предложенія будетъ ими сознана и выполнена согласно желанія Его Императорскаго Высочества.»

Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 26-го января обращалъ вниманіе на чрезвычайно важный вопросъ, а именно въ немъ было сказано:

«По всѣмъ дорогамъ и селеніямъ, гдѣ проходили войска арміи, встрѣчается не мало труповъ людей, павшаго скота и внутренностей животныхъ. Мѣста временныхъ стоянокъ войскъ покрыты нечистотами. Все это при наступленіи теплаго времени перейдетъ въ разложеніе и грозитъ распространеніемъ между войсками и жителями заразительныхъ болѣзней. Поэтому предписываю всѣмъ начальникамъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ, нынѣ же принять слѣдующія мѣры:

«1) Озаботиться безотлагательною уборкою въ мѣстахъ расположенія войскъ труповъ людскихъ и павшаго скота, а равно внутренностей животныхъ, и приказать зарыть ихъ въ землю такимъ образомъ, чтобы они были покрыты слоемъ земли не менѣе какъ въ $1^1/_2$ аршина.

«2) Распорядиться очисткою дворовъ, площадей и улицъ отъ нечистотъ.

«3) Настоять на томъ, чтобы убой скота какъ промышленниками, такъ жителями и войсками производился внѣ черты городскихъ и сельскихъ поселеній, и чтобы кровь и внутренности при этомъ не оставлялись на поверхности почвы, а зарывались въ землю.

«4) Требовать, чтобы войска, при расположеніи въ городахъ, селахъ и на бивакахъ, назначали особыя отхожія мѣста и содержали ихъ опрятно, своевременно закрывая ихъ землею.

«Войсковымъ врачамъ, обязаннымъ наблюдать, чтобы всѣ правила медицинской полиціи исполнялись въ войскахъ въ точности, пред-

писываю, въ случаѣ замѣченныхъ отступленій отъ этихъ правилъ, докладывать о томъ начальникамъ частей войскъ».

Между тѣмъ, не смотря на заключеніе перемирія, мы знали, что будемъ выдвинуты впередъ къ Константинополю, какъ въ видахъ болѣе удобнаго расквартированія, такъ и для того, чтобы занять лучшее, болѣе грозное положеніе во время предстоявшихъ переговоровъ о мирѣ. День нашего выступленія постоянно измѣнялся, наконецъ окончательно назначено было 24-е января для движенія 1-го эшелона, въ которомъ я, за отъѣздомъ въ Черногорію полковника барона Каульбарса, назначенъ былъ начальникомъ штаба. Порядокъ выступленія и квартирнаго расположенія опредѣлялся нижеслѣдующими приказами:

Приказъ. Г. Адріанополь. 22-го января 1878 г.

«Для удобства расквартированія и продовольствія гвардейскій корпусъ выступаетъ изъ г. Адріанополя согласно прилагаемаго маршрута и располагается по деревнямъ: 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ окрестностяхъ г. Силеври, 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ окрестностяхъ г. Эрекли, 2-я бригада—у Чорлу. Границею между обѣими гвардейскими дивизіями принять р. Аранлы (Хаскіой-дере по картѣ полковника Артамонова.)

«Часы выступленія, порядокъ движенія и расположенія на ночлегахъ зависятъ отъ усмотрѣнія эшелонныхъ начальниковъ. Обозамъ слѣдовать при своихъ частяхъ. Для сбора ихъ и присоединенія къ своимъ частямъ начальникамъ дивизіи сдѣлать нынѣ-же необходимыя распоряженія, командировавъ для этого въ тылъ офицеровъ. Точно также собрать и присоединить къ своимъ частямъ дивизіонные подвижные лазареты и различныя команды, оставшіяся въ тылу.

«Если эти части должны будутъ выступить не со своими эшелонами, то онѣ во всемъ подчиняются начальнику того эшелона, при которомъ имъ придется двигаться.

«Порядокъ расквартированія въ данномъ раіонѣ предоставляется усмотрѣнію начальниковъ дивизій. Начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи распредѣлить въ Чорлу и окрестностяхъ гвардейскую стрѣлковую бригаду съ 5-ю или 6-ю батареями 1-й гвардейской артилерійской бригады.

«Раіонъ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи можетъ быть продолженъ на востокъ до расположенія отряда генералъ-адъютанта Скобелева 2-го; раіонъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи можетъ быть продолженъ на западъ, на переходъ отъ гг. Чорлу и Эрекли. 3-я гвардейская пѣхотная дивизія расквартирована у г. Демотики особымъ распоряженіемъ; точно также особымъ порядкомъ будетъ расквартирована 2-я гвардейская

кавалерійская дивизія по пріисканіи удобныхъ мѣстъ для нея. Гвардейскому Саперному баталіону до особаго распоряженія оставаться при 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Я остаюсь въ Адріанополѣ до 31-го января; въ этотъ день переѣзжаю по желѣзной дорогѣ въ Чорлу. Дальнѣйшее перемѣщеніе корпуснаго штаба будетъ зависѣть отъ расположенія главной квартиры.

«При расположеніи на квартирахъ войскамъ корпуса руководствоваться слѣдующимъ:

«1) Въ каждой деревнѣ располагать цѣлыя части, баталіонъ или нѣсколько ротъ.

«2) Въ каждомъ селеніи старшій начальникъ принимаетъ общее начальство надъ войсками, тамъ расположенными, съ званіемъ коменданта. Въ гг. Силеври, Эрекли и Чорлу комендантовъ назначить по усмотрѣнію начальниковъ дивизій.

«3) Для внутренняго порядка въ каждомъ селеніи установить караулы, дежурныхъ, дневальныхъ и патрульныхъ.

«4) Коменданты обязаны заботиться какъ о порядкѣ расположенія войскъ, удовлетворенія потребностей ихъ, такъ и о поддержаніи порядка и спокойствія въ средѣ жителей. При требованіи квартиръ и подводъ (послѣднія за плату) онъ дѣйствуетъ черезъ мѣстныя власти. Начальники и войска ничего не имѣютъ права требовать отъ жителей помимо коменданта.

«5) При содѣйствіи мѣстныхъ властей коменданты должны заботиться о поддержаніи чистоты въ селеніяхъ и окрестностяхъ. Это чрезвычайно важно въ виду господства эпидемическихъ болѣзней.

«6) Отъ жителей ничего кромѣ квартиръ не можетъ быть требовано безвозмездно; дома и запасы, принадлежащіе турецкому правительству или брошенные бѣжавшими жителями, конфисковать и донести мнѣ.

«7) По прибытіи на мѣста начальникамъ озаботиться довольствіемъ людей печенымъ хлѣбомъ; изъ принятыхъ же сухарей десятидневное количество (18 ф.) считать неприкосновеннымъ запасомъ.

«8) Въ гг. Силеври, Эрекли и Чорлу устроить пріемные покои, а по прибытіи дивизіонныхъ подвижныхъ лазаретовъ, отдѣленія этихъ лазаретовъ. Эвакуировать больныхъ въ имѣющіеся открыться госпитали въ г. Адріанополѣ.

«9) Для сообщеній между штабами отъ 3-й сотни 34-го Донскаго казачьяго полка устроить посты полевой летучей почты между гг. Чорлу, Эрекли и Силеври. Экстренные пакеты для немедленнаго отправленія по постамъ будутъ приниматься только отъ меня, отъ начальника штаба ввѣреннаго мнѣ отряда и отъ начальниковъ дивизій; остальные же пакеты и письма доставлять въ ближайшіе штабы, откуда отправлять ихъ по накопленіи разъ въ сутки.

«10) По прибытіи всѣхъ частей на квартиры начальникамъ дивизій, не позже 5-го февраля, донести мнѣ, какія части въ какой деревнѣ стоятъ

и кто назначены комендантами. Затѣмъ доставить вѣдомости о наличномъ количествѣ людей, штыковъ, раненыхъ, больныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ.

Мною замѣчено, что въ послѣднее время нѣкоторыя части не представляютъ въ отрядный штабъ установленныхъ срочныхъ донесеній».

Маршрутъ для передвиженія гвардейскаго корпуса на квартиры.

ЧИСЛА И ДНИ.	1-й эшел. 1-я бриг. 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 1-я, 2-я, 3-я и 4-я батареи.	2-й эшел. гвардейск. стрѣлк. бриг., 5-я и 6-я батар 1-й артилер. бриг. и корп. штабъ.	3-й эшел. 1-я бриг. 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и дивиз. штабъ.	4-й эшел. 2-я бригада 2-й гвардейск. пѣхотн. дивизіи.
24-го вторникъ.	Хавса 22 вер.			
25-го среда.	Баба - Эски 27 вер.	Хавса 22 вер.		
26-го четвергъ.	Люле-Бургасъ 18 вер.	Баба - Эски 27 вер.		
27-го пятница.	Дневка.	Дневка.	Хавса 22 вер.	
28-го субота.	Караштиракъ 19 вер.	Люле-Бургасъ 18 вер.	Баба - Эски 27 вер.	Хавса 22 вер.
29-го воскресен.	Чорлу 23 вер.	Караштиракъ 19 вер.	Люле-Бургасъ 18 вер.	Баба - Эски 27 вер.
30-го понедѣльн.	Эски - Эрекли 24 вер.	Чорлу 23 вер.	Дневка.	Дневка.
31-го вторникъ.	Дневка.	Дневка.	Караштиракъ 19 вер.	Люле-Бургасъ 18 вер.
1-го среда.	Силеври 18 в.		Чорлу 23 вер.	Караштиракъ 19 вер.
2-го четвергъ.			Эрекли 27 вер.	Чорлу 23 вер.

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Приказъ. Въ г. Адріанополь 27-го января 1878 г.

«Вслѣдствіе предписанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, изъ состава ввѣреннаго мнѣ отряда выдѣляются слѣдующія части: 5-я и 31-я пѣхотныя дивизіи 9-го армейскаго корпуса, 8-й драгунскій Астраханскій полкъ, 16-я конная батарея, кавалерійскій отрядъ генерала Чернозубова; сводная казачья бригада генерала Курнакова; 9-й уланскій Бугскій и 24-й Донской казачій полки, Маріупольскій и Кіевскій

гусарскіе полки и Харьковскій уланскій полкъ. Такимъ образомъ въ составѣ ввѣреннаго мнѣ отряда остаются: три гвардейскія пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артилеріею; гвардейская Стрѣлковая бригада, 3-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріею; 4-й Екатеринославскій драгунскій полкъ и Кавказская казачья бригада съ 8-ю Донскою казачьею батареею.

«Выдѣляющіяся изъ состава отряда части поступаютъ въ распоряженіе: 5-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріею, 8-й драгунскій Астраханскій полкъ и 9-й уланскій Бугскій полкъ, 16-я конная батарея и кавалерійскій отрядъ генерала Чернозубова—въ распоряженіе адріанопольскаго военнаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Свѣчина; три полка 31-й пѣхотной дивизіи съ ея артилеріею и Кіевскій гусарскій полкъ—въ распоряженіе Филипопольскаго военнаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Столыпина; одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи, Маріупольскій гусарскій и Харьковскій уланскій полки—оставаясь въ городѣ Софіи—въ распоряженіе филипопольскаго военнаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Столыпина; Сводно-казачья бригада генерала Курнакова въ распоряженіе командира 8-го корпуса; 24-й Донской полкъ—въ распоряженіе начальника 2-й гренадерской дивизіи.

«Всѣ упомянутыя части выходятъ немедленно изъ подъ моего командованія и поступаютъ тотчасъ-же въ подчиненіе упомянутыхъ выше лицъ, за исключеніемъ 24-го казачьяго полка, который долженъ выждать прибытія Екатеринославскаго драгунскаго полка и по смѣнѣ этимъ полкомъ идти въ Демотику.

«Войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда предписываю расположиться:

«Штабу—въ Чорлу.

«1-й гвардейской пѣхотной дивизіи—въ Силеври и его окрестностяхъ.

«*Примѣчаніе.* 2-я бригада этой дивизіи вмѣстѣ съ двумя батареями 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады, по смѣнѣ ея въ г. Софіи полкомъ 31-й пѣхотной дивизіи, прибудетъ тоже въ Силеври.

«2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—въ Эрекли и его окрестностяхъ.

«*Примѣчаніе.* Если въ окрестностяхъ этого города будетъ неудобно помѣститься всей дивизіи, то 2-й бригадѣ стать въ окрестностяхъ Чорлу.

«3-й гвардейской пѣхотной дивизіи—въ Люле-Бургасъ, Караштиракѣ и его окрестностяхъ.

«Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ—въ Чорлу. 3-й пѣхотной дивизіи и Екатеринославскому драгунскому полку—въ Эносѣ, Уршѣ и Шаркіоѣ и его окрестностяхъ.

«2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и Кавказской казачьей бригадѣ—въ Родосто и его окрестностяхъ.

«*Примѣчаніе.* Кавказской казачьей бригадѣ разрѣшается временно пріостановиться для отдыха въ Демотикѣ. Четыремъ сотнямъ Кубанскаго полка расположиться впереди Силеври и поступить въ распоряженіе командующаго 1-й гвардейскою пѣхотною дивизіею.

«Отъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи выставить конную почту для связи между собою Силеври, Эрекли, Родосто и Чорлу, смѣнивъ 3-ю сотню 34-го Донскаго казачьяго полка, которой послѣ того отправиться на присоединеніе къ своему полку.

«Отъ Екатеринославскаго драгунскаго полка выставить почту для связи штаба 3-й пѣхотной дивизіи съ Родосто.

«Казначейству, интендантству и всѣмъ вообще учрежденіямъ, состоящимъ при отрядѣ, переѣхать въ Чорлу.

«Всѣмъ обозамъ подтянуться къ своимъ частямъ по усмотрѣнію начальниковъ дивизій. Всѣмъ артилерійскимъ паркамъ собраться въ Люле-Бургасъ. 5-го февраля отправить въ штабъ ввѣреннаго мнѣ отряда вѣдомости съ указаніемъ, сколько состояло въ частяхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ при выходѣ изъ мѣстъ квартированія въ Россіи; сколько потеряно убитыми и ранеными во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ, съ указаніемъ потерь въ каждомъ дѣлѣ, сколько было въ частяхъ ко дню выступленія въ Адріанополь и сколько состоитъ къ 3-му февраля.

«При этомъ предписываю указать отдѣльно число нижнихъ чиновъ, состоящихъ на довольствіи и отдѣльно могущихъ быть выведенными въ строй. Въ артилеріи и кавалеріи указать соотвѣтственныя свѣдѣнія о числѣ лошадей.

«Сверхъ того донести о количествѣ имѣющихся патроновъ и снарядовъ и о числѣ израсходованныхъ боевыхъ припасовъ въ каждомъ дѣлѣ.

«Донести также о числѣ больныхъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, съ указаніемъ, гдѣ именно находятся на излеченіи.

«По расположеніи по квартирамъ озаботиться о поддержаніи самой строгой дисциплины и наистрожайшаго порядка и благочинія.

«Во все время расположенія по квартирамъ ежедневно заниматься въ теченіе двухъ часовъ строевыми ученьями, которыя заканчивать церемоніальнымъ маршемъ. Необходимо принять самыя энергическія мѣры, чтобы сплотить части и возстановить самый строгій внутренній порядокъ въ частяхъ. Обращаю на этотъ важный предметъ вниманіе всѣхъ строевыхъ начальниковъ. Дивизіоннымъ лазаретамъ быть при штабахъ дивизій и по мѣрѣ нужды открывать нужное число лазаретовъ, по усмотрѣнію начальниковъ частей. Всѣмъ начальствующимъ лицамъ и врачамъ обратить строгое вниманіе на соблюденіе всѣхъ гигіеническихъ условій.

«Екатеринославскому драгунскому полку выступить изъ Адріанополя 28-го января и слѣдовать черезъ Узунъ-Кепри и Кешанъ въ Уршу. 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи выступить изъ Адріанополя двумя эшелонами 29-го и 30-го января. Четыремъ сотнямъ Кубанскаго казачьяго полка, находящимся въ Адріанополѣ, выступить тоже 29-го января и слѣдовать на Силеври, гдѣ, какъ было сказано выше, поступить въ распоряженіе командующаго 1-й гвардейскою пѣхотною дивизіею. Гвардейскимъ коннымъ батареямъ, находящимся въ Адріанополѣ для переорганизаціи въ 6-ти ору-

дійный составъ, оставаться здѣсь до 3-го февраля; въ этотъ день имъ выступить въ г. Родосто подъ прикрытіемъ дивизіона кавалеріи, который выслать къ назначенному числу въ г. Адріанополь отъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

«Я со штабомъ отряда выѣзжаю изъ Адріанополя 2-го февраля по желѣзной дорогѣ и въ тотъ же день буду въ Чорлу».

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко.*

Погода вполнѣ благопріятствовала нашему движенію; стояли чудные, теплые, солнечные дни, въ родѣ хорошихъ майскихъ въ Петербургѣ. Шоссе первые два перехода отлично накатано; только унылая, пустынная окрестность не гармонировала со всей обстановкой. Такимъ образомъ намъ казалось, что походъ будетъ не болѣе, какъ пріятной прогулкой. Но уже на третьемъ переходѣ, за Баба-Эски, шоссе вдругъ прерывается и приходится идти среди моря грязи. Глинистый черноземъ, причемъ глина во многихъ мѣстахъ отличается какимъ-то бѣловатымъ отблескомъ, образовалъ, подъ вліяніемъ дождей, на столько рыхлую почву, что лошади увязали какъ въ трясинѣ. Переѣздъ въ лощинахъ возможенъ былъ только послѣ тщательнаго осмотра. Въ орудія приходилось запрягать по 5—6 паръ быковъ и, не смотря на это, переходъ въ 18 верстъ совершенъ былъ въ 17 часовъ времени. Послѣ желѣзной—это лучшая дорога между двумя главнѣйшими городами оттоманской имперіи. Къ счастью, послѣ двухъ переходовъ дорога стала лучше, и войска двигались безъ особаго изнуренія.

Населеніе по пути почти исключительно греческое, такъ какъ турки бѣжали, а болгары встрѣчались лишь въ самомъ незначительномъ числѣ, окончательно забитые подъ двойнымъ гнетомъ: турокъ и грековъ. На этомъ пути мы отвыкли отъ радушія и гостепріимныхъ встрѣчъ мѣстнаго населенія, т. е. явленій, обычныхъ для насъ на всей пройденной до того мѣстности. Греки относились къ намъ явно недружелюбно: всѣ замки и ворота на запоръ, и только видя дружныя усилія богатырскихъ плечъ нѣсколькихъ солдатъ, раскрывали свои обиталища. Послѣ этого, тактика быстро мѣнялась: назойливая услужливость преслѣдовала на каждомъ шагу и, переведенная на франки и галаганы, составляла безобразныя цифры. За свѣчку брали одинъ франкъ, въ то время, когда она по мѣстнымъ цѣнамъ стоила $^1/_4$ франка; за большой бѣлый хлѣбъ приходилось платить по серебряному рублю и проч. Эксплуататорство грековъ часто доходило до курьезовъ; напримѣръ: хозяинъ дома услужливо приноситъ дровъ для камина; затѣмъ ночью, когда предполагаетъ всѣхъ спящими, осторожно пробирается въ комнату и самъ же выкрадываетъ принесенныя дро-

ва и т. п. При такихъ условіяхъ, наша «пріятная прогулка» скоро сдѣлалась очень скучнымъ походомъ, особенно при скудости окружающей природы. Трудно представить себѣ что нибудь унылѣе, безжизненнѣе мѣстности между Адріанополемъ и Константинополемъ: одинъ холмъ смѣняетъ другой, за высотой слѣдуетъ высота, и такъ, съ убійственнымъ однообразіемъ, по всему пути; кругомъ ни куста, ни дерева, ни населенныхъ пунктовъ, ни обработанныхъ полей (за рѣдкими исключеніями); въ воздухѣ мертвая тишина; что-то невыразимо тяжелое ложится на сердце. Селенія встрѣчаются почти только по пути; изъ нихъ турецкія совершенно опустѣли, а греческія сохранились въ цѣлости и не ограбленными; не смотря на всеобщій погромъ, греки и тутъ съумѣли вывернуться изъ бѣды. Незначительное число встрѣчающихся болгаръ въ своихъ чалмахъ, отъ которыхъ концы спускаются по ушамъ и подвязываются подъ шеей, въ жалкихъ лохмотьяхъ, имѣютъ видъ какихъ-то илотовъ, рабовъ. Въ городахъ они или протягиваютъ руку за милостыней (явленіе, почти не виданное въ остальной Болгаріи), или составляетъ прислугу сытыхъ, зажиточныхъ грековъ.

Въ д. Чантъ мы были встрѣчены мѣстнымъ духовенствомъ въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и образами; тѣмъ не менѣе, всѣ дома оказались запертыми, и только угрозами выломать двери и ворота удавалось заставить жителей (конечно, грековъ) насъ впустить.

Силеври, гдѣ мы расположились сначала, небольшой приморскій городъ, съ неизбѣжнымъ подраздѣленіемъ на турецкую и греческую части. Въ опустѣломъ турецкомъ кварталѣ размѣщены были войска, а штабы—въ христіанскомъ. Вслѣдствіе заключеннаго перемирія, явилось не мало антрепренеровъ, съ цѣлью поживиться на счетъ войскъ: одинъ открылъ приличный ресторанъ; другіе привозили все необходимое изъ Константинополя; на первыхъ порахъ никто и не обращалъ вниманія на эксплуатацію — послѣ пятимѣсячныхъ бѣдствій все кажется дешевымъ.

Турецкія (французскія) газеты мы имѣли на второй день; при относительной бездѣятельности, наступившей непосредственно послѣ тяжелой кампаніи, мы начали было уже знакомиться со страшнымъ врагомъ—скукой, разсѣять которую безсильны были жиденькія турецкія газеты. Усѣвшись, по первоначальному предположенію, на болѣе или менѣе продолжительное время, на одномъ мѣстѣ, мы должны были принять различныя мѣры по регулированію какъ нашего расквартированія, такъ и занятій, желая наилучшимъ образомъ воспользоваться свободнымъ временемъ для приведенія частей въ порядокъ. Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ:

Приказъ по 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи 2-го февраля 1878 г., г. Силеври.

«Частямъ командуемой мною дивизіи, сосредоточеннымъ у г. Силеври, расположиться по квартирамъ слѣдующимъ образомъ: штабу дивизіи, управленію 1-й бригады, управленію лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, дивизіонному лазарету, лейбъ-гвардіи Преображенскому полку и двумъ батареямъ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады въ г. Силеври; лейбъ-гвардіи Семеновскому полку съ двумя батареями лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады въ дд. Эпиватесъ (по картѣ Артамонова—Бурдасъ, Плеватъ) и Делёнесъ (по картѣ Артамонова Сугункіой), причемъ полковому штабу, двумъ баталіонамъ и обѣимъ батареямъ стать на квартирахъ въ д. Эпиватесѣ, а остальнымъ двумъ баталіонамъ—въ д. Делёнесѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю къ точному исполненію слѣдующее:

а) *По квартирному расположенію.*

«Во всѣхъ вышеуказанныхъ пунктахъ занимать прежде всего подъ постой пустыя зданія, оставленныя бѣжавшими турецкими семействами, и затѣмъ уже, при недостаткѣ помѣщеній, расквартировывать людей въ домахъ, принадлежащихъ христіанскому населенію. Правильность и равномѣрность постойной повинности возлагается на отвѣтственность комендантовъ.

«На видномъ мѣстѣ каждаго изъ занятыхъ помѣщеній должна быть сдѣлана надпись съ обозначеніемъ числа квартирующихъ людей, какой части и кто старшій; квартиры офицеровъ тоже должны быть обозначены соотвѣтствующими надписями. У въѣздовъ и выѣздовъ въ занятыхъ поселеніяхъ выставить дощечки съ надписями, какая часть квартируетъ въ данномъ пунктѣ, кто старшій начальникъ и комендантъ.

«Для обезпеченія внутренняго порядка и внѣшней безопасности въ пунктахъ квартирнаго расположенія принять слѣдующія мѣры:

«1) Въ г. *Силеври* назначать ежедневно въ распоряженіе коменданта *дежурную* часть. Отъ этой части имѣть днемъ и ночью на главной гауптвахтѣ караулъ, которому выставлять часовыхъ къ главному входу и выѣзду изъ города, къ входу въ христіанскій кварталъ, при различныхъ складахъ въ городѣ, а также въ тѣхъ пунктахъ, охраненіе которыхъ будетъ признано комендантомъ необходимымъ. На ночь отъ дежурной части назначать для охраненія артилеріи къ парку одну полуроту; какъ днемъ, такъ и ночью отъ дежурной части должны быть высылаемы патрули, которымъ обходить городъ по всѣмъ направленіямъ, задерживать шатающихся послѣ зори безъ записокъ нижнихъ чиновъ, прекращать на улицахъ и въ домахъ всякій шумъ и буйство, строго слѣдить, чтобы своевременно тушились огни и пр.

«Въ д. *Делёнесъ* и *Эпиватесъ*, кромѣ выше указанныхъ мѣръ, на ночь слѣдуетъ оцѣплять часовыми каждую изъ этихъ деревень.

Ежедневно, въ г. Силеври, по распоряженію Его Высочества, командира 1-й бригады, а въ гг. Делёнесѣ и Эпиватесѣ по распоряженію старшихъ начальниковъ частей, назначать дежурную часть на случай пожара. Нарядъ сообщать для свѣдѣнія коменданту. На случай тревоги назначать сборные пункты по возможности впереди мѣстъ квартированія.

«Въ г. Силеври и въ дд. Эпиватесѣ и Делёнесѣ съ полученія сего назначить комендантовъ, и о томъ, кто будетъ назначенъ, немедленно мнѣ донести. Комендантамъ устроить въ каждомъ пунктѣ гауптвахты и вступить безотлагательно въ отправленіе своихъ обязанностей, кругъ которыхъ очерченъ въ настоящемъ приказѣ, а также принять къ неуклонному исполненію тѣ указанія, которыя будутъ соотвѣтственно даны Его Высочествомъ, командиромъ бригады и командиромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Гг. офицерамъ, принадлежащимъ къ составу полковъ и батарей, непремѣнно располагаться въ раіонѣ расквартированія своихъ частей и отнюдь не помѣщаться въ другихъ кварталахъ.

б) *По санитарному состоянію войскъ.*

«Во всѣхъ пунктахъ квартирнаго расположенія, старшимъ начальникамъ озаботиться устройствомъ бань или приспособленіемъ уже существующихъ соотвѣтственно потребностямъ войскъ.

«Комендантамъ пригласить мѣстныя управленія принять энергическія мѣры къ вывозу и зарытію падали, валяющейся на улицахъ и вблизи занятыхъ поселеній, причемъ заявить имъ, что въ случаѣ неисполненія настоящаго требованія виновные будутъ подвергнуты денежнымъ штрафамъ.

«Въ г. Силеври и въ дд. Делёнесѣ и Эпиватесѣ устроить пріемные покои для леченія заболѣвающихъ нижнихъ чиновъ, а въ г. Силеври, кромѣ того, предписываю дивизіонному врачу доктору Фовелину открыть дивизіонный лазаретъ.

Общее наблюденіе за санитарною частью въ войскахъ возлагаю на статскаго совѣтника Фовелина.

в) *По продовольствію.*

«Комендантамъ безотлагательно привести въ извѣстность имѣющіеся въ г. Силеври и въ дд. Эпиватесѣ и Делёнесѣ склады, которые и охранять часовыми. Склады эти должны служить для текущаго довольствія войскъ, причемъ фуражные запасы въ г. Силеври выдавать только по запискамъ Его Высочества и дивизіоннаго штаба. Вмѣстѣ съ тѣмъ комендантамъ опредѣлить вообще продовольственныя средства занятыхъ пунктовъ. Послѣ этого предписываю составить точныя соображенія относительно продовольствія частей и заготовленія запаса сухарей, который, согласно приказа по отряду генералъ-адъютанта Гурко, долженъ оставаться неприкосновеннымъ. Если указанныхъ средствъ окажется недостаточно для безостановочнаго

довольствія войскъ хлѣбомъ (полагая по $2^1/_2$ ф. въ сутки на человѣка) и образованія неприкосновеннаго запаса сухарей, то предписываю комендантамъ войти въ соглашеніе съ мѣстными управленіями и частными лицами относительно поставки муки; причемъ комендантамъ разрѣшается выдавать такимъ лицамъ пропускные билеты для поѣздокъ за покупками въ г. Родосто или другіе пункты въ предѣлахъ демаркаціонной линіи. Если упомянутые способы обезпеченія довольствія войскъ не могли бы быть осуществлены вслѣдствіе отказа въ содѣйствіи мѣстныхъ властей, то объявить таковымъ, что въ подобномъ случаѣ войска будутъ расквартированы у *обывателей съ обязательнымъ продовольствіемъ* постояльцевъ.

«О томъ, какія будутъ приняты окончательно мѣры въ указанномъ отношеніи, донести мнѣ безотлагательно.

«Въ видахъ экономіи, предлагаю устроить хлѣбопекарныя печи для того, чтобы имѣть возможность приготовлять хлѣбъ полковыми средствами.

«Преписываю комендантамъ въ возможной скорости разработать, по соглашенію съ мѣстными властями, таксы на всѣ жизненные продукты и доставить мнѣ ихъ на утвержденіе. Батареямъ и полкамъ озаботиться пріобрѣтеніемъ фуража на отпускаемыя для этого деньги.

г) *По обмундированію и вооруженію.*

«Съ размѣщеніемъ войскъ по квартирамъ, начальникамъ частей озаботиться исправленіемъ обмундированія и вооруженія частей и вообще приведеніемъ въ надлежащій видъ всей матеріальной части. При этомъ разрѣшаю произвести на указанныя потребности необходимые расходы изъ полковыхъ суммъ. Если бы не удалось пріобрѣсти у мѣстныхъ жителей или черезъ поставщиковъ сукна, кожи и т. п. для починки обмундированія, обуви и пр., то разрѣшаю командировать за покупкой означенныхъ вещей, особыхъ офицеровъ въ г. Адріанополь и другіе города.

д) *По строевому образованію.*

«Когда части дивизіи разведены будутъ на указанные выше квартиры и устроятся, то вслѣдъ затѣмъ немедленно приступить къ производству строевыхъ ученій.

«Характеръ, послѣдовательность и объемъ этихъ занятій предоставляю опредѣлить Его Высочеству Принцу Ольденбургскому и командиру лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады Свиты Его Величества генералъ-маіору Овандеру; съ своей же стороны предлагаю обратить особое вниманіе на одиночныя и ротныя ученья.

«Опредѣляя настоящимъ приказомъ лишь общія требованія относительно квартирнаго расположенія частей командуемой мною дивизіи, ихъ довольствіе и обученіе, я предоставляю Его Высочеству и Свиты Его Величества генералъ-маіору Овандеру развить, по своему усмотрѣнію, въ пол-

ной подробности тѣ мѣры, которыя могутъ способствовать наилучшему достиженію общей цѣли, т. е. чтобы доблестные полки и батареи, покрывшіе себя геройской славой въ бояхъ, служили бы достойнымъ образцомъ внутренняго порядка, дисциплины и военнаго образованія».

Подписалъ: генералъ-маіоръ *Раухъ*.

Не долго намъ пришлось пользоваться покойной стоянкой въ гор. Силеври. 7-го февраля мы получили слѣдующее приказаніе, отъ 6-го февраля, вступившаго въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ графа Шувалова.

«Г. Чорлу. По приказанію начальника отряда, сообщаю вашему превосходительству, съ полученія сего, немедленно выступить изъ г. Силеври и направиться одним переходомъ до моста у Буюкъ-Чекмедже, не переходя черезъ этотъ мостъ, безъ особаго на то приказанія, такъ какъ заливъ составляетъ демаркаціонную линію. Расположиться отряду слѣдуетъ какъ можно ближе къ мосту, по деревнямъ, чифликамъ, по возможности держа бригаду сосредоточенною. Если Саперный баталіонъ прибылъ въ Силеври, то присоединить его къ вашему отряду. По прибытіи и расквартированіи немедленно мнѣ донести. Прибывъ на мѣсто, войдите тотчасъ-же въ сношеніе съ генералъ-лейтенантомъ Скобелевымъ. Сухари жду ежечасно изъ Адріанополя; какъ скоро прибудутъ, немедленно отправлю къ вамъ на подводахъ. Восьмидневная пропорція для вашей бригады и Сапернаго баталіона составитъ 2,000 пудовъ; количество это разомъ поднято быть не можетъ; надѣюсь по 600 пудовъ, за разъ. До полученія сухарей довольствуйте хлѣбомъ или лепешками изъ мѣстной муки, другаго средства пока указать не могу. Быть можетъ, вамъ поможетъ генералъ Скобелевъ, который продовольствуетъ свои обѣ дивизіи хлѣбомъ. Генералъ-адъютанту Гурко извѣстно, что вся гвардія безъ сухарей. Если Кубанскій полкъ уже прибылъ къ вамъ, то возьмите его съ собой. Во всякомъ случаѣ оставьте въ Силеври маленькую команду съ офицеромъ, для направленія транспорта сухарей, когда онъ прибудетъ въ Силеври, къ новому мѣсту вашего расположенія. Одновременно сдѣлано мною распоряженіе о доставленіи другихъ 2,000 пудовъ сухарей изъ Родосто моремъ въ Силеври. Предоставляю вамъ право принять для вашей потребности первые прибывшіе транспорты. Все равно, откуда прибудутъ: изъ Чорлу или Родосто; принятые вами сухари оставьте въ видѣ склада въ Силеври для потребности прибывающихъ вслѣдъ за вами войскъ. Я сообщилъ по телеграфу генералу Гурко, что вы прибудете къ мѣсту завтра 7-го февраля вечеромъ или, въ крайнемъ случаѣ, только послѣ завтра 8-го февраля вечеромъ».

Подписалъ: *графъ Шуваловъ*.

Согласно этого приказанія, генералъ-маіоръ Раухъ отдалъ слѣдующее приказаніе по отряду 7-го февраля 1878 г.

«7-го февраля 1878 г. г. Силеври. Завтра 8-го февраля ввѣренный мнѣ

отрядъ передвинется изъ г. Силеври къ демаркаціонной линіи Беюкъ-Чекмедже-Чаталджа; для чего:

«1) Авангарду изъ двухъ баталіоновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, одной батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, одной роты саперовъ, 4-хъ сотенъ Кубанскаго полка, выступить въ 7 часовъ утра и слѣдовать на Эпиватесъ (Бурдосъ, Плевата), Кумъ-Бургасъ и далѣе.

«*Примѣчаніе*. Три сотни Кубанскаго полка, расположенныя въ д. Эпиватесѣ, присоединяются къ авангарду, когда послѣдній подойдетъ къ д. Эпиватесъ.

«2) Главнымъ силамъ, т. е. всѣмъ прочимъ частямъ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, тремъ батареямъ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, тремъ ротамъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, выступить въ $7^1/_2$ ч. утра и слѣдовать, имѣя саперовъ въ хвостѣ колонны, по пути авангарда.

«3) Большой привалъ назначить по усмотрѣнію Его Высочества Принца Ольденбургскаго.

«4) Квартиры будутъ указаны особо командированными офицерами по правую сторону р. Антчирасъ, причемъ какъ части, такъ и отдѣльныя лица, подъ строжайшей отвѣтственностью, не должны переходить на лѣвый берегъ этой рѣчки и залива Беюкъ-Чекмедже, такъ какъ по нимъ проведена демаркаціонная линія; настоящее приказаніе должно быть оповѣщено всѣмъ нижнимъ чинамъ, во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній, особенно при фуражировкахъ. Г. Беюкъ-Чекмедже лежитъ за демаркаціонной линіей, и потому вступать въ него строго воспрещается, точно такъ же какъ переходить по ту сторону моста на р. Антчирасъ.

«5) Дивизіонному лазарету остаться въ г. Силеври, отправивъ съ колонной только летучій отрядъ.

«6) Временнымъ комендантомъ въ г. Силеври назначить оберъ-офицера отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, которому немедленно принять должность отъ капитана барона Корфа.

«7) Въ распоряженіе коменданта назначить, по усмотрѣнію Его Высочества, команду нижнихъ чиновъ. Новый комендантъ принимаетъ на себя всѣ тѣ обязанности, которыя лежали на капитанѣ баронѣ Корфѣ и начальникѣ порта, полковникѣ баронъ-фонъ-деръ-Ховенѣ, и въ особенности имѣетъ неусыпное наблюденіе за правильнымъ и быстрымъ хлѣбопеченіемъ.

«Команды хлѣбопековъ остаются въ г. Силеври и поступаютъ въ вѣдѣніе временнаго коменданта. Остающемуся коменданту г. Силеври, по прибытіи сухарей изъ Родосто или изъ другихъ пунктовъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ, озаботиться немедленной ихъ доставкой въ бригаду.

«8) По прибытіи на новыя квартиры частямъ строго руководствоваться во всѣхъ отношеніяхъ приказомъ по дивизіи (относительно назначенія комендантовъ, внутренняго порядка и пр.), и о томъ, кто будетъ назначенъ комендантомъ въ каждомъ занятомъ селеніи, безотлагательно мнѣ донести».

Подойдя къ д. Каликрата, находящейся у самаго залива, мы нашли уже тамъ часть войскъ авангарда арміи—Владимірскій полкъ и часть Суздальскаго. Не смотря на тѣсноту размѣщенія, командиръ бригады уступилъ намъ большую половину деревни, и такимъ образомъ, преображенцы и двѣ батареи могли стать на квартирахъ. Семеновцы же, стрѣлки, саперы, кубанцы и гвардейскіе уланы помѣстились по сосѣдству въ полу-опустѣлыхъ деревенькахъ на столько тѣсно, что, напримѣръ, на полкъ приходилось около 15 избъ. Замѣчательно при этомъ добродушіе нашихъ армейцевъ—они безропотно уступали свои квартиры, повидимому безъ малѣйшаго неудовольствія; не имѣя никакой абсолютной возможности расположиться въ отведенныхъ помѣщеніяхъ, люди устраивались и прилаживались прямо на улицахъ. Скоро запылали по деревнѣ маленькіе костры и, посреди моря грязи, групы солдатъ занялись приготовленіемъ своей неприхотливой пищи; тутъ же у костровъ они и спали, и чистились, и отдыхали. Проворные греки навезли изъ Константинополя всякой всячины, и пошла оживленная торговля. Разнообразные крики: «хорошъ водка», «добре хлѣбъ—четыре галэгана», «хорошъ рубашка» и проч., раздавались на улицахъ въ теченіе цѣлаго дня. Впрочемъ, хлѣба для обезпеченія продовольствія всего отряда невозможно было достать, а тутъ еще, какъ читатель знаетъ, приказано было изготовить неприкосновенный восьмидневный запасъ.

Какой-то антрепренеръ брался доставить изъ Константинополя галетъ по франку за око (три фунта), но только черезъ дня два, три. Къ счастью, изъ Родосто неожиданно прибылъ транспортъ, и важный вопросъ продовольствія, столько дѣлавшій намъ хлопотъ въ теченіе всей войны, былъ на время рѣшенъ.

На другой день по прибытіи нашемъ въ Каликрату была препровождена къ намъ нижеслѣдующая интересная копія съ отзыва генералъ-маіора Нагловскаго къ генералъ-адъютанту графу Шувалову:

«Командующему гвардейскимъ корпусомъ.

«Въ дополненіе къ моимъ предъидущимъ отзывамъ, увѣдомляю ваше сіятельство, что, вслѣдствіе приказанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, долженъ быть сформированъ особый отрядъ изъ слѣдующихъ частей: 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, гвардейской стрѣлковой бригады, лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и 6-й казачьей Донской батареи гвардейской конной артилеріи. Всей пѣхотой и артилеріей этого отряда долженъ командовать командиръ гвардейской стрѣлковой бригады, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эллисъ 1-й.

«Начальствованіе надъ всѣмъ отрядомъ, къ которому вѣроятно присоеди-

нится еще 4-я стрѣлковая бригада, будетъ возложено на особое лицо. Отряду этому немедленно придвинуться къ демаркаціонной улицѣ и стать противъ Беюкъ-Чекмедже.

«Отрядъ этотъ получитъ въ скоромъ времени приказаніе перейти демаркаціонную линію и слѣдовать черезъ Кучукъ-Чекмедже къ монастырю Св. Стефана (1), а затѣмъ получитъ приказаніе вступить въ Константинополь. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ вступитъ въ Константинополь и Его Высочество Главнокомандующій. Всѣ остальныя войска ввѣреннаго вашему сіятельству корпуса должны будутъ, тотчасъ послѣ начала движенія упомянутаго выше отряда, приблизиться къ демаркаціонной линіи, но отнюдь ея не переходить. При этомъ 2-я гвардейская пѣхотная дивизія должна будетъ стать противъ Беюкъ-Чекмедже, а 3-я гвардейская пѣхотная дивизія перейти въ Силеври. Казначейство, интендантство и всѣ придаточныя учрежденія должны остаться въ Чорлу, а 2-я гвардейская кавалерійская дивизія въ Родосто.

«Для конвоя казначейства и интендантства, оставить въ Чорлу одинъ баталіонъ отъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Вашему сіятельству, послѣ начала движенія передоваго отряда, предоставляется выбрать мѣсто расположенія штаба, гдѣ вы признаете болѣе удобнымъ.

«Его превосходительство начальникъ отряда проситъ ваше сіятельство сдѣлать распоряженіе о немедленномъ снабженіи сухарями передоваго отряда въ восьмидневной пропорціи. Сухари уже двинуты по желѣзной дорогѣ. Для скорѣйшей доставки ихъ къ передовому отряду, не признаете-ли болѣе удобнымъ двинуть сухари въ Чита-Меджу, оттуда доставка будетъ ближе.

«Начальникъ отряда выѣдетъ изъ Адріанополя на другой день послѣ отъѣзда Его Высочества и переѣдетъ въ Чорлу. Занятіе Константинополя будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, мирное, а потому слѣдуетъ заранѣе принять мѣры къ поддержанію самаго строгаго внутренняго порядка и дисциплины. Такъ какъ войска въ Константинополѣ будутъ, по всей вѣроятности, помѣщены въ казармахъ (которыя теперь уже приготовляются для помѣщенія нашихъ войскъ), то поддержаніе этого порядка будетъ не особенно трудно.

«Въ особенности слѣдуетъ внушить гг. офицерамъ всю важность поддержанія этого порядка и настоятельную необходимость быть крайне бдительными, осторожными, оставаться постоянно при своихъ частяхъ и отнюдь не позволять себѣ какіе бы то ни было кутежи, пирушки и похожденія. Соблюденіе всего этого есть дѣло первой важности, и нарушеніе его въ виду присутствія въ городѣ турецкихъ войскъ можетъ повести къ разнаго рода недоразумѣніямъ, столкновеніямъ и политическимъ усложненіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что гг. офицеры поймутъ это очень хорошо, но еслибы нашлись такіе, которые нарушатъ это требованіе, то частные начальники должны немедленно высылать ихъ изъ Константинополя и

(1) Санъ-Стефано. *А. П.*

подвергать самымъ строгимъ взысканiямъ. Нарушенiе этого со стороны начальствующихъ лицъ будетъ считаться преступнымъ бездѣйствiемъ власти.

«По приказанiю начальника отряда сообщаю о всемъ вышеизложенномъ для немедленныхъ распоряженiй со стороны вашего сiятельства».

Уже 10-го февраля мы должны были выступить далѣе, но нѣсколько въ иныхъ, чѣмъ предполагалось, условiяхъ. Всѣ эти распоряженiя, конечно, находились въ тѣсной связи съ ходомъ мирныхъ переговоровъ. При этомъ движенiи я назначенъ былъ за начальника штаба авангарда къ Его Высочеству Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому. Мы получили приказанiе перейти демаркацiонную линiю, пройти нейтральную полосу и, выславъ парламентера, потребовать отъ турокъ очищенiя позицiи у К у ч у к ъ-Ч е к м е д ж е. Въ противномъ случаѣ, мы должны были развернуться въ боевой порядокъ, выслать втораго парламентера и, затѣмъ, при неудачѣ переговоровъ, послѣ перваго выстрѣла со стороны турокъ начать бомбардировку турецкой позицiи. Въ то же время генералъ Гурко, съ войсками генерала Скобелева 2-го, предполагалъ двинуться въ тылъ и флангъ Кучукъ-Чекмеджiйской позицiи.

Обѣ позицiи турокъ, какъ у Беюкъ, такъ и Кучукъ-Чекмедже чрезвычайно сильны отъ природы. Передъ каждой изъ нихъ съ фронта разстилаются довольно обширные заливы, восточные берега которыхъ командуютъ западными. Сообщенiе черезъ первый заливъ производится лишь по каменному сводчатому мосту, а черезъ второй—по плотинѣ. Лѣвый флангъ каждой позицiи примыкаетъ непосредственно къ Мраморному морю, а обходъ праваго затрудняется заливами и открытою мѣстностью, не дозволяющею сдѣлать его незамѣтнымъ для противника. Такимъ образомъ, этими участками позицiй, прилегающими къ морю, можно овладѣть только при стратегическомъ обходѣ. Разумѣется, турки приложили не мало усилiй для искусственнаго ихъ укрѣпленiя. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ будущемъ этимъ позицiямъ, каждая длиною въ 25—30 верстъ, суждено превратиться въ обширный укрѣпленный лагерь, въ сферѣ котораго можетъ свободно маневрировать значительная армiя. Надо еще замѣтить, что между Беюкъ и Кучукъ-Чекмеджiйской линiями находится рядъ позицiй, образуемыхъ паралельными хребтами, весьма удобныхъ въ оборонительномъ отношенiи.

Въ 6 часовъ утра, 11-го февраля, отправился впередъ первый нашъ парламентеръ, а черезъ полчаса двинулись и войска; стоявшiя въ тылу части тоже были придвинуты къ демаркацiонной линiи. Когда мы подошли къ Кучукъ-Чекмедже, то штабсъ-ротмистръ Сухановъ, нашъ парламентеръ, прислалъ нарочнаго съ просьбой прiостановиться,

чтобы до времени не обнаруживать своихъ силъ. Войска сосредоточились за ближайшимъ гребнемъ. Находившiйся при колоннѣ командующiй войсками гвардейскаго корпуса графъ Шуваловъ выѣхалъ со штабомъ впередъ; позицiя турокъ съ нѣсколькими лагерями и укрѣпленiями открылась передъ нами какъ на ладони.

Вскорѣ тамъ все закопошилось: турки стали снимать палатки, увозить орудiя и свое достоянiе и потянулись къ сѣверо-востоку. Парламентеръ, между тѣмъ, сообщилъ, что начальникъ турецкихъ войскъ, Мухтаръ-паша (кавказскiй дѣятель), согласился очистить позицiю, но требовалъ для этого нѣсколько часовъ времени. Такъ какъ солнце спустилось уже низко, то высланъ былъ вскорѣ второй парламентеръ, чтобы поторопить сборы турокъ. Между тѣмъ, войска были продвинуты впередъ и расположились въ виду уходившихъ турокъ. Только съ наступленiемъ сумерекъ мы могли вступить въ Кучукъ-Чекмедже, въ которомъ еще оставались турецкiя войска, съ любопытствомъ осматривавшiя своихъ побѣдоносныхъ враговъ, проходившихъ по деревнѣ мимо начальника авангарда, Принца Ольденбургскаго. Во избѣжанiе всякихъ столкновенiй, а также за невозможностью въ темнотѣ разводить по квартирамъ, войска наши стали впереди на бивакѣ.

Для поддержанiя порядка, по деревнѣ высылаемы были въ теченiе ночи смѣшанные патрули изъ русскихъ и турецкихъ солдатъ, что очень нравилось послѣднимъ и забавляло нашихъ. Для охраненiя турецкихъ складовъ тоже были назначены смѣшанные посты, смѣнявшiеся одновременно нашими и турецкими разводящими. Скоро завязались оживленные разговоры (хотя обѣ стороны говорили лишь для собственнаго удовольствiя, рѣшительно не понимая другъ друга), и стереотипное наименованiе для болгаръ «братушки» было примѣнено и по отношенiю къ туркамъ. На другой день, когда послѣднiе увозили еще оставшiяся свои орудiя, и когда нѣкоторыя изъ нихъ застряли въ грязи, то присутствовавшiе при этомъ наши солдаты не стерпѣли: посмѣялись, посмѣялись, да и подошли къ колесамъ, вспомнивъ Балканы, дружно налегли «разъ, два, три—бери!» и турецкiя орудiя были выкачены.

Еще въ 3 часа ночи, Его Высочество Главнокомандующiй, подъ прикрытiемъ конвоя, прибылъ въ Санъ-Стефано, гдѣ и былъ встрѣченъ турецкими министрами и пашами, прибывшими изъ Константинополя. По присланной дислокацiи нашему штабу, преображенцамъ и четыремъ батареямъ лейбъ-гвардiи 1-й артилерiйской бригады приказано было расположиться при главной квартирѣ въ Санъ-Стефано; прочiя же части размѣстились въ окрестныхъ селенiяхъ и чифликахъ. Сперва

наши люди стали по квартирамъ, но такъ какъ вскорѣ потребовались помѣщенія для постепенно прибывавшихъ различныхъ учрежденій, то войска были выведены на бивакъ и расположились частью въ присланныхъ изъ Константинополя палаткахъ.

Санъ-Стефано расположенъ на самомъ берегу Мраморнаго моря. По характеру построекъ — каменныхъ, преимущественно двухъ-этажныхъ, это лучшее изъ того, что мы до тѣхъ поръ встрѣчали въ Турціи. У мѣстечка устроена пристань, куда прибывали нѣсколько разъ въ день пароходы изъ Константинополя. Торговля шла самая бойкая. Народонаселеніе состоитъ частью изъ иностранцевъ, имѣющихъ здѣсь свои дачи, частью изъ армянъ и грековъ. Съ прибытіемъ нашихъ войскъ явилась масса продавцевъ съ разными съѣстными припасами и турецкими издѣліями; открыто нѣсколько магазиновъ, на одномъ изъ которыхъ кто-то написалъ: «Смуровъ, Большая Морская», и названіе это прочно утвердилось между нами; рестораны выростали ежедневно какъ грибы, причемъ цѣны на все были очень высоки; такъ, напримѣръ, обѣдъ стоилъ отъ 8 до 9 франковъ, т. е. около 3 р. 50 к. кредитными билетами. Особенно насъ разорялъ сначала фуражъ: пудъ сѣна обходился въ два металическихъ рубля, т. е. болѣе трехъ рублей кредитными билетами; мѣра овса тоже около двухъ металическихъ рублей. Такимъ образомъ поневолѣ мы должны были распродать за безцѣнокъ большую часть нашихъ лошадей. Ежедневно, сначала изъ Константинополя, наѣзжало множество жителей поглазѣть на русскихъ и послушать нашу музыку, игравшую у пристани. Наконецъ мы, съ величайшимъ удовольствіемъ, послѣ шестимѣсячнаго странствованія по разоренной странѣ, впервые увидѣли европейскіе экипажи, европейскіе сюртуки и шляпы. Такъ какъ Константинополь видѣнъ изъ Санъ-Стефано очень хорошо, и ближайшія постройки его находились всего верстахъ въ пяти—шести отъ насъ, то связующая оба пункта дорога, можно сказать, превратилась въ улицу, по которой двигалось цѣлый день множество народа, верхами и пѣшкомъ. Паралельно сновали по морю пароходы и каики, привозившіе къ намъ любопытныхъ гостей.

Войска, не теряя времени, занялись неизбѣжными «починками», а также и приготовленіями къ предстоявшему параду 19-го февраля. Ежедневно съ ранняго утра раздавался бой барабановъ и звуки церемоніальнаго марша.

Задолго до 19-го февраля у насъ распространился слухъ, что миръ будетъ подписанъ именно въ этотъ день. Приказомъ по корпусу, парадъ былъ назначенъ въ 2 часа пополудни, а съ 11 ч. утра офицеры генеральнаго штаба уже занялись разстановкой жалонеровъ, у

маяка, фронтомъ къ Константинополю. Въ парадѣ участвовали полки: лейбъ-гвардіи Преображенскій, Семеновскій, Московскій, Гренадерскій и Павловскій; гвардейская и 4-я Стрѣлковая бригады, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, лейбъ-гвардіи 1-я артилерійская бригада, четыре батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады и гвардейская Донская батарея; кромѣ того, конвой Его Величества; сводныя гвардейскія конвойныя: рота и эскадронъ и сводный баталіонъ. Войска были построены въ пять линій; форма одежды походная, въ мундирахъ, кромѣ 4-й Стрѣлковой бригады, которая, за неимѣніемъ мундировъ, была въ шинеляхъ. Не только посторонніе зрители, но и всѣ мы были удивлены замѣчательно молодцоватымъ видомъ войскъ; къ этому чувству удивленія примѣшивалась дань глубокаго почтенія къ стройнымъ рядамъ обстрѣлянныхъ побѣдоносныхъ полковъ, совершившихъ столько безпримѣрныхъ подвиговъ.

Порывистый вѣтеръ бѣшено игралъ развѣвавшимися знаменами, орлы которыхъ нависли надъ разстилавшимся передъ глазами Царьградомъ.

Около двухъ часовъ пополудни генералъ Гурко спокойнымъ шагомъ объѣхалъ всѣ линіи, громко здороваясь съ частями; среди жителей пронеслось его имя, и толпа любопытныхъ, имѣя въ авангардѣ наѣхавшихъ изъ Константинополя англичанъ, протѣснялась впередъ, чтобы ближе разглядѣть проѣзжавшаго мимо генерала. Спустя нѣсколько времени пришло извѣстіе, что парадъ отложенъ до трехъ часовъ. Люди забѣгали и запрыгали, чтобы согрѣться, а между тѣмъ дождь частенько накрапывалъ и грозилъ, казалось, превратиться въ ливень. Пессимисты и допломатоманы пустились въ глубокомысленныя соображенія относительно причинъ, заставившихъ отложить парадъ; многіе уже пророчили чуть не разрывъ съ Турціей.

Томительное ожиданіе было весьма продолжительно; только уже передъ самымъ вечеромъ Его Высочество Главнокомандующій показался у выѣзда изъ города, гдѣ и пріостановился.

Черезъ нѣсколько минутъ, стоя въ открытой коляскѣ, подлетѣлъ графъ Игнатьевъ и поздравилъ Его Высочество съ заключеніемъ мира. Въ отвѣтъ въ свитѣ раздалось громкое «ура». Затѣмъ Его Высочество подъѣхалъ къ войскамъ и, принявъ рапортъ отъ командовавшаго парадомъ генерала Рауха, верхомъ послѣдовалъ вдоль линій, здороваясь съ частями. Послѣ того Главнокомандующій собралъ передъ середину фронта къ аналою всѣхъ офицеровъ, и со слезами на глазахъ поздравилъ съ «Богомъ дарованнымъ миромъ». Нечего говорить, что потрясающее «ура» на нѣсколько минутъ заглушило ревъ бушевавшаго мо-

ря. Потомъ Его Высочество благодарилъ войска за ихъ службу, мужество, понесенные труды и лишенія. Затѣмъ началось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Въ это же самое время, противъ насъ, у самаго Константинополя, турки вышли изъ своего лагеря и созерцали, повидимому молчаливо, наше торжество. Послѣ молебствія, уже въ сумеркахъ, начался церемоніальный маршъ. Въ сомкнутыхъ колоннахъ, бодро, стройно и бойкимъ вымаханнымъ шагомъ проходили баталіоны за баталіонами. Такъ какъ тамъ на югѣ періодъ сумерекъ весьма непродолжителенъ, то послѣднія части двигались уже въ полной темнотѣ; только лучи изъ сосѣдняго маяка и изрѣдка мерцавшія звѣзды отражались на штыкахъ проходившихъ полковъ. Между тѣмъ море свирѣпо бушевало; Константинополь залился огнями, а по слѣдамъ уходившихъ баталіоновъ разносились звуки родныхъ пѣсенъ.

И такъ—миръ! Всѣ мы бросились поздравлять другъ друга, благословляя судьбу, давшую намъ возможность участвовать въ великомъ историческомъ событіи—въ освобожденіи нѣсколькихъ миліоновъ доселѣ несчастной, безправной райи.

Никто еще тогда не предвидѣлъ томительнаго шестимѣсячнаго «Стефанскаго сидѣнья!»

Въ заключеніе настоящей главы приведу слѣдующія двѣ интересныя вѣдомости.

*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

ЧИСЛИТЕЛЬНОСТИ ЧИНОВЪ ВЪ ЧАСТЯХЪ 1-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ПѢХОТНОЙ ДИВИЗІИ СО ВРЕМЕНИ ВЫСТУПЛЕНІЯ ВЪ ПОХОДЪ ПО 5-Е ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА.

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	СОСТОЯЛО. При выступленіи въ походъ.			Нижн. чин.		Лошадей.		Въ день вступленія въ Адріанополь.			Нижн. чин.		Лошад.		СОСТОЯЛО КЪ 5-МУ ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА.			Нижн. чин.		Лошад.						
	Генераловъ.	Шт.-офицер.	Оберъ-офиц.	Строев.	Нестроев.	Строев.	Артилер.	Генераловъ.	Шт.-офицер.	Оберъ-офиц.	Строев.	Нестроев.	Строев.	Артилер.	Генераловъ.	Шт.-офицер.	Оберъ-офиц.	Строев.	Нестроев.	Строев.	Артилер.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	На довольствіи.	Число штыковъ.	Патр. на чел. и снар. на оруд.
Дивизіонный штабъ	1	1	3	1	19	1	—	1	1	3	1	20	1	—	1	1	3	1	20	1	—	—	—	21	—	—
Управленіе 1-й бригады	1	—	1	1	3	—	—	1	—	1	1	3	—	—	1	—	1	1	3	—	—	—	—	4	—	—
Л.-гв. Преображенскій полкъ	—	5	47	3307	253	1	—	—	4	37	2316	62	1	—	1	4	41	2514	62	1	—	7	596	2576	2510	по 105
Л.-гв. Семеновскій полкъ	1	3	53	3321	268	1	—	1	4	48	2650	40	1	—	1	4	53	2909	233	1	—	2	373	3142	2551	въ 12 ротахъ по 90, въ 4 р. по 105.
Управленіе 2-й бригады	—	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	3	—	—	—	—	3	—	—
Л.-гв. Измайловскій полкъ	1	7	60	3351	245	1	—		Бриг.	наход.	въ	Софіи.			—	6	45	2504	212	1	—	16	753	2716	2377	по 200
Л.-гв. Егерскій полкъ	—	6	51	3204	267	1	—		—	—	—	—	—	—	1	3	41	2605	258	1	—	16	861	2863	2445	по 167
Л.-гв. 1-я артилерійская бригада	1	6	43	1600	190	55	1056	1	5	36	1446	165	49	922	1	6	36	1432	187	49	922	4	141	1619	—	51
ИТОГО	5	28	259	14785	1248	60	1056	4	14	125	6414	290	52	922	6	25	220	11966	978	54	922	45	2724	12944	9883	—

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ и о количествѣ израсходованныхъ боевыхъ припасовъ въ частяхъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

НАЗВАНІЕ ПОЛКОВЪ.	Убито.			Ранено.			Контужено.			Выпущено патроновъ.
	Генераловъ.	Штабъ и оберъ-офиц.	Нижн. чин.	Генераловъ.	Штабъ и оберъ-офиц.	Нижн. чин.	Генераловъ.	Штабъ и оберъ-офиц.	Нижн. чин.	
Л.-гв. Преображенскаго полка:										
12-го ноября подъ Этрополемъ . .	—	—	5	—	—	12	—	—	—	11653
15-го декабря подъ Негошевымъ. .	—	—	—	—	—	2	—	—	—	3642
19-го декабря подъ Ташкисеномъ .	—	—	7	—	1	48	—	—	—	3543
3-го, 4-го и 5-го января подъ Филипополемъ	—	—	15	1	2	62	—	—	—	28911
Итого . .	—	—	27	1	3	124	—	—	—	47749
Л.-гв. Семеновскаго полка:										
11-го ноября подъ Правецомъ . .	—	—	2	—	—	5	—	—	—	1030
3-го, 4-го и 5-го января подъ Филипополемъ	—	—	3	—	—	14	—	—	4	5048
На позиціи у Шандорника . . .	—	—	1	—	—	6	—	—	6	4325
Итого. . .	—	—	6	—	—	25	—	—	10	10403
Л.-гв. Измайловскаго полка:										
12-го октября подъ Горнимъ-Дубнякомъ	—	1	51(¹)	—	5	229	—	1	—	91600
11-го ноября подъ Правецомъ . .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
17-го ноября на перев. Шандорника.	—	—	4	—	—	26	—	1	—	769
19-го декабря подъ Ташкисеномъ .	—	—	—	—	—	11	—	—	—	2393
17-го января подъ Кюстендилемъ .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	6900
На позиціи у Шандорника . . .	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—
Итого. . .	—	1	55	—	5	274	—	2	—	101662
Л.-гв. Егерскаго полка:										
12-го октября подъ Телишемъ . .	—	8	445(²)	—	15	355	1	3	6	117825
17-го января подъ Кюстендилемъ .	—	—	(³)	—	—	4	—	—	—	106590
Итого. . .	—	8	445	—	15	359	1	3	6	224334
Л.-гв. 1-й артилерійской бригады.										
12-го октября подъ Горнимъ Дубнякомъ	—	—	2	—	1	8	—	—	—	—
12-го октября нодъ Телишемъ . .	—	—	—	—	—	9	—	1	—	—
19-го декабря подъ Ташкисеномъ .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
20-го декабря подъ Дол. Комарцами	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—
3-го, 4-го и 5-го января подъ Филипополемъ	—	—	2	—	-	13	—	—	—	—
На позиціи подъ Дол. Дубнякомъ .	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
На позиціи у Врачешъ.	—	—	4	—	—	2	—	—	—	—
На позиціи у Шандорника. . . .	—	—	2	—	—	1	—	2	—	—
5-го февраля на фуражировкѣ близъ Чорлу	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—
Итого. . .	—	1	11	43	1	38	—	3	—	—

(¹) Кромѣ того безъ вѣсти пропало 2 человѣка.
(²) Кромѣ того безъ вѣсти пропало 109 человѣкъ.
(³) Безъ вѣсти пропалъ 1 человѣкъ.

Вѣдомость о числѣ убитыхъ лошадей въ артилеріи и количество выпущенныхъ снарядовъ.

Въ батареяхъ убито лошадей: 12-го октября подъ Горнимъ Дубнякомъ — 7; 12-го октября подъ Телишемъ—6; 3-го, 4-го и 5-го января подъ Филипополемъ—30; итого 43.

Выпущено снарядовъ:	Гранатъ и шарохъ.	Шрапнелей.
12-го октября подъ Горнимъ-Дубнякомъ. .	176	136
12-го » подъ Телишемъ	32	72
12-го ноября подъ Этрополемъ	219	81
19 го декабря подъ Ташкисеномъ	166	108
20-го декабря подъ Дол. Комарцами	4	4
3-го, 4 го и 5-го января подъ Филипополемъ .	19	6
На позиціи подъ Дол. Дубнякомъ	145	—
» » у Врачешъ	817	12
» » у Шандорника	1,263	934
Итого . . .	2,841	1,353

IX.

Полгода въ С.-Стефано.

Расквартированіе.—Позиціи.—Хозяйство войскъ.—Войсковая жизнь.—Санитарное состояніе войскъ.—Возвращеніе на родину.

Въ предъидущей главѣ я уже упомянулъ о тѣхъ надеждахъ на скорое возвращеніе домой, которыя возбудило въ войскахъ заключеніе мира.

Вскорѣ послѣ парада 19-го февраля, какъ изложено ниже, были сдѣланы по гвардейскому корпусу подробныя распоряженія относительно посадки войскъ на суда для отплытія къ черноморскимъ портамъ; всѣ стали готовиться къ отъѣзду, но ни одна часть не успѣла еще двинуться къ пристанямъ, какъ посадка была отложена. Скоро причина объяснилась: всѣ заговорили о притязаніяхъ Англіи; ея требованія стали извѣстны изъ турецкихъ газетъ и вызывали всеобщее озлобленіе. Между тѣмъ продолжительность нашего пребыванія подъ Константинополемъ дѣлалась совершенно неопредѣленной; самые нелѣпые противорѣчивые слухи смѣняли одинъ другой, и настало время тяжкаго, томительнаго ожиданія. Безспорно, продолжительное пребываніе войскъ на позиціяхъ подъ Константинополемъ было временемъ самыхъ тяжелыхъ нравственныхъ испытаній; война, съ ея тревогами, крупными событіями, энергическою дѣятельностью, представляла для насъ только физическія трудности, которыя, во-первыхъ, легче переносимы, чѣмъ нравственныя, во-вторыхъ, онѣ забывались послѣ перваго же хорошаго отдыха, а въ-третьихъ, всегда сопряжены были съ какими нибудь положительными результатами, вели къ достиженію важныхъ цѣлей; неопредѣленная же, томительная бездѣятельность отражалась на всѣхъ тяжко-гнетущими впечатлѣніями.

Въ теченіе шестимѣсячнаго пребыванія въ окрестностяхъ Константинополя, наши войска мѣняли нѣсколько разъ свое квартирное расположеніе, принимали всѣ мѣры для укрѣпленія, при надобности, занятыхъ позицій, обновили или пополнили свою матеріальную часть, выдержали сильную тифозную эпидемію, произвели громаднѣйшія ра-

боты по нагрузкѣ и разгрузкѣ съ судовъ и вагоновъ разнаго рода предметовъ и т. п.

Все это въ совокупности представляетъ какъ поучительность, такъ и интересъ, и во всякомъ случаѣ достойно воспоминаній. Мнѣ кажется, что я наилучше очерчу нашу с.-стефанскую жизнь, изложивши въ послѣдовательномъ порядкѣ главнѣйшія изъ мѣръ принятыхъ по квартирному расположенію войскъ, по устройству ихъ хозяйственной части и проч.

Расположеніе гвардейскаго корпуса. — Мѣры охраненія квартирнаго раіона.—Распоряженія по укрѣпленію занятыхъ позицій.

Еще до парада по поводу заключенія мира, командовавшій гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ отдалъ 13-го февраля нижеслѣдующій приказъ:

«Объявляю по ввѣреннымъ мнѣ войскамъ полное расквартированіе гвардейскаго корпуса и частей, прикомандированныхъ къ нему. Если нѣкоторыя части войскъ находятся въ пунктахъ несогласныхъ съ этою вѣдомостью, то немедленно перейти на вновь назначенныя мѣста, за исключеніемъ полковъ лейбъ-гвардіи Павловскаго и Уланскаго съ состоящею при нихъ артилеріею и 4-й стрѣлковой бригады, которымъ оставаться, согласно отданныхъ приказаній, на мѣстахъ имъ указанныхъ до четверга 16-го февраля.

«Въ каждомъ пунктѣ расположенія войскъ, старшій въ чинѣ начальникъ назначается общимъ начальникомъ всѣхъ войскъ и учрежденій, тамъ расположенныхъ. Въ помощь себѣ онъ долженъ назначить коменданта и принять самыя энергическія мѣры для установленія строгаго внутренняго порядка, не позволять одиночнымъ людямъ выходить изъ раіона квартиръ, обезпечить жителей и ихъ частную собственность отъ войскъ, водворить въ городахъ, деревняхъ и ближайшихъ окрестностяхъ чистоту и другія гигіеническія мѣры.

«Въ непродолжительномъ времени я буду объѣзжать расположеніе войскъ корпуса и о всемъ найденномъ мною объявлю въ приказѣ по корпусу. Вполнѣ увѣренъ, что ближайшіе начальники, особенно при настоящихъ условіяхъ, проникнувшись всею важностью сохраненія внутренняго порядка и дисциплины, употребятъ всѣ усилія къ достиженію наилучшихъ результатовъ. Строевыя занятія производить согласно приказа моего отъ 3-го февраля сего года.

«Отъ всѣхъ частей, расположенныхъ вблизи турецкихъ войскъ, выставлять къ сторонѣ турокъ цѣпь постовъ, которымъ никого не пропускать изъ чиновъ русской арміи съ нашей стороны на турецкую; со стороны турокъ къ намъ пропускать *всѣхъ* одиночныхъ людей, какъ безоружныхъ, такъ и вооруженныхъ; отъ командъ, проходящихъ съ турецкой стороны, требовать письменнаго разрѣшенія и, при малѣйшемъ сомнѣніи въ нихъ, команды останавливать и доносить въ корпусный штабъ.

«Фуражировки и вообще взятіе чего либо въ странѣ безденежно строго воспрещается. Для покупки фуража и другихъ продуктовъ, можно посылать хозяйственныхъ чиновъ въ окрестныя селенія и чифтлики, но только въ тлъы расположенія войскъ, не позволяя ни въ какомъ случаѣ переходить линію раздѣленія русскихъ и турецкихъ войскъ.

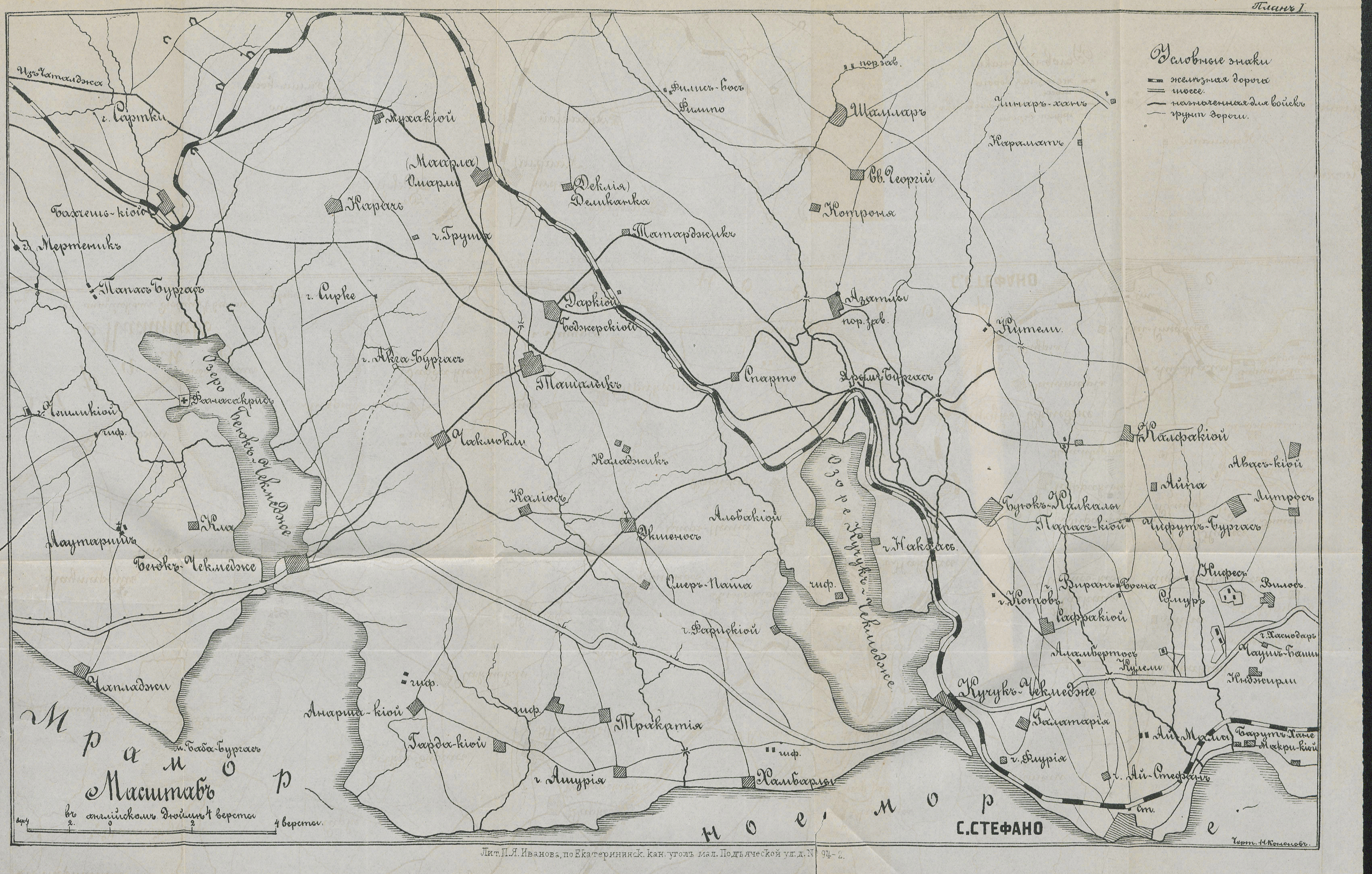
«На судахъ изъ Константинополя привозится много хлѣба; почему предписываю начальникамъ озаботиться покупкою его для своихъ частей; расходовать сухари строжайше воспрещается. Относительно денегъ, израсходованныхъ на покупку хлѣба, представить мнѣ счеты, для возвращенія израсходованныхъ денегъ частямъ. Нижнимъ чинамъ выдавать ежедневно отъ $2^1/_2$ до 3 фунтовъ хлѣба. Гдѣ возможно—завести хлѣбопеченіе для сохраненія сухарей.

«Ежедневно къ 7 часамъ вечера отъ войскъ, расположенныхъ въ Кучукъ-Чекмеджи и къ востоку отъ означеннаго города, присылать офицера за полученіемъ приказаній и съ утра въ 9 часовъ по два вѣстовыхъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, 1-го и 4-го баталіоновъ гвардейской Стрѣлковой бригады.

«Ежедневно доставлять черезъ штабы дивизій (1-й и 2-й пѣхотныхъ, артилеріи, гвардейской и 4-й стрѣлковой бригадъ съ офицерами, пріѣзжающими съ приказаніями, а 3-й пѣхотной и 2-й кавалерійской по постамъ) свѣдѣнія о количествѣ имѣющагося запаса сухарей, мяса, соли и прочихъ продуктовъ съ разсчетомъ по днямъ на человѣка, а также о количествѣ патроновъ и снарядовъ.

«Надѣюсь, что всѣ начальники частей обратятъ вниманіе на продовольствіе нижнихъ чиновъ, такъ какъ, при настоящихъ климатическихъ условіяхъ и тѣсной стоянки войскъ на бивакахъ, разнообразіе и достаточность пищи составляютъ главное условіе для сохраненія здоровья войскъ. При торговой предпріимчивости мѣстнаго греческаго населенія не встрѣтится, вѣроятно, затрудненій въ этомъ отношеніи, если только начальники приложатъ полное вниманіе на этотъ, въ настоящее время столь важный, вопросъ.

«Въ случаѣ какихъ либо затрудненій, я приглашаю старшихъ начальниковъ войскъ обращаться ко мнѣ за разъясненіями во всякое время дня».

Лит. П.Я. Иванова, по Екатерининск. кан. уголъ мал. Подъяческой ул. д. № 94-2.

Расквартированіе гвардейскаго корпуса и частей прикомандированныхъ къ нему (¹).

«Штабъ отряда генералъ-адъютанта Гурко—г. св. Стефана; управленіе артилеріи отряда—г. св. Стефана; корпусный штабъ—г. св. Стефана (улица Кюркачъ, домъ Жиро).

«*1-я гвардейская пѣхотная дивизія*: штабъ — г. св. Стефана. *1-я бригада*—г. св. Стефана, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ — г. св. Стефана, лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ—д. Галатарія. *2-я бригада*—на пути изъ г. Софіи къ г. Адріанополю. *1-я гвардейская артилерійская бригада*: управленіе—г. св. Стефана, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я батареи—г. св. Стефана, 5-я и 6-я батареи—д. Галатарія, дивизіонный подвижной лазаретъ—г. Кучукъ-Чекмеджи.

«*2-я гвардейская пѣхотная дивизія*: штабъ и вся *1-я бригада*—г. Кучукъ-Чекмеджи. *2-я бригада:* штабъ и лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ—д. Сафракіой, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ—г. Беюкъ-Чекмеджи. *2-я гвардейская артилерійская бригада*: управленіе, 1-я, 2-я и 3-я батареи—г. Кучукъ-Чекмеджи, 4-я батарея—д. Сафракіой, 5-я и 6-я батареи—г. Беюкъ-Чекмеджи, дивизіонный подвижный лазаретъ—г. Беюкъ-Чекмеджи.

«*3-я гвардейская пѣхотная дивизія*: штабъ и вся *1-я бригада*—г. Беюкъ-Чекмеджи. *2-я бригада*—г. Каликратъ. *3-я гвардейская гренадерская артилерійская бригада*: управленіе, 1-я и 2-я батареи—г. Беюкъ-Чекмеджи, 3-я и 4-я батареи—д. Каликратъ, 5-я и 6-я батареи—при 2-й бригадѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, дивизіонный подвижной лазаретъ—д. Каликратъ.

«*Гвардейская стрѣлковая бригада*: управленіе—г. Стефано, лейбъ-гвардіи 1-й Стрѣлковый Его Величества баталіонъ — чифтликъ Ай-Мама, лейбъ-гвардіи 2-й и 3-й Финскій стрѣлковые баталіоны—д. Флурія, лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской фамиліи баталіонъ — чифтликъ Ай-Мама.

«*Лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ*—чифтликъ Ай-Стефанъ.

«*2-я гвардейская кавалерійская дивизія*: штабъ, лейбъ-гвардіи Конно-гренадерскій полкъ и 2-я бригада—г. Селиври, лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ—д. Нифесъ и чифтликъ-Папасъ, 3-я бригада—г. Родосто, 2-я и 5-я батареи—г. Селиври, 3-я батарея—г. Родосто, 6-я Донская батарея—при лейбъ-гвардіи Уланскомъ полку; корпусное казначейство—г. Беюкъ-Чекмеджи, интендантство и почта—г. Кучукъ-Чекмеджи.

«*Части, прикомандированныя къ гвардейскому корпусу*: 4-я стрѣл-

(¹) См. планъ 1.

ковая бригада—д. Калфакіой и четыре сотни Кубанскаго казачьяго войска—г. Беюкъ Чекмеджи».

Мѣстность, занятая войсками, состояла преимущественно изъ ряда невысокихъ хребтовъ, имѣющихъ общее направленіе съ сѣвера на югъ. Хребтики эти отдѣляются одинъ отъ другаго не широкими долинами, прорѣзанными, обыкновенно, незначительными болотистыми ручьями. Послѣдніе, не смотря на ничтожную ширину (въ нѣсколько шаговъ) трудно проходимы даже для одиночныхъ людей, вслѣдствіе вязкости грунта и прилежащихъ къ нимъ болотъ. Такимъ образомъ при расположеніи войскъ необходимо было обращать вниманіе на устройство сообщеній между различными участками раіона. Какъ высоты, такъ и долины почти совершенно лишены древесной растительности и представляютъ голый, пустынный видъ. Только разсѣянные въ изобиліи чифтлики и деревеньки со своими садиками оживляютъ нѣсколько печальную картину.

Въ болотахъ и по берегамъ ручьевъ гнѣздятся миріады лягушекъ, оглашающихъ по вечерамъ всю мѣстность неистовою музыкою. Множество насѣкомыхъ, ящерицы, змѣи и т. п. съ наступленіемъ теплаго времени были нерѣдкими посѣтителями биваковъ нашихъ войскъ. Почва мѣстности, состоящая изъ глины и камней, расщепляясь подъ солнечными лучами, образуетъ глубокія трещины—просторное жилище для пресмыкающихся и насѣкомыхъ.

Почти цѣлый мѣсяцъ войска оставались на занятыхъ ими пунктахъ. 9-го марта Кубанскому казачьему полку приказано было перейти въ Родосто, оставивъ въ Каликратѣ, въ распоряженіи начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, одну сотню для содержанія почтоваго сообщенія съ Родосто. Кромѣ того, полки лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій и Драгунскій поступили въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го и перешли въ с. с. Арнауткіой и Имбрискіой (ближе къ Черному морю, верстахъ въ 10 къ юго-востоку отъ г. Деркосъ).

Между тѣмъ изъ Софіи прибыла вторая бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Кромѣ того различныя гигіеническія и хозяйственныя распоряженія заставляли сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи войскъ, и потому въ приказѣ по корпусу отъ 10-го марта была объявлена новая дислокація частей гвардейскаго корпуса, и каждой части точно указаны были раіоны, въ предѣлахъ которыхъ они обязывались содержать въ полной исправности всѣ пути сообщенія. Согласно упомянутой дислокаціи, войска корпуса расположились слѣдующимъ образомъ:

«Штабъ гвардейскаго корпуса, штабъ 1-й гвардейской пѣхотной диви-

зіи, управленіе 1-й и 2-й бригадъ, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ (бивакомъ), 1-я, 2-я, 3-я и 4-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и 1-я и 3-я батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—г. св. Стефано.

«Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, 5-я и 6-я батареи 1-й гвардейской артилерійской бригады — д. Галатарія и д. Воранъ-Босна, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ—д. Сафракіой (одинъ баталіонъ бивакомъ), лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ—д. Сафракіой и шесть ротъ въ чифтликѣ-Аламбертосъ.

«Штабъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, управленіе 1-й бригады, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, 1-я, 2-я и 3-я батареи 2-й гвардейской артилерійской бригады — д. Кучукъ-Чекмеджи.

«Управленіе 2-й бригады, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, 4-я, 5-я и 6-я батареи 2-й гвардейской артилерійской бригады—д. Беюкъ-Чекмеджи.

«Штабъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, управленіе 1-й бригады, лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, Австрійскій полкъ, 2-я, 4-я и 5-я батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—Каликратъ.

«Управленіе 2-й бригады, Прусскій и Волынскій полки—въ деревняхъ къ югу отъ шоссе изъ Беюкъ-Чекмеджи въ Кучукъ-Чекмеджи, по усмотрѣнію начальника дивизіи.

«Управленіе гвардейской стрѣлковой бригады—С.-Стефано, лейбъ-гвардіи 1-й стрѣлковый Его Величества баталіонъ, лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской фамиліи баталіонъ—чифтликъ Ай-Мама, лейбъ-гвардіи 2-й стрѣлковый баталіонъ—чифтликъ Папасъ-Кіой, лейбъ-гвардіи 3-й стрѣлковый Финскій баталіонъ—чифтликъ Флурія, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ—чифтликъ Ай-Стефано, штабъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—въ Родосто, драгунская бригада этой дивизіи, лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій и Драгунскій полки — въ сс. Арнауткіой и Имбрикіой (къ 15-му марта перешли въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го), лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ — д. Нифесъ, лейбъ-гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ—Родосто, лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ—въ С.-Стефано.

«Уланскій Его Величества полкъ, Гродненскій гусарскій полкъ, 2-я, 3-я и 4-я батареи гвардейской конной артилерійской бригады, Кубанскій казачій полкъ (одна сотня въ Каликратѣ)—въ Родосто.

«6-я Донская батарея гвардейской конной артилерійской бригады и Уральская казачья сотня—д. Ай-Па.

«Дивизіонный лазаретъ 1-й дивизіи—въ Флуріи, дивизіонный лазаретъ 2-й дивизіи—въ Беюкъ-Чекмеджи, дивизіонный лазаретъ 3-й дивизіи—въ Селиври.

«Интендантство, казначейство и почтовое отдѣленіе—С.-Стефано».

Такое расположеніе войскъ сохранялось до первыхъ чиселъ мая

мѣсяца. Новый главнокомандующій дѣйствующею арміею генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, въ виду напряженнаго состоянія политическихъ обстоятельствъ и возможности разрыва съ Турціею, предпринялъ рядъ систематическихъ мѣръ по приведенію къ полной боевой готовности нашихъ войскъ, собранныхъ подъ Константинополемъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, была объявлена новая дислокація, и части заняли расположеніе, строго сообразное съ тактическими и стратегическими условіями. Отдана была по войскамъ диспозиція на случай тревоги; составленъ былъ проектъ укрѣпленія передовой позиціи и подробнѣйшіе къ нему разсчеты, съ тѣмъ, чтобы, по первому приказанію, войска могли возвести укрѣпленія въ теченіе одной ночи. Разосланы были въ штабы чертежи типовъ разнаго рода укрѣпленій, съ которыми слѣдовало сообразоваться при составленіи детальныхъ проектовъ укрѣпленія участковъ позиціи. Высокій авторитетъ главнокомандующаго, какъ боеваго инженера, обязываетъ насъ представить всѣ соображенія и разсчеты по возведенію укрѣпленій, исполненныя по указаніямъ генералъ-адъютанта Тотлебена.

Между тѣмъ, турки, занимавшіе позицію непосредственно противъ нашихъ передовыхъ войскъ, такъ что въ иныхъ мѣстахъ аванпосты сходились грудь съ грудью и даже иной разъ находились въ тылу другъ друга, проявили необычайную дѣятельность по укрѣпленію своей позиціи.

Сперва они возвели рядъ опорныхъ пунктовъ, сравнительно слабой профили, съ легкими, отдѣльными ложементами впереди; затѣмъ стали усиливать профили батарей и укрѣпленій и уширять, увеличивать ложементы, которыя вскорѣ превратились въ сплошныя длинныя линіи съ щегольски отдѣланными бойницами. При расположеніи укрѣпленій турки, между прочимъ, обращали вниманіе на то, чтобы они находились на разстояніи мѣткаго выстрѣла отъ удобныхъ подступовъ къ позиціи. Такъ, напримѣръ, если на извѣстномъ пунктѣ позиціи имѣлся чифтликъ, деревня, роща, облегчавшіе для наступающаго скрытое приближеніе, то позади такихъ мѣстныхъ предметовъ, на указанномъ выше разстояніи, непремѣнно возводился прочный искусственный опорный пунктъ. Открытая же мѣстность оборонялась какъ изъ этихъ укрѣпленій, такъ, преимущественно, рядомъ сильныхъ ложементовъ. Особенно замѣчательно было у турокъ активное усиленіе позиціи, т. е. проложеніе и исправленіе дорогъ. Вся ихъ позиція пересѣкалась въ разныхъ направленіяхъ отличными шоссейными дорогами, на что они не жалѣли никакихъ трудовъ.

У насъ собирались тщательныя свѣдѣнія о силахъ турокъ и ихъ

укрѣпленіяхъ. Свѣдѣнія эти иногда объявлялись по корпусу, и мы приведемъ ниже одно изъ нихъ въ точной копіи.

Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ отдалъ 30-го апрѣля слѣдующую диспозицію по войскамъ, собраннымъ противъ Константинополя:

«Въ случаѣ отданія мною приказанія о сборѣ или тревогѣ, войска сосредоточиваются въ слѣдующіе отряды и въ слѣдующіе пункты:

«1) 4-й армейскій корпусъ, со всѣми войсками къ нему прикомандированными, подъ начальствомъ командующаго корпусомъ, занимаетъ лѣвый флангъ общаго расположенія и располагается такъ:

«а) 16-я пѣхотная дивизія, 3-я и 4-я стрѣлковыя бригады, лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій, лейбъ-гвардіи Драгунскій и 8-й драгунскій Астраханскій полки, четвертыя батареи лейбъ-гвардіи 1 й, 2-й и 3-й гвардейскихъ артилерійскихъ бригадъ (корпусная артилерія 4-го корпуса) составляютъ *лѣвый* отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Скобелева 2-го.*

«Отрядъ сосредоточивается впереди св. Георгія, по пути въ Поренджикіой.

«Обозы и парки отряда—между св. Георгія и р. Дели-дере.

«б) Гвардейская стрѣлковая бригада, 30-я пѣхотная дивизія и Уральская казачья сотня, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Элисса 1-го*, составляютъ *средній* отрядъ.

«Отрядъ сосредоточивается между Кители (Чекетли) и чифтликомъ Кади-Янылы.

«Обозы и парки отряда между Кители и р. Дели (Тадлы)-дере.

«*Примѣчаніе.* До перехода войскъ на новыя мѣста, назначенныя имъ для лагерей, 4-я стрѣлковая бригада собирается при среднемъ отрядѣ, а гвардейскія батареи при своихъ бригадахъ.

«2) Гвардейскій корпусъ составляетъ правый флангъ общаго расположенія въ слѣдующемъ порядкѣ:

«а) 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи съ лейбъ-гвардіи Саппернымъ баталіономъ и лейбъ-гвардіи Уланскимъ полкомъ съ лейбъ-гвардіи донскою казачьею батареею, составляютъ правый отрядъ, подъ начальствомъ командующаго корпусомъ, *генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го.*

«Отрядъ располагается въ боевомъ порядкѣ отъ чифтлика Куюли до высотъ у Калфакіой включительно, за исключеніемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ одною батареею, который занимаетъ высоты между чифтликами Ай-Мама и Ай-Стефано.

«Обозы отряда собираются между Беюкъ-Калкалы и желѣзною дорогою.

«б) 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и корпусная артилерія гвардейскаго корпуса составляютъ *резервъ праваго фланга* и располагаются впереди восточнѣе Беюкъ-Калкалы, состоя въ непосредственномъ моемъ вѣдѣніи. Одинъ полкъ съ батареею выдвигается западнѣе озера Кучукъ-Чекмед-

жи на дорогу изъ Чаталджи въ Кучукъ Чекмеджи для обезпеченія праваго фланга.

«Обозы этого отряда собираются между станціею Ярымъ-Бургасъ и Дере-Кіой.

«3) 8-й армейскій корпусъ составляетъ *общій резервъ* и сосредоточивается впереди, восточнѣе Хадымъ-Кіоя.

«Обозы и парки западнѣе Кадымъ-Кіоя, а до перехода войскъ на вновь азначенныя имъ мѣста у Чаталджи.

«4) Обозы и парки располагаются на указанныхъ имъ мѣстахъ въ вагенбургахъ, оставляя дороги свободными для движенія войскъ. Начальники отрядовъ назначаютъ особыхъ начальниковъ вагенбурговъ.

«Въ случаѣ отданія приказанія о сборѣ войскъ до перехода ихъ въ назначенные имъ лагери-парки, расположенные нынѣ въ Чаталджѣ, выступаютъ оттуда не ранѣе прохода 8-го армейскаго корпуса.

«5) Конвой мой, лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ, строится сѣвернѣе Беюкъ-Калкалы.

«6) Я буду находиться первоначально въ С.-Стефано, а затѣмъ у Беюкъ-Калкалы, куда присылать всѣ донесенія».

Вслѣдствіе этой диспозиціи командующій гвардейскимъ корпусомъ графъ Шуваловъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія.

Приказаніе по гвардейскому корпусу 2-го мая 1878 г., г. С.-Стефано.

«Главнокомандующій арміею, въ видахъ большей готовности ко всякимъ случайностямъ, изволилъ приказать, чтобы войска были выведены на биваки, причемъ для гвардейскаго корпуса указано пространство къ востоку отъ озера Чекмеджи и у станціи Варасъ-Бургасъ.

«Вслѣдствіе этого командующій корпусомъ приказалъ слѣдующее:

«1) 1-й гвардейскій пѣхотной дивизіи расположиться биваками на правомъ флангѣ на пространствѣ въ раіонѣ деревень и чифтликовъ: Нифесъ, Кулели, Алимбертосъ, Сафракіой и Варанъ-Босна, оставивъ одинъ полкъ въ Ай-Мама.

«2) 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи занять лѣвый флангъ квартирнаго расположенія, въ раіонѣ деревень: Калфакіой, Ай-Па, Беюкъ-Калкалы и чифтлика Бургасъ.

«3) 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи перейти къ станціи желѣзной дороги Варасъ-Бургасъ.

«4) Батареи гвардейской артилеріи раздѣляются такъ: 1-я, 2-я и 3-я батареи остаются при своихъ дивизіяхъ; въ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи эти батареи поступаютъ подъ начальство флигель-адъютанта полковника Стрижевскаго; во 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи до пріѣзда генералъ-маіора Сиверса подъ начальство полковника Михайлова; въ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи они остаются подъ начальствомъ своего бригад-

наго командира. 4-я батареи всѣхъ трехъ гвардейскихъ артилерійскихъ бригадъ, подъ начальствомъ полковника Оноприенко 1-го, составляютъ корпусную артилерію 4-го армейскаго корпуса, къ которому временно прикомандировываются; 5-я и 6-я батареи всѣхъ трехъ гвардейскихъ артилерійскихъ бригадъ, подъ однимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Овандера, составляютъ корпусную артилерію гвардейскаго корпуса и располагаются бивакомъ при 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи по распоряженію начальника ея.

«5) Гвардейская стрѣлковая бригада, лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій и Драгунскій полки и Уральская казачья сотня, временно прикомандировываются къ 4-му армейскому корпусу, изъ штаба котораго имъ и слѣдуетъ получить приказаніе, какъ для расположенія, такъ и для могущихъ быть боевыхъ дѣйствій.

«6) Лейбъ гвардіи Саперный баталіонъ остается у чифтлика Ай-Стефано.

«Лейбъ-гвардіи Уланскому полку съ лейбъ-гвардіи 6-й донскою казачьею батареею расположиться близъ Сафракіоя.

«7) Лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ поступаетъ въ конвой главнокомандующаго и остается у С.-Стефано.

«8) Летучимъ паркамъ всѣхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій расположиться при 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи по распоряженію начальника ея.

«9) Всѣ войска должны перейти на новыя мѣста къ вечеру 4-го мая.

«10) Биваки выбирать на возвышенныхъ мѣстахъ, вдали отъ болотъ, по возможности ближе къ хорошей водѣ; гдѣ ея нѣтъ—рыть колодцы.

«11) При войскахъ имѣть обозы 1-го и 2-го разрядовъ; обозы 3-го разряда расположить отдѣльно въ тылу дивизій; причемъ въ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизіяхъ держать ихъ ближе къ д. Беюкъ-Калкалы, которая въ случаѣ тревоги назначается общимъ мѣстомъ сбора всѣхъ обозовъ. Все войсковое имущество должно быть уложено въ обозы.

«12) Въ случаѣ тревоги, или начавшейся перестрѣлки, или особаго приказанія, войскамъ собираться и располагаться по особой диспозиціи при семъ прилагаемой.

«13) Всѣмъ войскамъ съ завтрашняго числа принять мѣры боевой готовности, соблюдаемыя на бивакахъ въ военное время; во всѣхъ отдѣльно стоящихъ частяхъ имѣть дежурныя части (съ артилеріею) силою около $^1/_{10}$ состава. Люди въ дежурныхъ частяхъ должны быть въ сборѣ, въ полной готовности стать въ ружье по первому приказанію; въ кавалеріи и артилеріи лошади должны быть осѣдланы и въ хомутахъ; орудія дежурныхъ частей передовой линіи должны быть на позиціи снятыми съ передковъ, прислуга при орудіяхъ.

«14) Отъ войскъ, расположенныхъ въ передовой линіи, выставить по правому берегу ручья Беданица-Дере отдѣльные наблюдательные посты на пространствѣ между чифтликомъ Кади-Янылы до д. Ай-Па отъ 2-й гвардей-

ской пѣхотной дивизіи, а далѣе къ югу до берега моря — отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Постамъ этимъ демаркаціонную линію не переходить. Въ каждой дивизіи назначить особаго штабъ-офицера—начальника передовыхъ постовъ. Общимъ же начальникомъ всѣхъ передовыхъ постовъ отъ корпуса назначается Его Высочество Принцъ Ольденбургскій. Его Высочеству поручается собирать всѣ донесенія съ постовъ, и затѣмъ два раза въ сутки, въ 6 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера, присылать донесенія начальнику полеваго штаба и командующему корпусомъ о всемъ, что дѣлается на постахъ и что замѣчено особаго въ расположеніи турокъ. Для быстрой передачи донесенія съ постовъ назначить отъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка въ распоряженіе командующаго 2-й гвардейской пѣхотною дивизіею: взводъ—въ распоряженіе командующаго 1-й гвардейской пѣхотною дивизіею, взводъ—въ распоряженіе Его Высочества начальника передовыхъ постовъ корпуса, а одинъ взводъ по прежнему остается при штабѣ корпуса. Смѣнять эти взводы по усмотрѣнію командующаго полкомъ. Начальнику 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставить при себѣ взводъ Кубанскаго казачьяго полка изъ сотни, расположенной въ Каликратѣ. Штабамъ дивизій принять мѣры для быстрой передачи приказанія между частями.

«15) Начальникамъ дивизій на основаніи этого приказанія и диспозиціи сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія и составить частныя диспозиціи, которыя представить командующему корпусомъ не позже 6-го мая съ приложеніемъ кроки биваковъ и боеваго расположенія; а Его Высочеству Принцу Ольденбургскому представить отчетную карточку расположенія передовыхъ постовъ, карауловъ и дежурныхъ частей. Относительно укрѣпленій, не приступая къ работамъ, составить соображенія, проекты и разсчитать время, необходимое для возведенія ихъ.

«16) Немедленно приступить, по распоряженію начальниковъ дивизій, къ исправленію дорогъ и къ устройству удобныхъ сообщеній въ раіонахъ, занимаемыхъ дивизіями. Кромѣ того, командующему 2-ю дивизіею озаботиться исправленіемъ дорогъ къ сѣверу отъ Калфакіоя до расположенія 4-го армейскаго корпуса

«Всѣ сообщенія отъ Беюкъ-Калкалы и Калфакіоя къ западу поручаются распоряженіямъ начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ раіонахъ расположенія, начальникамъ поручается и наблюденіе всѣхъ гигіеническихъ мѣръ.

«17) Начальникамъ частей войскъ, расположенныхъ въ передовой линіи, осмотрѣть мѣстность, которую имъ придется занимать въ случаѣ боя по диспозиціи; оцѣнить боевую важность ея частей и сообразить порядокъ расположенія войскъ и способъ дѣйствій на различныя случайности; въ особенности это должно быть исполнено батарейными командирами и начальниками нѣсколькихъ батарей.

«18) Старшимъ начальникамъ практически провѣрить порядокъ слѣдованія частей войскъ къ мѣстамъ сборовъ и порядокъ расположенія ихъ по

прибытіи на мѣсто, производя это вмѣстѣ съ командирами полковъ и баталіоновъ, съ полковыми и баталіонными адъютантами и жалонерами.

«19) Начальники вагенбурговъ должны осмотрѣть мѣста, предназначенныя для обозовъ, и сообразить порядокъ расположенія ихъ.

«20) Каждый солдатъ долженъ быть постоянно снабженъ какъ положеннымъ числомъ патроновъ, такъ и провіантомъ; въ кавалеріи саквы имѣть съ овсомъ, а сѣно—въ киткахъ. Части войскъ должны быть постоянно въ разсчетѣ, который повѣрять ежедневно: вечеромъ — при зорѣ, а утромъ—при утренней молитвѣ; о числѣ рядовъ, которые войска могутъ вывести въ строй, начальники частей должны имѣть постоянно точныя свѣдѣнія.

«21) Во всѣхъ частяхъ войскъ начальники и офицеры должны быть при частяхъ.

«Офицеры могутъ быть увольняемы не иначе какъ по распоряженію и подъ отвѣтственностію начальниковъ дивизій.

«22) Въ случаѣ тревоги, генеральнаго штаба капитанъ Протопоповъ и штабсъ-капитанъ Дагаевъ прикомандировываются къ штабу корпуса.

Диспозиція по гвардейскому корпусу 2-го мая 1878 г., г. С.-Стефано.

«Въ случаѣ тревоги, или особаго приказанія, или начавшейся перестрѣлки, главнокомандующій арміею приказалъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ близъ Константинополя, расположиться на позиціяхъ отъ С.-Стефано по высотамъ чрезъ Нифесъ, Ай-Па, Кади-Янылы и далѣе къ Херендоникiою.

«Гвардейскій корпусъ будетъ занимать правый флангъ общаго расположенія, 4-й армейскій—лѣвый флангъ; 8-й армейскій корпусъ—въ общемъ резервѣ у Хадымкіоя.

«1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ съ лейбъ-гвардіи 6-ю донскою батареею составятъ *правый отрядъ* подъ моимъ начальствомъ.

«Во исполненіе этого приказываю:

«I. Дивизіи генералъ-маіора Рауха расположиться на правомъ флангѣ отряда отъ Нифеса (включительно) и далѣе по высотѣ на югъ до шоссе. Одинъ полкъ съ батареею оставить на позиціи у Ай-Мама для обезпеченія праваго фланга корпуса.

«II. Дивизіи Свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера стать на лѣвомъ флангѣ отъ Нифеса къ сѣверу Кады-Янылы, войдя лѣвымъ флангомъ въ связь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Эллиса.

«III. Дивизія генералъ-лейтенанта Дандевиля съ корпусною артилеріею располагаются восточнѣе Беюкъ-Калкалы и, составляя резервъ праваго фланга арміи, будутъ находиться въ непосредственномъ вѣдѣніи главнокомандующаго. Одинъ изъ полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ батареею должны выдвинуться къ западу отъ озера Кучукъ-Чекмеджи, на

дорогу изъ Чаталджи въ Кучукъ-Чекмеджи, для обезпеченія общаго праваго фланга.

«IV. Обозамъ *праваго отряда* собраться между Буюкъ-Калкалы и желѣзною дорогою, гдѣ поступить подъ начальство завѣдующаго обозомъ корпуса капитана Фофанова. Паркамъ оставаться у Варасъ-Бургаса.

«V. Общій перевязочный пунктъ корпуса въ Беюкъ-Калкалы.

«VI. Я буду находиться у чифтлика Папасъ-Кіоя, куда собраться лейбъ-гвардіи Саперному баталіону, тремъ эскадронамъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и лейбъ-гвардіи 6-й донской казачьей батареи».

Подписалъ: командующій гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ *графъ Шуваловъ.*

Мѣста расположенія войскъ гвардейскаго корпуса.

«Штабъ гвардейскаго корпуса, управленіе гвардейскаго корпуса и штабъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи—С.-Стефано.

«Управленіе 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи — с.-Нифесъ, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—чифтликъ Кулели, лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ: два баталіона—с.-Нифесъ и два баталіона—чифтликъ Варанъ-Босна.

«Управленіе 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ—с.-Сафракіой, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ—чифтликъ Ай-Мама.

«Управленіе лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады—станція Ярымъ-Бургасъ, 1-я батарея—чифтликъ Кулели, 2-я батарея—С.-Нифесъ, 3-я батарея—чифтликъ Ай-Мама, 4-я батарея — въ составѣ корпусной артилеріи 4-го армейскаго корпуса, 5-я и 6-я батареи—въ составѣ корпусной артилеріи гвардейскаго корпуса у желѣзно-дорожной станціи Ярымъ-Бургасъ.

«Штабъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—с.-Калфакіой; управленіе 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—с.-Беюкъ-Калкалы, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ—С.-Стефано, лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ—Беюкъ-Калкалы.

«Управленіе 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ—с.-Ай-Па, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ — с.-Калфакіой.

«Управленіе 2-й артилерійской бригады—с.-Калфакіой, 1-я батарея—с.-Ай-Па, 2-я и 3-я батареи — с.-Калфакіой, 4-я батарея — въ составѣ корпусной артилеріи 4-го армейскаго корпуса, 5-я и 6-я батареи—въ составѣ корпусной артилеріи гвардейскаго корпуса у ст. Ярымъ-Бургасъ.

«Штабъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, управленіе 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, Кексгольмскій Гренадерскій полкъ, управленіе 2-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, управленіе 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской

бригады, 1-я, 2-я и 3-я батареи — у желѣзнодорожной станціи Ярымъ-Бургасъ, 4-я батарея — въ составѣ корпусной артилеріи 4-го армейскаго корпуса, 5-я и 6-я батареи—въ составѣ корпусной артилеріи гвардейскаго корпуса у желѣзнодорожной ст. Ярымъ-Бургасъ, гвардейская Стрѣлковая бригада — у чифтлика Кители (въ составѣ 4-го армейскаго корпуса), лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ—у чифтлика Ай-Стефано.

«Штабъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—г. Родосто, управленіе 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій полкъ—въ окрестностяхъ мон. Св. Георгія (въ составѣ отряда генералъ-адъютанта Скобелева 2-го), Уланскій полкъ—с. Галатарія.

«Управленіе 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—г. Родосто, лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ въ окрестностяхъ мон. Св. Георгія (въ составѣ отряда генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го), Гусарскій Его Величества полкъ—г. Родосто.

«Управленіе 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, лейбъ-гвардіи Уланскій и Гродненскій Гусарскій полки — г. Родосто, казачій Его Величества полкъ и Жандармскій эскадронъ—С.-Стефано, Кубанскій казачій полкъ — г. Родосто, гвардейской конно-артилерійской бригады 2-я батарея въ окрестностяхъ мон. Св. Георгія (при лейбъ-гвардіи Конно-ренадерскомъ и Драгунскомъ п. и въ составѣ отряда генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го), 3-я и 5-я батареи—г. Родосто, 6-я лейбъ-гвардіи донская казачья батарея—с. Галатарія.

«Подвижной лазаретъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, подвижной лазаретъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—Флурія, подвижной лазаретъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи—Беюкъ-Чекмеджи.

«Интендантство, казначейство, почтовое отдѣленіе гвардейскаго корпуса—С.-Стефано».

Относительно силъ и расположенія противника къ парольному приказанію отъ 17-го мая было приложено такое свѣдѣніе:

«Его Высочество, начальникъ передовыхъ постовъ корпуса (¹) представилъ слѣдующее донесеніе командующему корпусомъ, которое, по приказанію его сіятельства, сообщается всѣмъ частямъ для свѣдѣнія:

«Позиція, занятая турецкими войсками противъ гвардейскаго корпуса, тянется вдоль ручья Беданица-дере, по лѣвому его берегу. На основаніи рекогносцировокъ и собранныхъ свѣдѣній можно составить себѣ слѣдующее представленіе о первой укрѣпленной линіи: она расположена на хребтѣ, не превышающемъ нашихъ позицій, тѣмъ не менѣе имѣетъ хорошій артилерійскій обстрѣлъ по всѣмъ направленіямъ съ разстоянія 700—1,500 саженъ и болѣе. Ближе 700 с. артилерійскій огонь не будетъ имѣть значенія, потому что оврагъ р. Беданицы-дере съ турецкихъ батарей обстрѣливается весьма мало. Слабость артилерійскаго огня на разстояніи 700 саженъ и ближе вполнѣ вознаграждается сильнымъ ружейнымъ об-

(¹) Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. *А. П.*

стрѣломъ. Дѣйствительно, скаты лѣваго берега Беданицы-дере почти вездѣ отлично обстрѣливаются ружейнымъ огнемъ съ гребня края оврага, увѣнчаннаго ложементами различной величины. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только мѣстность у дд. Чуфутъ-Бургаса, Самира и Чаумъ-Баши; въ этихъ мѣстахъ виноградники и сады представляютъ удобные закрытые подступы къ позиціи турокъ. Фланги позиціи обозначены: лѣвый моремъ, а правый сильными укрѣпленіями и массированіемъ значительнаго числа войскъ. Для обстрѣливанія подступовъ къ своей позиціи, турки возвели противъ расположенія гвардейскаго корпуса слѣдующія укрѣпленія, начиная отъ Чуфутъ-Бургаса (4 батареи).

«*Батарея № 6-го* [1]. На 6—8 орудій. Стрѣльба черезъ амбразуры. Каждыя двѣ амбразуры снабжены большимъ траверсомъ; батарея эта назначена для полевыхъ орудій и, какъ кажется, открыта съ горжи.

«*Батарея № 44-го.* На 6 орудій. Имѣетъ пять амбразуръ, три амбразуры направлены на д. Нифесъ и двѣ въ стороны, т. е. къ Айпѣ и къ сторонѣ д. Салгиръ. На восточной сторонѣ находится выходъ шириною сажени въ двѣ.

«*Батарея № 5-го.* На 6 — 8 орудій сомкнутая пятиугольная или четырехугольная; по слухамъ, въ ней есть два барбета для стрѣльбы изъ орудій большаго калибра (12 ти сантиметр.).

«*Укрѣпленіе № 4-го.* Люнетъ съ двумя амбразурами; назначено ли это укрѣпленіе для пѣхоты и артилеріи или только для одной артилеріи это еще не выяснено.

«Профили этихъ укрѣпленій, какъ кажется, одинаковы. Высоты бруствера 9 футовъ, толщина до 3°, ровъ 3—4° глубины и около 3° ширины. Отлогости безъ заложеній одѣты дерномъ.

«Ружейная оборона доставляется изъ ложементовъ, которые тянутся почти сплошь вдоль всей позиціи. Ложементы расположены у самаго края въ два или три яруса; задніе ложементы иногда замѣнены длинными траншеями. Ложементы устроены на 3—4 человѣка, углубленной профили съ бойницами.

«Бойницы продѣланы въ насыпи или сложены изъ дерна.

«Вторую укрѣпленную линію составляютъ дд. Авасъ-Кіой, Питросъ и Витосъ, расположенныя по хребту, который тянется паралельно первой позиціи; здѣсь особенно сильно укрѣпленъ Авасъ-Кіой, близъ котораго находятся три батареи, открытыя съ горжи; сѣвернѣе деревни двѣ: одна на два орудія, а другая на восемь; южнѣе деревни одна батарея на шесть орудій. Наконецъ сѣверо-восточнѣе деревни Литроса находится большая батарея.

«Свѣдѣнія объ этихъ укрѣпленіяхъ еще не вполнѣ собраны.

«Третью укрѣпленную линію составляютъ казармы и укрѣпленія, расположенныя близъ нихъ; объ этой линіи свѣдѣнія еще бѣднѣе; турки не

[1] №№ укрѣпленій взяты съ карты, по которой ведется счетъ имъ въ штабѣ корпуса. *А. П.*

допускаютъ туда нашихъ офицеровъ, а по показаніямъ жителей трудно составить опредѣленное понятіе. Ясно только, что есть укрѣпленія близъ казармы Рамизъ-паши.

«Описанныя позиціи занимаютъ 47 баталіоновъ при 46-ти орудіяхъ съ тремя полками кавалеріи. Войска эти подчинены Мехметъ-Али-пашѣ и раздѣлены на двѣ дивизіи (1-я гвардейская, подъ начальствомъ Селами-паши, а другая подъ начальствомъ Гасанъ-паши). Дивизіи раздѣляются на бригады. Въ 1-й дивизіи бригадами командуютъ Ибрагимъ-паша и Ягія-паша. Въ дивизіи Гасанъ-паши бригадами, кажется, командуютъ Намыкъ, Эминъ и Эдхемъ-паши.

«Сила таборовъ не одинакова; она измѣняется отъ 250—600 человѣкъ. Болѣе 600 человѣкъ едва ли могутъ быть таборы. Чаще всего встрѣчаются таборы въ 400 человѣкъ. Таборы дѣлятся на 4—6 ротъ; четыре табора составляютъ полкъ. Въ таборахъ около $^1/_3$ составляютъ молодые солдаты. Но есть такіе таборы, которые почти цѣликомъ составлены изъ молодыхъ солдатъ.

«При каждомъ таборѣ имѣется около 50-ти вьючныхъ лошадей, обоза же колеснаго нѣтъ. Вьючныя лошади плохи. Кавалерійскіе полки въ хорошемъ состояніи; состоятъ изъ 4-хъ эскадроновъ по 100 коней въ каждомъ.

«Въ числѣ орудій есть нѣсколько 12-ти-сантиметроваго калибра.

«Войска, стоящія противъ гвардейскаго корпуса, организованы изъ разныхъ частей турецкой арміи; сюда вошла часть гвардіи (1-го корпуса) и часть 2-го и 5-го корпусовъ. Одѣты и обмундированы войска хорошо. Продовольствіе получаютъ умѣренное (двѣ галеты и рисовую кашу). Работами утомлены. Мира желаютъ чрезвычайно. Настроеніе ихъ далеко не воинственное, къ намъ привѣтливы.

«Распредѣленіе войскъ по позиціямъ слѣдующее:

«*Въ первой линіи.* У Чуфутъ-Бургаса 4 табора и 6 орудій (командуетъ Гасанъ-паша). У Салгира: 2 табора и 6 орудій (командуетъ Рефикъ-бей). У Чаушъ-Баши 1 таборъ и 1 кавалерійскій полкъ (полякъ Чайковскій). У чифтлика Инджерли: 4 табора и 1 кавалерійскій полкъ. Кто командуетъ неизвѣстно. У Макри-Кіоя: два табора.

«*Во второй линіи.* Близъ Авасъ-Кіоя 14 таборовъ, 16 орудій и два эскадрона (командуетъ Хаджи-Гасанъ-паша). Близъ Литроса 6 таборовъ, 6 орудій (командуетъ Намыкъ и Эминъ-паши). Близъ чифтлика Вель-Эфенди-Багы 4 табора, 6 орудій.

«*Въ третьей линіи.* Близъ казармы Ремиза-паши, 5 таборовъ, прибывшихъ только 13-го мая (кто командуетъ неизвѣстно). Близъ казармы Даудъ-паши 1 таборъ и 2 эскадрона, конвой Мегмета-Али-паши.

Вмѣстѣ съ приведенными распоряженіями, указано было полкамъ разработать нѣсколько новыхъ дорогъ; телеграфная сѣть была расширена, и къ 15-му мая, по увѣдомленію полеваго штаба, телеграфное

сообщеніе было открыто между Санъ-Стефано и пунктами расположенія штабовъ отрядовъ, со станціями въ Санъ-Стефано, на Камъ-Кени, св. Георгія, Караметли, Кители и Нифесѣ.

Относительно укрѣпленія позицій принятъ былъ цѣлый рядъ систематическихъ мѣръ. Общее завѣдываніе этимъ дѣломъ возложено было на командира лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, Свиты Его Величества генералъ-маіора Скалона; въ гвардейскомъ корпусѣ завѣдывалъ работами инженеръ-полковникъ Майеръ.

Главнокомандующій приказалъ составить подробный проектъ укрѣпленій, со всѣми необходимыми разсчетами и *трасировать* лишь укрѣпленія. Разсчеты всѣ должны были имѣть въ виду возведеніе укрѣпленій въ теченіе *одной ночи.* Сперва предполагалось укрѣпить *главную позицію*, но впослѣдствіи оказалось, что наши войска находятся слишкомъ близко отъ сильно укрѣпленной турецкой позиціи, а потому рѣшено было, оставить на передовыхъ бивакахъ лишь небольшія части (по одному полку съ частью артилеріи отъ дивизіи), а остальныя войска отвести назадъ на главную позицію, которую и предполагалось укрѣпить при надобности.

Въ предписаніи отъ 18-го іюня командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ, командовавшему 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею (гдѣ я исполнялъ должность начальника штаба) было между прочимъ сказано, чтобы при укрѣпленіи позиціи прежде всего возвести прикрытія для батарей и стрѣлковъ и нѣсколько опорныхъ пунктовъ (люнетовъ) для пѣхоты на линіи батарей. Батареи разсчитать на все число орудій, дивизіонной артилеріи и еще въ каждой дивизіи по крайней мѣрѣ на пять батарей корпусной артилеріи. Главнокомандующій, говорилось тамъ, замѣтилъ, что въ теченіе минувшей кампаніи мы не всегда пользовались своимъ превосходствомъ въ артилеріи именно потому, что не было заранѣе соображено, гдѣ ее поставить. До прибытія корпусной артилеріи возведенныя для нихъ батареи могли составить прикрытіе для ротъ 2-й линіи.

Работы слѣдовало разсчитать на одну ночь, выводя на нихъ, на главной позиціи, цѣлые полки; баталіоны передовой позиціи могли возвести только легкія закрытія на всякій случай, употребивъ на это не болѣе половины людей. Но, вѣроятно, прибавлялъ графъ Шуваловъ, не удастся въ первую же ночь устроить прикрытія для всѣхъ войскъ, почему слѣдовало составить соображенія для работъ въ послѣдующіе дни, разсчитывая рабочихъ по смѣнамъ.

Къ составленному ранѣе того разсчету постройки укрѣпленій были приложены слѣдующія замѣчанія:

Планъ II

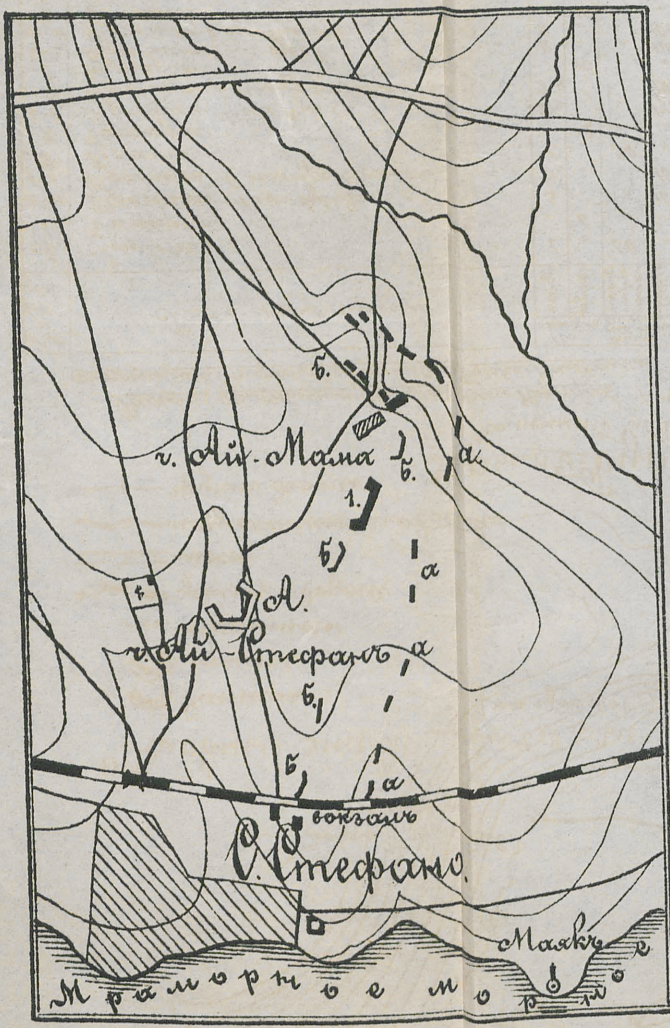

Расчетъ укрѣпленій Гвардейскаго Корпуса на позиціи С. Стефано, Саффракіой и Бююкъ-Калкалы.

№№ и буквы	Родъ укрѣпленій	На сколько: Ротъ	На сколько: Орудій	Длина линій огня въ саженяхъ: Опорн. пунктовъ	Длина линій огня въ саженяхъ: Траншей
А.	Люнетъ	1.	„	50	„
1.	Батарея	„	6.	„	„
а-а	Траншеи 14 на взводъ	3	„	„	150.
б-б.	Траншеи 6 полуротныхъ	3.	„	„	150.
Б.	Люнетъ	1.	„	50	„
2.	Батарея	„	12	„	„
в-в.	Траншеи 14 на взводъ	3½	„	„	175.
г-г.	Траншеи 5 полуротныхъ	2½	„	„	125.
3.	Батарея	„	16	„	„
д-д.	Траншеи 8 на взводъ	2	„	„	100.
ж-ж	Траншеи 8 взводныхъ	2.	„	„	100.
4.	Батарея	„	16	„	„
5	Батарея	„	24	„	„
В.	Люнетъ	2	„	100	„
6.	Батарея	„	16	„	„
Г.	Присп. къ обор. разруш. камен. ограда	2	„	40	„
7.	Батарея	„	32	„	„
з-з.	Траншеи и ложементы	5.	„	„	150.
8.	Батарея	„	16	„	„
к-к.	Траншеи и ложементы	4	„	„	160
Ж.	Люнетъ	2	„	60	„
З.	Траншея	1.	„	„	30.
л-л	Траншеи и ложементы	4½	„	„	180.
К.	Люнетъ	2	„	60	„

Масштабъ
въ Англійскомъ дюймѣ 400 саж.
с. 400 320 240 160 80 0 400 800 саж.

Черт. Н. Кононовъ

Лит. А. Я. Иванова, по Екатерининск. кан. на уг. мал. Подьяч. д. № 94-2.

1) Всѣ укрѣпленія, назначенныя по проекту, должны быть возведены въ одну ночь въ такой профили, чтобы къ утру прикрыть людей и артилерію.

2) Разбивка укрѣпленій производится заблаговременно саперными офицерами, при участіи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ тѣхъ частей войскъ, которыя назначены на работу этихъ укрѣпленій.

3) Офицеры отъ войскъ, назначенные въ помощь сапернымъ, должны быть вполнѣ знакомы съ начертаніемъ и профилью своего укрѣпленія и съ разсчетомъ и разстановкою рабочихъ, дабы за отсутствіемъ сапернаго офицера, быть руководителями при производствѣ самой работы.

4) Для предупрежденія замѣшательствъ въ приступленіи къ работамъ, должно произвести на мѣстѣ репетицію разстановки рабочихъ, назначивъ отъ каждой роты и батареи по два унтеръ-офицера и по шести расторопныхъ рядовыхъ при ротныхъ командирахъ. Репетицію произвести сапернымъ офицерамъ по соглашенію съ полковыми и батарейными командирами.

5) На работы вывести роты въ такомъ составѣ, чтобы число рядовыхъ для даннаго укрѣпленія было равно числу назначенныхъ рабочихъ.

6) Пѣхотныя войска, назначенныя на работу укрѣпленія, должны принести съ собою весь инструментъ, потребный для возведенія онаго, который опредѣленъ въ таблицѣ ([1]).

7) При полученіи приказанія приступить къ работамъ, войскамъ собираться въ назначенный часъ, къ заранѣе опредѣленнымъ сборнымъ пунктамъ, гдѣ имъ производится окончательный разсчетъ, и затѣмъ по распоряженію саперныхъ офицеровъ, они разводятся къ мѣсту работъ.

8) Надзоръ за правильнымъ производствомъ работъ имѣть сапернымъ офицерамъ и ихъ помощникамъ, назначеннымъ на каждое укрѣпленіе отъ войскъ; на батареяхъ помощники саперныхъ офицеровъ должны быть отъ артилеріи.

9) Отвѣтственность за успѣхъ производства работъ и соблюденіе должнаго порядка и тишины возлагается на строевыхъ начальниковъ, причемъ старшіе изъ нихъ въ каждомъ укрѣпленіи принимаютъ общее начальство.

10) Войска прекращаютъ работы по распоряженію сапернаго офицера, который объ этомъ доноситъ полковымъ командирамъ.

11) По окончаніи работъ, войска разводятся по приказанію пол-

([1]) См. планъ 2.

ковыхъ командировъ въ назначенныя имъ для обороны укрѣпленія, гдѣ 1/4 часть людей остается въ полной готовности, остальныя же могутъ отдыхать.

На планѣ 2-мъ показаны всѣ проектированныя укрѣпленія, а также и подробные разсчеты по исполненію работъ. А на 4-мъ планѣ находятся чертежи типовъ укрѣпленій, которые, по приказанію генералъ-адъютанта Тотлебена, были разосланы въ войска для руководства при усиленіи позицій.

Выше было сказано, что на передовыхъ позиціяхъ оставлено было только незначительное число войскъ, а именно въ нашемъ корпусѣ, отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, одинъ полкъ въ чифтликѣ Кулели (полки этой дивизіи поочередно мѣнялись на позиціи) и отъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ въ д. Айпа. Для быстроты сообщеній и въ видахъ лучшаго охраненія войскъ на передовую позицію въ д. Айпа былъ высланъ также лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ. Прочія части корпуса заняли къ 24-му іюня слѣдующее расположеніе, въ которомъ и оставались до отправленія на родину:

«Штабъ корпуса—С.-Стефано, лейбъ-гвардіи Жандармскій эскадронъ и Комендантъ гвардейскаго корпуса—С.-Стефано, штабъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи—С.-Стефано, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—чифт. Кулели, лейбъ-гвардіи Семеновскій, Измайловскій полки—у с.-Сафракіой, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ—чифт. Ай-Мама.

«Управленіе лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады—Ярымъ-Бургасъ, 1-я батарея—у с.-Сафракіой, 2-я батарея—у чифт. Ай-Мама, 3-я батарея—у с.-Сафракіой, 4-я батарея—въ св. Георгіѣ, 5-я и 6-я батареи—въ Ярымъ Бургасѣ.

«Штабъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ—у Беюкъ-Калкалы, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ—у Калфакіой.

«Управленіе лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады—Ярымъ-Бургасъ, 1-я батарея—у Беюкъ Калкалы, 2-я батарея—у Калфакіой, 3-я батарея—у Беюкъ-Калкалы, 4-я батарея—въ с. Георгіѣ, 5-я и 6-я батареи—въ Ярымъ-Бургасѣ.

«Штабъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи—чифтл. Кучукъ-Накхосъ, лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—Сѣв. дер. Амбарли, Кексгольмскій гренадерскій полкъ, С.-Петербургскій гренадерскій полкъ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, управленіе 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады, 1-я и 2-я батареи—у Ярымъ-Бургуса, 3-я батарея съ лейбъ гвардіи Литовскимъ полкомъ у Амбарли, 4-я батарея—въ св. Георгіѣ, 5-я и 6-я батареи—Ярымъ-Бургасъ, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ—чифтл. Ай-Стефано, лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ—дер. Айпа, Гусарскій Его Ве-

личества полкъ: три эскадрона въ Амбарли, одинъ эскадронъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, 6-я Донская казачья батарея—дер. Галатарія.

Подвижной лазаретъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, подвижной лазаретъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—дер. Флурія, гвардейская Стрѣлковая бригада (въ составѣ 4-го корпуса)—у чифтл. Кади-Ямалы, лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій полкъ (въ составѣ 4-го корпуса)—д. Багосъ-Кіой, лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ и 2-я батарея гвардейской конно-артилерійской бригады (въ составѣ 4-го корпуса)—д. Арнауткіой, штабъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи (въ составѣ родостовскаго отряда) г. Родосто, лейбъ-гвардіи Уланскій Его Величества полкъ (въ составѣ родостовскаго отряда)—г. Ерекли и Селиври. Гродненскій гусарскій и Казачій Его Величества (въ составѣ родостовскаго отряда) — г. Родосто, 3-я и 5-я батареи гвардейской конно-артилерійской бригады — г. Селиври.

За долго до того было сдѣлано распоряженіе, по которому войска, находящіяся впереди, подчинялись особому начальнику. Должность эту послѣдовательно исполняли: Его Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, командиры полковъ: лейбъ-гвардіи Павловскаго и Уланскаго свиты Его Величества генералъ-маіоры: Шмитъ и Струковъ. Они, какъ лично, такъ и при посредствѣ начальниковъ передовыхъ постовъ, должны были неустанно слѣдить за противникомъ и ежедневно доносить о всемъ ими замѣченномъ. При первыхъ двухъ лицахъ состоялъ генеральнаго штаба капитанъ Протопоповъ, который измѣрилъ разстоянія до важнѣйшихъ пунктовъ непріятельской позиціи, и собралъ какъ лично, такъ и черезъ строевыхъ офицеровъ точныя свѣдѣнія о силахъ турокъ, объ ихъ укрѣпленіяхъ и т. п

При новомъ расположеніи войскъ приказано было оставить на передовой позиціи при авангардахъ только артельныя и офицерскія повозки, по четыре зарядныхъ ящика на батарею и необходимое число повозокъ для перевозки больныхъ, хлѣба, дровъ и проч. Остальной обозъ расположенъ былъ за главною позиціею. Особенное вниманіе обращено было на разработку дорогъ между передовою и главною позиціями. Командовавшій гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, въ то время еще когда большая часть войскъ не была отведена съ передовой позиціи, составилъ и приказалъ разослать начальникамъ дивизій общія соображенія на случай дѣйствій гвардейскаго корпуса, гдѣ было сказано слѣдующее:

«Характеръ дѣйствій командуемаго мною корпуса, какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи, будетъ основанъ на развитіи сильнаго сосредоточеннаго артилерійскаго огня, съ тѣмъ чтобы вполнѣ воспользоваться превосходствомъ въ количествѣ артилеріи, которое мы имѣемъ передъ

турками. Для сего я предполагаю въ началѣ боя выдвинуть на позиціи къ сѣверу отъ Папасъ-Кіоя всю корпусную артилерію. Отъ артилеріи я требую, что какъ только двѣ или нѣсколько батарей располагаются на позиціи совокупно, то старшій артилерійскій начальникъ тотчасъ же долженъ принимать общее начальство. Начальники эти, получая указанія цѣли дѣйствій отъ старшаго пѣхотнаго начальника на участкѣ позиціи (а начальникъ корпусной артилеріи отъ меня), должны направлять сосредоточенный огонь на одинъ пунктъ. Такимъ образомъ, направляя въ одну точку огонь до 100 орудій, я расчитываю забросать снарядами любое изъ непріятельскихъ укрѣпленій и сбивать его батареи поочередно.

«При наступленіи непріятеля, не ослабляя огня, выждать приближенія его на 200—300 шаговъ, т. е. до того положенія, пока противникъ перейдетъ ручей Бедоница-дере и начнетъ подниматься на высоты, занимаемыя нами. До этого положенія можетъ быть усиленъ только артилерійскій огонь и продолжаться ружейная перестрѣлка цѣпи; въ то же время подвести ближе резервы, и когда противникъ подойдетъ на разстояніе 200—300 шаговъ, то встрѣтить его учащенными залпами и вообще сильнымъ огнемъ сомкнутаго строя. Я считаю въ большинствѣ случаевъ неудобнымъ для отраженія атаки выходить изъ укрѣпленій, изъ деревень или вообще изъ тѣхъ пунктовъ, которые мы будемъ занимать; болѣе выгоднымъ я нахожу отраженіе противника до послѣдней минуты сильнымъ огнемъ, а если онъ ворвется въ укрѣпленія или прорвется между ними, то отражать его резервами второй линіи.

«Въ случаѣ удачнаго отраженія атаки непріятеля, если это удастся сдѣлать съ дальняго разстоянія, то продолжать преслѣдовать его огнемъ; если же противникъ будетъ отбитъ послѣ рукопашной свалки и въ моемъ распоряженіи будетъ достаточно резервовъ, то можно будетъ воспользоваться такимъ положеніемъ для перехода въ наступленіе, съ тѣмъ чтобы ворваться въ непріятельскую позицію на плечахъ отступающаго.

«Вообще при оборонѣ я возлагаю надежду на стойкость нашихъ войскъ, ихъ выдержку и на хорошую позицію, какую мы нынѣ занимаемъ; особенно, если она будетъ укрѣплена. Я полагаю, что и безъ пособія 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, мы можемъ отразить атаки значительно превосходнаго въ силахъ противника.

«Въ другомъ положеніи представляется вопросъ о наступленіи нашемъ противъ укрѣпленной позиціи турокъ. Я допускаю возможность этого только съ участіемъ всего командуемаго мною корпуса и при содѣйствіи отряда генералъ-лейтенанта Эллиса.

«Разсмотрю этотъ вопросъ болѣе подробно.

«1) Выборъ пункта атаки будетъ въ значительной степени зависѣть отъ силы и расположенія турецкихъ войскъ, что̀ можетъ быть опредѣлено только во время самаго боя. Разбирая пока одни данныя мѣстности, нельзя сказать, чтобы какой либо изъ пунктовъ непріятельскаго расположенія

противъ гвардейскаго корпуса получалъ особенное значеніе стратегическое; въ тактическомъ же отношеніи имѣютъ значеніе пункты Чаушъ-Баши и Айпа, а отчасти и Нифесъ, такъ какъ въ этихъ пунктахъ деревья, изгороди и канавы садовъ спускаются съ высотъ въ долину р. Бедоницы-дере и отъ того доступы въ этихъ мѣстахъ болѣе закрыты и, слѣдовательно, болѣе доступны; во всѣхъ другихъ пунктахъ передъ фронтомъ позиціи простирается такая открытая эспланада, что наступленіе тамъ будетъ сопряжено съ большими потерями.

«Изъ двухъ названныхъ пунктовъ, Чаушъ-Баши и Айпа, пока можно отдать предпочтеніе послѣднему; взятіе высоты Чаушъ-Баши и укрѣпленія № 4 еще не поведетъ къ рѣшительнымъ результатамъ, потому что противникъ можетъ перемѣнить фронтъ лѣвымъ флангомъ назадъ и намъ придется снова брать сильную командующую позицію Солниръ-Вилосъ-Казарма-Даудъ. Тогда какъ взятіе Чифутъ-Бургаса прорываетъ центръ непріятельскаго расположенія и, пользуясь пересѣченною скрытною мѣстностью, можно занять Литросъ; тогда однимъ ударомъ будетъ прорвана и вторая позиція противника.

«2) *Подготовка атаки* будетъ произведена какъ огнемъ, такъ и демонстраціями. Послѣднія будутъ состоять въ томъ, что на одинъ изъ пунктовъ, значительно удаленный отъ того мѣста, на которое будетъ окончательно опредѣлена главная атака, начнется наступленіе значительно ранѣе начала этой атаки. Напримѣръ, если главное направленіе атаки будетъ избрано мною отъ Айпа на Чифутъ-Бургасъ, то демонстрація будетъ ведена отъ Кулели на Чаушъ-Баши Преображенскимъ и частью Измайловскаго полками. Такое преждевременное наступленіе одного полка, если и не приведетъ къ занятію Чаушъ-Баши, то во всякомъ случаѣ притянетъ резервы противника къ лѣвому флангу, удалитъ ихъ отъ настоящаго пункта главной атаки и тѣмъ облегчитъ прорвать центръ. Для усиленія демонстраціи можно выдвинуть около Кулели часть корпусной артилеріи, можно сдѣлать нѣсколько ложныхъ передвиженій войскъ на этомъ пунктѣ, воспользовавшись для этого 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею и частью лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, если противъ него не будетъ наступленія.

«Подготовка атаки днемъ будетъ состоять въ сосредоточенной артилерійской пальбѣ, въ такомъ видѣ, какъ я говорилъ выше: когда замѣтны будутъ результаты дѣйствій нашего огня противъ непріятельскаго расположенія, тогда я предполагаю часть батарей или *всю артилерію*, не исключая и корпусной, перевести на ближайшія позиціи у Айпа и Калфакіоя, для окончательной подготовки атаки ближнимъ огнемъ.

«3) *Производство атаки.* Я рѣшусь повести войска въ атаку только тогда, когда твердо буду увѣренъ, что она хорошо подготовлена, когда будетъ замѣтно, что противникъ ослабилъ расположеніе войскъ на избранномъ пунктѣ атаки и даже оставилъ нѣкоторыя укрѣпленія вслѣдствіе сосредоточеннаго огня нашихъ батарей; короче—я пойду на штурмъ только

тогда, когда будетъ пробита брешь въ непріятельскомъ расположеніи, хотя бы для этого пришлось вести бомбардировку нѣсколько дней.

«Къ избранному пункту атаки будетъ сосредоточено возможно болѣе войскъ изъ резерва. Для поясненія возьму прежній примѣръ направленія главной атаки Айпа-Чифутъ-Бургасъ: къ Павловскому полку, занимающему боевую линію, будутъ подведены лейбъ-гвардіи Московскій и Гренадерскій и по крайней мѣрѣ два полка 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, такимъ образомъ въ ударѣ будутъ участвовать пять полковъ, т. е. около 10,000 штыковъ, если къ тому времени составы наши сохранятся.

«Подробности производства атаки трудно предвидѣть заранѣе, но нельзя не указать на нѣкоторыя особенности ея, которыя обусловливаются данною мѣстностію. Пространство, которое придется пройти нашимъ войскамъ до первыхъ непріятельскихъ траншей, доходитъ до $1^1/_2$ версты; пройти его подъ непріятельскими выстрѣлами сразу, безъ большихъ остановокъ, будетъ довольно трудно, придется подвигаться постепенно, останавливаясь болѣе или менѣе продолжительное время за различными мѣстными закрытіями. Во все это время, когда войска, назначенныя для атаки, спустятся внизъ въ долину Бедоницы, слѣдуетъ не ослаблять артилерійскаго огня съ высотъ занимаемаго нами берега, а мѣстами поддерживать и ружейный огонь чрезъ головы впереди засѣвшихъ войскъ; конечно, это послѣднее будетъ допущено только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно смѣло разсчитывать на полную безопасность такой нѣсколько-ярусной стрѣльбы. Въ то же время къ впереди засѣвшимъ войскамъ слѣдуетъ пододвигать резервы, съ тѣмъ, чтобы, усиливъ ихъ, сдѣлать вновь движеніе впередъ цѣлымъ участкомъ.

«Если мѣстность не доставитъ никакихъ закрытій, то я нахожу возможнымъ приказать окопаться такой выдвинувшейся впередъ части войскъ, что легко сдѣлать въ настоящее время, когда у каждаго нижняго чина есть шанцевый инструментъ; хотя окопы обыкновенно привязываютъ войска къ мѣсту, люди трудно выходятъ изъ нихъ для новаго наступленія, но я считаю, что лучше медленно наступать съ перерывами, но только разъ взявшій участокъ мѣстности ни въ какомъ случаѣ не уступать.

«Когда огонь противника окончательно ослабѣетъ, и наши атакующія войска достигнутъ близкихъ разстояній, 100—200 шаговъ до пунктовъ атаки, когда вообще время для дѣйствительнаго удара окончательно назрѣетъ, я полагаю дать общій сигналъ къ атакѣ по всей линіи, чтобы воодушевить войска общимъ дружнымъ порывомъ.

«4) *Дѣйствія послѣ атаки.* Въ случаѣ удачнаго исхода, если у меня останутся сильные свѣжіе резервы, войска-же противника будутъ сильно разстроены, то я буду энергически продолжать преслѣдованіе, чтобы на плечахъ непріятеля ворваться въ слѣдующую линію укрѣпленій. Если же успѣхъ будетъ дорого стоить, наши атакующія войска будутъ разстроены, свѣжихъ резервовъ останется немного, напротивъ —у противника будутъ замѣтны хорошо подготовленныя новыя оборонительныя линіи, то полагаю

лучше устроиться на занятыхъ мѣстахъ и даже окопаться, съ тѣмъ чтобы новое наступленіе вести систематически, съ хорошею предварительною подготовкою. Особенно слѣдуетъ стараться скорѣе установить артилерію на занятыхъ у непріятеля позиціяхъ. Въ случаѣ отбитія нашей атаки, необходимо на сколько возможно удержаться на послѣднихъ выдавшихся впередъ позиціяхъ, которыя занимались нами передъ атакою, съ тѣмъ чтобы, устроившись, подведя резервы, вновь подготовивъ наступленіе сильнымъ огнемъ, повторить ударъ, хотя бы для этого требовался промежутокъ нѣсколькихъ часовъ времени».

При всѣхъ заботахъ о позиціи, Главнокомандующій не меньшее вниманіе обращалъ и на *тылъ* ея, въ обширномъ смыслѣ слова, т. е на возможность движенія назадъ, при извѣстнаго рода политической и военной обстановкѣ. Въ этихъ видахъ войска исполнили громадныя работы по устройству и улучшенію путей сообщенія въ тылу позиціи. Еще 23-го іюня графъ Шуваловъ предписалъ по корпусу, чтобы *первая дивизія* разработала два совершенно отдѣльныхъ пути отъ новаго своего расположенія до переправы на р. Тадлы-дере, причемъ дороги эти направлялись къ мостамъ желѣзно-дорожному и каменному у Варасъ-Бургаса. *Вторая дивизія* должна была также разработать два пути къ новымъ двумъ мостамъ. Наконецъ, *третья дивизія* тоже разработала двѣ дороги отъ всѣхъ переправъ на р. Тадлы-дере къ западу на одинъ переходъ.

На случай отступленія графъ Шуваловъ сдѣлалъ нижеслѣдующія распоряженія по корпусу:

«*Общія соображенія о движеніи гвардейскаго корпуса изъ настоящаго раіона расположенія къ западу.*

«Для прикрытія гвардейскаго корпуса изъ раіона настоящаго расположенія къ Чаталджи признается необходимымъ и разработывается не менѣе трехъ дорогъ, т. е. по одной на дивизію, согласно прилагаемаго кроки:

«1) Шоссе изъ Кучукъ-Чекмеджи въ Буюкъ-Чекмеджи. Туда же въ Буюкъ-Чекмеджи можетъ вести дорога отъ каменнаго моста у Ярымъ-Бургаса черезъ Экменосъ.

«2) Отъ моста 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи черезъ чифтликъ Татарджикъ на Дерекіой, откуда дорога переходитъ на Ташалыкъ, а отсюда черезъ Бахчишъ-Кіой на Чаталджу.

«3) Отъ моста 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи черезъ чифтликъ Татарджикъ на Дерекіой, откуда черезъ Омарли, Мухакіой на Чаталджу.

«Если по политическимъ обстоятельствамъ нельзя будетъ воспользоваться первою дорогою ([1]), то тогда въ распоряженіи гвардейскаго корпуса оста-

([1]) Дорога эта находится подъ выстрѣлами съ моря, гдѣ господствовалъ англійскій флотъ. *А. П.*

нутся до Ташалыка и Дерекіоя три дороги при трехъ мостахъ черезъ Тадлы-дере (не считая желѣзнодорожнаго), а отъ Дерекіоя и Ташалыка двѣ дороги къ Чаталджи.

«Такимъ образомъ, первыя соображенія о движеніяхъ корпуса сталкиваются съ политическими обстоятельствами. Дѣйствительно, въ какомъ видѣ придется воспользоваться избранными дорогами и находящимися на путяхъ позиціями, будетъ зависѣть прежде всего отъ отношеній нашихъ къ туркамъ. Отношенія эти могутъ быть до крайности разнообразны, но для того, чтобы имѣть хотя нѣкоторыя основанія для обсужденія различныхъ маневрированій корпуса, ихъ можно подвести подъ три главныхъ вида:

«1) Положеніе вполнѣ мирное.

«2) Положеніе, хотя и мирное, но заставляющее насъ быть наготовѣ ко всѣмъ боевымъ случайностямъ и

«3) Отношенія совершенно враждебныя къ туркамъ.

«Въ первомъ случаѣ, переходъ гвардейскаго корпуса къ Чаталджи и Каликрату будетъ представлять видъ правильнаго отступательнаго движенія, и можетъ быть совершенъ одновременно по всѣмъ тремъ дорогамъ. Проектъ диспозиціи для такого движенія имѣется въ приложеніи I.

«Характеръ передвиженія корпуса во второмъ случаѣ, который ближе всего подходитъ къ теперешнему положенію нашей арміи, будетъ состоять въ послѣдовательномъ переходѣ съ одной позиціи на другую; приложеніе II представляетъ проектъ диспозиціи для движенія войскъ при такихъ обстоятельствахъ.

Наконецъ, въ третьемъ случаѣ, при отступленіи съ боемъ, обстоятельства могутъ быть до того разнообразны, что невозможно и предвидѣть даже характера ихъ, а потому нельзя заранѣе представить подробныхъ соображеній; гвардейскій корпусъ будетъ пользоваться всѣми путями, находящимися въ его распоряженіи, руководствуясь тѣми основаніями для своихъ дѣйствій, которыя выражены въ диспозиціи приложенія II.

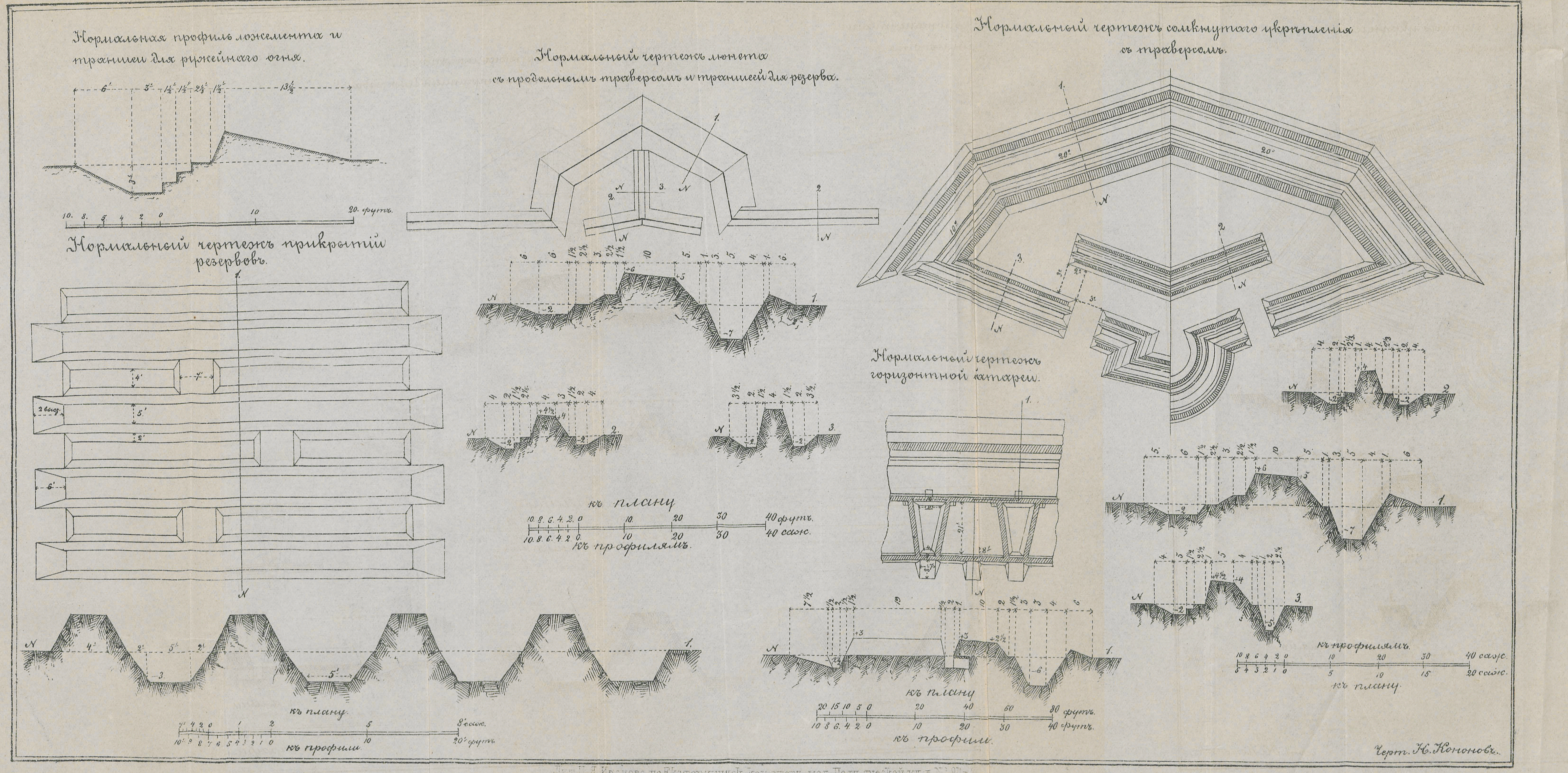
Приложеніе I. Проектъ диспозиціи по гвардейскому корпусу.

«Гвардейскому корпусу надлежитъ перейти съ позицій нынѣ занимаемыхъ на линію чаталджинскихъ укрѣпленій.

«Движеніе это произвести « » іюля тремя колоннами въ слѣдующемъ порядкѣ:

«*Правая колонна генералъ-маіора Рауха.* 1-я гвардейская пѣхотная дивизія — 16 баталіоновъ, 1-я, 2-я и 3-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады—24 орудія, лейбъ-гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ—4 эскадрона, 6-я Донская батарея—6 орудій, 2 роты лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона—$^1/_2$ баталіона. Итого $16^1/_2$ баталіоновъ, 30 орудій и 4 эскадрона.

«1) *Правая (южная) колонна слѣдуетъ* на Кучукъ-Чекмеджи и далѣе по шоссе на Беюкъ-Чекмедже. Ночлегъ у Беюкъ-Чекмеджи и Ка-

Лит. П. Я. Иванова, по Екатерининск. кан. уголъ мал. Подъяческой ул. д. № 94-2.

ликрата; аріергардъ оставить на позиціи, верстахъ въ 4—5 отъ Бюкъ-Чекмеджи.

«*Средняя колонна Свиты Его Величества генералъ-маіора Этера*. Штабъ корпуса, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія—16 баталіоновъ, 1-я, 2-я и 3-я батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады — 24 орудія, дивизіонъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка — 2 эскадрона, лейбъ-гвардіи Жандармскій эскадронъ — 1. Итого 16 баталіоновъ, 24 орудія, 3 эскадрона.

«2) *Средняя колонна* идетъ на Ярымъ-Бургасъ, гдѣ переправляется по желѣзнодорожному и каменному мостамъ черезъ р. Тадлыдере, далѣе двигается на Ташалыкъ и Бахчишъ-Кіой; аріергардъ на позиціи около Муха-Кіой.

«*Лѣвая колонна генералъ-лейтенанта Дандевиля*: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія—16 баталіоновъ, 1-я, 2-я и 3-я батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—24 орудія, корпусной артилеріи 6 батарей—48 орудій, одна рота лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона—$^1/_4$ баталіона, дивизіонъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка—2 эскадрона. Итого $16^1/_4$ баталіоновъ, 72 орудія и 2 эскадрона.

«3) Лѣвая (сѣверная) колонна слѣдуетъ по разработаннымъ дорогамъ и двумъ новымъ мостамъ черезъ р. Тадлы-дере на Дере-Кіой и далѣе черезъ Миха-Кіой на Чаталжу. Ночлегъ на чаталджинской укрѣпленной турками позиціи. Аріергардъ остановить у Мухи-Кіой.

«4) Время выступленія всѣхъ колоннъ въ 4 часа утра. Привалы по усмотрѣнію начальниковъ колоннъ.

«5) На ночлегѣ общимъ начальникомъ аріергардовъ 2-й и 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи у Муса-Кіоя назначается свиты Его Величества генералъ-маіоръ Струковъ. Составъ аріергарда: лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, по одному полку 2-й и 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и по одной батареѣ отъ тѣхъ же дивизій.

«6) Въ диспозиціи указано время выступленія колоннъ; обозы должны быть высланы наканунѣ.

«7) До « » часовъ іюля я буду въ г. Стефано; потомъ переѣду по желѣзной дорогѣ въ Чаталджу.

Приложеніе II. Проектъ диспозиціи для движенія гвардейскаго корпуса по направленію къ Чаталджѣ.

«По полученіи приказанія, гвардейскому корпусу произвести движеніе по направленію къ Чаталджѣ въ полной боевой готовности, слѣдующимъ образомъ:

«Колонна генералъ-лейтенанта Дандевиля. Кексгольмскій гренадерскій полкъ — 4 баталіона, С.-Петербургскій гренадерскій полкъ — 4 баталіона, лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ—4 баталіона, 1-я, 2-я, 5-я и 6-я батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады — 32 орудія, одна

рота лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона — $^1/_4$ баталіона. Итого $12^1/_4$ баталіоновъ и 32 орудія.

«1) Колоннѣ генералъ-лейтенанта *Дандевиля* къ 6-ти часамъ утра перейти р. Тадлы-дере, пользуясь для этого всѣми переправами, но съ тѣмъ, что если послѣ 6-ти часовъ останутся не переправленныя части, то онѣ должны перейти Тадлы-дере исключительно по мосту 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Мосты же и дороги 1-й и 2-й гвардейской пѣхотной дивизій, во всякомъ случаѣ, должны быть свободны къ 6-ти часамъ утра.

«По переходѣ Тадлы-дере генералъ-лейтенанту Дандевилю занять позицію на высотахъ праваго берега этой рѣки, отъ Кучукъ-Чекмеджискаго озера до линіи Омурли-чифтликъ Филиппо, съ цѣлью прикрыть движеніе корпуса по миновaніи имъ переправъ.

«2) 5-й и 6-й батареямъ лейбъ-гвардіи 1-й и 2-й артилерійскихъ бригадъ, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора *Овандера*, перейдя Тадлы-дере, подняться на высоты расположенія колонны генералъ-лейтенанта Дандевиля, гдѣ, выждавъ прохода колонны свиты Его Величества генералъ-маіора *Эттера*, присоединиться къ ней по распоряженію начальника колонны.

«*Правый боковой отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора барона Мейендорфа.* Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ — 4 баталіона, 3-й батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—3 орудія, дивизіонъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка — 2 эскадрона. Итого 4 баталіона, 3 орудія и 2 эскадрона,

«*Правому боковому отряду* оставаться на позиціи противъ Кучукъ-Чекмеджи, принявъ мѣры къ немедленному уничтоженію моста и гати у Кучукъ-Чекмедже, если на то послѣдуетъ приказаніе, или, если при открытіи враждебныхъ дѣйствій, на противоположномъ берегу озера у Кучукъ-Чекмеджи появится противникъ.

«Правому боковому отряду немедленно установить связь съ колонною генералъ-лейтенанта *Дандевиля* и сообразоваться съ нею въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Если генералъ-лейтенантъ *Дандевиль* начнетъ движеніе по направленію къ Чаталджѣ, то генералъ-маіору *барону Мейендорфу* отходить къ Беюкъ-Чекмеджи.

«*Правая колонна генералъ маіора Рауха.* Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ — 4 баталіона, лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ — 4 баталіона, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ—4 баталіона, 2 роты лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона—$^1/_2$ баталіона, 2-я и 3-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады — 16 орудій, дивизіонъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка—2 эскадрона, 6-я донская казачья батарея—6 орудій. Итого $12^1/_2$ баталіоновъ, 2 эскадрона, 16 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій.

«*Правой колоннѣ* выступить отъ д. Сафракіой въ 5 часовъ утра. Перейдя Тадлы-дере по каменному и желѣзно-дорожному мостамъ, слѣдовать

на д. Ташалыкъ. Привалъ у р. Тадлы-дере, по усмотрѣнію начальника колонны, ночлегъ у д. Ташалыкъ.

«*Лѣвая колонна свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера*. Штабъ-корпуса, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ—4 баталіона, 1-я и 3-я батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады — 16 орудій, лейбъ-гвардіи Жандармскій эскадронъ—1 эскадронъ. Итого 12 баталіоновъ, 16 орудій, 1 эскадронъ.

«*Лѣвой колоннѣ* выступить отъ Беюкъ-Калкалы въ 5 часовъ утра. Перейдя Тадлы-дере и присоединивъ 5-ю и 6-ю батареи лейбъ-гвардіи 1-й и 2-й артилерійскихъ бригадъ, слѣдовать до д. Омурли, близъ которой и расположиться на ночлегъ. Привалъ на р. Тадлы-дере, по усмотрѣнію начальника колонны. Тадлы-дере перейти по мосту 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; если же мостъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи будетъ свободенъ, то можно и имъ пользоваться.

«Войскамъ, находящимся на передовой позиціи, составить *аріергардъ корпуса* и оставаться на нынѣ занимаемыхъ позиціяхъ до полнаго очищенія войсками, биваковъ на главной позиціи. Затѣмъ перейти къ д. Беюкъ Калкалы, гдѣ, занявъ позицію, прикрыть переправу корпуса черезъ Тадлы-дере, до полнаго ея окончанія. Послѣ чего, перейдя Тадлы-дере, свиты Его Величества генералъ-маіору *Струкову* со ввѣреннымъ ему полкомъ поступить въ распоряженіе генералъ-лейтенанта *Дандевиля*, а лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, съ состоящими при немъ батареями, направить на присоединеніе къ своимъ дивизіямъ.

Аріергардъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова. Лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ—4 эскадрона, 1-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и 2-я батарея лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады—16 орудій. Итого 8 баталіоновъ, 4 эскадрона, 16 орудій.

«Если представится возможность, то обозы всѣхъ частей войскъ, по особому распоряженію, будутъ переправлены черезъ Тадлы-дере наканунѣ. Если же этого исполнить будетъ нельзя, то начальникамъ колоннъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы, при выступленіи корпуса, обозы не задержали движенія и переправы войскъ. Направлять обозы къ своимъ переправамъ на р. Тадлы-дере.

«Я буду находиться до « » часовъ утра въ С.-Стефано, и затѣмъ переѣду на позицію генералъ-адъютанта *Дандевиля* за Тадлы-дере.

Считаю необходимымъ замѣтить, что изъ числа приведенныхъ приказаній тѣ, которыя слѣдовало исполнить—энергически исполнялись. Дороги усердно разработывались подъ руководствомъ саперныхъ офицеровъ и ближайшимъ присмотромъ строевыхъ офицеровъ, обучавшихся при саперныхъ баталіонахъ. Всѣ укрѣпленія были заблаговременно трасиро-

ваны, такъ что въ случаѣ надобности были бы дѣйствительно быстро возведены. Я исполнялъ, за отъѣздомъ полковника барона Каульбарса въ Черногорію, должность начальника штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, и потому постоянно выѣзжалъ совмѣстно съ генераломъ Раухомъ и лейбъ-гвардіи Саперного баталіона поручикомъ Прескоттомъ, какъ для разбивки укрѣпленій, такъ и для наблюденія за устройствомъ дорогъ. Войска работали все время обыкновеннымъ шанцевымъ инструментомъ, а не линемановскимъ.

Кстати замѣчу, что войска наши наметались, въ удивительной степени, разбивать быстро, правильно и изящно свои лагери. По приходѣ полка на новую стоянку, мѣсто бивака немедленно прорѣзывалось канавками для стока воды, вся же «линейка» кругомъ бивака ограничивалась полосою, выложенною камнемъ; также точно отдѣлялись биваки между собою. Въ означенныхъ предѣлахъ располагались правильными рядами палатки нижнихъ чиновъ, а для часовыхъ, дневальныхъ и проч. устраивались соломенные грибки, у которыхъ иногда врываемы были въ землю бочки съ водою для питья. Безлѣсная мѣстность и дороговизна дерева (продававшагося на вѣсъ) были причиной того, что людямъ приходилось спать прямо на землѣ; чтобы сколько нибудь устранить это неудобство, въ полкахъ покупалась подстилка (солома, сѣно, камышъ), составлявшая нероскошную постель для нижнихъ чиновъ. Офицеры помѣщались на бивакахъ въ палаткахъ.

На разныхъ пунктахъ турецкой позиціи виднѣлись болѣе и менѣе значительные лагери, состоявшіе изъ большихъ конусообразныхъ палатокъ. Расположеніе послѣднихъ не отличалось такимъ изяществомъ и правильностью какъ у насъ, и скорѣе напоминало большіе таборы. Если турки почему-либо опасались нападенія на позицію, то разбивали вдоль траншей одиночныя палатки или цѣлыя ихъ групы (для сторожевыхъ частей), которыя, по минованіи опасенія, снова снимались.

Продовольствіе, обмундированіе и снаряженіе войскъ.

Самое трудное время въ продовольственномъ отношеніи для войскъ было на Балканахъ, а затѣмъ во время движенія къ Константинополю; съ приходомъ же въ Санъ-Стефано довольствіе людей хотя обходилось сначала очень дорого и производилось путемъ покупки у частныхъ предпринимателей, разнаго рода аферистовъ-жидовъ и грековъ, нахлынувшихъ изъ Константинополя, тѣмъ не менѣе войска стали, наконецъ, довольствоваться правильно. Приказомъ по дѣйствующей арміи, отъ

9-го мая 1878 года за № 45, подтверждалось предписаніе относительно нормы приварочнаго оклада для всѣхъ частей, находившихся по праву сторону Дуная, а именно окладъ этотъ назначенъ былъ: а) *для войскъ, имѣвшихъ при себѣ порціонный скотъ:* изъ одного фунта мяса, три коп. на разные продукты, $^1/_2$ коп. на чай и $^1/_2$ чарки водки ежедневно на человѣка; б) *для штабовъ и управленій, не имѣющихъ артельнаго хозяйства:* изъ $12^1/_2$ коп. на одинъ фунтъ мяса, $3^1/_2$ коп. на разные продукты, $^1/_2$ коп. на чай и $^1/_2$ чарки водки ежедневно на человѣка.

Хлѣбъ войска, какъ сказано, покупали сначала сами, затѣмъ должны были получать его отъ *«Товарищества по продовольствію дѣйствующей арміи»;* такъ что 27-го апрѣля въ парольномъ приказаніи подтверждалось окончательно о прекращеніи покупки хлѣба на наличныя деньги; такая покупка, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, могла быть производима только по особому разрѣшенію командующаго корпусомъ.

Товарищество дѣйствовало *по 1-е іюня.* Съ этого времени продовольствіе войскъ хлѣбомъ принялъ на себя варшавскій купецъ Меренсъ.

Фуражъ пріобрѣтался войсками на наличныя деньги и обходился очень дорого. Справочныя цѣны подымались до восьми франковъ за пудъ сѣна, что по курсу составляло болѣе трехъ рублей. Но недостатка въ фуражѣ не ощущалось. Нѣкоторые командиры снаряжали на свой страхъ суда и отправляли ихъ за фуражомъ въ Одессу. Такая операція представляла значительную выгоду. Точно также частями покупались цѣлые гурты рогатаго скота, иной разъ въ нѣсколько сотъ головъ, причемъ говядина обходилась около шести рублей за пудъ. Подъ конецъ пребыванія въ Санъ-Стефано, интендантство само часто дѣлало большія заготовки фуража, и войска тогда обязывались принимать его частью въ натурѣ. Всѣми этими мѣрами продовольствіе войскъ было отлично устроено. Люди получали превосходную, обильную пищу; по утрамъ въ нѣкоторыхъ полкахъ выдавался черный кофе (какъ противолихорадочное средство), который люди варили въ своихъ манеркахъ; для уничтоженія вредныхъ свойствъ воды, назначенной для питья, въ бочки клали лимоны.

Любимыя кушанья: щи, гречневка, и проч. также были часты, какъ и на родинѣ. Однимъ словомъ, едва ли можно было что-либо сдѣлать большее въ этомъ отношеніи.

Такъ какъ *обмундированіе* войскъ въ теченіе кампаніи пришло въ высокой степени печальное состояніе, то заботы объ улучшеніи его составляли предметъ особой заботливости въ частяхъ. Еще въ Адріа-

политѣ были исполнены кое-какія починки и сдѣланы были закупки нѣкоторыхъ вещей, какъ, напримѣръ, сапоговъ. Съ приходомъ же подъ Константинополь, люди стали усиленно «чиниться»; покрыли свои прогорѣвшія у костровъ шинели заплатами, подправили сапоги и т. п. Близость Константинополя позволила привести эту часть войсковаго хозяйства въ довольно удовлетворительное состояніе. Впослѣдствіи прибыли, высланные изъ Россіи, мундиры, шаравары, сапоги и проч.; послѣдніе, впрочемъ, оказались въ весьма значительномъ количествѣ маломѣрными.

Такъ какъ одной изъ главныхъ причинъ болѣзненности въ войскахъ была бивачная жизнь, на открытомъ воздухѣ, при рѣзкой перемѣнѣ суточной температуры, то генералъ-адъютантъ Тотлебенъ приказалъ завести фуфайки, которыя и надѣвать на голое тѣло и имѣть на себѣ какъ ночью, такъ и днемъ, не смотря ни на какую жару. Фуфайки были пріобрѣтены частями въ Константинополѣ черезъ комисіонеровъ и принесли войскамъ несомнѣнную пользу. Офицерамъ тоже пришлось позаботиться объ одеждѣ, особенно о брюкахъ, которыя одинаково быстро изнашивались, какъ при верховой ѣздѣ, такъ и при постоянной ходьбѣ.

Изъ Константинополя и Одессы прибыли жиды и подъ навѣсами или въ маленькихъ лачужкахъ устраивали свои незатѣйливыя мастерскія.

Такъ какъ прочность мира не была обезпечена, а обозъ нашъ остался частью по сѣверную сторону Балкановъ, то, въ случаѣ похода, войскамъ пришлось бы бросить часть накопившихся вещей. Вслѣдствіе этого въ парольномъ приказаніи отъ 1-го мая было объявлено требованіе главнокомандующаго, чтобы при выдвинутыхъ впередъ войскахъ оставлены были лишь тѣ тяжести, какія, въ случаѣ выступленія въ походъ, могли быть подняты имѣвшимся на лицо обозомъ.

Поэтому графъ Шуваловъ приказалъ частямъ сдѣлать самые точные разсчеты войсковаго имущества и подъемныхъ средствъ частей и затѣмъ все лишнее, но заслуживающее сохраненія, какъ, напримѣръ, теплую одежду и проч., отправить по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь, при нѣсколькихъ слабосильныхъ нижнихъ чинахъ отъ каждаго полка и одного унтеръ-офицера отъ дивизіи. Вещи эти были сложены въ нѣсколькихъ мечетяхъ Адріанополя и находились подъ общимъ наблюденіемъ жандармскаго унтеръ-офицера. Вещи каждой части хранились отдѣльно.

Шанцевый инструментъ, который такъ часто нуженъ былъ намъ въ теченіе кампаніи, но котораго мы слишкомъ мало имѣли, пришелъ, подъ конецъ, въ совершенную почти негодность. Уже 7-го

апрѣля предписано было принять изъ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона *пять тысячъ лопатъ*, отпущенныхъ на гвардейскій корпусъ; причемъ назначено было по восьми лопатъ на батарею, по четыре на эскадронъ, и затѣмъ остающееся число распредѣлялось поровну между всѣми ротами пѣхоты, такъ что на каждую изъ нихъ приходилось по 22 лопаты. Впослѣдствіи мы получили еще «малый инструментъ», но испытать его въ работѣ намъ не пришлось.

Извѣстно, какую службу сослужили во время кампаніи нашимъ войскамъ *палатки*. Въ нихъ солдатъ искалъ защиты не только отъ непогоды, но и пользовался ими для переноски своего походнаго добра и обворачивался ими во время холода и дождей; подчасъ палатка замѣняла и головной уборъ. Понятно послѣ этого, въ какомъ видѣ онѣ оказались по приходѣ нашемъ въ Санъ-Стефано. Сначала, когда погода была еще довольно холодная и дождливая, войска помѣщались, большею частью по необходимости, на квартирахъ (чуть не цѣлыя роты въ одномъ дворѣ — лишь бы было гдѣ обогрѣться и высушиться), но потомъ, когда стали на биваки, недостатокъ въ палаткахъ до такой степени былъ ощутителенъ, что, напримѣръ, для Преображенскаго полка пришлось пріобрѣсти у турецкаго правительства 200 палатокъ.

13-го апрѣля было объявлено въ парольномъ приказаніи, чтобы войска вошли съ законными требованіями отъ отпускѣ палатокъ, такъ какъ полевое интендантское управленіе сообщило, что въ части войскъ дѣйствующей арміи будетъ отпущено походныхъ палатокъ на $^2/_3$ штатнаго состава. 18 го апрѣля началась уже на желѣзно-дорожной станціи пріемка палатокъ, какъ офицерскихъ, такъ и для нижнихъ чиновъ, и вскорѣ войска были обезпечены этимъ важнымъ предметомъ походнаго снаряженія.

Организація разстроенной за походъ перевозочной части сначала, въ виду предполагавшагося возвращенія въ Россію, не могла имѣть особеннаго значенія. Какъ предполагалось сначала поступить въ этомъ случаѣ съ повозками и лошадьми, видно отчасти изъ приказа по отряду генералъ-адъютанта Гурко отъ 7-го февраля.

А именно начальникъ отряда, вслѣдствіе приказанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, предписывалъ начальнику артилеріи отряда, чтобы при дивизіонахъ пѣшей артилеріи, находившихся при войскахъ, оставить: въ конной артилеріи по шести, а въ пѣшей по восьми зарядныхъ ящиковъ. Что же касается лошадей, то, сверхъ необходимыхъ для запряжки орудій и ящиковъ, а также состоявшихъ при дивизіонахъ обозовъ, оставить запасныхъ лошадей по положенію. Затѣмъ, всѣхъ лошадей, оказавшихся излишними, приказано

было собрать въ одну общую команду и отправить обратно въ Орханiэ. Что касается полковаго обоза, то, во избѣжанiе излишнихъ расходовъ въ войскахъ, которыя должны были перевозиться моремъ, предполагалось число строевыхъ артилерiйскихъ и подъемныхъ лошадей уменьшить до штатовъ мирнаго времени, а всѣхъ излишнихъ противъ означенной нормы продать въ мѣстахъ посадки войскъ. Казенный обозъ предполагалось перевезти весь. Но вслѣдствiе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ пришлось энергически приняться за устройство перевозочной части въ войскахъ.

Приступлено было къ покупкѣ лошадей черезъ частныхъ комисiонеровъ; что же касается обоза, то комисiя, подъ предсѣдательствомъ графа Шувалова, признала крайне необходимымъ имѣть въ каждомъ полку слѣдующее число повозокъ: два лазаретныхъ фургона, одну аптечную одноколку, двѣ медицинскихъ повозки, 12 патронныхъ ящиковъ, 17 облегченныхъ повозокъ, 10 офицерскихъ повозокъ, одну казначейскую, одну для казны и письменныхъ дѣлъ, одну инструментальную и восемь провiантскихъ.

По свѣдѣнiямъ къ 24-му марта, на это число повозокъ имѣлось въ полкахъ корпуса 1,649 лошадей и не доставало (съ запасными) 426.

Въ виду предполагавшагося въ началѣ марта возвращенiя войскъ на родину было сдѣлано распоряженiе о сборѣ обозовъ, оставшихся за Балканами, и объ отправленiи ихъ въ Румынiю; для чего уже командированы были отъ 1-й и 3-й гвардейскихъ дивизiй особые офицеры; отъ другихъ же частей, вслѣдствiе прiостановки возвращенiя войскъ, командировка офицеровъ была задержана.

Впослѣдствiи, 7-го aпрѣля, предписано всѣмъ начальникамъ частей принять мѣры, по своему усмотрѣнiю, или къ отправленiю оставшихся за Балканами обозовъ въ Румынiю (въ Зимницу) или къ присоединенiю ихъ къ своимъ частямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для возки за пѣхотою нѣкоторой части патроновъ, сверхъ 60 штукъ на человѣка, приказано было завести, на хозяйственныя средства частей, вьюки, не менѣе одного на баталiонъ; лошадей для вьюковъ предполагалась назначить изъ числа запасныхъ.

Всѣми этими мѣрами перевозочная часть въ войскахъ приведена была постепенно въ порядокъ. Что касается офицеровъ, то въ случаѣ похода имъ пришлось бы бороться съ однимъ важнымъ затрудненiемъ. Вслѣдствiе дороговизны фуража, почти всѣ офицеры распродали своихъ вьючныхъ лошадей,ословъ (магаровъ или, какъ солдаты ихъ называли—макаровъ) и верблюдовъ. Такъ какъ въ окрестностяхъ Санъ-

Стефано невозможно было пріобрѣсти необходимаго числа этихъ животныхъ, то приходилось опять возложить надежды на судьбу, которая уже одинъ разъ такъ щедро снабдила насъ (послѣ Дубняка и Телиша) вьюками.

Для читателя, незнакомаго практически съ условіями войны, вышеупомянутое обстоятельство можетъ казаться несущественнымъ, принявъ во вниманіе, что во всѣхъ частяхъ существуютъ для перевозки офицерскихъ вещей отличныя повозки облегченнаго образца. Такимъ образомъ, казалось бы, что офицеры обезпечены относительно доставки имъ на бивакъ всего необходимаго. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ движенія, т. е. превосходной дорогѣ, хорошей погодѣ, незначительной числительности колонны и проч., если при отрядѣ имѣется исключительно колесный обозъ, то, двигаясь въ хвостѣ колонны, онъ не можетъ своевременно прибыть на привалъ; вьюки же всегда проберутся гдѣ нибудь по обочинамъ дороги, тутъ же, по пути, захватятъ воды и не пройдетъ получаса, какъ чайники закипятъ и офицеръ можетъ согрѣться и подкрѣпиться для дальнѣйшаго пути. На ночлегахъ тоже самое. Пока части расходятся по назначеннымъ мѣстамъ, вьюки, какъ муравьи, снуютъ между ними, разбираются и пристраиваются куда слѣдуетъ, такъ что офицерамъ не приходится тратить и отнимать у отдыха драгоцѣнное время, томительно ожидая прибытія вещей. Можно думать, что, дѣйствуя на другомъ театрѣ войны, гдѣ пути сообщенія находятся въ лучшемъ состояніи, мы менѣе ощущали бы потребность во вьючномъ офицерскомъ обозѣ. Но это несправедливо. Отъ Софіи до Адріанополя мы двигались по превосходному шоссе, тѣмъ не менѣе колесный обозъ отставалъ, что и должно всегда случаться, по самой сущности дѣла, при движеніи сколько нибудь значительнаго отряда. Притомъ, какъ бы ни были хороши пути сообщенія, но, во-первыхъ, при движеніи цѣлыхъ армій, они непремѣнно испортятся; во-вторыхъ, никто не воспретитъ, напримѣръ, непріятелю взорвать при отступленіи мосты (что мы испытали), перерѣзать въ извѣстныхъ мѣстахъ дорогу канавами и проч.; при дурной же погодѣ, дороги, какъ бы онѣ хороши не были, въ военное время легко дѣлаются непроходимыми. По совѣту одного изъ нашихъ генераловъ, нѣкоторые изъ начальниковъ частей завели вмѣсто вьюковъ легкія одноколки. Дѣйствительно, эти повозочки обладаютъ замѣчательной подвижностью, но я самъ видѣлъ, какъ во время нашего перехода черезъ Великіе Балканы одноколки, вслѣдствіе узкости полотна дороги, проходившей по карнизу надъ пропастью, принуждены были по цѣлымъ часамъ стоять позади двигавшихся впереди ихъ орудій въ то время, какъ вьюки пробира-

лись впередъ по кручамъ. Изъ сказаннаго, полагаю, можно вывести заключеніе, что кромѣ повозокъ для перевозки, такъ сказать, фонда офицерскихъ вещей, въ каждомъ баталіонѣ, батареѣ, эскадронѣ и пр. должно бы состоять, по штату, извѣстное число вьюковъ, которые и сопровождаютъ непосредственно свои части. Читатель при этомъ долженъ имѣть въ виду, что нашъ солдатъ имѣетъ все необходимое при себѣ (въ ранцѣ, мѣшкѣ и пр.), офицеръ же безъ обоза—лишенъ даже глотка чаю, и долженъ оставаться подъ открытымъ небомъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, когда окончательно рѣшено было наше возвращеніе на родину, начальникъ полеваго штаба, въ циркулярномъ отзывѣ, объявилъ указанія относительно лошадей обоза и матеріальнаго имущества войскъ возвращавшихся на родину. А именно:

I. *О лошадяхъ*.

«1) Войска, возвращающіяся въ Россію моремъ или по желѣзнымъ дорогамъ, обязаны имѣть при себѣ лошадей:

«а) Въ *кавалеріи*—всѣхъ наличныхъ годныхъ строевыхъ лошадей, которыя состоятъ у нихъ въ настоящее время на лицо, хотя бы при этомъ оказался сверхъ комплектъ, за исключеніемъ брака, подлежащаго продажѣ на основаніи приказанія по арміи за № 49; продажа эта должна быть произведена до выступленія частей изъ пунктовъ настоящаго ихъ расположенія.

«б) Въ *артилеріи*—строевыхъ и артилерійскихъ лошадей по штатамъ. опредѣленнымъ для обыкновеннаго мирнаго времени.

«в) Въ *инженерныхъ войскахъ* лошадей строевыхъ и артилерійскаго сорта, полагаемыхъ по штатамъ мирнаго времени.

«г) *Подъемныхъ*—во всѣхъ родахъ оружія: пѣхотѣ, кавалеріи, артилеріи и инженерныхъ войскахъ по штатамъ кадровой запряжки.

«2) *Войска, возвращающіяся въ Россію обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ,* обязаны двинуться со всѣми состоящими у нихъ на лицо строевыми, артилерійскими, подъемными и артельными лошадьми, до пунктовъ посадки ихъ на желѣзныя дороги.

«(3 п. относится до войскъ, оставленныхъ для окупаціи).

«4) Обратить особое вниманіе на то, чтобы при сортировкѣ лошадей, о чемъ сказано будетъ ниже, оставлялись бы въ войскахъ лошади лучшихъ качествъ, соотвѣтственныхъ возрастовъ, и вообще чтобы не встрѣтилось какихъ либо затрудненій или неудобствъ впослѣдствіи, при обыкновенномъ годовомъ ремонтированіи конскаго состава, причемъ въ кавалеріи и артилеріи браковка лошадей должна быть произведена на основаніи приложенія къ 410 ст. кн. IV ч. IV Св. Воен. Пост. 1859 г. по VI прод.

«5) Начальникамъ отдѣльныхъ частей тщательно осмотрѣть всѣхъ состоящихъ на лицо казенныхъ лошадей и всѣхъ лучшихъ изъ нихъ оставить

войскамъ до полнаго числа, положенныхъ имъ по штату, согласно съ пунктами б, в, г и д статьи 1-й сего приказанія.

«6) Изъ оставшихся засимъ въ излишкѣ лошадей разрѣшается начальникамъ отдѣльныхъ частей продать, на мѣстахъ стоянки, негодныхъ подъемныхъ лошадей, въ томъ количествѣ, которое признаютъ возможнымъ, но съ тѣмъ чтобы при этомъ не встрѣтилось затрудненія въ движеніи обоза къ пунктамъ посадки. Продажу съ аукціона или по вольнымъ цѣнамъ, что будетъ выгоднѣе, произвести на основаніи установленныхъ правилъ, а деньги вырученныя отъ продажи лошадей сдать въ ближайшія полевыя казначейства.

«О числѣ излишнихъ годныхъ подъемныхъ лошадей въ каждой дивизіи артилерійской, саперной или стрѣлковой бригадѣ, сообщить полевому штабу по телеграфу.

«7) Войска, возвращающіяся въ Россію моремъ, двигаются до пунктовъ посадки ихъ на суда, со всѣми имѣющимися у нихъ казенными лошадьми, за исключеніемъ тѣхъ, которыя за негодностью будутъ проданы согласно ст. 6-й.

«8) Генералы, штабъ и оберъ-офицеры и класные чины могутъ брать съ собою всѣхъ собственныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей въ размѣрѣ, опредѣленномъ для нихъ табелью при приказѣ по воен. вѣд. 1876 года № 342 и послѣдующими дополненіями; но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ разрѣшается, буде пожелаютъ, продать своихъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, излишнихъ противу штатовъ мирнаго времени, причемъ сохранить за ними право на полученіе фуражнаго довольствія полностью, по положенію 11-го ноября 1876 г., впредь до возвращенія на свои квартиры внутри Россіи и объявленія о приведеніи ихъ на мирное положеніе. О числѣ собственныхъ офицерскихъ лошадей, которыхъ офицеры пожелаютъ взять съ собою въ Россію, сообщить полевому штабу, отъ дивизіи или артилерійскихъ, стрѣлковыхъ и саперныхъ бригадъ письменно или по телеграфу, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы свѣдѣнія эти были получены въ полевомъ штабѣ не позже, какъ за пять дней до посадки.

«Въ свѣдѣніяхъ показывать число лошадей отдѣльно въ каждой части.

«9) По доставкѣ обоза къ пристанямъ, лошадей, излишествующихъ противу положенныхъ для перевозки моремъ вмѣстѣ съ войсками, сдавать съ недоуздками и коновязями въ особыя пріемныя комисіи, учрежденныя для сего въ портахъ посадки. Объ открытіи этихъ комисій будетъ сообщено дополнительно.

«10) Лошади должны сдаваться въ комисію отъ каждой части особо. Сдача должна производиться по краткимъ описямъ, которыя должны быть заготовлены на мѣстахъ стоянки, въ двухъ экземплярахъ, за подписью командира части; на экземплярѣ, возвращаемомъ сдатчикомъ обрато въ свою часть, должна быть росписка предсѣдателя комисіи въ пріемѣ лошадей; другой же экземпляръ оставляется въ пріемной комисіи.

«(11 п. относится до войскъ, остающихся на окупаціи).

II. *О матеріальномъ имуществѣ.*

«1) Состоящій при войскахъ дѣйствующей арміи обозъ, какъ возвращающихся въ Россію, такъ и остающихся въ окупаціи, долженъ быть сохраненъ въ полномъ своемъ составѣ. Начальникамъ дивизій и лицамъ, равнымъ имъ по власти, обратить особое вниманіе на самое точное и скорѣйшее приведеніе въ исполненіе правилъ о войсковомъ обозѣ, объявленныхъ въ приказаніи по войскамъ дѣйствующей арміи за № 114.

«2) Тѣмъ же начальникамъ обратить вниманіе на приведеніе въ полную исправность этого обоза, на получаемый войсками годовой ремонтъ, и въ случаѣ недостаточноети этого отпуска, прибѣгать къ помощи экономическихъ средствъ частей.

«3) Привести также въ полную исправность обозъ подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ. Для покрытія расходовъ, вызываемыхъ починкою его, съ цѣлью сбереженія времени, обращать экономическія средства сихъ заведеній и въ то же время войти по командѣ, кому на то предоставлено право, съ ходатайствомъ объ отпускѣ авансовъ, установленныхъ для сей цѣли (пунк. 162 Пол. о вещ. интенд. довольствіи, объявленнаго при приказѣ по Воен. вѣд. 1875 г. № 200), если экономическихъ средствъ врачебныхъ заведеній окажется недостаточно.

«4) Казенный обозъ, сбруя и прочее годное казенное имущество корпусныхъ казначействъ, интендантствъ, полевыхъ почтовыхъ отдѣленій и дивизіонныхъ интендантствъ, слѣдуетъ перевезти въ Россію вмѣстѣ съ корпусными и дивизіонными штабами, при которыхъ поименованныя выше учрежденія состоятъ; такъ какъ имущество этихъ учрежденій, по ихъ расформированіи, предполагается хранить по описи при соотвѣтствующихъ корпусныхъ и дивизіонныхъ штабахъ.

«5) Изъ артельнаю обоза (нижнихъ чиновъ) взять съ собою только тѣ повозки и телѣги, которыя вполнѣ прочны, на желѣзныхъ осяхъ и имѣютъ желѣзныя оковки.

«6) Обозъ, составляющій личную собственность офицеровъ и класныхъ чиновъ, подлежитъ къ перевозкѣ въ Россію (моремъ или по желѣзнымъ дорогамъ) на счетъ казны, но при условіяхъ:

«а) чтобы количество этого обоза не превышало установленнаго положеніемъ 11-го ноября 1876 г. и послѣдовавшихъ къ нему дополненій;

«б) чтобы къ перевозкѣ допускались только совершенно годныя къ употребленію экипажи и повозки, причемъ неудовлетворяющія этимъ условіямъ не будутъ принимаемы на суда и желѣзныя дороги.

«7) Все состоящее при войскахъ оружіе, боевые припасы и шанцевый инструментъ должны быть взяты войсками, возвращающимися въ Россію, полностію. Изъ имущества же интендантскаго и госпитальнаго войска обязаны взять съ собою только то, что не выслужило положенныхъ сроковъ.

Никакихъ вещей, выслужившихъ уже срокъ, принимаемо къ перевозкѣ водою и по желѣзнымъ дорогамъ на счетъ казны не будетъ.

«8) Относительно вещей, хранящихся въ тыльныхъ складахъ, учрежденныхъ приказаніемъ по арміи отъ 15-го мая сего года № 52, слѣдуетъ въ точности руководствоваться правилами, изложенными въ приказаніи отъ 1-го сего іюля № 113.

«9) Всѣ распоряженія по приведеніи въ исполненіе всего изложеннаго въ настоящемъ отзывѣ, въ отношеніи пѣхоты и кавалеріи, Главнокомандующій возлагаетъ на командующаго корпусомъ; все же, относящееся до артилеріи и инженерныхъ войскъ, будетъ приведено въ исполненіе начальниками артилеріи и инженеровъ арміи по принадлежности».

Инструкція для сдачи излишнихъ лошадей, остающихся отъ войскъ, отправляемыхъ моремъ.

«1) Пѣхота, кавалерія и инженерныя войска, подходящія къ пристанямъ для посадки, сдаютъ излишнихъ подъемныхъ лошадей противу числа опредѣленнаго для перевозки съ войсками моремъ—особымъ комисіямъ, учрежденнымъ въ слѣдующихъ пунктахъ: *Бургасъ, С.-Стефано, Беюкъ-Чекмеджи, Эрекли* и *Родосто.*

«2) Каждая комисія состоитъ изъ четырехъ офицеровъ, члена отъ главнаго контроля и ветеринара, подъ предсѣдательствомъ особаго штабъ-офицера. Ближайшее наблюденіе за успѣшнымъ исполненіемъ всего изложеннаго на комисію, внутреннимъ устройствомъ командъ нижнихъ чиновъ при лошадяхъ и разрѣшеніе разныхъ вопросовъ, могущихъ возникнуть впослѣдствіи, возложено на начальника 9-й кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенанта Лошкарева.

«3) При лошадяхъ, сдаваемыхъ отъ частей войскъ, должны быть оставлены люди по разсчету одного человѣка на каждыхъ трехъ лошадей; сверхъ того, запасныхъ людей по одному на каждыхъ десять человѣкъ и по три унтеръ-офицера отъ каждаго полка и по одному унтеръ-офицеру отъ каждаго отдѣльнаго баталіона. Для завѣдыванія этими людьми отъ каждаго полка и стрѣлковой бригады назначается одинъ офицеръ; завѣдываніе командами отъ одной дивизіи поручается старшему изъ этихъ офицеровъ.

«4) Ближайшему начальству озаботиться снабженіемъ командъ, оставленныхъ при лошадяхъ, деньгами для продовольствія не менѣе какъ на одинъ мѣсяцъ, провіантомъ и приварочными продуктами не менѣе какъ на восемъ дней. Дальнѣйшее же довольствіе командъ провіантомъ, по требованіямъ отъ предсѣдателя комисій, возлагается на полевое интендантство. Довольствіе командъ должно производиться не иначе какъ изъ когла, для чего команды должны быть снабжены отъ своихъ частей всѣми необходимыми для сего предметами. Для перевозки всего имущества этихъ командъ, въ случаяхъ ихъ передвиженій, отъ пристаней и для вседневныхъ надоб-

ностей, распоряженіемъ полеваго интенданта назначить по двѣ повозки отъ интендантскаго транспорта, въ вѣдѣніи каждой компаніи.

«5) Фуражъ для лошадей долженъ быть оставленъ войсками въ пятидневной пропорціи. Дальнѣйшій отпускъ фуража будетъ производиться интендантствомъ по требованіямъ предсѣдателя комисіи, причемъ, для упрощенія разсчетовъ, при составленіи требованій и отчетовъ по фуражному довольствію, по приказанію Главнокомандующаго, взамѣнъ установленныхъ табелью фуражнаго довольствія дневныхъ дачъ зерноваго фуража и сѣна по разрядамъ, установить одинъ общій размѣръ дневной дачи, для всѣхъ безъ исключенія лошадей, а именно въ день: два гарнца овса и 15 фунтовъ сѣна.

«Лошадей сдавать съ недоуздками и коновязями съ кольями, безъ расходовъ для сего отъ казны: для чистки ихъ должны быть даны отъ войскъ на каждыя три лошади скребница и щетка.

«6) Размѣщеніе людей и лошадей въ названныхъ выше портахъ возлагается на предсѣдателей комисій, для чего имъ обращаться къ комендантамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—къ старшимъ начальникамъ войскъ, расположенныхъ въ пунктахъ посадки.

«7) Комисіи принимаютъ отъ войскъ прибывающихъ для посадки, всѣхъ излишнихъ противу опредѣленнаго для нихъ числа подъемныхъ лошадей, безъ брака, по представляемымъ сдатчиками краткимъ описямъ, форма коихъ при семъ прилагается.

«8) Въ пріемѣ лошадей выдаются сдатчикамъ росписки на описяхъ, второй экземпляръ коихъ, подписанный командиромъ части, оставлять въ комисіи.

«9) Для пріема лошадей, штабы 4-го и 9-го корпусовъ и болгарскаго земскаго войска высылаютъ пріемщиковъ офицеровъ съ командами нижнихъ чиновъ по разсчету одного человѣка на каждыхъ двухъ лошадей. О времени, къ которому высылать пріемщиковъ, будетъ сообщено полевымъ штабомъ по телеграфу подлежащимъ штабамъ.

10) Изъ числа сдаваемыхъ войсками въ комисію лошадей отобрать лучшихъ для пополненія ими недостающихъ до опредѣленнаго штата лошадей въ частяхъ войскъ остающихся въ окупаціи и въ болгарскомъ земскомъ войскѣ. Число лошадей, которое должно быть передано каждою изъ комисій для пополненія этихъ частей и болгарскаго земскаго войска, будетъ назначено полевымъ штабомъ и своевременно сообщено штабамъ 4-го и 9-го корпусовъ и болгарскаго земскаго войска, а также комисіямъ.

«11) Порядокъ продажи лошадей будетъ установленъ генералъ-лейтенантомъ Лошкаревымъ; о томъ же, какъ поступать съ тѣми, которыя не будутъ распроданы, послѣдуетъ особое распоряженіе.

«12) Для пріема, распредѣленія и отправленія излишнихъ артилерійскихъ и подъемныхъ лошадей въ артилерійскихъ частяхъ дѣйствующей ар-

міи будутъ сформированы особыя комисіи по непосредственному распоряженію начальника артилеріи арміи.

«13) Офицеры и нижніе чины, оставленные частями войскъ, отправившимися въ Россію при лошадяхъ, будутъ отправляться, для присоединенія къ своимъ частямъ, по мѣрѣ освобожденія ихъ вслѣдствіе продажи лошадей, по сношенію предсѣдателей комисій съ офицерами, наблюдающими за отправленіемъ войскъ въ портахъ.

Войсковая жизнь.—Санитарное состояніе гвардейскаго корпуса.

Прежде всего нѣсколько словъ о командной части. Въ приказѣ по отряду отъ 7-го февраля генералъ-адъютантъ Гурко, вслѣдствіе приказанія Его Высочества, предписалъ вступить во временное командованіе гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютанту графу Шувалову. Въ приказѣ же отъ 6-го марта начальникъ нашего отряда, по случаю расформированія послѣдняго, прощался съ ближайшими своими сотрудниками—чинами отряднаго штаба и ординарцами.

Затѣмъ Его Высочество Главнокомандующій, по случаю постоянной болѣзни, тоже долженъ былъ отъѣхать въ Россію и сдать армію новому главнокомандующему, генералъ-адъютанту Тотлебену. По случаю дня рожденія Его Императорскаго Величества, а также отъѣзда Его Высочества, войскамъ, собраннымъ подъ Константинополемъ, назначенъ былъ 17-го апрѣля парадъ. Въ парадѣ приняли участіе слѣдующія части: 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи съ артилеріею, гвардейская Стрѣлковая бригада, лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, Гвардейскій экипажъ, полки лейбъ-гвардіи Уланскій, Драгунскій, казачій Его Величества, Уральская сотня, съ конной артилеріей, и части отряда генерала Скобелева 2-го: 4-я Стрѣлковая бригада и 16-я пѣхотная дивизія съ артилеріею. Войска были построены у чифтлика Ай-Стефано, верстахъ въ $1^1/_2$ отъ Санъ-Стефано, причемъ впереди находилась пѣхота, въ полковыхъ колоннахъ справа, за нею пѣшая артилерія и затѣмъ кавалерія съ конной артилеріей. Около 12 часовъ дня Его Высочество, привѣтствуемый криками «ура», объѣхавъ войска по фронту, изволилъ вызвать передъ 3-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка начальниковъ частей, до баталіонныхъ командировъ включительно. Тамъ Его Высочество изволилъ прочесть депешу Государя Императора съ увѣдомленіемъ о пожалованныхъ Его Величествомъ частямъ войскъ новыхъ отличіяхъ и преимуществахъ. Въ отвѣтъ по всѣмъ рядамъ раздалось «ура», полетѣли кверху шапки. Послѣ того Его Высочество, объявивъ, что долженъ проститься съ войсками и пе-

редать начальствованіе надъ ними другому главнокомандующему, замѣтилъ, обращаясь къ гвардіи, что онъ выполнилъ свое обѣщаніе держать ее во время кампаніи впереди, а не въ резервѣ, и затѣмъ изволилъ сказать, что онъ счастливъ, видя, какъ его труды и занятія съ гвардейцами пошли имъ впрокъ, проявившись въ блистательныхъ подвигахъ нынѣшней кампаніи.

Послѣ того начался церемоніальный маршъ. Пѣхота проходила сомкнутыми баталіонными колоннами; кавалерія по-экскадронно. Въ головѣ двинулись преображенцы, затѣмъ семеновцы и т. д. За гвардіей прошла геройская 4-я Стрѣлковая бригада, обезсмертившая себя уже въ первомъ забалканскомъ походѣ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко. Небольшіе ростомъ и въ слабомъ составѣ отъ боевыхъ потерь, храбрые стрѣлки были предметомъ общаго вниманія. За ними прослѣдовала знаменитая 16-я дивизія и затѣмъ кавалерія. Великій Князь благодарилъ всѣ части, по мѣрѣ ихъ прохожденія, и нашелъ войска въ блистательномъ состояніи. По окончаніи парада, всѣ офицеры, бывшіе на коняхъ, провожали Его Высочество къ занимаемому имъ дому и затѣмъ на пристань къ пароходу.

Передъ отъѣздомъ, Его Высочество простился съ побѣдоносною арміею въ слѣдующемъ приказѣ:

«По волѣ Государя Императора Я отъѣзжаю изъ арміи и передаю командованіе надъ нею генералъ-адъютанту *Тотлебену*, которому и вступить въ отправленіе должности главнокомандующаго съ 17-го числа сего апрѣля.

«Доблестныя войска дѣйствующей арміи!

«Семнадцать мѣсяцевъ переживалъ Я съ вами труды и лишенія походной жизни, а ровно годъ опасности и славу боеваго похода.

«Въ теченіе этого времени Я былъ свидѣтелемъ того беззавѣтнаго выполненія всѣми чинами арміи долга, среди самой тяжелой обстановки похода, и той безпримѣрной храбрости и самопожертвованія, которыя на вѣки составятъ гордость всей земли Русской.

«Не разъ высказывалъ Я и Мою задушевную благодарность, и Мое удивленіе вамъ—войска дѣйствующей арміи.

«Съ болью въ сердцѣ разстаюсь Я съ вами, Мои дорогіе боевые сотоварищи, и еще разъ считаю Своимъ священнымъ долгомъ выразить всѣмъ вамъ Мою сердечную благодарность за вашу многотрудную и полную славы и гордости для всей Россіи службу.

«Безконечно благодарю васъ, Мой ближайшій помощникъ, начальникъ штаба арміи генералъ-адъютантъ *Непокойчицкій*. Вы принимали участіе умомъ, сердцемъ и неутомимымъ трудомъ во всѣхъ Моихъ соображеніяхъ и рѣшеніяхъ самыхъ важныхъ вопросовъ. Вы неустанно помогали Мнѣ своимъ боевымъ опытомъ, основательностію и твердостію своихъ соображе-

нiй и, не смотря на ваши годы и усталость, проводили безсонныя ночи надъ разработкою всѣхъ Моихъ рѣшенiй. Нѣтъ того отдѣла управленiя армiи, въ которой бы вы не внесли вашей плодотворной дѣятельности. Вы помогали Мнѣ во всемъ, вы берегли Меня, вы берегли всю армiю.

«Сердечно благодарю начальника артилерiи, генералъ-адъютанта *князя Масальскаго*, за его неутомимую распорядительность, благодаря которой никогда, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, войска не оставались безъ должнаго и обильнаго снабженiя боевыми припасами.

«Искренно благодарю начальника инженеровъ армiи, генералъ-маiора *Деппа*, за его распорядительность и мужество, въ особенности при проводѣ моста подъ огнемъ непрiятельской крѣпости, и тѣмъ обезпечившаго самое важное предпрiятiе—переправу черезъ Дунай, и поддерживавшаго постоянное черезъ него сообщенiе во всю кампанiю.

«Искренно благодарю васъ за неутомимую и безупречную дѣятельность, инспекторъ госпиталей, генералъ-маiоръ *Косинскiй*, военный медицинскiй инспекторъ, дѣйствительный статскiй совѣтникъ *Приселковъ*, весь медицинскiй персоналъ и всѣ чины общества «Краснаго Креста». Я былъ личнымъ свидѣтелемъ того, что, благодаря вамъ, цѣлыя массы раненыхъ и больныхъ получали всю ту помощь, какую только могла дать человѣческая дѣятельность.

«Искренне благодарю полеваго интенданта армiи, тайнаго совѣтника *Россицкаго*, который, хотя и принялъ управленiе интендантствомъ въ срединѣ кампанiи, но своею неутомимою дѣятельностiю успѣлъ обезпечить армiю всѣмъ необходимымъ, въ то время, когда военныя операцiи шли съ необыкновенною быстротою и въ самое суровое время года.

«Искренне благодарю полеваго казначея армiи, тайнаго совѣтника *Кидошенкова*, который поставилъ въ совершенно правильное положенiе новое учрежденiе и съумѣлъ съ наибольшимъ удобствомъ для войскъ обезпечивать ихъ своевременно всѣми видами денежнаго довольствiя.

«Благодарю всѣхъ чиновъ гражданскаго управленiя, которые въ незнакомой странѣ, во время хода военныхъ операцiй, учреждали порядокъ въ занятыхъ мѣстностяхъ и вводили спокойствiе въ мѣстахъ только что вышедшихъ изъ броженiя народныхъ и религiозныхъ страстей.

«Благодарю всѣхъ начальниковъ прочихъ отдѣловъ главныхъ управленiй армiи,—вы всѣ несли посильный трудъ на благо армiи.

«Душевно благодарю всѣхъ чиновъ Моего полеваго штаба и чиновъ главныхъ управленiй армiи за ихъ честную и неутомимую дѣятельность во все время кампанiи.

«Безконечная сердечная благодарность вамъ, Мои боевые сотрудники, гг. начальники отрядовъ и командиры корпусовъ:

«Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ—блистательно командовавшiй Рущукскимъ и затѣмъ восточнымъ отрядомъ.

«Его Императорское Высочество **Великій Князь Владиміръ Александровичъ**, славно командовавшій 12-мъ армейскимъ корпусомъ. Генералъ-адъютанты: *Тотлебенъ*, *Гурко*, *Радецкій*, *Дрентельнъ*, *Дондуковъ-Корсаковъ*, *графъ Шуваловъ* и *Ванновскій*; генералы отъ инфантеріи: *Криденеръ*, *Ганецкій* и *Зотовъ*; генералъ-лейтенанты: *Циммерманъ*, *Шаховской* и *Скобелевъ 2-й*. Вы своею распорядительностію и мужествомъ вели войска къ побѣдамъ, прославившимъ русское оружіе, и вамъ именно армія обязана своими успѣхами и славою.

«Искренне благодарю всѣхъ начальниковъ дивизій, бригадныхъ, полковыхъ командировъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей, всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, за ихъ примѣрную во всѣхъ отношеніяхъ службу.

«Особенное, сердечное и искреннее спасибо тебѣ, русскій солдатъ; ты не зналъ ни преградъ, ни лишеній, ни опасности. Безропотно, безостановочно шелъ ты въ грязи и въ снѣгу, въ жару и холодъ, черезъ рѣки и пропасти, черезъ долы и горы и безстрашно бился съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ ни встрѣтился. Для тебя не было невозможнаго на пути, который тебѣ указывалъ начальникъ.

«Тебѣ честь, тебѣ слава, добытыя кровью и потомъ Россіи, бившейся за освобожденія угнетенныхъ христіанъ.

«Я горжусь и всегда буду гордиться тѣмъ, что Мнѣ пришлось командовать такою славною арміею.

«Только надломленное здоровье Мое принуждаетъ Меня оставить васъ ранѣе общаго возвращенія на родину.

«Но, разставаясь съ вами, Я счастливъ, что, по волѣ Государя Императора, передаю васъ въ мощныя руки славнаго героя Севастополя и Плевны генералъ-адъютанта *Тотлебена*.

«Если понадобится снова вести васъ въ бой, онъ поведетъ васъ къ побѣдамъ, а вы съ своей стороны дадите ему всю ту беззавѣтную рѣшимость и мужество, которыя проявили во все время Моего командованія, и которымъ удивлялась вся Россія и весь міръ.

«Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и сотняхъ».

Подписалъ: Главнокомандующій дѣйствующею арміею Генералъ-Инспекторъ по Инженерной части и всей Кавалеріи
Николай.

Войсковая жизнь въ теченіе шести мѣсяцевъ подъ Константинополемъ, въ нравственномъ отношеніи, какъ я говорилъ, была самымъ мучительнымъ, тяжелымъ временемъ за весь періодъ кампаніи. Неопредѣленность положенія дѣйствовала особенно тяжело.

Вялые, апатичные люди ходили, шлялись безъ дѣла, тщетно ища чѣмъ нибудь развлечься; да и дѣло всякое вываливалось изъ рукъ. По-

года въ теченіе февраля, марта и апрѣля была довольно измѣнчива; послѣ теплыхъ, почти жаркихъ дней наступили холода, сильные вѣтры, проливные дожди, продолжавшіеся цѣлыя недѣли. Почва, состоявшая изъ какой-то рыхлой глины, при малѣйшемъ дождѣ, превращалась въ невылазную грязь, особенно на бивакахъ. Часто на косогорахъ встрѣчались трясины, образуемыя подземными ключами, и палатки, разбитыя въ сухое время, оказывались, при первомъ дождѣ, посреди маленькихъ озеръ.

Наступившіе съ мая мѣсяца жары особенно были невыносимы на бивакахъ, въ маленькихъ душныхъ палаткахъ. При мертвой неподвижности воздуха и палящихъ лучахъ солнца, когда слышно лишь жужжаніе миріадъ насѣкомыхъ, всякое движеніе становилось утомительнымъ, а работа, въ средніе часы дня, просто невозможной. Уже въ 6 часовъ утра наступала такая жара, что всякій сонъ исчезалъ и необходимо было подниматься. Люди, оставаясь въ одномъ бѣльѣ и лежа неподвижно въ палаткахъ, обливались потомъ съ головы до ногъ. Лошади, въ капорахъ, надѣтыхъ на головы, во избѣжаніе солнечныхъ ударовъ, (чему бывали примѣры), уныло стояли, склонивъ шеи, ничего почти не ѣли и лишь лѣниво отмахивались отъ мухъ. Ученья и работы производились до 10 часовъ утра и съ 4 часовъ пополудни. Промежуточное время—тягостное томленіе подъ вліяніемъ зноя. Съ закатомъ солнца картина быстро измѣнялась: люди постепенно выходили изъ палатокъ; кое-гдѣ образовывались групы, затягивались любимыя пѣсни, и не задолго до того мертвый бивакъ принималъ бойкій, оживленный видъ. Часу въ въ 11-мъ вечера всѣ опять расходились по палаткамъ и засыпали при свѣтѣ серебристой луны, или ярко сверкавшихъ въ непроницаемой темнотѣ ночи звѣздахъ.

Офицеры проводили время или у себя дома, или въ ресторанахъ, гдѣ продолжительныя бесѣды оживлялись преимущественно пивомъ. Но однообразіе жизни слишкомъ тяжело чувствовалось молодежью. Чтобы какъ нибудь развлечься, устраивали въ иныхъ полкахъ даже танцовальные вечера, «балы», гдѣ фигурировали обыкновенно «дамы», общественное положеніе которыхъ опредѣляется по одному наружному виду. Около каждаго бивака велась греками и евреями бойкая торговля. Деревянные балаганчики, землянки, палатки или простые навѣсы образовали около нѣкоторыхъ частей цѣлые городки, гдѣ можно было найти и «русска вотка», и «афицерски вэши» и пр. непремѣнно «премьеръ калитэ». Офицеры продовольствовались въ своихъ баталіонныхъ артеляхъ, но тѣмъ не менѣе въ каждомъ почти полку имѣлся свой «Борель» или «Смуровъ», у котораго можно было и

закусить, и выпить стаканъ чаю или кофе. Отношенія къ турецкимъ войскамъ (кромѣ высокопоставленныхъ пашей) были чрезвычайно дружественныя, и турецкіе офицеры, правду сказать, — совершенно необразованные и мало чѣмъ отличающіеся отъ нижнихъ чиновъ, каждый день навѣщали биваки нашихъ передовыхъ частей. Тамъ, въ обществѣ гостепріимныхъ хозяевъ, они часто забывали завѣтъ пророка на счетъ спиртныхъ напитковъ и иной разъ въ безсознательномъ состояніи отправлялись во-свояси. На аванпостахъ между нижними чинами тоже шли обыкновенно оживленныя бесѣды, или при посредствѣ одной жестикуляціи, или съ помощію переводчика: въ турецкихъ войскахъ встрѣчались довольно часто нижніе чины, говорившіе по-русски или по-болгарски.

Не смотря на это, турки внимательно слѣдили за нашими биваками и при всякомъ необычайномъ движеніи на позиціяхъ ихъ начиналась бѣготня, всѣ спѣшили въ траншеи и укрѣпленія. Вслѣдствіе этого, между прочимъ, было воспрещено передовымъ частямъ производить ученья фронтомъ къ туркамъ; а когда мы трасировали укрѣпленія, то изъ турецкой цѣпи раздалось восклицаніе: «да не дразните же!»

Однимъ изъ скудныхъ развлеченій для офицеровъ были поѣздки въ С.-Стефано и въ Константинополь. Въ первомъ наиболѣе посѣщаемыми мѣстностями были: садъ «Конкордія» и театръ. Въ саду игралъ недурной оркестръ добродѣтельныхъ нѣмокъ, и семейство Дюкро, состоявшее изъ мужа и жены, давало ежедневно представленія (водевили на французскомъ языкѣ). Кромѣ того, приманкой служили француженки-канканьерки или исполнительницы разныхъ всесвѣтно-извѣстныхъ шансонетокъ, фокусники и т. п. Все это подъ конецъ страшно пріѣлось, но дѣваться было некуда. На городской площади выстроенъ былъ балаганъ, гдѣ ежедневно шли оперныя италіанскія представленія. Конечно, оркестръ былъ довольно жалкій, составъ труппы незначительный, но, въ качествѣ «военно-походнаго» театра, балаганъ былъ все-таки однимъ изъ посѣщаемыхъ и любимыхъ мѣстъ. Чтеніемъ служили французскія константинопольскія газеты и немногія русскія. Нумеръ русской газеты продавался по франку, т. е. по курсу 40 коп. Кромѣ того, открыта была книжная лавченка (преимущественно французскія книги), гдѣ можно было найти и скабрезные грязные романы, и новѣйшіе философскіе труды Ланге и проч.

Замѣчательно, что игра въ карты была развита очень мало и, во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго тому, что бывало въ прежнія кампаніи, когда проигрывались десятки и сотни тысячъ рублей, мы не видѣли.

Что касается поѣздокъ въ Константинополь, то первоначально онѣ дѣлались какъ-то таинственно, неофиціально; потомъ, 28-го апрѣля, установлены были, приказаніемъ при паролѣ, слѣдующія въ этомъ отношеніи правила: 1) Всѣ офицеры, ѣдущіе въ Константинополь не по дѣламъ службы, должны быть увольняемы по билетамъ начальниковъ дивизій и не иначе, какъ въ статскомъ платьѣ; 2) отъ каждой отдѣльной части можетъ быть отпущено одновременно не болѣе двухъ офицеровъ; 3) ѣдущіе по дѣламъ службы гг. офицеры и нижніе чины могутъ быть одѣты по формѣ, но имѣть разрѣшеніе: офицеры отъ начальниковъ дивизіи, а нижніе чины отъ командира полка; при этомъ количество ѣдущихъ отъ каждой отдѣльной части нижнихъ чиновъ не должно превышать трехъ человѣкъ и должно быть подъ командой унтеръ-офицера; 4) поѣздка нижнихъ чиновъ по собственной надобности не допускается; 5) на коменданта желѣзно-дорожной станціи возлагается обязанность слѣдить, чтобы никто изъ гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, не имѣющихъ должнаго разрѣшенія, не былъ бы принимаемъ на поѣздъ, отправляющійся въ Константинополь.

Надо, впрочемъ, сознаться, что до конца нашего пребыванія подъ Константинополемъ турецкая столица была переполнена офицерами и чиновниками въ военной формѣ. Позволено было показать городъ и нижнимъ чинамъ, для чего собраны были команды, по два человѣка съ роты, которыя и посѣтили его послѣдовательно, по порядку старшинства частей. Наши здоровенные гвардейцы, присутствуя на селямлыкѣ (выѣздъ султана по пятницамъ въ мечеть), произвели среди турокъ положительный эфектъ своимъ бравымъ видомъ и огромнымъ ростомъ. Надо сказать, что пресловутаго мусульманскаго фанатизма и слѣдовъ не было замѣтно; угрюмые софты охотно, за нѣсколько піастровъ, показывали гробницы падишаховъ или достопримѣчательности храма Софіи. Въ своихъ мундирахъ и вооруженіи мы смѣло толкались среди мусульманскаго Стамбула, въ самыхъ темныхъ закоулкахъ его извѣстнаго базара-лабиринта. Осмотрѣвши достопримѣчательности города, офицеры наши къ вечеру плотно наполняли разныя «конкордіи», гдѣ сомнительной молодости француженки, утративши голосъ, не безъ успѣха замѣняли его энергическими манипуляціями ногъ и рукъ, при выполненіи всесвѣтно популярныхъ шансонетокъ. Въ Константинополѣ существуетъ и «отоманскій театръ», жалкій вонючій балаганъ, съ безголосной армянской трупой. Офенбахъ царитъ на подмосткахъ этого театра, посѣщаемаго и христіанскими семействами. Представленія идутъ на турецкомъ языкѣ, и наше ухо странно поражалось, когда, при объясненіяхъ разныхъ графовъ, слышалось «іокъ», «бурда», «эфенди» и

т. п. При отсутствіи общественной жизни и слабомъ развитіи европейской культуры, Константинополь скоро надоѣдалъ, и въ воспоминаніи оставалась только обворожительная картина Босфора, этого перла среди красотъ природы, на рубежѣ двухъ материковъ, двухъ странъ свѣта.

Для характеристики нашей жизни подъ Константинополемъ, замѣчу также, что на ней въ значительной степени отражался ходъ политическихъ обстоятельствъ. При всякомъ кризисѣ въ этомъ отношеніи, тревожное состояніе усиливалось, ожидался разрывъ, усиливались сторожевыя мѣры и т. п. Нѣкоторые изъ турецкихъ пашей, какъ, напр., Фуадъ, разбитый нами подъ Филипополемъ, ища-ли популярности среди войскъ, или же по безпокойному характеру, постоянно задирался съ нами. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ привелъ къ общей тревогѣ 5-го іюня, въ день Св. Троицы.

Для наблюденія за турками, у насъ выстроены были на передовой позиціи вышки, на верху которыхъ постоянно находился офицеръ или нижній чинъ, слѣдившіе за всѣмъ происходившимъ у турокъ. Фуаду-пашѣ показалось, что одна изъ вышекъ, въ отрядѣ генерала Эллиса, была возведена внѣ нашей демаркаціонной линіи; вслѣдствіе этого онъ прислалъ къ нашему генералу Бекера-пашу съ объявленіемъ, что онъ проситъ снять упомянутую вышку, и что если это не будетъ исполнено, то онъ «приметъ свои мѣры». На слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, вся наша армія стояла подъ ружьемъ на своихъ позиціяхъ. Войска сняли лагери, отправили назадъ обозы и пр.

Приказано было сохранять строго-выжидательное положеніе и только въ случаѣ открытія турками огня начать ихъ громить. Такъ какъ до 4-хъ часовъ пополудни никакихъ «мѣръ» со стороны Фуада не послѣдовало, то части къ вечеру вернулись на свои биваки. Эта тревога полезна была для насъ, въ смыслѣ провѣрки всѣхъ сдѣланныхъ на такой случай распоряженій. Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ былъ чрезвычайно доволенъ замѣчательной точностью, быстротой и правильностью всѣхъ исполненныхъ передвиженій.

Обученіе войскъ, не смотря на усиленные наряды на работы, шло обычнымъ порядкомъ, и ежедневно каждая часть занималась строевыми упражненіями, такъ что на парадахъ части оказывались въ такомъ же блестящемъ состояніи, какъ и въ Петербургѣ. Еще Его Высочество Главнокомандующій приказалъ, послѣ парада 17-го апрѣля, приступить къ практической стрѣльбѣ, для чего разрѣшено было отпустить по пяти патроновъ на ружье, по наличному числу людей. Впо-

слѣдствіи дѣйствительно были отведены стрѣльбища, устроены мишени и войска акуратно занялись стрѣльбой.

Нельзя не упомянуть о громадныхъ, можно сказать, колосальныхъ *работахъ*, исполненныхъ войсками по нагрузкѣ и разгрузкѣ разныхъ вещей и предметовъ довольствія у пристани и на станціи желѣзной дороги въ С.-Стефано. Ежедневно, въ парольныхъ приказаніяхъ, дѣлались огромные наряды рабочихъ отъ ближайшихъ частей войскъ. Работы производились безплатно. Кромѣ того, войсками было проложено и исправлено множество дорогъ въ раіонѣ ихъ расположенія. Такъ какъ вьючная перевозка тяжестей рѣшительно преобладаетъ въ Турціи, то хорошихъ колесныхъ дорогъ встрѣчается тамъ очень мало. Поэтому какъ на позиціи, такъ и въ тылу ея намъ приходилось строить ихъ чрезвычайно много; а болотистые ручьи и болота въ долинахъ увеличивали трудность этихъ работъ. Дорога, обыкновенно въ нѣсколько саженъ ширины, окапывалась по краямъ глубокими канавами, для стока воды, и топкія мѣста расчищались и потомъ выкладывались фашинами, хворостомъ и камнями. Черезъ ручьи устраивались мостики, на перекресткахъ дорогъ устраивались столбы съ надписями, куда ведетъ дорога. На участокъ, занятый каждой дивизіей, назначались саперные офицеры, которые и руководили исполненіемъ работъ. Вообще, на сколько мы въ мирное время мало знали саперъ, на столько въ теченіе кампаніи сблизились съ этими превосходными войсками, дѣятельность которыхъ въ военное время находится въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностью прочихъ войскъ.

Санитарное состояніе войскъ во время стоянки подъ Константинополемъ было въ печальномъ положеніи. Изнуренные тяжестями похода, недостаткомъ пищи, зимней стужей, на балканскихъ высотахъ, войска наши, съ наступленіемъ измѣнчивой весны, съ ея дождями, вѣтрами и міазмами, должны были располагаться или скученно на квартирахъ, часто въ болотистыхъ мѣстностяхъ, или подъ открытымъ воздухомъ въ легенькихъ палаткахъ, подвергаясь всѣмъ вліяніямъ непогоды. Палящій зной тоже не могъ содѣйствовать укрѣпленію организма. Такимъ образомъ, ослабленныя физически войска дѣлались легко воспріимчивыми къ болѣзнямъ, и уже въ февралѣ началась тифозная эпидемія. Медицинскія средства войскъ были первоначально недостаточны. Въ дивизіонныхъ лазаретахъ, гдѣ имѣлось всего по 83 мѣста, накоплялось, не смотря на эвакуацію, до 1,000 чел. больныхъ при одномъ или двухъ врачахъ, которые тоже не избѣгли эпидеміи. Въ полкахъ заболѣвало по 35—40 человѣкъ въ каждомъ ежедневно. Рота выйдетъ на ученье, и непремѣнно нѣсколько совершенно здоровыхъ

людей повалятся, почувствовавъ внезапно головную боль и головокруженіе.

Къ счастью, форма тифа была легкая и смертельные случаи составляли лишь небольшой процентъ больныхъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе изнурительности этой болѣзни, требовалось нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы больной окрѣпъ и снова могъ вступить въ строй. Отсюда значительный некомплектъ людей, который, вообще говоря, не могъ быть пополненъ прибывавшими нѣсколько разъ (первый разъ передъ переходомъ черезъ Балканы) маршевыми командами запасныхъ баталіоновъ. Особенно страдали войска, расположенныя вблизи болотистыхъ мѣстностей. Съ прибытіемъ военно-временныхъ госпиталей, труды войсковаго медицинскаго персонола были нѣсколько облегчены. Но особенно содѣйствовала уменьшенію болѣзненности войскъ предпринятая генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ эвакуація больныхъ въ Россію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ начали отправлять больныхъ въ Адріанополь, какъ видно изъ слѣдующаго парольнаго приказанія отъ 10-го марта:

«Въ виду значительнаго скопленія больныхъ въ дивизіонныхъ лазаретахъ гвардейскихъ дивизій и невозможности отправки ихъ моремъ, его сіятельство командующій корпусомъ приказалъ теперь же начать эвакуацію ихъ въ Адріанополь. Для сего: 1) дивизіоннымъ лазаретамъ 1-й и 2-й дивизій доставлять своихъ больныхъ, могущихъ перенести транспортировку, на станцію Кучукъ-Чекмеджи, а лазарету 3-й дивизіи на станцію Чаталджу, за день до отправки увѣдомляя коменданта станціи, сколько и въ какой день привезутъ больныхъ, чтобы имѣть возможность приготовить нужное число вагоновъ.

«2) Полкамъ л.-гв. Московскому, Гренадерскому и артилеріи, расположенной близъ Кучука, не отправлять больныхъ въ дивизіонный лазаретъ 2-й дивизіи, а по мѣрѣ накопленія ихъ въ пріемныхъ покояхъ—прямо на станцію Кучукъ и оттуда въ Адріанополь, присоединяя ихъ къ транспортамъ дивизіонныхъ лазаретовъ, или же отдѣльными транспортами въ сопровожденіи одного изъ врачей отъ этихъ двухъ полковъ. Полкамъ л.-гв. Павловскому и Финляндскому сдавать больныхъ въ дивизіонный лазаретъ 2-й дивизіи, но, для облегченія эвакуаціи изъ лазарета, оказать содѣйствіе для транспортировки имѣющимися въ этихъ полкахъ транспортными средствами. При каждомъ транспортѣ, слѣдующемъ изъ дивизіоннаго лазарета 2-й дивизіи, долженъ находиться одинъ изъ младшихъ врачей отъ частей дивизіи, расположенныхъ въ Беюкъ-Чекмеджи, по назначенію дивизіоннаго врача.

«3) Полкамъ 3-й гвардейской дивизіи временно не сдавать больныхъ въ дивизіонные лазареты, а прямо отъ себя транспортировать съ ближай-

шей станціи желѣзной дороги въ Адріанополь, но непремѣнно при врачѣ отъ дивизіи по очереди.

«4) Врачъ, сопровождающій транспортъ, обязанъ, при отбытіи поѣзда, увѣдомить управленіе инспектора госпиталей телеграмой о времени отхода поѣзда и о числѣ имѣющихся на немъ больныхъ.

«5) Всѣ отправляемые въ Адріанополь больные должны быть снабжены чаемъ, сахаромъ, а болѣе легкіе и вареным мясомъ, на двое сутокъ.

«6) Кавалерійскимъ полкамъ изъ Родосто отправить своихъ больныхъ въ дивизіонный лазаретъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ Селиври».

Эвакуація приняла особенно обширные размѣры впослѣдствіи, при генералъ-адъютантѣ Тотлебенѣ. Въ приказѣ по корпусу отъ 6-го іюня было объявлено, что изъ врачебныхъ заведеній корпуса должно быть вывозимо, съ слѣдующаго дня, по 400 больныхъ ежедневно. Чтобы сдѣлать передовыя войска болѣе подвижными, графъ Шуваловъ, по соглашенію съ предсѣдателемъ эвакуаціонной комисіи, приказалъ, начиная съ 22-го іюня, больныхъ при частяхъ корпуса не держать, за исключеніемъ амбулаторныхъ и легкихъ случаевъ заболѣванія; всѣхъ же болѣе серьезныхъ отправлять для пользованія или эвакуаціи въ военно-временные госпитали №№ 13, 74 и 81. Надо замѣтить, что и полковые лазареты были первоначально переполнены больными; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ накоплялось болѣе 300 чел.!

Всѣ эти лазареты разбивались въ сторонѣ отъ биваковъ и состояли изъ палатокъ или досчатыхъ бараковъ съ парусинной палаточной крышей. Въ 1-й дивизіи, гдѣ я состоялъ за начальника штаба, особенно замѣчательно былъ устроенъ лазаретъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Помѣщенія состояли изъ булыжныхъ основаній, дощатыхъ стѣнъ и палаточныхъ крышъ; образцовая чистота и порядокъ царили въ этомъ заботливо устроенномъ лазаретѣ. Всѣ больные гвардейскаго корпуса, эвакуированные въ предѣлы одесскаго военнаго округа, должны были, по выздоровленіи, возвратиться въ свои части. Для сбора ихъ и отправленія были командированы отъ корпуса одинъ штабъ-офицеръ и два оберъ-офицера. Впрочемъ имъ удалось собрать весьма немного людей, прежде чѣмъ корпусъ началъ возвращаться на родину. Благодаря всѣмъ принятымъ мѣрамъ и сильно измѣнившимся условіямъ жизни, санитарное состояніе войскъ къ концу іюня значительно улучшилось. Въ день заболѣвало уже въ полкахъ не 30—40 чел., а лишь 5—6. Тогда только наши бѣдные медики и великодушныя сестры милосердія могли нѣсколько отдохнуть отъ своихъ сверхъестественныхъ трудовъ.

Объѣзжая биваки, можно было замѣтить позади нѣкоторыхъ изъ

нихъ, вблизи лазаретовъ, могилы погибшихъ на далекой чужбинѣ людей, преимущественно жертвъ свирѣпствовавшей эпидеміи.

Главнокомандующій, замѣтивъ, что мѣста, избранныя для преданія землѣ умершихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, не всегда содержались въ томъ видѣ, какой долженъ соотвѣтствовать кладбищу, гдѣ находятся тѣла русскихъ воиновъ, приказалъ принять самыя дѣятельныя мѣры, чтобы привести въ должный видъ и порядокъ мѣста, избранныя для погребенія умершихъ.

Вслѣдствіе этого, командующій корпусомъ приказалъ: 1) всѣ мѣста, отведенныя подъ кладбища, окопать канавой и огородить каменной стѣной; 2) установить правиломъ, чтобы смежныя могилы были одна отъ другой на разстояніи сажени; 3) могилы вырывать возможно глубже, а тѣ которыя были до того времени небрежно зарыты, присыпать толстымъ слоемъ земли; 4) надъ всѣми могилами поставить кресты съ надписями; 5) на серединѣ кладбища оставить площадку, на которой будетъ поставленъ, согласно Высочайшаго повелѣнія, памятникъ и 6), если мѣста подъ кладбища избраны не на городскихъ и общественныхъ земляхъ, а на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, то войти въ соглашеніе съ ними и взять отъ нихъ подписку о неимѣніи претензій.

Къ этому графъ Шуваловъ требовалъ, чтобы части войскъ заказали на экономическія средства каменные памятники или хотя общія плиты изъ мрамора съ именами умершихъ, и поставили бы ихъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ были похоронены нижніе чины. Войска принялись энергически за работу, и скоро кладбища были устроены хотя просто, но прилично и даже изящно.

Возвращеніе на родину.

По заключеніи перемирія, какъ уже упомянуто, мы надѣялись на скорое возвращеніе на родину. Дѣйствительно, въ приказѣ по корпусу отъ 3-го марта было объявлено росписаніе и всѣ распоряженія для посадки войскъ на суда. Отправленіе предполагалось начать съ 14-го марта и производить посадку въ Буюкъ-Дере, а высадку въ Одессѣ и Николаевѣ.

Едва были сдѣланы эти распоряженія, какъ возвращеніе войскъ обратно въ Россію было сначала задержано, а затѣмъ и вовсе пріостановлено. Послѣ многихъ надеждъ и непріятныхъ разочарованій на-

конецъ только въ концѣ іюля мы узнали о предстоящей отправкѣ на родину.

Передъ посадкой на суда, Главнокомандующій назначилъ общій парадъ войскамъ, расположеннымъ вблизи Константинополя и Чаталджи, 5-го августа.

Въ парадѣ должны были принять участіе не только части, расположенныя въ ближайшихъ окрестностяхъ Константинополя, но и 8-й корпусъ, штабъ котораго помѣщался въ нѣсколькихъ верстахъ восточнѣе Чаталджи.

Съ этою цѣлью, войска заблаговременно были стянуты и расположились въ окрестностяхъ Санъ-Стефано, причемъ гвардейскій корпусъ остался на своемъ мѣстѣ, часть 4-го корпуса передвинулась къ Санъ-Стефано, а 8-й корпусъ, сдѣлавъ цѣлый переходъ, расположился на берегу Мраморнаго моря, у Кучукъ-Чекмедже и Амбарли; полкамъ 8-й кавалерійской дивизіи, бивакировавшимъ вмѣстѣ съ конною артилеріею, далеко въ тылу своего корпуса, пришлось двигаться усиленными маршами; не смотря на это, части эти явились на парадъ совершенно свѣжими и въ замѣчательно хорошемъ видѣ. Кстати будетъ замѣтить, что нѣкоторые полки, какъ, напримѣръ, лейбъ-гвардіи Уланскій и Лубенскій гусарскій вышли на смотръ въ полномъ 16-ти рядномъ составѣ, хотя первый изъ нихъ получилъ за всю кампанію только одно укомплектованіе и послѣдніе шесть мѣсяцевъ стоялъ бивакомъ—фактъ достойный вниманія, особенно принявъ въ соображеніе какъ боевыя потери, такъ и необычайныя трудности минувшей кампаніи, то подъ палящимъ зноемъ, то среди зимней стужи, когда конница наша не знала крышъ почти за все время войны. Въ парадѣ 5-го августа приняли участіе:

Гвардейскій корпусъ, безъ 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка, расположенныхъ въ Родосто.

4-й корпусъ съ 3-ю и 4-ю Стрѣлковыми бригадами и Уральской сотней, но безъ 4-й кавалерійской дивизіи.

8-й корпусъ, съ двумя сотнями 7-го Пластунскаго баталіона, но безъ Подольскаго пѣхотнаго полка (находившагося въ Одессѣ), Вознесенскаго уланскаго полка и казачьей батареи.

Всего: 120 баталіоновъ (стрѣлковыя армейскія роты сведены были въ баталіоны), 22 эскадрона, пять сотенъ и 286 орудій, численностью: 1,725 штабъ и оберъ-офицеровъ и 81,283 строевыхъ нижнихъ чиновъ.

За нѣсколько дней до парада, мѣсто для него было выбрано офи-

церами полеваго штаба между чифтликомъ Ай-Мама и дер. Сафракіойемъ. Въ виду особеннаго движенія войскъ, мѣстныхъ жителей и повозокъ, на разбитомъ кольями мѣстѣ парада были выставлены часовые отъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, иначе легко могъ быть уничтоженъ весь трудъ разбивки. Представители различныхъ державъ въ Константинополѣ были заблаговременно приглашены присутствовать на смотру, а управленіе желѣзной дороги сдѣлало распоряженіе объ отправкѣ поѣздовъ изъ Константинополя въ Санъ-Стефано черезъ каждыя десять минутъ.

Парадъ назначенъ былъ въ 12 часовъ дня, причемъ войска должны были находиться на указанныхъ мѣстахъ въ 10½ часовъ утра. Съ 9-ти часовъ началась постановка и выравниваніе жалонеровъ. Огромная площадь, предназначенная для парада, начала постепенно наполняться то подходившими частями, то мѣстными санъ-стефанскими жителями, то, наконецъ, несмѣтнымъ множествомъ гостей изъ Константинополя, или верхомъ, или въ экипажахъ. Такъ какъ аванпосты наши, по взаимному соглашенію съ турецкимъ начальствомъ, были на этотъ день сняты, то немалое число турецкихъ солдатъ и офицеровъ тоже явилось полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ. Кромѣ того, они цѣлыми массами высыпали на линію своихъ передовыхъ постовъ и оттуда наблюдали картину. Особенно поразительно-величественное зрѣлище производилъ общій видъ всей массы войскъ. При движеніи отъ Санъ-Стефано къ Ай-Мамѣ, въ разстояніи одной версты, зрителю внезапно открывалась грандіозная картина: цѣлое море бѣлыхъ фуражекъ волновалось зыбью на всемъ пространствѣ по направленію къ Сафракіою и скрывалось за горизонтомъ. Сотни орудій блистали подъ яркими лучами солнца, а флюгера кавалеріи игриво плескались, колеблемые легкимъ вѣтеркомъ. Противъ войскъ, лицомъ къ нимъ и на разстояніи шаговъ двухсотъ, зрители образовали сплошную стѣну; у Ай-Мамы, за бивакомъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, виднѣлся рядъ новыхъ госпитальныхъ палатокъ, разцвѣченныхъ флагами десяти европейскихъ государствъ. Тамъ приготовленъ былъ обильный завтракъ для командировъ отдѣльныхъ частей, старшихъ начальниковъ и особо приглашенныхъ лицъ. Изъ палатокъ открывался восхитительный видъ на Мраморное море, Принцевы острова, Стамбулъ и на Мало-азіятскій берегъ.

Войска были построены въ слѣдующемъ порядкѣ (начиная съ праваго фланга): впереди пѣхота—гвардейскій корпусъ, Стрѣлковыя бригады, 4-й и 8-й корпусы. Въ каждой дивизіи первые баталіоны полковъ въ головѣ, на одной линіи; прочіе баталіоны имъ въ затылокъ, причемъ каждый изъ нихъ въ двухзводной колоннѣ справа. Такимъ

образомъ пѣхота собственно образовала четыре линіи. За нею была расположена вся артилерія; наконецъ, позади послѣдней — кавалерія съ конной артилеріей. Форма одежды—походная, въ мундирахъ, но безъ сухарныхъ мѣшковъ и шинелей; изъ шанцеваго инструмента, на людяхъ были лишь линемановскія лопаты. Всѣмъ парадомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Радецкій.

Ровно въ 12 часовъ показался Главнокомандующій въ сопровожденіи свиты и конвоя. Подъѣхавъ къ войскамъ, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ поздоровался съ ними и поздравлялъ отдѣльныя части со скорымъ возвращеніемъ на родину. Въ свитѣ Главнокомандующаго присутствовало множество приглашенныхъ иностранцевъ, изъ которыхъ упомяну: гази Мухтара-пашу, Штрекера-пашу, англійскаго генерала Диксона и французскаго военнаго агента де-Тарси. На смотру также присутствовали: нашъ посолъ, князь Лобановъ-Ростовскій, австрійскій посолъ, графъ Зичи, а также представители: германскій, сѣверо-американской республики, греческій, персидскій и проч.

При огромномъ протяженіи, занятомъ войсками, не смотря на быстроту алюра, объѣздъ продолжался довольно долго, и церемоніальный маршъ начался около часа по-полудни.

Пѣхота проходила сомкнутыми баталіонными колоннами, имѣя ружья вольно. Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ и по одному полку въ каждой изъ армейскихъ дивизій парадировали съ ружьями, взятыми «на руку», что производило чрезвычайный эфектъ. Стрѣлки прослѣдовали «бѣгомъ», пѣшая артилерія двигалась въ бригадныхъ сомкнутыхъ колоннахъ, съ посаженною прислугою, рысью, кромѣ лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, которая пронеслась карьеромъ. Зная опасность и трудность подобнаго движенія, мы съ трепетомъ слѣдили за лихою бригадою. 1-я батарея стремительно проскакала, но въ одномъ изъ орудій 2-й батареи сломалось дышло, и оно остановилось. Къ счастью, ѣздовые слѣдовавшихъ позади ящиковъ и орудій такъ были внимательны и проворны, что катастрофа миновала и не произошло ни малѣйшаго несчастнаго случая. За артилеріей двинулась конница, поэскадронно перемѣнными алюрами, причемъ нѣсколько эскадроновъ стремительно, сплошной стѣной, пронеслись карьеромъ, скрываясь въ облакахъ пыли. Въ заключеніе, прошла конная артилерія. Лейбъ-гвардіи донской батареѣ былъ поданъ сигналъ: «маршъ, маршъ!»—и лихіе конно-артилеристы ринулись карьеромъ на глазахъ изумленной публики. Передъ Главнокомандующимъ батарея на карьерѣ снялась съ передковъ, а затѣмъ снова бросилась съ мѣста впередъ. Въ хвостѣ

всѣхъ войскъ прошла бойкой рысью 15-я конная батарея, только что исполнившая усиленный переходъ.

Что касается наружнаго вида, въ которомъ представились войска, то его иначе невозможно назвать, какъ вполнѣ блестящимъ. Глядя на проходившія войска, легко забывалось, что мы находились за тридевять земель, что такъ недавно вынесли кампанію: казалось, будто все совершающееся передъ глазами происходитъ въ обыкновенномъ лагерномъ сборѣ. Такое же впечатлѣніе вынесли и присутствовавшіе на парадѣ иностранцы. Турки громко выражали свое удивленіе, и артилерійскій генералъ Диксонъ, на просьбу безпристрастно высказать свое мнѣніе, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говорилъ о видѣнной имъ нашей артилеріи, причемъ разбиралъ отдѣльно обмундированіе, наружный видъ людей, матеріальную часть, сортъ и качества лошадей и проч.

По окончаніи парада, Главнокомандующій собралъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ, благодарилъ за отличнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ состояніе ввѣренныхъ имъ частей и, въ заключеніе, рекомендовалъ начальникамъ обратить вниманіе на то, чтобы войска до послѣдней минуты своего пребыванія въ Турціи, а также и при возвращеніи на родину, сохранили бы ту сдержанность и тотъ строгій внутренній порядокъ, которые отличали ихъ до сихъ поръ и высоко поставили честное имя русскаго солдата.

8-го августа было отдано приказаніе по гвардейскому корпусу относительно сосредоточенія войскъ у пристаней и порядка посадки ихъ на суда. Привожу копію съ этого приказанія:

«Вслѣдствіе рѣшенія Главнокомандующаго, командующій корпусомъ приказалъ войскамъ перейти на новыя мѣста вблизи пунктовъ посадки на суда, согласно прилагаемаго росписанія, 10-го сего августа, однимъ переходомъ, исключая Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, управленія 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады съ 1-ю, 2-ю и 3-ю батареями и 14-го летучаго дивизіоннаго парка, которымъ выступить завтра, 9-го августа, и слѣдовать тремя переходами: Беюкъ-Чекмеджи, Селиври и Эрекли. Туда же къ 11-му августа прибыть и 2-му кавалерійскому отдѣленію летучаго парка.

«Вмѣстѣ съ этимъ его сіятельство приказалъ:

«1) Командованіе всѣми гвардейскими войсками и учрежденіями, собирающимися у портовъ посадки, возложить: въ С.-Стефано на генералъ-лейтенанта Эллиса 1-го; въ Беюкъ-Чекмедже, на генералъ-лейтенанта Дандевиля; въ Эрекли, на генералъ-маіора Зиновьева и въ Родосто, на свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера.

«2) Командующіе гвардейскими войсками въ портахъ должны оставаться

въ назначенныхъ пунктахъ посадки до отправленія послѣднихъ частей гвардіи; имъ будутъ передаваться всѣ распоряженія о порядкѣ и времени посадки войскъ.

«3) Всѣ распоряженія по расположенію и службѣ войскъ у пунктовъ посадки возлагаются вполнѣ на командующихъ войсками въ портахъ. Войска, которымъ назначено садиться въ С.-Стефано, по усмотрѣнію генералъ-лейтенанта Эллиса, могутъ оставаться на нынѣ занимаемыхъ мѣстахъ, съ тѣмъ чтобы прибывать къ пункту посадки за день до назначеннаго числа, о чемъ полевой штабъ будетъ увѣдомлять.

«Для избѣжанія перекрещиванія войскъ на пристани у Беюкъ-Чекмеджи, полевой штабъ предлагаетъ войска, отправляющіяся изъ этого порта въ Одессу, поставить у Каликрата, а отправляющіяся въ Николаевъ, у Беюка или обратно—по усмотрѣнію командующаго гвардейскими войсками въ портѣ.

«4) Вся кореспонденія и большая часть распоряженій изъ штаба корпуса съ 10-го августа будетъ пересылаться черезъ штабы командующихъ гвардейскими войсками въ портахъ, для чего отъ нихъ присылать ежедневно, къ 4-мъ часамъ пополудни, офицера или надежнаго унтеръ-офицера. Отъ Беюкъ-Чекмеджи для сего можетъ быть устроена летучая почта по усмотрѣнію генералъ-лейтенанта Дандевиля. Въ Эрекли и Родосто кореспонденція будетъ отправляться изъ С.-Стефано въ 8 час. вечера, съ посыльнымъ, по желѣзной дорогѣ, до станціи Чорлу и Муратлы, гдѣ должны быть на готовѣ нижніе чины для принятія пакетовъ и сдачи съ своей стороны въ штабъ корпуса и полевой штабъ. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, сноситься телеграмами.

«5) По прибытіи къ портамъ посадки войскъ другихъ корпусовъ, эти послѣдніе подчиняются гвардейскимъ начальникамъ, если таковые старше въ чинѣ. По прибытіи же старшаго въ чинѣ начальника армейскихъ войскъ, командующіе гвардейскими войсками въ портахъ поступаютъ подъ ихъ начальство, оставаясь начальниками всѣхъ гвардейскихъ войскъ и учреждеденій, собранныхъ въ окрестностяхъ портовъ.

«6) Каждому интенданту сдѣлать заблаговременно распоряженія о доставленіи всѣхъ продуктовъ для довольствія войскъ къ новымъ пунктамъ расположенія.

Распредѣленіе войскъ по пунктамъ посадки.

1) Изъ С.-Стефано.

Въ Севастополь: а) л.-г. Егерскій полкъ, б) л.-г. Измаиловскій полкъ, в) управленіе 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, г) л.-гв. Семеновскій полкъ, д) л.-гв. Преображенскій полкъ, е) управленіе 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, ж) штабъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, з) л.-гв. 1-я артилерійская бригада, и) л.-гв. 6-я донская

батарея, к) подвижной лазаретъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, л) 1-й летучій дивизіонный паркъ.

Въ Николаевъ: а) л.-гв. Гусарскій Его Величества полкъ, б) л.-гв. Драгунскій полкъ, в) управленіе 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, г) 5-я батарея гвардейской конной артилерійской бригады, д) гвардейская Стрѣлковая бригада, е) л.-гв. Уланскій полкъ, ж) 2-я батарея гвардейской конно-артилерійской бригады, з) управленіе 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и) штабъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Въ Одессу: а) л.-гв. Волынскій полкъ, б) 2-й баталіонъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка (безъ обозовъ), в) штабъ гвардейскаго корпуса, г) л.-гв. Жандармскій эскадронъ, д) л.-гв. Саперный баталіонъ.

2) Изъ Беюкъ-Чекмеджи.

Въ Севастополь: а) Уральская казачья сотня, б) двѣ сотни 7-го Пластунскаго баталіона.

Въ Николаевъ: а) л.-гв. Финляндскій полкъ, б) 4-я, 5-я и 6-я батареи л.-гв. 2-й артилерійской бригады, в) л.-гв. Павловскій полкъ, г) управленіе 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, д) л.-гв. Гренадерскій полкъ, е) л.-гв. Московскій полкъ, ж) управленіе 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, з) управленіе и 1-я, 2-я и 3-я батареи л.-гв. 2-й артилерійской бригады, и) штабъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, к) л.-гв. Конно-Гренадерскій полкъ, л) подвижной лазаретъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, м) 2-й дивизіонный летучій паркъ, н) 1-е стрѣлковое отдѣленіе летучаго парка, о) 7-е кавалерійское отдѣленіе летучаго парка, п) 57-й военно-временной госпиталь.

Въ Одессу: а) два баталіона С.-Петербургскаго гренадерскаго полка (съ обозомъ всего полка), б) управленіе 2-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, в) л.-гв. Литовскій полкъ, г) управленіе 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, д) 4-я, 5-я и 6-я батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады, е) штабъ 3-й гв. пѣхотной дивизіи, ж) подвижной лазаретъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, далѣе части 8-го корпуса.

3) Изъ Эрекли.

Въ Одессу: а) Кексгольмскій гренадерскій императора австрійскаго полкъ, б) управленіе, 1-я, 2-я и 3-я батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады, в) 14-й летучій дивизіонный паркъ, г) 2-е кавк. отдѣленіе летучаго парка.

Далѣе части 8-го и гренадерскаго корпусовъ.

4) Изъ Родосто.

Въ Севастополь: а) л.-гв. казачій Его Величества полкъ.

Въ Одессу: а) л.-гв. Уланскій Его Величества полкъ, б) 3-я батарея гвардейской конно-артилерійской бригады, в) л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ, г) управленіе 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, д) 26-я пѣхотная дивизія и т. д.

Корпусный штабъ объявилъ также и извлеченіе изъ контракта, заключеннаго полевымъ штабомъ дѣйствующей арміи, на перевозку войскъ изъ турецкихъ портовъ въ Россію, на пароходахъ «Русскаго Общества Пароходства и Торговли»; въ этомъ контрактѣ сказано было, между прочимъ, слѣдующее:

«1) Русское общество пароходства и торговли обязано на принадлежащихъ ему двадцати пароходахъ и паровыхъ шкунахъ, а именно: «Россія», «Корниловъ, «Цесаревичъ», «Чихачевъ», «Лазаревъ», «Нахимовъ», «Одесса», «Черкаскъ», «Азовъ», «Ростовъ», «Гунибъ», «Бугъ», «Эльборусъ», «Олегъ» и шести паровыхъ шкунахъ перевезти въ порты: Одессу, Николаевъ, Севастополь и Таганрогъ войска дѣйствующей арміи, состоящія изъ пѣхоты, кавалеріи и полевой артилеріи съ принадлежащими имъ парками, обозами, лошадьми, повозками, орудіями и тяжестями въ томъ размѣрѣ и количествѣ, какое будетъ назначено штабомъ дѣйствующей арміи.

«*Примѣчаніе*. Общество имѣетъ право въ случаѣ нужды замѣнять пароходы, означенные въ контрактѣ, другими—одинаковой вмѣстимости съ замѣняемыми.

«2) Уплата обществу денегъ за вышеозначенную перевозку, изъ турецкихъ въ русскіе порты, производится по рейсамъ каждаго парохода между портами. Постоянная плата за рейсъ каждаго парохода опредѣлена на основаніи числа нижнихъ чиновъ, которые могутъ помѣститься на каждомъ пароходѣ, умноженнаго на единичную стоимость провоза одного нижняго чина между каждымъ изъ портовъ. Затѣмъ, военное начальство можетъ перевозить на пароходахъ людей, лошадей, повозки или тяжести, смотря по обстоятельствамъ, безъ всякаго измѣненія въ по-рейсовой платѣ.

«3) За перевозку офицеровъ и за ихъ продовольствіе въ пути, общество получаетъ плату по дѣйствительному числу перевезенныхъ на пароходѣ офицеровъ. Офицеры продовольствуются отъ общества на основаніи общихъ пасажирскихъ правилъ по первому класу, и притомъ только съ часа отхода парохода до прихода въ портъ назначенія. Въ остальное же время пребыванія на пароходѣ, они довольствуются, буде пожелаютъ, на свой счетъ и сами разсчитываются съ ресторатором парохода.

«4) Для помѣщенія нижнихъ чиновъ устраиваются въ трюмахъ нары, а для довольствія ихъ горячею пищею устанавливаются паровые котлы, и пароходы снабжаются необходимою посудою. Для лошадей устраиваются деревянныя переборки, какъ это обыкновенно дѣлается для скота.

«5) Всѣ приспособленія на пароходахъ и паровыхъ шкунахъ, для по-

мѣщенія людей, лошадей, а равно и для варки пищи, общество устраиваетъ на свой счетъ и ремонтируетъ ихъ во все время перевозки.

«6) На тѣхъ пароходахъ, на коихъ будутъ перевозиться лошади, фуражъ для нихъ, въ размѣрѣ пятисуточной пропорціи, долженъ быть забираемъ въ русскихъ портахъ и перевозимъ безплатно при обратныхъ рейсахъ пароходовъ. Фуражъ этотъ, предназначенный исключительно для перевозимыхъ лошедей въ турецкихъ портахъ на берегъ не выгружается, въ русскихъ же, по мѣрѣ израсходованія, пополняется до указанной нормы.

«8) Во избѣжаніе затрудненій военнаго вѣдомства по продовольствію людей во время перевозки моремъ, общество принимаетъ таковое продовольствіе на себя и представитъ, по окончаніи операціи, счетъ въ интендантство управленія Одесскаго военнаго округа, по каковому счету будутъ возвращены обществу затраченныя имъ на это деньги, сверхъ платы собственно за перевозку. Во всякомъ случаѣ, общество отказывается и не желаетъ получать отъ этой статьи какой либо для себя пользы. Стоимость продовольствія одного нижняго чина въ сутки не должна превышать двадцати пяти копѣекъ.

«Нижніе чины во время переѣзда продовольствуются по слѣдующей раскладкѣ.

«На каждаго человѣка въ день: мяса 48 золотниковъ; водки одна чарка. На каждыхъ 100 человѣкъ въ день: соли пять фунтовъ. Для щей на обѣдъ: капусты или зелени 35 фунт., луку-пять фунт., муки пшеничной пять фунт., перцу зерноваго 10 золотниковъ, лавроваго листу пять золотниковъ, уксусу $8^{4}/_{12}$ чарокъ. Для кашицы на ужинъ: крупъ греч. (18 зол. въ день одному чел.) 18 фунт. 72 золотника, сала свинаго или масла пять фунтовъ.

«Сухари или хлѣбъ войска должны имѣть свои. Въ случаѣ недостатка свѣжаго мяса, оно можетъ быть замѣнено солониною.

«9) Общество принимаетъ мѣры къ тому, чтобы пароходы были постоянно снабжены достаточнымъ запасомъ прѣсной воды для перевозимыхъ людей и лошадей.

«10) На нагрузку отправляемыхъ войскъ съ ихъ обозами, лошадьми и тяжестями въ портахъ посадки назначается для каждаго парохода двое сутокъ; если же бы для нагрузки или выгрузки войскъ, лошадей обоза и тяжестей потребовалось, по какому либо случаю, больше вышеозначеннаго времени, и замедленіе въ отходѣ пароходовъ произошло не по винѣ общества, то ему уплачивается за каждыя лишнія сутки простоя сталійныя деньги, независимо отъ того, произошелъ ли этотъ простой отъ замедленія при нагрузкѣ и выгрузкѣ или остановки оныхъ вслѣдствіе дурной погоды, или какихъ либо другихъ причинъ, независящихъ отъ общества. Общество въ такихъ случаяхъ имѣетъ право отправить опоздавшій пароходъ въ слѣдующій рейсъ на столько времени позже, на сколько онъ былъ задержанъ.

«Нагрузка пароходовъ углемъ, провизіею, наливка прѣсною водою и прочее должны быть произведены въ портѣ въ теченіе тѣхъ же двухъ сутокъ, которыя назначены для нагрузки или выгрузки. Особаго времени на эти операціи не полагается. Если бы эти операціи задержали отправленіе парохода, сталійныя деньги за это время не уплачиваются.

«*Примѣчаніе*. Для разсчета сталійныхъ денегъ сутки дѣлятся на четверти сутокъ, причемъ время менѣе шести часовъ въ расчетъ не принимается.

«16) Общество принимаетъ на свой счетъ выгрузку въ русскихъ портахъ.

«17) Всѣ расчеты съ обществомъ должны производиться кредитными билетами.

«18) Если въ числѣ пароходовъ, назначенныхъ для перевозки войскъ, будутъ пароходы, перевозившіе прежде больныхъ, то таковые должны быть дезинфекцированы въ русскихъ портахъ, безъ всякой платы отъ военнаго вѣдомства, но подъ наблюденіемъ его агентовъ.

«20) Для бо́льшаго порядка при разсчетахъ по операціи перевозки войскъ устанавливаются нижеслѣдующіе документы: а) для уплаты за перевозку офицеровъ особые офицерскіе пасажирскіе билеты; б) квитанціи за совершенные пароходами рейсы изъ турецкихъ портовъ въ русскіе; в) квитанціи за сталійныя сутки въ портахъ, гдѣ простоялъ пароходъ; г) квитанціи за продовольствіе нижнихъ чиновъ, засвидѣтельствованныя подписью эшелоннаго начальника; д) счеты главной конторы «Общества Пароходства и Торговли» за подписью и печатью директора общества: именно счеты за передѣлку и переустройство приспособленій для перевозки и счеты по продовольствію нижнихъ чиновъ.

Для веденія сношеній съ высаживавшимися въ разныхъ черноморскихъ портахъ войсками и для содѣйствія имъ въ необходимыхъ случаяхъ графъ Шуваловъ приказалъ отправить впередъ въ Одессу одного офицера генеральнаго штаба съ двумя писарями и двумя жандармами. Я получилъ это назначеніе. Тогда же графъ Шуваловъ, все время мучимый въ Санъ-Стефано болѣзнью, получилъ заграничный отпускъ, и для отъѣзда въ Одессу въ его распоряженіе былъ отданъ пароходъ «Эрикликъ». Графъ Шуваловъ и меня взялъ съ собою. 11-го августа мы снялись съ якоря. Въ тотъ же день началась посадка 1-го эшелона въ Санъ-Стефано. Передъ отъѣздомъ еще 8-го августа графъ Шуваловъ обратился къ гвардейскому корпусу съ слѣдующимъ приказомъ:

«Войска гвардейскаго корпуса!

«Наступило время вашего возвращенія на родину.

«Въ тяжкую минуту вы были призваны на театръ войны: непріятель, пользуясь своею многочисленностію, напрягалъ всѣ усилия, чтобы сломить

силы нашихъ собратій. Но это васъ не смущало; пылко и смѣло вы бросились въ бой и при первомъ же столкновеніи раздавили противника. Послѣ того едва прошло четыре мѣсяца и ваши побѣдоносные штыки уже сверкали подъ стѣнами Царьграда. Ваше движеніе отъ Плевны до Константинополя было стремительной, безустанной погоней, то среди моря грязи, то въ снѣгу по колѣно. Ни заоблачныя высоты, ни леденѣвшія рѣки, ни непріятельскія арміи—ничто васъ не остановило. Послѣ этого, когда вы уже готовились вернуться домой, чтобы отдаться заслуженному отдыху, вамъ неожиданно пришлось простоять на чужбинѣ еще шесть тяжелыхъ мѣсяцевъ; здѣсь, подъ палящимъ зноемъ или подъ дождями, среди болотныхъ испареній, вы надломили свое здоровье. Началась горячечная эпидемія; около половины изъ васъ не избѣгли тяжелаго недуга.

«Но вы не падали духомъ: честно, безропотно, претерпѣли всѣ невзгоды и стояли грозной силой грудь съ грудью съ противникомъ. Весь свѣтъ призналъ ваши подвиги; Царскія милости и щедроты были наградою вашему несравненному геройству; Отечество съ гордостью взирало на богатырскіе подвиги своихъ сыновъ; исторія, въ примѣръ потомству, записала на своихъ страницахъ ваши дѣянія.

«Скоро мы вернемся къ нашимъ семейнымъ очагамъ, къ обычнымъ мирнымъ занятіямъ. Мнѣ выпала честь быть участникомъ вашихъ подвиговъ, а въ теченіе послѣднихъ семи мѣсяцевъ я былъ поставленъ во главѣ командованія доблестнымъ гвардейскимъ корпусомъ. Привѣтствуя васъ на обратномъ пути домой, я желаю отъ всего сердца, чтобы пріобрѣтенный нами военный опытъ принесъ наибольшіе плоды.

«Солдаты! многіе изъ васъ, по возвращеніи въ Россію, разойдутся по домамъ. Тамъ вы найдете вашихъ подростающихъ братьевъ и земляковъ, которымъ тоже скоро придется вступить въ ряды войскъ. Вашъ честный и правдивый разсказъ обо всемъ видѣнномъ, испытанномъ и совершенномъ вами, покажетъ будущимъ молодымъ воинамъ, что только тотъ изъ нихъ можетъ стать хорошимъ солдатомъ, кто съумѣетъ безропотно и мужественно перенести всѣ тягости военнаго времени, кто не задумываясь пожертвуетъ собой для выручки товарища, кто бьетъ непріятеля откуда бы и когда бы онъ ни появился.

«Тѣ изъ васъ, которые останутся продолжать службу, должны въ такомъ же духѣ воспитывать новобранцевъ: заставить ихъ полюбить свой полкъ, какъ родную семью, гордиться его подвигами и свято чтить честь своего знамени. Всѣ вы должны твердо помнить, что безпрекословное повиновеніе, въ самыя тяжкія минуты, есть первое качество настоящаго, хорошаго солдата.

«Господа офицеры! Передъ лицомъ всего міра русскій солдатъ засвидѣтельствовалъ свои военныя доблести: выносливость, терпѣніе, мужественную храбрость,—вы были для него примѣромъ и образцомъ, и память о

*

васъ навсегда сохранится въ сердцахъ вашихъ подчиненныхъ, которыхъ вы направляли въ бою, о которыхъ вы пеклись внѣ боя.

«Но кромѣ *природныхъ доблестей войскъ,* въ современныхъ войнахъ имѣетъ, какъ вы могли сами убѣдиться, огромное значеніе *умѣнье* вести бой каждымъ изъ начальниковъ до самыхъ младшихъ. Искусство дѣйствій непосредственно вліяетъ какъ на полноту достигагаемыхъ результатовъ, такъ и на степень необходимаго напряженія силъ, а послѣднее часто измѣряется количествомъ потраченной жизни и здоровья вашихъ подчиненныхъ. Отсюда и исходитъ для васъ священная обязанность всегда готовиться къ войнѣ, пользоваться не только своимъ, но и чужимъ опытомъ, т. е. учиться и учиться. Путь и средства для этого вамъ указаны въ приказахъ нашего горячо любимаго командира, Государя Наслѣдника Цесаревича. Продолжайте дѣло, начатое Его Императорскимъ Высочествомъ, работайте въ мирное время въ томъ же духѣ—и слава увѣнчаетъ ваши труды въ будущихъ войнахъ, такъ же какъ и въ оканчиваемомъ нами походѣ. Не успокоивайтесь на заслуженныхъ вами лаврахъ, внесите въ вашу дѣятельность свѣтъ знанія и осмысленнаго опыта, и тогда намъ не будутъ страшны полчища всего міра.

«Своимъ сослуживцамъ и ближайшимъ помощникамъ позволяю себѣ выразить чувства моего глубокаго и душевнаго къ нимъ уваженія. Только при ихъ сердечномъ отношеніи къ дѣлу могъ я исполнить возложенныя на меня обязанности въ пережитое нами трудное время».

13-го августа мы вступили на русскую почву.... Не стану говорить объ этихъ незабвенныхъ минутахъ: кто не испыталъ подобныхъ ощущеній, тотъ, даже въ слабомъ изображеніи ихъ, нашелъ бы, по жалуй, «громкія фразы».

Вслѣдствіе просьбы, выраженной мною въ предисловіи къ настоящимъ «Воспоминаніямъ», я получилъ нѣсколько замѣтокъ относительно ошибокъ, вкравшихся въ мои записки. Кромѣ того, я лично замѣтилъ нѣкоторыя описки и промахи, не лишенныя значенія. Пользуясь случаемъ, чтобы выразить мою искреннюю признательность лицамъ, приславшимъ мнѣ свои заявленія, считаю долгомъ сдѣлать соотвѣтствующія поправки.

1) Въ III главѣ сказано, что рекогносцировку Горняго-Дубняка и Телиша съ сѣвера производилъ генеральнаго штаба поручикъ *Соколовскій*,—слѣдуетъ читать *Сокольскій*.

2) Въ той же главѣ сказано, что передъ вступленіемъ въ бой подъ Горнимъ-Дубнякомъ), лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка командиръ этого полка, свиты Его Величества генералъ-маіоръ *Эллисъ 2-й*, во-

одушевилъ людей, напомнивъ имъ славу бородинскихъ предковъ. По заявленію бывшаго командира 4-го баталіона полковника *Ковалевскаго* и нѣкоторыхъ офицеровъ, съ упомянутой рѣчью обратился не генералъ Эллисъ къ полку, а полковникъ *Ковалевскій къ 4-му баталіону.*

3) Въ 3-й же главѣ, при описаніи бомбардированія Телиша, 16-го октября, въ числѣ войскъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, ошибочно названы батареи *лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады*,— слѣдуетъ читать, вмѣсто того, *лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады.*

4) Въ VI главѣ, при описаніи атаки турками на Вратешкѣ отряда генерала Дандевиля, вмѣсто *Великолуцкаго* полка упомянутъ *Псковскій* пѣхотный полкъ, который, какъ видно изъ раньше сказаннаго, при перечисленіи состава двухъ колоннъ отряда, находился въ лѣвой колоннѣ. Баталіонъ Великолуцкаго полка, прибывшій въ критическую минуту на помощь, атаковалъ *не лѣвый*, а *правый флангъ* турокъ.

5) VII главѣ, сказано: «по случаю болѣзни генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, начальство надъ его отрядомъ принялъ генералъ *Похитоновъ*, *начальникъ артилеріи 9-го корпуса*». Поэтому поводу редакція «Военнаго Сборника» получила слѣдующую замѣтку: «Командиръ 5-й артилерійской бригады генералъ-маіоръ Похитоновъ исправлялъ должность начальника артилеріи 9-го корпуса только въ концѣ августа 1877 г., до первыхъ чиселъ сентября, за болѣзнью командира 31-й артилерійской бригады (генералъ-маіора Гильхена). Во все же остальное время должность эта была возложена на послѣдняго».

Въ заключеніе считаю необходимымъ прибавить, что заявленія относительно неполноты описанія того или другаго дѣйствія не могли, ни въ какомъ случаѣ, быть приняты въ соображеніе, такъ какъ я писалъ *не исторію похода*, а касался *почти исключительно* лишь тѣхъ событій, которыхъ былъ *личнымъ свидѣтелемъ* или *участникомъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Предисловіе		I
Глава I.	Мобилизація гвардейскаго корпуса. Путевыя впечатлѣнія по Россіи и Румыніи. Первые шаги въ Болгаріи. . .	1
Глава II.	Эпизоды изъ боевой жизни офицера генеральнаго штаба. Рекогносцировки и странствованія. Движеніе гвардіи къ югу отъ Плевны	22
Глава III.	Битвы на софійскомъ шоссе. Окончательное обложеніе Плевны	45
Глава IV.	Проектъ забалканскаго похода Западнаго отряда. Поѣздка въ главную квартиру и къ Государю Императору. . .	86
Глава V.	Отъ Плевны до Балкановъ	100
Глава VI.	На Балканахъ	127
Глава VII.	Переходъ черезъ Балканы. Ташкисенскій бой. Бой у Враждебны. Занятіе Софіи	158
Глава VIII.	Отъ Софіи до С.-Стефано. Миръ	188
Глава IX.	Полгода въ С.-Стефано	236

2014104363

15 N 1 1945